

Пути Поднебесной

Выпуск X
Часть 1

字

**МИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Минский городской научно-педагогический центр «Тайген»
Кафедра теории и практики китайского языка МГЛУ

**ПУТИ
ПОДНЕБЕСНОЙ
中国之路**

**Сборник научных трудов
论文集**

**Выпуск X
第十集**

**В трёх частях
三册**

**Часть 1
第一册**

Минск
МГЛУ
2024

УДК 811.581(082)
ББК 81.711.1+26.890(5Кит)+95.4
П901

Сборник основан в 2006 году

Рекомендовано Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 1/71 от 21.03.2024 г.

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор *А. Н. Гордей* (отв. ред.);
кандидат филологических наук, доцент *Н. В. Михалькова* (зам. отв. ред.);
кандидат филологических наук, доцент *М. С. Филимонова*;
кандидат исторических наук, доцент *В. Р. Боровой*;
кандидат искусствоведения, доцент *Е. Ф. Шунейко*

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент *Н. В. Дардыкова*;
кандидат филологических наук, доцент *К. В. Карасёва*

Пути Поднебесной: сб. науч. тр. вып. X. в 3 ч. Ч. 1 / редкол.: А. Н. Гордей (отв. ред.), П901 Н. В. Михалькова (зам. отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2024. – 292 с.

Сборник научных трудов подготовлен по материалам юбилейной X Международной научной конференции «Китайская цивилизация в диалоге культур», проходившей в Минском государственном лингвистическом университете 1–2 марта 2023 г. Представленные в сборнике научные статьи касаются широкого круга китаеведческих проблем в таких отраслях научного знания, как лингвистика, литературоведение, международные отношения, география, история, философия, юриспруденция, искусствоведение, религиоведение, педагогика.

Адресован научным работникам, преподавателям китайского языка и китайской литературы, аспирантам, магистрантам и студентам, а также всем интересующимся китаеведением.

УДК 811.58(082)
ББК 81.711.1+26.890(5Кит)+95.4

Электронная версия издания доступна
в электронной библиотеке МГЛУ
по ссылке e-lib.mslu.by или по QR-коду

ISBN 978-985-28-0266-6 (Ч. 1)
ISBN 978-985-28-0265-9

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2024
© ОО МГНПЦ «Тайген», 2024

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

**НОВАТОРСКИЕ ПРИЁМЫ, СФОРМИРОВАВШИЕ ЭСТЕТИКУ
МОДЕРНИЗМА В КИТАЙСКОЙ «ЛИТЕРАТУРЕ ШРАМОВ»
И «ЛИТЕРАТУРЕ РЕФОРМ»**

В статье исследованы основные факторы, обусловившие формирование китайской модернистской прозы в 70-х – 80-х годах XX века, проявившиеся в таких новаторских формах художественного языка как «литература шрамов» и «литература реформ».

Ключевые слова: модернизм, китайская литература, новаторские приёмы, «литература шрамов», «литература реформ».

**INNOVATIVE TECHNIQUES THAT FORMED THE AESTHETICS
OF MODERNISM IN CHINESE «SCAR LITERATURE»
AND «LITERATURE OF REFORMS»**

This article examines the main factors that led to the formation of Chinese modernist prose in the 70s - 80s of the XX century, manifested in such innovative forms of artistic language as "scar literature" and "literature of reforms".

Key words: modernism, Chinese literature, innovative techniques, «scar literature», «literature of reforms».

Китайская художественная литература второй половины XX века – одно из самых неожиданных воплощений китайского национального характера, потому что в любом своём проявлении литература этого периода формировалась под влиянием исключительно модернистских течений, предопределивших реакцию китайцев на политические и исторические события. Обусловленность характера китайской национальной литературы историческими событиями XX века создаёт предпосылки для исследования, анализа и переосмысления культурного достояния Китая с точки зрения современности и определяет её актуальность в рамках культурной коммуникации Беларуси и Китая.

Современную китайскую литературу принято именовать «литературой нового периода» (синь шици сяошо) и исчислять её начало с 1979 г. Возрождение литературного процесса начиналось с обличительной «литературы шрамов» 伤痕文学 (шанхэнь вэньсюэ), которая создавалась по горячим следам действительно страшных событий «культурной революции» и, появившись в конце 70-х – начале 80-х годов XX в., стала абсолютно уникальным явлением в литературе Китая. В 80-е годы возникло ещё одно направление модернистского плана – «литература реформ» 改革文學. Модернисты обоих направлений, получив «художественную свободу выражения», создавали непривычную стилистику, экспериментировали со способами построения сюжетных линий, придумывали неожиданные формы и приёмы художественного отражения посредством использования инструментов, непривычных и новых для традиционной китайской литературы.

В 1977 году в ходе кампании «Пекинская весна» была разрешена открытая критика «культурной революции». Писатели, лишённые ранее права голоса и возможности высказаться открыто, получили, наконец, шанс поведать миру о своём страшном опыте. И первой такой «исповедью» стал рассказ «Шрамы» Лу Синьхуа, положивший позднее начало и давший название целому направлению в китайской литературе.

80-е годы XX века в художественной литературе Китая именуются периодом «литературы шрамов» (называемой также «литературой рефлексий», «литературой интроспекции», а в рамках российского литературоведения – «литературой дум о прошедшем») [2, с. 149]. В это же время параллельно развивались и такие направления, как «литература образованной молодёжи», «литература реформ», «литература военной тематики», «литература поиска корней», «экспериментальная» (или «авангардная») литература». Наблюдаются на данном этапе и многие другие модернистские проявления, которые относятся к менее масштабным классификациям. Китайские искусствоведы выделяют такие литературные ответвления, как «проза городских улиц», «столичная проза», «тяньцзиньская проза», «деревенская» («почвенническая») проза», «проза о любви к малой родине». Разнообразие и хаотичность терминологических категорий указывают на обилие больших и малых течений, наблюдавшихся в китайской художественной литературе в последние десятилетия XX века.

Политика реформ и открытости, инициированных в 1978 году в контексте Пленума ЦК КПК 11-го созыва, способствовала формированию нового творческого стиля у литераторов этого периода. Проявлялось это, прежде всего, в том, что авторы создавали новые художественные приёмы, отличавшиеся существенным разнообразием: целенаправленная изменчивость своеобразная хаотичность сюжетных линий, выраженное экспериментаторство в выборе языковых средств, смешение стилей, возникавших, в первую очередь, под влиянием иностранной литературы. В работах специалистов, касающихся литературы данного периода, указывается, что спектр актуальных тематик и направлений включал в себя «антифеодализм», «гуманизм», «столкновение цивилизации с невежеством», «возрождение национального духа». В исследованиях китайских критиков 80-е годы XX века называют «десятилетием просветительской прозы» или периодом «культурного бытия с преобладанием просветительского мышления», наряду с наличием «мощных творческих импульсов, идущих от писателей как субъектов культурного бытия» [8, с. 26].

Однако во всём многообразии новаторских приёмов, форм и стилей можно найти центральную идею, характеризующую в целом литературную жизнь Китая 70–80-х гг. XX века: возрождение китайской литературы «нового периода» связано с идеями «восстановления когда-то отброшенных гуманистических ценностей и возвращения к проектам просвещения 4 мая» [8, с. 26]. Данный посыл имеет общие черты с идеологией коммунистической литературы (маоистской) и с идеями культурно-идеологического движения 10–20-х гг. XX века («Движения 4 мая» за новую культуру»). Для возврата утраченных гуманистических ценностей и восстановления веры в идеалы, провозглашённые «Движе-

нием 4 мая», необходимо было сознательно отвергнуть идеологизированную литературу эпохи Мао Цзэдуна и показать ценность человеческой личности.

Китайский учёный Ван Цзябо 汪嘉波 в одном из своих исследований указывает, что «литература шрамов» по своему характеру является литературой социально-критического направления, ориентированного на рефлексию пережитой трагедии; «она знаменует собой победу разума в самой китайской литературе». Писатели Чжан Сяньлянь, Цун Вэйси, Ван Мэн, Фэн Цзицай, Чэнь Сяньхэ, Гао Сяошэн, Цзянь Цзылун, будучи жертвами «культурной революции», стали создателями «литературы шрамов» и первыми использовали приём художественной рефлексии [9].

Следует отметить, что, сочетая в себе такие новаторские формы, как тематическое разнообразие, критическая направленность и реалистическое отражение социальной жизни, произведения «литературы шрамов» обусловили формирование в китайской литературе данного периода нового героя. Чтобы «нарисовать» его образ, авторы прибегали к новому приёму – психологизму, направленному на то, чтобы показать неоднозначность сложность и многогранность личности. В отличие от идеального героя ранней модернистской литературы, герой 80-х годов уже не является элементом политической машины – это человек, трагически незащищённый перед ударами судьбы [9].

«Литература шрамов» и субъектность её героев и персонажей неоднократно становились предметами компаративных научных изысканий. В частности, исследователь Е. А. Болдырёва, сопоставив произведения Чжан Сяньляня и В. Т. Шаламова, а также литературу российской «оттепели» и китайскую «литературу шрамов», выявили множество знаковых в творчестве писателей образов, общих тематик, схожих методов и приёмов изложения. Оба массива национальных литератур данного периода были сфокусированы на мотивах физического и нравственного истощения человека, выживающего в суровых реалиях окружающего мира. В галерее новаторских приёмов преобладали глубокие метафоры, звукопись, цветовые ассоциации, создающие определённую атмосферу произведения: «холодные» образы мороза, снега, вьюги, ветра, дождя, в которых таились мотивы покаяния и искупления грехов предков. Среди различий художественного мира Чжан Сяньляня и В. Т. Шаламова авторы выделили восприятие труда как удовольствия от общественно полезного дела, осознание необходимости страдания для обретения счастья у Сяньляня и осмысление физического труда заключённых как абсолютного зла, приводящего к нравственному растлению у писателя В. Т. Шаламова [1, с. 56].

Исследователь и переводчик китайских произведений «литературы шрамов» Д. Сапрыка указывает: «открывая книгу китайского автора в поисках экзотики, в надежде обнаружить любопытные детали жизни «Поднебесной империи», мы перелистываем страницы, удивлённые созвучием проблем, совпадением болевых точек в истории наших народов. Там, где мы привыкли искать различия, обнаруживается поразительное сходство» [5]. Мы также склонны согласиться с тезисом о сходстве двух историко-культурных тенденций и практически одинаковым набором художественных приёмов, характерный для модер-

нистской прозы – отечественной литературы ГУЛАГа и китайской литературы «ран и шрамов». О. Родионова, в свою очередь, говорит о том, что сопоставление данных двух литературных явлений возможно по причине общности исторических событий СССР и КНР – тоталитарного режима Сталина и Мао Цзэдуна [3].

Таким образом, советская и постсоветская литература «оттепели» является во многом схожей с китайской «литературой шрамов». Китайская «Пекинская весна» продемонстрировала отчётливую реакцию литературных кругов на события прошлого. Окончанием эпохи «литературы шрамов» становится конец «Пекинской весны» 4 июня 1989 года, когда правительство подавило студенческие демонстрации с применением танкового вооружения [1, с. 56].

Кроме того, множество литературоведов сходятся во мнении о том, что «литература шрамов» не могла исчерпывающим образом выявить причины разыгравшейся исторической трагедии; произведения данного направления касались, в первую очередь, фактологической стороны исторических событий, писатели не до конца осмыслили социальный, нравственный, культурный и этический философский опыт прошлого.

Тем не менее, данная задача была решена в рамках прозаических произведений, объединяемых в Китае названием «литература дум о прошедшем». В то время как «литература шрамов» была призвана сообщить о боли или гнев, обвинить или выразить решительное отрицание «культурной революции», «литература дум о прошедшем» стала примером осмысления результатов движения за идейное раскрепощение. По нашему мнению, «литература дум о прошедшем» расширила смысловые и хронологические рамки интерпретируемых событий. Подобный подход, сочетающий в себе масштабность и историзм, по мнению Ван Цзябо, повлёк за собой «мучительный анализ исторической катастрофы» [9].

Необходимо отметить, что эти направления давали китайским прозаикам возможность вторгаться в «запретные зоны». Национальная историческая тематика получила дальнейшее развитие, авторы начали художественно осмысливать историческое прошлое Китая как почву, на которой выросло великое культурное наследие страны. Кроме того, влияние произведений подобного рода стало так велико, что распространилось и на другие сферы искусства. К примеру, появилась «живопись шрамов», вошедшая впоследствии в магистральное явление «искусства шрамов». Примечательно, что данный термин впервые появился именно в качестве обозначения реалистического направления в китайской литературе, возникшего после окончания «культурной революции» [5, с. 578].

В 1978 году в числе первых писателей-реалистов в китайскую литературу пришла писательница Чжан Цзе. Её первый рассказ «Ребёнок, пришедший из леса» – это живой отклик на актуальные проблемы современности. Однако на общем фоне произведений «литературы шрамов», повествующих об ужасах «культрефа», её рассказ потряс читателя поэтичностью и теплотой. Чжан Цзе первой шагнула на территорию «запретных тем»: личные, семейные и социальные проблемы китайской женщины (повести «Изумруд» и «Ковчег» (1981 г.), рассказ

«Любовь, тебя не забыть» (1979), который в китайском литературоведении принято считать прологом к становлению современной китайской «женской» литературы. Вместе с зарождением «литературы о реформах» в творчество Чжан Цзе приходит производственная тема (рассказы 1979 г. «Есть такой молодой человек» и «Чья жизнь лучше?»). Как показало исследование творчества Чжан Цзе, для её ранних произведений общей является не только тема молодёжи, но и проблемы морали и нравственности, осмысление социального уклада жизни и места человека в обществе.

В ходе знакомства с произведениями Чжан Цзе особое внимание привлекает рассказ «Исповедь», написанный в 1979 году. Писательница прибегает к новаторским приёмам повествования: использование образа героя-одиночки, огромное количество символов, скрытый подтекст, метафоры, недоговорки и намёки. Начинается произведение многозначительным эпиграфом «Посвящается несчастному ребёнку» [10]. Общая канва произведения – размышления героя, попавшего в тиски «культурной революции», о своём сыне, который мог бы стать совершенно другим человеком, если бы не прошлое его отца, о сыне, который умер в 27 лет, так и не воплотив ни одной своей мечты. Возвращаясь к эпиграфу, мы понимаем, что отец рассказывает нам не просто об умершем сыне, а о том, что его ребёнок всегда был глубоко несчастным. «Он смотрел на вещи, оставленные сыном: «Сказки Андерсена», изданные перед «Культурной революцией», старый железный пенал для карандашей, единственная маленькая фотография, будто на паспорт, и «Таблица умножения» с загнутыми краями» [10]. В рассказе мы снова находим подтверждение тем же настроениям обречённости и бессильного гнева, которые уже знакомы нам по творчеству «туманных поэтов». Герой-одиночка остаётся один на один с тем, во что превратила его жизнь «воспитательная политика» «культурной революции». Уже знакомые нам по творчеству Гу Чэна запрещённые сказки Х. К. Андерсена, волнительные и для детей, и для взрослых, сын героя рассказа хранил вместе со скучной «Таблицей умножения». Очевидная метафора говорит о том, что реальная жизнь – это зачитанная до дыр «Таблица», а запретные сказки, как и мечты – недостижимы и неисполнимы. Жизнь «несчастливого ребёнка» была предопределена тем, что его отец посмел рассказать чиновнику сказку «Новое платье короля». Этого было достаточно, чтобы вся семья была причислена к изгоям общества – и даже образованность и просвещённость становились дополнительной причиной для наказания. Сын всю свою короткую жизнь вынужден был нести вину за отца и расплачиваться за неё. Его определили работать в мясную лавку, и он бесконечно прибегал к «Таблице умножения», решая рабочие задачи. Он даже испытывал наслаждение от того, что был хоть кому-то нужен... «Однако стоило ему покинуть ту лавку, он становился другим человеком» [10]. В этой фразе, заканчивающей рассказ, мы снова видим любимый художественный приём писательницы – заставить читателя самому додумывать то, что именно имеет в виду автор.

Итак, фактически именно с «литературы шрамов» принято вести отсчёт начала китайского «искусства нового периода» [5, с. 578]. «Новый период» в литературе характеризовался поисками и экспериментами китайских писателей

в области творческого метода, формы, изобразительных средств, художественной речи. Отказ от политизированных штампов, одномерной композиции и клишированного языка представил возможность возродить лучшие традиции китайской литературы, параллельно с этим приобщившись к наследию глобальной литературной практики. Новаторство произведений во многом определялось использованием своеобразных, нетипичных, присущих творчеству определённого автора (или группы авторов) выразительных средств и приёмов лексической и синтаксической трансформации в языковой структуре произведений [9].

В фокусе проблем глобализации и литературной идентичности модернистская китайская проза 80-х годов XX в. представляется сложным, неоднозначным, многомерным явлением. Чтобы проанализировать модернистские тенденции китайской литературы «нового периода», многие литературоведы вводят понятие субъектности, а формирование новой субъектности, в свою очередь, представляет собой неотъемлемую часть «современности», «модернити» (согласно западной терминологии) или «сяндайсин» (согласно определению китайских литературоведов). С одной стороны, в широком субъектном смысле модернизм представляет собой «другое» искусство, целью которого является создание оригинальных произведений, основанных на внутренней свободе и особом видении мира автором, использовании новых выразительных средств изображения. С другой стороны, модернизм рассматривается также как ступень, ведущую к пересмотру и интерпретации классических литературных традиций.

Модернизм как стиль и художественное направление реализовал себя в литературе, «проявив достаточную гибкость и многоликость, принимая при этом различные воплощения, что впоследствии позволило теоретикам упрекать модернизм в отсутствии стилевого единства и даже в самом праве именоваться стилем». У модернистов диапазон средств выражения необычайно широк и разнообразен. Например, в литературе это проявилось наличием большого количества элементов, несущих в себе значение символа и дополняющихся каким-либо ярким и непривычным штрихом – фантасмагорией, визуализацией или вычурностью.

Модернисты искали, пробовали и обретали собственный стиль. Но когда их идеи бурно овладевали социальной сферой, творчество модернистов приобретало качества глашатая законов красоты и истины. Представители модернизма в литературе Китая стремились к «торжеству конечных истин» и пытались утвердить «монополию разума» в искусстве. Авторы искали формулу вечной гармонии нового мира. Писатели (Юй Хуа, Гэ Фэй и др.) демонстрировали в своих произведениях установки на децентрализацию дискурса и переосмысливание элементов традиционной культуры. Традиционные формы искусства становились материалом при построении новаторского культурного текста: в форме цитации, парафраза или актуализации архаики. Таким образом, как и западные прозаики-модернисты, китайские авторы сосредоточились на гротескном обыгрывании традиционных литературных форм. К примеру, рассказ «Кровавые цветы сливы» (1989), автором которого является Юй Хуа, «пародирует» тради-

ции прозы в жанре *уся*, описывающего похождения мастеров боевых искусств в условном мире, где правит кодекс чести. Посредством искажения узнаваемых сюжетов, жанров и методов модернисты периода «литературы реформ» достигали шокирующего эффекта узнавания наряду с категорическим неприятием их произведений. Традиционная этика в китайском модернизме подвергается высмеиванию и, согласно определению, данному Н. К. Хузиятовой, травестированию [8, с. 26].

Примечательно, что, если ранняя модернистская китайская проза могла отличаться романтизмом, эмоциональностью, чувственностью, могла содержать в себе патриотические призывы и лозунги, быть проникнутой идеологией или критиковать её, то творчество китайских модернистов 80-х годов XX века впервые за долгий литературный период содержит попытку постичь и выразить суть земных страстей: сексуальное желание, патологические аффекты, плен собственной телесности. Можно предположить, что использование художественного приёма открытого изображения сексуального желания, насилия и жестокости представляло собой намеренный протест против эстетических принципов реализма и символизма.

«Литература реформ» существенно отличалась от прочих произведений модернизма тематикой и злободневностью проблем, так как акцент в ней делался на практическое воздействие произведений на читателя. По мнению литературоведа Чжу Вэньхуа (朱文华), подобная литература служила для руководителей страны «идеологическим материалом» [11], на основе которого вырабатывались партийные установки. Данное направление характеризуется рядом однотипных произведений, посвящённых достигнутому успехам и положительному опыту реформ в городской и сельской местности. В произведениях У. Миньминя «Городские размышления», Мэн Сяюня «Иная жизнь» мы видим, что писатели предлагают читателю поразмышлять об изменениях в системе управления, о переходе деревень к товарному производству, прибегают к открытой агитации за реформы и отражают субъективную реакцию героев на процесс преобразований.

В большом количестве появлялись произведения, в которых авторы использовали новый приём – чрезмерная растянутость сюжета на долгий промежуток времени. Делалось это с целью проследить, как социально-психологическая атмосфера, сложившаяся в Китае в период недавних исторических катаклизмов, отразилась на характере, психологии и социальных отношениях человека. Н. В. Турушева в качестве примера подобных произведений приводит роман писателя Ван Мэна «Подвижные фигурки». Описываемые автором события происходят в годы японской оккупации. Замысел автора заключался в том, чтобы выявить истоки и причины исторических событий, изменившие мировоззрение и поведение человека. Новый творческий приём, который использует Ван Мэн стал синтез политической и исторической тематики с элементами фольклора [7, с. 127]. О. Н. Рябченко, в свою очередь, отмечает, что «литература реформ» была призвана отразить изменения в современной жизни страны. Поднимались вопросы об её общественном предназначении и содержании. Некоторые

литераторы настаивали на том, что «литература о реформах» должна стать «литературой о реформаторах» и о жизни в эпоху реформ, тогда как другие авторы доказывали, что следует описывать будущую жизнь, отражающую дух проводимых реформ [4, с. 67–70].

Важным аспектом модернистской «литературы реформ» являлось то, что она подвергала сомнению способность художественного текста восстанавливать историческую правду. В китайском модерне происходил сдвиг в сторону «деисторизма»: авторы демонстрировали увлечение депрессивными образами болезни, смерти и разрушения. Дегенерация и регресс отображены в целом ряде историй о прошлых событиях: примером этому служат работы Гэ Фэя «Потерявшаяся лодка» (1987), Су Туна «Бегство в 1934 году» (1987) и др. В этих знаковых для китайского модернизма произведениях история страны представлена читателю, как процесс разложения и угасания.

Однако, по нашему мнению, «литература реформ» имела ряд недостатков и являлась своеобразным балластом для развития модернистской китайской литературы. Это подтверждается, во-первых, тем, что литература этого направления постепенно приобретала выраженную политизированность (как и в произведениях периода «культурной революции»), а во-вторых, в большом количестве повестей и рассказов авторы ограничивались обычным описанием деталей реальной жизни и не желали прибегать к модернистским приёмам (художественному вымыслу, метафоричности, стилистическим изыскам), которые могли бы послужить своеобразным «украшением» для скучных статистических текстов.

Итак, одним из основных направлений в литературе второй половины XX века был модернизм, привнёсший в китайскую палитру эстетических ценностей черты западной культуры, но испытавший значительные трансформации под воздействием китайской национальной традиции. Китайская литературная традиция не только не противостояла изменениям, возникающим с приходом модернизма во все культурные сферы китайского общества, а напротив, играла в этих изменениях важную роль. Литературу «нового периода», занявшую самостоятельное место в литературно-историческом процессе, можно считать одним из главных обретений 80-х годов XX века. За относительно короткий период времени она смогла пройти путь от однообразия художественных приёмов к их многополярности, от политизированной версии реализма к сосуществованию разнообразных художественных направлений и стилей, что, в свою очередь, существенно упрочило позиции национальной литературы как части глобального литературного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырёва, Е. М. Литература «ран и шрамов»: Чжан Сяньлян – «китайский Шаламов» / Е. М. Болдырёва, Е. В. Асафьева. – Верхневолжский филологический вестник, 2019. – № 4. – 56 с.
2. Надеев, И. М. «Культурная революция» и судьба китайской литературы / И. М. Надеев. – М.: Наука, 1969. – 149 с.
3. Родионова, О. П. Творчество современного китайского писателя Чжана Сяньляна / О. П. Родионова // Библиотека диссертаций, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим до-

- ступа: <http://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-sovremennogo-kitaiskogo-pisatelya-chzhansyanlyana>. – Дата доступа: 20.01.2023.
4. Рябченко, О. Н. Литература Северо-Востока КНР в период реформ / О. Н. Рябченко // Ойкумена. Регионоведческие исследования, 2009. – № 1. – С. 67–70.
 5. Сапрыка, Д. «Женщина – половинка мужчины», Чжан Сяньлян. От переводчика / Дмитрий Сапрыка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/724785-zhenschina-polovinka-muzhchiny/toread>. – Дата доступа: 11.01.2023.
 6. Титаренко, М. Л. Духовная культура Китая / Литература. Язык и письменность / М. Л. Титаренко. – М., 2009. – Т. 3. – С. 578–579.
 7. Турушева, Н. В. Современная китайская литература как отражение социальных процессов в КНР / Н. В. Турушева. – Вестник Томского государственного университета, 2014. – № 383. – 127 с.
 8. Хузиятова, Н. К. Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х гг. как поиск идентичности в контексте глобализации / Н. К. Хузиятова. Автореф. дис. канд. филол. наук. – СПб., 2008. – 26 с.
 9. Ван Цзябо. Развитие китайской прозы в 80-е годы XX века [Электронный ресурс] / Ван Цзябо: Дисс. ...канд. филол. наук 10.01.06. – М.: 1992 // Диссертации по гуманитарным наукам. – «Киберленинка» – 2020. – Режим доступа: <http://chelovek-nauka.com/razvitie-kitayskoj-prozy-v-80-e-gody-xx-veka>. – Дата доступа: 10.02.2023.
 10. 张洁的《忏悔录》 = Чжан Цзе «Исповедь» [Электронный ресурс] / «Свободный разговор о литературе». – Выпуск 2. – 2007. – Режим доступа: <http://www.cqvip.com/qk/81373x/200702/24103366.html>. – Дата доступа: 25.01.2023.
 11. «文化视野下的地域文学创作与研究, 朱文华» = Чжу Веньхуа «Создание и исследование региональной литературы с точки зрения культуры» [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://gb.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?file-name=CQGB201004016&dbcode=CJFD&dbname=CJFD2010>. – Дата доступа: 10.02.2023.

ЗНАЧЕНИЯ И СПОСОБЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОДАЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ 啊(A) В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье описаны основные сферы функционирования частицы 啊(a) в современном китайском языке и в полной мере раскрыты передаваемые ею значения. Теоретические данные подкреплены отобранными методом сплошной и направленной выборки в словарях и произведениях художественной литературы примерами. В статье также отражены результаты проведенного среди носителей языка анкетирования, направленного на подтверждение реального использования в речи носителей языка вариантов частицы 啊(a) – 呀(ya), 哇(wa) и 哪(na).

Ключевые слова: модальная частица, 啊(a), 呀(ya), 哇(wa), 哪(na), интонация.

MEANINGS AND FUNCTIONING OF MODAL PARTICLE 啊(A) IN MODERN CHINESE

The article describes the main spheres of functioning of the particle 啊(a) in modern Chinese and fully reveals the meanings it conveys. Theoretical data are supported by examples selected by the method of continuous and directed sampling in dictionaries and works of fiction. The article also reflects the results of the survey conducted among native speakers, aimed at confirming the real use in the speech of native speakers of the particle variants 啊(a), 呀(ya), 哇(wa) and 哪(na).

Key words: modal particle, 啊(a), 呀(ya), 哇(wa), 哪(na), intonation.

Одной из особенностей китайского языка является обилие модальных частиц, их количество в разных классификациях отличается, но примерно достигает 35. Модальные частицы используются для выражения определённых дополнительных оттенков высказывания и для обозначения коммуникативных характеристик предложения. Среди наиболее часто употребляемых модальных частиц (啊(a), 吗(ma), 呢(ne), 吧(ba), 了(le), 的(de), 嘛(ma), 呗(bei)) только частица 啊(a) может употребляться во всех типах предложения: повествовательном, восклицательном, побудительном и во всех видах вопросительных предложений (с общим вопросом (в том числе вопросом, образованным путём повтора сказуемого через отрицание), со специальным вопросом, альтернативным и риторическим) [1, с. 250]. В зависимости от типа предложения изменяется значение передаваемые данной частицей и интонация предложения. Она может выражать сомнение, восхищение, изумление, удивление, подтверждать сказанное собеседником, смягчать интонацию предложения и вносить определённые дополнительные оттенки в высказывание. В предложении частица 啊(a) занимает две позиции: в конце предложения (позиция, свойственная всем модальным частицам) и в середине предложения. Занимаемая позиция в предложении оказывает влияние на значения частицы. Целью настоящего исследования является описание основных значений и способов употребления данной частицы и ее вариантов в современном китайском языке. Предметом исследования являются модальные частицы современного китайского языка, в качестве объекта была взята непосредственно модальная частица 啊(a). Источниками послужили словари

служебных слов современного китайского языка [6, 8, 9] и художественные произведения современных китайских писателей, роман Юй Хуа «Братья» [11] и опубликованные в сборнике под редакцией Линь Цзяньфа и Ван Жуна «Самые лучшие китайские рассказы 2005 г.» [3], в которых методом сплошной и направленной выборки были отобраны примеры функционирования частицы 啊 (a). Количество проанализированных примеров составило около 1000 реализаций. С помощью описательного метода и метода семантического и контекстного анализа были определены основные значения, передаваемые данной частицей и способы её употребления. В настоящем исследовании также было проведено анкетирование среди носителей современного китайского языка для выявления частотности использования вариантов частицы 啊(a) – 呀(ya), 哇(wa) и 哪(na).

Перейдём к непосредственному описанию каждого случая функционирования частицы 啊(a), начиная с актуальной для всех модальных частиц позиции в конце предложения.

В восклицательных предложениях с частицей 啊(a) ощущается эмоциональная наполненность, выражается восхищение, изумление, одобрение, восхваление [10, с. 268]. Например:

我是你的亲妹妹啊! ‘Я твоя родная младшая сестра!’ [3, с. 476].

你真是了不起, 写了十三页啊! ‘Ты действительно непревзойдённый, написал 13 страниц!’ [11, с. 396].

В современном китайском языке уже сложились некоторые устойчивые конструкции с частицей 啊(a), где она сочетается со следующими словами: 多, 多么, 好, 真 и др. [7, с. 382].

你那时候多年轻啊! ‘Какой был ты молодой тогда!’ [8, с. 2].

不过他说得多么在理啊! ‘Однако он сказал так обоснованно!’ [3, с. 310].

好大的风啊!好大的风啊! ‘Какой сильный ветер! Какой сильный ветер!’ [11, с. 528].

心里真高兴啊! ‘На сердце правда радостно!’ [6, с. 1]

Употребляясь в побудительных предложениях, частица 啊(a) смягчает приказной тон, в предложении меняется интонация с приказа на наставление и убеждение [5, с. 413]. Например:

你们等等我啊! ‘Подождите меня!’ [8, с. 2]

你一定要好好学习啊! ‘Тебе непременно нужно хорошо учиться!’ [6, с. 1].

Иногда в побудительных предложениях частица 啊(a) может передавать оттенок недоумения, спрашивающему непонятно, почему собеседник ещё не делает это действие, или же обозначать, что собеседник очень торопится, у него заканчивается терпение, и он больше не может ждать [4, с. 347]. Например:

你快抽他呀! ‘Ты скорее его вытаскивай!’ [11, с. 10].

快来救命呀! ‘Скорее приходи на помощь!’ [3, с. 217].

В обоих примерах использован вариант написания частицы 啊(a) – 呀(ya).

В повествовательных предложениях 啊(a) обозначает пояснение, разъяснение или предупреждение [10, с. 267]. Например:

这可是营养啊。 ‘Это, в самом деле, питательно’ [11, с. 365].

这东西吃多了要闹肚子啊。‘Если этого съешь больше положенного, обязательно будет болеть живот’ [8, с. 1].

人与人就是不同啊。‘Все люди ведь разные’.[3, с. 84].

В предложениях с общим вопросом (обоих типов) частица 啊(a) используется для выражения удивление спрашивающего, подчёркивается, что он не ожидал, что ответ будет таковым, поэтому спрашивает, чтобы услышать подтверждение сказанного [5, с. 412]. Предложения могут быть как отрицательные, так и утвердительные. Например:

我是你的兄弟啊? ‘Я твой младший брат?’ [11, с. 504].

到底有没有那张钱啊? ‘У тебя, в конце концов, есть эта та сумма денег?’ [3, с. 298]

В предложениях со специальным, альтернативным и риторическим вопросом частица 啊(a) в основном употребляется для смягчения интонации, удлиняет предложение, не передавая дополнительных оттенков высказывания [7, с. 372, 373, 375, 376]. Например:

心想可以买到多少房子啊? ‘Думает сколько же домов можно купить?’ [11, с. 57].

你是今天去还是明天去啊? ‘Ты завтра пойдёшь или сегодня?’ [8, с. 2].

早说啊? 早说我就不回来了。‘Давно говорил? Если бы давно говорил, я бы не вернулся сюда’. [3, с. 165].

Иные значения частица 啊(a) выражает, занимая позицию внутри предложения:

– употребляясь, после имён собственных или одушевлённых существительных, она замедляет интонацию предложения, оно произносится более медленно и спокойно, выражается дружеское отношение [5, с. 414].

小李啊, 你休息一下。‘Сяо Ли, ты отдохни немного’ [3, с. 238].

孩子啊, 妈说的话可要记住。‘А относительно детей, они должны, однако, запоминать слова мамы’ [6, с. 2].

– используется для привлечения внимания собеседника [1, с. 253]:

读书学习的好处哇, 那可多了! ‘Польза учебы и чтения, однако велика!’ [6, с. 2] (в данном предложении использован вариант частицы 啊(a) – 哇(wa)).

– выражает сомнение и нерешительность [5, с. 414]:

我寻思啊, 这个亲恐怕做不成了。‘Я размышляю, это, боюсь, самому невозможно сделать’. [8, с. 3].

你以为啊, 你以为尽是你们城里人挣钱了? ‘Ты думаешь, ты думаешь в вашем городе многие люди заработали деньги?’ [3, с. 476].

– после одинаковых глаголов обозначает длительную продолжительность действия и многократность [2, с. 113]. Например:

数啊, 数啊, 终于数睡着了。‘Считал, считал и уснул’. [8, с. 3]

– используется в конструкции перечисления, причём перечисляемые предметы должны относиться к одной семантической группе [2, с. 112]. Например:

家乡的山啊, 水啊, 树啊, 所有的一切令我留连忘返。‘На родине абсолютно все – горы, реки, деревья, увлекают меня до самозабвения!’ [6, с. 2].

吃啊, 喝啊, 聊个没完。‘Ели, пили, болтали без конца’. [3, с. 285].

– после выражения условия в первой части предложения [2, с. 113]. Например:

不给我修啊，年三十晚上拿什么看啊？‘Если мне не дадите починить, в канун Нового года, на чём будете смотреть?’ [8, с. 3].

Особенностью частицы 啊(a), отличающей её от других частиц, является возможность преобразования в чтении и написании, обусловленного финалью предшествующего слова.

В словаре Синьхуа мы находим самый большой конкретизированный список финалей для замены данной частицы на 呀(ya), 哇(wa) и 哪(na) [9]:

Когда слово перед частицей заканчивается на:

1) a, o, e, i, ü, уи, аи, еи, иа, ie, ua, uo, uai, ui, ue, zi, ci, si 啊(a) заменяется на 呀(ya). Например:

是我的 (de) 呀‘Это мое’.

天太黑 (hei) 呀‘Так темно на улице’.

才第一次 (ci) 呀‘Только первый раз’.

2) u, ao, ou, iao, iu 啊(a) заменяется на 哇(wa). Например:

还不够 (gou) 哇‘Еще не хватает’.

小狗跳 (tiao) 哇‘Собачка прыгает’.

葡萄酒 (jiu) 哇‘Вино’.

3) an, en, ian, in, uan, un 啊(a) заменяется на 哪(na). Например:

你好浑 (hun) 哪‘Какой ты глупый’.

报平安 (an) 哪‘Сообщи о том, что все хорошо’.

火烧云 (yun) 哪‘Багровые облака’.

Во всех остальных случаях используется частица 啊(a) без изменений.

Большинство китайских исследователей сокращают данные правила следующими: после a, e, i, o, ü употребляется 呀(ya), после u и ao 哇(wa) (некоторые указывают ещё финаль uo [6, с. 2; 8, с. 4]), после n 哪(na) [5, с. 415]. Лу Фубо сужает замену на 呀(ya) финалями a, i, ü [4, с. 348]. Ян Юйлин указывает, что трансформация на 呀(ya) происходит только, когда слог заканчивается на i при замене на 哇(wa) он солидарен относительно финалей u, ao, а про замену на 哪(na) не упоминает [12, с. 215].

Стоит отметить, что иногда при написании не производят замены частицы, это происходит произвольно при произношении.

Для подтверждения или опровержения вышеизложенных правил замены частицы 啊(a) нами было проведено анкетирование среди носителей китайского языка. Количество опрошенных составило 165 человек, из которых большинство (139 человек) были в возрасте от 18 до 35 лет, 23 человека от 36 до 50 лет и 3 человека от 50 лет и старше, география исследования достаточно обширная (18 провинций (включая города центрального подчинения (Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Чунцин) и автономные районы (Синьцзян-Уйгурский), среди респондентов преобладали жители северо-восточного Китая, в основном провинции Хэйлунцзян.

В ходе анкетирования респондентам было предложено выбрать в предложениях из четырёх частиц одну. Предложенные фразы различались финалями

последних слов, которые стояли непосредственно перед частицей. В общем нужно было выбрать частицу в 20 предложениях, из которых предполагалось, что будет происходить замена в 15 предложениях (по 5 предложений на каждую частицу), чтобы подтвердить вышеуказанные теоретические правила замены.

Результаты анкетирования показали, что во всех 20 вопросах респонденты в основном выбирали частицу 啊(a). Доля частицы 啊(a) во всех предложениях, кроме двух, составляла 50-60%. В указанных двух предложениях она разделила преимущества с частицей 呀(ya) ((финаль -ua: 啊(a) 47.27% и 呀(ya) 46.06%), а в одном случае даже уступила ей ((финаль -ai: 啊(a) 33.94% и 呀(ya) 65.45%). Только данные два случая (финали ai и ua) подтвердили реальную замену частицы 啊(a) на частицу 呀(ya). В других случаях, где ожидалась замена на неё, её доля приближалась к 30% или немного превышала данную метку.

В отношении частиц 哇(wa) и 哪(na) таких подтверждающих результатов отмечено не было, в предложениях, где предполагалась замена частицы 啊(a) на них, их доля едва приближалась к 10% или же превышала данную метку, поднявшись максимум до 15.15%.

Стоит отметить широкое распространение частицы 呀(ya) в языке в общем, практически во всех предложениях доля её использования составляла около 20-30%, в вопросах, где по правилам должна была происходить на нее замена, это значение было превышено. Некоторые респонденты, отмечали, что иногда выбор частицы зависит от их настроения, и когда настроение хорошее, им хочется во всех предложениях употребить частицу 呀(ya). Возможно, с этим также связано ее достаточно широкое распространение.

Этого нельзя сказать про частицы 哇(wa) и 哪(na), в результате анкетирования не было выявлено подтверждения реальной замены на них ввиду недостаточной их доли при ответе, в других предложениях, где замена не ожидалась их доля едва достигала 5%, а в двух случаях даже равнялась 0 (частица 哪(na)).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что несмотря на то, что китайские лингвисты определяют определённые правила преобразования частицы 啊(a) в 呀(ya), 哇(wa) и 哪(na), и выделяют последние в качестве её вариантов, она все же в большинстве случаев употребляется в своём неизменном виде. Среди её вариантов только частица 呀(ya) получает реально широкое использование и в некоторых случаях употребляется в соответствии с теоретическими правилами чаще исходной 啊(a).

Данные настоящего исследования не претендуют на стопроцентную достоверность, так как все же язык непосредственно связан с ментальной деятельностью, настроением и эмоциями человека. Так, некоторые респонденты при ответе на вопросы и выборе частицы начинали задумываться и пытаться найти какой-то правильный ответ, что могло оказать влияние на выбор ответа, который мы от них ждали, но в результате их сомнений не получили. Другие же ссылались на прекрасное расположение духа и выбирали то, что, по их мнению, веселее и ладнее звучит. Стоит отметить, что не было выявлено диалектных расхождений, ввиду проведения анкеты на путунхуа и среди людей, говорящих на нем непосредственно. Также не было выявлено преобладающее использование ка-

кой-либо частицы в отдельном регионе, иногда одну и ту же частицу выбирали жители провинции Хэйлунцзян (Северо-восток Китая) и провинции Гуандун (юг Китая). Возрастных различий также отмечено не было, так как большая часть опрошенных принадлежала к одной возрастной группе.

По нашему мнению, несмотря на то что данные анкетирования свидетельствуют о преимущественном употреблении частицы 啊(a) в своём неизменном виде, указанные китайскими учёными правила являются в достаточной мере пригодными и соответствуют китайской речи, а сами преобразования выполняются произвольно в речи при произношении. Носители языка, возможно, не делают на этом акцент и не задумываются в быстром потоке речи об употреблении той или иной частицы.

Таким образом, в рамках настоящего исследования нам удалось описать основные способы функционирования и значения частицы 啊(a) в современном китайском языке и определить, что частица 啊(a) употребляется в конце восклицательных, повествовательных, побудительных и вопросительных предложений для выражения различных значений: восхищения, разъяснения, смягчения приказа, сомнения, смягчения интонации и др., а также в середине предложения для привлечения внимания, перечисления, условия, многократности действия или обозначения его длительного продолжения и др. В результате проведённого анкетирования на выявление частотности употребления вариантов частицы 啊(a) – 呀(ya), 哇(wa) и 哪(na), мы пришли к выводу, что в большинстве случаев замена не происходит, но все же отмечено активное использование варианта частицы 呀(ya), которое также может быть связано с различными субъективными моментами.

ЛИТЕРАТУРА

1. 白晓红. 汉语虚词 15 讲. – 北京 : 北京语言大学出版社, 2007. – 315 页。 = Бай Сяохун. Пятнадцать лекций, по служебным словам, китайского языка. – Пекин : Изд-во Пекинского лингвистического ун-та, 2007. – 315 с.
2. 李兴亚. 语气词‘啊’, ‘呢’, ‘吧’在句中的位置 // 河南大学学报. –1986. –2 期. – 112–113 页。 = Ли Синъя. Модальные частицы 啊, 呢, 吧 в середине предложения // Вестник Хэнаньского университета. – 1986. – №2. – С. 112–113.
3. 林建法, 王荣. 2005 中国最佳短篇小说. – 沈阳 : 辽宁人民出版社, 2006. – 514 页。 = Линь Цзяньфа, Ван Жун. Самые лучшие китайские рассказы 2005 года. – Шэньян : Изд-во Ляонин жэньминь, 2006. – 514 с.
4. 卢福波. 对外汉语教学使用语法. – 北京 : 北京语言大学出版社, 2011. – 451 页。 = Лу Фубо. Практическая грамматика в преподавании китайского языка как иностранного. – Пекин : Изд-во Пекинского лингвистического ун-та, 2011. – 451 с.
5. 刘月华, 潘文娱. 使用现代汉语语法. – 北京 : 商务印书馆, 2002. – 1003 页。 = Лю Юэхуа, Пань Вэньюй. Использование грамматики современного китайского языка. – Пекин : Коммерческое изд-во, 2012. – 1003 с.
6. 现代汉语虚词词典. –北京 : 中国国际广播出版社, 1995. – 346 页。 = Словарь служебных слов современного китайского языка. – Пекин : Изд-во китайского международного вещания, 1995. – 346 с.
7. 房玉清. 实用汉语语法. – 北京 : 北京大学出版社, 2001. – 437 页。 = Фан Юйцин. Практическая грамматика китайского языка. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та, 2001. – 437 с.
8. 候学超. 现代汉语虚词词典. – 北京 : 北京大学出版社, 1998. – 800 页。 = Хоу Сюэчао. Словарь служебных слов современного китайского языка. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та, 1998. – 800 с.

9. 在线新华词典 = Онлайн словарь Синьхуа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xh.5156edu.com/page/z4851m9112j18603.html>. – Дата доступа: 01.09.2019.
10. 张斌, 张谊生. 现代汉语虚词. – 上海: 华东师范大学出版社, 2000. – 315 页。 = Чжан Бинь, Чжан Ишэн. Служебные слова современного китайского языка. – Шанхай: Изд-во Восточно-китайского педагогического ун-та, 2000. – 315 с.
11. 余. 兄弟. – 上海: 文艺出版社, 2005. – 735 页。 = Юй Хуа. Братья. – Шанхай: Изд-во литературы и искусства, 2005. – 735 с.
12. 杨玉玲, 应晨锦. 现代汉语语法答问. – 北京: 北京大学出版社, 2011. 上 – 266 页。 = Ян Юйлин, Ин Чэньцзинь. Ответы на вопросы по грамматике современного китайского языка. – Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2011. – Ч. 1. – 266 с.

УДК: 811.581

Н. Н. ВОРОПАЕВ N. N. VOROPAEV

КОГДА ЖЕ У НАС ПОЯВЯТСЯ КИТАЙСКИЕ «КАТЮША» И «ПОДМОСКОВНЫЕ ВЕЧЕРА»?

Статья о том, как обеспечить баланс во взаимном знании песенного творчества народов России и Китая. В Китае переведены на китайский язык и известны около 100 советских и российских песен, издаются диски с этими песнями. В России мы не знаем ни одной китайской песни.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Россия, Китай, песня, советские песни, российские песни, русские народные песни, китайские песни, китайские народные песни, прецедентные феномены.

WHEN WILL WE HAVE CHINESE? “KATYUSHA” AND “NIGHT IN THE SUBURB OF MOSCOW”?

An article about how to ensure a balance in the mutual knowledge of the song creativity of the peoples of Russia and China. In China, about 100 Soviet and Russian songs have been translated into Chinese and known, CDs with these songs are being published. In Russia, we do not know a single Chinese song.

Key words: Russia, China, song, Soviet songs, Russian songs, Russian folk songs, Chinese songs, Chinese folk songs, precedent phenomena.

В данной статье предлагается обсудить проблему дисбаланса, который существует в сфере взаимного знания песенного творчества в России и Китае.

Наименования песен «Катюша» и «Подмосковные вечера» в названии данной статьи использованы как имена нарицательные или даже как прецедентные имена-идеонимы со значением «популярная песня одной страны, которая стала популярной в другой стране». Популярную, широко известную песню можно рассматривать как прецедентный текст. Она обладает большой эстетической, воспитательной ценностью, объединяет нацию, подходит в качестве моста для знакомства иностранцев с культурой страны [1, с. 40].

В отличие от литературного текста песня невелика по объёму, а её воздействие на человека усиливается музыкой. Слова песни (стихи) могут быть отдельным произведением, которое можно просто декламировать или пропеть без музыкального сопровождения частично (как прецедентное высказывание, цитату) или полностью. С другой стороны, и музыка (мелодия) песни может исполь-

зоваться без слов частично (как музыкальное прецедентное высказывание, цитата) или полностью в разных ситуациях и с разными целями. Наименование такой песни часто становится прецедентным именем-идеонимом или прецедентным высказыванием-идиомой. Устойчивые выражения из прецедентных песен становятся прецедентными высказываниями [2, с. 105].

Часто за такой песней стоит интересная история её создания (ведь должны совпасть два компонента: музыка и слова, у которых часто разные авторы) или просто истории, связанные с данной песней – прецедентные ситуации. Имена авторов таких песен часто становятся прецедентными именами, а сами авторы становятся культурными героями страны. Мелодии (музыка) и слова таких песен становятся знаковыми, всем известными, и живут десятилетия, а некоторые наверняка будут жить и столетия. Ведь песня – душа народа, а музыка – носитель многих энергий. Таким образом, мы видим, что все прецедентные феномены и соответствующие термины (текст, имя, высказывание и ситуация) актуальны и для исследования песен.

Песня является уникальным сочетанием национального языка и музыки, это мощный и надёжный носитель культуры страны. Разные народы разделены языковым барьером, но музыка и песни помогают этот барьер преодолевать. Песни содействуют сближению народов. Особо понравившиеся песни часто переводят на другие языки. В этом смысле взаимодействие России и Китая является достойным научного исследования.

Знаковой для наших стран является песня «Москва – Пекин» (известна по первой строчке «Русский с китайцем – братья навек...», которая стала крылатой, также известна как «Сталин и Мао слушают нас») – советская песня, написанная в 1949 году композитором Вано Мурадели на стихи Михаила Вершинина. Песня была написана на пике советско-китайской дружбы и призвана была служить её символом. Песня написана в ритме марша. Как отмечал Вячеслав Лукашин, в 1949 году в жизни народов Советского Союза тогда было два главных события: 70-летие И. В. Сталина и визит в Москву Мао Цзэдуна. В связи с этим Михаил Вершинин написал стихотворение, посвящённое дружбе СССР и коммунистического Китая. Вано Мурадели случайно увидел стихи в одном из журналов и решил положить их на музыку, используя конъюнктуру момента. Песня понравилась вождю. Вскоре Мурадели получил Сталинскую премию. А Мао услышал песню во время гастролей «александровцев» в Пекине и пожелал увидеть автора текста [4].

Исторически так сложилось, что в Китае знали больше песен СССР, чем в СССР знали песен Китая. Такая же ситуация остаётся и в настоящее время. Почему же множество советских и российских песен (около 120) так популярны и широко известны в Китае? Возможно, это происходит из-за того, что изначально Новый Китай многому учился у СССР, также активно он впитывал и песенное творчество. Также причина, возможно, в том, что изучавших русский язык китайцев было намного больше, чем изучавших китайский язык граждан СССР. Видимо энтузиазм, стремление Китая учиться были тогда во всём, и это сыграло свою роль.

Возможно, причина в особенностях Страны Советов, в которой всё делалось с наивысшим качеством, включая и песни. Недаром мы вернулись к гимну СССР, его не превзойти. Поэтому, может быть, высочайшее качество музыки привлекает китайских слушателей?

Возможно, и мы бы какие-то песни заимствовали из Китая тогда, перевели бы на русский язык, но произошло охлаждение отношений почти на 30 лет, и тогда мы не успели. А ведь в те годы было качественно переведено много китайской литературной классики, наши китаисты работали очень активно. И наверняка рано или поздно дело дошло бы и до песен.

Как бы то ни было, но в результате в настоящее время в Китае остаются очень популярными не менее 10 наших песен, причём несколько из них русские народные песни, а вообще, как показал мониторинг Интернета (в основном мы изучали видеозаписи на портале Ютуб), известны более 100 песен. У нас в России мы фактически не знаем ни одной китайской песни. Разве что некоторые знают китайскую народную песню «Жасмин» (《茉莉花》)?

Сейчас, полагаем, настало благоприятное время, когда можно продолжить взаимное знакомство с песенным творчеством двух стран и, возможно, даже устранить существующий дисбаланс.

Необходимо отметить, что важным фактором также является и то, что тексты наших песен были переведены или точнее сказать адаптированы профессиональными поэтами и переводчиками с учётом специфики Китая, китайского языка и его стилистики. И эти песни стали для китайцев как свои. Одним из известнейших специалистов по переводу и адаптации советских и российских песен в Китае был Сюэ Фань (薛范) (1934–2022 гг.). Сюэ Фань – известный переводчик и популяризатор русских и советских песен. Свою жизнь он посвятил переводу иностранных песен: из переведённых им песен опубликовано около 2000, и эти песни из более чем ста стран мира. Но большая часть из них – русские и советские песни. Им были переведены песни «Вечер на рейде», «Верные друзья», «Не забывай», «Подмосковные вечера», «Песня о тревожной молодости», «С чего начинается Родина», «А где мне взять такую песню», «День Победы», «Птица счастья». Всех и не перечислишь, ведь их более тысячи.

Помимо этого, он составил и напечатал свыше 20 разных песенников на русском и китайском языках, включающих Сборник русских и советских песен, Сборник русских народных песен, Сборник русских песен для хорового исполнения и другие. Им были выпущены CD-диски русских песен на китайском языке.

Став виднейшим специалистом в этой области, Сюэ Фань написал целый ряд статей, не раз выступал на радио и в телепередачах, рассказывая о русской песне. В Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Ухане, Куньмине и во многих других городах были подготовлены с его участием концерты, особенно успешным был прошедший в конце апреля 2005 г. в Пекине концерт, посвящённый 60-летию Победы над фашизмом. И когда звучала последняя песня концертной программы «Поклонимся великим тем годам», все находившиеся в зале гости из российского посольства встали и долго аплодировали хору. Однако похвалы Сюэ Фань никогда не относил на свой счёт: он был убеждён, что именно И. Дунаевский,

В. Соловьёв-Седой, А. Пахмутова и другие композиторы и поэты России – истинные творцы песен. Он же служит всего лишь как бы «передатчиком», «посредником».

В одной из своих статей господин Сюэ писал: «Сегодня мы поём русские песни не только потому, что их отличает вечная молодость и высокая культура, и не только потому, что они вызывают воспоминания о прожитом, а ещё больше потому, что они несут веру в будущее нового века и постоянно напоминают нам о тех ценных вещах, которыми мы когда-то обладали и которые люди сегодня теряют. Но мы верим, что пока на земле живёт человечество, будут жить вместе с ним и песни, зовущие его к высоким идеалам, к счастливой жизни» [6].

Огромные заслуги Сюэ Фаня в деле культурного обмена и дружбы между Китаем и Россией были признаны правительствами обеих стран. 10 ноября 1997 г. президент России Б. Ельцин во время своего визита в Китай лично наградил Сюэ Фаня орденом Дружбы, а 5 и 6 октября 1999 г. правительства Китая и России удостоили его медалями и почётными грамотами китайско-русской и российско-китайской дружбы.

Итак, благодаря Сюэ Фаню и другим специалистам, в Китае в настоящее время достаточно широко известны по меньшей мере 100–120 советских и российских песен. Например, в сборнике песен 2009 года на 2-х дисках [9] представлены 22 избранные песни. Но в России и в странах бывшего СССР так широко не известна ни одна китайская песня. И уж тем более не издавались подобные диски.

Диски данного сборника изготовлены с применением новых высокотехнологичных материалов, в отличном качестве и в современной аранжировке с прекрасным музыкальным сопровождением. Например, песня «Вот мчится тройка почтовая» предваряется современным ритмичным вступлением с использованием скрипок и барабанов. Из этих 22 песен русских народных песен 5: «Вот мчится тройка почтовая», «Ничто в полюшке не колышется», «Ой, рябина кудрявая», «Пряха» и «Эх, дубинушка, ухнем!»; песен времён Великой Отечественной Войны и военных песен 8: «Катюша», «Дороженька» (вьётся, вьётся дальняя дороженька), «Огонёк» (На позицию девушка провожала бойца), «Вечер на рейде» (Прощай любимый город), «Протрубили трубачи тревогу» («Комсомольская песня») (До свиданья, мама, не горюй), «Далеко – далеко», «Казачья песня», «Наш тост» (Выпьем за Родину); советских патриотических и лирических песен 7: «Подмосковные вечера», «И кто его знает», «Марш Энтузиастов», «Хороши весной в саду цветочки», «Песенка Маринэ» из к/ф «Стрекоза», «Ой, цветёт калина», «Ленинские горы». Две песни с этих дисков нам пока не удалось идентифицировать, на китайском они называются 《白桦树》 и 《在乌克兰辽阔的原野上》.

И даже сейчас процесс проникновения российских песен в Китай продолжается. Уже и современные наши песни переходят в китайское культурное пространство. Например, песня «Конь» группы «Любэ» тоже исполняется в Китае на китайском языке. Творчество певца Витаса также содействовало тому, что некоторые наши современные песни стали знакомы и популярны в Китае.

В настоящее время отрадно заметить, что появляются современные исполнители, которые берут в свой репертуар песни китайских композиторов, например, Полина Гагарина исполнила песню китайского композитора Ли Цзяня (李健) «На берегу озера Байкал» (《贝加尔湖畔》), участвуя в шоу в Китае в 2019 г. Причём часть песни она спела на русском языке в прекрасном переводе. Это очень хорошая тенденция.

Почему же китайских песен мы в России и странах СНГ до сих пор не знаем? Причин и проблем здесь, полагаем, несколько. Первая причина – специфический традиционный лад – пентатоника и трудно запоминающиеся мелодические рисунки большинства китайских песен. В результате у большинства наших граждан смутное представление о китайской музыке и песенном творчестве, стереотипное отношение к китайской музыке как к чему-то очень экзотическому, подобному пекинской опере.

Вторая причина – отсутствие целенаправленной работы по подбору подходящих для европейского уха китайских песен.

Но самая главная третья проблема, полагаем, это отсутствие энтузиастов или профессионалов, которые захотели бы качественно переложить слова китайских песен на русский язык с сохранением ритма и мелодии китайской песни.

Сегодня, повторим, настало благоприятное время, когда можно продолжить взаимное знакомство с песенным творчеством двух стран и даже частично устранить существующий дисбаланс. Молодёжь сможет. Молодые люди быстрее находят новые интересные китайские песни, находят китайских исполнителей. Ведь есть прекрасные китайские песни, мелодии и тексты которых могут быть близки и интересны нам, например: 《当你老了》 («Когда ты постареешь»), 《常回家看看》 («Почаще возвращайтесь домой»), 《贝加尔湖畔》 («На берегу озера Байкал»), 《阳光彩虹小白马》 («Солнечный свет, радуга и белая лошадка»), 《小燕子》 («Ласточка»), 《快乐老家》 («Счастливая малая родина»), 《黄土高坡》 («Склон лёссового плато»), 《龙的传人》 («Потомки дракона»), 《山海》 («Горы и моря»), 《大鱼》 («Большая рыба», песня из мультфильма 《大鱼海棠》 Big Fish & Begonia, по-русски мультфильм называется «По ту сторону океана») [5] и др.

И уже сейчас можно выделить около 30-50 китайских песен, которые вполне привлекательны для российских слушателей по музыке, словам и ритму. А если их перевести на русский язык, то популярность их, конечно же, увеличится многократно. Ведь и в Китае китайцы слушают и поют с удовольствием советские и российские песни именно на родном китайском языке. И даже если какие-то из них широко у нас в народ не пойдут, то для целей протокола и этикета они в репертуаре наших певцов и чиновников лишними не будут. Значит, и государственный заказ здесь лишним не будет.

В 2020–2022 гг. моя дочь Воропаева Эстер Николаевна принимала участие в конкурсе китайской песни в Пекине, и я благодаря этому тоже достаточно глубоко изучил некоторые китайские песни. Хотя и в студенческие годы знал около 5 китайских песен и даже перевёл некоторые из них на русский язык. На своём персональном сайте [5] она поделилась китайскими песнями (около 20 штук) в своём исполнении на китайском языке: <https://youhua.ru/> Там же на сай-

те есть переход на её ютуб-канал, который называется 艾斯特友华 Ester YouHua, и на котором есть видео её общения с жюри конкурса на китайском языке и ещё больше песен. Остаётся найти энтузиастов поэтов, которые могли бы переложить качественно эти и другие песни на русский язык.

Учитывая динамику развития отношений между нашими странами, а также вовлекаемое количество молодёжи в дело изучения китайского языка, можно предполагать, что примерно в течение ближайших 5–10 лет у нас появятся китайские «Катюша» и «Подмосковные вечера».

Полагаем, что хорошей площадкой для знакомства с китайскими песнями является ежегодный конкурс китайской песни «Культуры Китая – Водный куб» (文化中国·水立方杯 Cultures of China Water Cube Cup) в Пекине. Организаторы этого конкурса мэрия Пекина и Пекинское телевидение (BTV). Моя дочь три года подряд принимала участие в данном конкурсе, и в 2021 году вошла в десятку сильнейших, а в 2022 году завоевала бронзовую медаль.

Разумеется, что такие фрагментарные опыты не смогут быстро сформировать интерес к китайской музыке и песенному творчеству китайцев. Это требует более длительного процесса и, видимо, энтузиазма достаточно большого количества людей, способных хорошо ориентироваться в китайском культурном пространстве. Тем не менее, полагаю, достойно внимания творчество, которым моя дочь делится на своём сайте и канале. Она выбирает песни, которые являются в Китае очень известными и в то же время достаточно привычными по мелодике европейским слушателям. Для россиян данные песни звучат достаточно приемлемо в плане лада. Видимо данные песни можно рассматривать как первые ласточки в российском культурном пространстве.

Разумеется, этот процесс должен быть естественным, ведь песня или нравится, или нет, её хочется слушать, петь, перепеть или нет. Но тут скорее всего свою роль должны сыграть, полагаем, соответствующие площадки и каналы (радио и телевидение), где эти песни должны прозвучать достаточно широко, чтобы найти своих слушателей. И если песню захочет выучить кто-то ещё, а ещё лучше если песню переложить на русский язык, то процесс будет запущен.

Таким образом, следует приветствовать деятельность поэтов и других специалистов по переложению избранных китайских песен на русский язык, создание высококачественных поэтических переводов. Тогда некоторые известные творческие коллективы и певцы наверняка захотят взять себе в репертуар и китайские песни на хорошем русском языке.

Также, учитывая интерес к изучению китайского языка, все школьники и студенты также должны получить доступ к достаточному репертуару китайских песен, чтобы в том числе и через песни изучать язык и культуру Китая. В этом плане должны активнее работать учителя и преподаватели. И очень хорошо, что уже появляются такие издания как «Китайский в песнях» [8]. Ведь, если рассмотреть некоторые китайские песни подробно, изучить историю их создания и тексты, то можно выделить конкретные страноведческие знания, которыми полезно овладеть всем, изучающим китайский язык и культуру этой страны. Таким образом, песня может стать прекрасным учебным материалом.

Например, песня 《常回家看看》 («Почаще возвращайтесь домой») и клип на неё, можно сказать, представляют из себя зарисовку или сцену из жизни китайского общества: пожилые родители ждут в гости своих взрослых детей. Они приготовили вкусный обед. К сожалению, дети их очень заняты и редко навещают их. В конце концов, старая мать видит в окно приехавших детей и радостно сообщает об этом мужу. В песне содержится призыв почаще навещать своих пожилых родителей. В связи с этой песней можно более глубоко изучить традиционный китайский культ предков и современные тенденции развития китайского общества в этом аспекте.

Песня 《小白船》 («Белый кораблик») – это детская колыбельная песенка, в которой главным героем является заяц. А под кораблём в ней имеется в виду важная для китайской культуры Луна в виде полумесяца. Заяц плывёт на этом кораблике по Млечному пути [7, с. 72].

Песню 《龙的传人》 («Потомки дракона») написал Хоу Дэцзянь (侯德健) в 1980 году. В песне рассказывается о долгой и многотрудной истории китайской нации на пути к свободе и процветанию.

Песня 《少年中国说》 («Учение о молодом Китае») для Китая и китайцев имеет особое значение. Дело в том, что в феврале 1900 года китайский философ, историк философии, учёный, литератор, государственный и общественный деятель, один из лидеров либерального реформаторского движения в Китае конца XIX – начала XX века (так называемые «Сто дней реформ») Лян Цичао (梁启超) (1873– 1929 гг.) опубликовал статью «Учение о молодом Китае» (《少年中国说》). Теория «молодого Китая» появилась в ответ на представления о Китае в японской и европейской прессе времён Ихэтуаньского восстания. Его рассматривали как государство, лишённое перспектив, своего рода «древнего старца». В китайской диаспоре такие рассуждения вызывали крайнее раздражение, так, один из лидеров студентов, обучавшихся в Японии, – Ян Ду – писал, что любые высказывания о возрасте Китая вызывали у соотечественников ненависть к иностранцам. Поэтому Лян Цичао заявил, что возраст государства не связан с длительностью его исторического существования. Взамен он классифицировал государства на полностью и не полностью сформировавшиеся, что и является критерием зрелости. Показателем сформированности является развитие демократических институтов, обеспечивающих право каждого человека на свободу. С такой позиции выяснялось, что, несмотря на тысячелетнюю историю, Китай является недооформленным государством. Таким образом, Китай должен был пробудить у себя национальное самосознание, но это не под силу консервативным элементам общества. Отсюда следовал тезис об особой исторической роли молодёжи и её ответственности за будущее государственное строительство. Получается, что Лян Цичао был прав, так как молодёжь сыграла большую роль в становлении Нового Китая. И сейчас в Китае уделяют особое внимание воспитанию молодого поколения и возлагают на него большие надежды. Поэтому эта песня, можно сказать, является связующим звеном поколений в период этих 120 лет и показывает роль и направление развития китайской молодёжи в будущем [3].

Песня 《好想爱这个世界啊》 («Как хочется полюбить этот мир») – это прекрасный образец современной китайской эстрадной песни. Она может познакомить студентов с автором и первым исполнителем этой песни Хуа Чэньюй (华晨宇), который является очень талантливым музыкантом. Сюжет и клип на эту песню очень хорошо показывают проблемы современного общества: одиночество, неприятие кого-либо кем-либо, трудности поиска себя, комплексы собственной неполноценности, безответная любовь. Прекрасная музыка и нетривиальный текст создают особую гармонию музыки и современной китайской поэзии. Хуа Чэньюй можно назвать новатором на китайском эстрадном олимпе, так как он выходит за рамки традиционного принятого в Китае текстового и музыкального этикета и установок, он разрушает шаблоны. Например, в другой своей песне под названием «Чужой» (《异类》) он в самом начале песни обращается к слушателю с такими словами: “如果你不喜欢听我的歌请闭上耳朵” ‘Если тебе не нравится слушать мои песни, то заткни, пожалуйста, свои уши’.

Таким образом, можно сделать вывод, что для решения данной проблемы, для устранения дисбаланса в сфере взаимного знания песенного творчества в России и Китае необходимо продолжить работу по отбору песен, которые по музыкальному ладу наиболее приемлемы для российского исполнителя и слушателя.

Далее необходимо обеспечить высококачественное переложение текстов таких песен на русский язык в виде поэтического перевода с сохранением ритма и мелодии китайской песни.

Затем необходимо предлагать такие переложения китайских песен популярным и авторитетным коллективам и исполнителям, чтобы они взяли эти песни в свой репертуар.

Необходимо также поддерживать всех энтузиастов, которые занимаются изучением и исполнением китайских песен, надо приглашать их на разные мероприятия, на радио и телевидение с лекциями и концертами, чтобы они смогли знакомить как можно больше наших соотечественников с песенным творчеством народов нашего соседа и стратегического партнёра на благо развития, углубления и укрепления дружбы между нашими странами и народами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воропаев, Н. Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Н. Н. Воропаев. – М., 2012. – 310 л.
2. Воропаев, Н. Н. Китайскоязычный прецедентикон: монография / Н. Н. Воропаев. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 448 с.
3. Лян Цичао [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лян_Цичао – Дата доступа: 22.07.2023.
4. Москва – Пекин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Москва_–_Пекин. – Дата доступа: 22.07.2023.
5. Персональный сайт Воропаевой Эстер Николаевны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youhua.ru/>. – Дата доступа: 22.07.2023.
6. Сюэ Фань – известный переводчик и популяризатор русских и советских песен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/people/txt/2009-02/11/content_17260533.htm. – Дата доступа: 22.07.2023.

7. 吴颂今. 最经典的 365 夜儿童歌曲/吴颂今编著. – 北京: 北京师范大学出版社, 2013. 130 页. = Сунцзинь, У. 365 самых известных песен для детей на каждый день [Ноты] / У Сунцзинь. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 2013. – 130 с.
8. Юй Пэн. Китайский в песнях / Сост. Юй Пэн, Цзяо Юймэй; пер. с кит. Бодотько Екатерины. – М.: Международная издательская компания «Шанс», 2019. – 135 с.
9. 苏联民歌精选, 出版: 广州市新时代影音公司, 2009 年, 2 张光盘= Избранные советские и русские народные песни / компания «Новая эпоха». – Гуанчжоу, 2009. – 2 электрон. опт. диска (CD-ROM).

УДК 811.581.11

Е. Н. ЕМЕЛЬЧЕНКОВА E. N. EMELCHENKOVA

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ

В статье даётся обзор ряда проблем, уходящих корнями в заимствованную из западных работ терминологию описания типов сложных предложений в китайском языке. Обсуждаются причины неэффективности использования понятийного аппарата, не учитывающего типологические особенности китайского языка.

Ключевые слова: китайский язык, грамматика китайского языка, синтаксис китайского языка, сложное предложение, простое предложение, сочинение, подчинение.

COMPLEX SENTENCES IN MANDARIN CHINESE: PROBLEMS OF DISTINCTION

This paper surveys problems that arise when distinguishing types of complex sentences in Mandarin Chinese. Early grammarians, having borrowed the concept of a complex sentence and a number of related terms from Western works, but the use of them is hindered by a number of specific features of the Chinese language.

Key words: Mandarin Chinese, Chinese grammar, Chinese syntax, complex sentence, simple sentence, main clause, subordinate clause.

Теория сложного предложения в лингвистике Китая представляет собой относительно недавно сформировавшуюся концепцию, пройдя в процессе развития все стадии от полного отсутствия базового понятия «сложное предложение» (далее – СП) до оригинальной классификации синтаксических единиц этого типа.

За отсутствием собственных концепций система и теория СП начала складываться в работах ранних китайских лингвистов с опорой на западные грамматики. Первым термин 复句 *fùjù* 'сложное предложение' применительно к китайскому материалу ввёл в научный оборот в Китае Лю Фу (刘复). Ориентиром для него выступило несколько грамматик английского языка, в частности «Новая грамматика английского языка» Генри Свита («New English Grammar» Henry Sweet (1892)) и «Грамматика английского языка, объяснённая по-китайски» Янь Фу (《英文汉沽》English Grammar, Explained in Chinese, 严复 (1904)).

Система сложных предложений на материале китайского языка была описана Лю Фу в «Общей теории китайской грамматики» (《中国文法通论》1919) [4]. Заимствованный характер используемого автором методологического аппарата подтверждает наличие англоязычного эквивалента вводимых им терминов.

Лю Фу рассуждал, что в предложении 他想我一定要去 *Tā xiǎng wǒ yīdìng yào qù* ‘Он думает, что я непременно должен поехать’ имеются две части (он их называет 小句 *xiǎo jù*): 他想..... *Tā xiǎng* ‘Он думает...’ и 我一定要去 *wǒ yīdìng yào qù* ‘я непременно должен поехать’. Эти части соединены вместе, но каждая из них представляет собой отдельную синтаксическую единицу, которую Лю Фу называет 子句 *zǐ jù* ‘сыновье предложение’, соответствующую термину *clauses* в англоязычной литературе. Такая формулировка свидетельствует о первичности для Лю Фу категории СП в китайском языке, поскольку простые предложения он предлагает выделять по остаточному принципу выделяемости, исходя из имеющегося определения СП:

«Любая последовательность, состоящая из двух и более сыновних предложений, называется сложным предложением, все единицы, не являющиеся таковыми, называются простым предложением» [4, с.74].

Таким образом, Лю Фу ввёл в научный оборот такие типы синтаксических единиц, как простые предложения (简句, *simple sentence*) и сложные (复句, *complex sentence*). Выделяемые в структуре сложного предложения сыновьи предложения могут быть зависимыми (独立, *dependent*) и независимыми (非独立, *independent*).

Ключевое из двух сыновних предложений в составе СП Лю Фу предлагает называть вершинным (端句, *head-clauses*); все остальные, присоединяемые к вершинному предложению, вне зависимости от их числа, являются его зависимыми (или придаточными) предложениями (加句, *adjunct-clauses*), уточняя различные обстоятельства называемой главным предложением ситуации.

Лю Фу различает два типа СП. Предложения, в которых чётко выделяются главное и придаточное предложения, находящиеся в отношениях подчинения. Это сложноподчинённые предложения (主从复句, *sub-complex, sub(ordinate) complex sentence*). Части СП соответственно характеризуются как главное (主句, *principal clause*) и одно или несколько зависимых (从句, *sub-clauses*).

Второй тип представлен структурами с равнозначными (паритетными) отношениями между частями предложения, то есть сложносочинённые. Этот тип у Лю Фу называется 衡分复句 (*Co-Complex, Co(ordinate) Complex Sentence*), а входящие в его структуру синтаксические единицы – 衡分句 (*Co-clause*), при этом первому по порядку предложению в составе сложносочинённого приписывается статус чуть более главного.

Анализируя структуру СП, Лю Фу утверждал, что позиция главного и придаточного предложений значения не имеет, в подтверждение он приводит пример с препозицией зависимого предложения и постпозицией главного: 假使他要我去, 我一定去. *Jiǎshǐ tā yào wǒ qù, wǒ yīdìng qù* ‘Если бы он захотел, чтобы я поехал, я бы непременно поехал’.

Рассуждая о сути данного явления, путях уяснения формы и функций предложения, лингвист указывает на необходимость учёта его внутренней структуры (对内的构造, *Internal Structure*) и имеющихся внешних связей (对外的关系, *External Relation*) [4, с. 48]. В первом случае речь идёт об отношениях, складывающихся между лексическими единицами внутри СП, тогда как под

внешними связями понимаются отношения, имеющиеся между этим СП и другими предложениями.

Трудности в применении этой терминологии состояли в том, что она вводилась на этапе слепого копирования понятийного аппарата в китайскую науку в силу отсутствия собственных синтаксических теорий. Между тем, СП в китайском языке зачастую оказывается затруднительно описывать, опираясь на выделенные в индоевропейских языках понятия сочинение/подчинение, главное/зависимое и т.п., предполагающие противопоставленные друг другу элементы в системе. Это и объясняет неустойчивость классификации СП, которая не раз пересматривалась в истории грамматической науки в Китае.

Неоднозначность приложения указанных признаков к СП в китайском языке представляет трудность ещё и в силу вариативности интерпретации логико-семантических отношений между «сыновними предложениями», т.е. между частями СП при отсутствии материально выраженных показателей этих отношений.

Соединительные элементы появились в китайском языке относительно поздно. Долгое время несколько ситуаций в составе одной макроситуации описывались без использования каких-либо формальных средств связи, соединяющих их в одну сложную синтаксическую структуру. Соответственно, стали выделять два типа СП в зависимости от наличия соединительных элементов. При их материальном выражении получается подтип 形合句 *xíng hé jù* 'предложения, соединённые по форме'. Если же таковых элементов в составе СП не обнаруживается, речь будет идти о подтипе 意合句 *yì hé jù* 'предложения, соединённые по смыслу'. Эти термины были введены в китайскую науку как корреляты терминам *гипотаксис* и *паратаксис*.

Семантически связанные структуры, не имеющие эксплицитных показателей, в западной лингвистике ещё называют «бессоюзным предложением». В китайскую лингвистику он пришёл как терминологическая калька 无连词复句 *wú liáncí fùjù*, но предлагался и исконно китайский термин. Так, в китайской лингвистике с подачи Люй Шусяна эти структуры стали называть 流水句 *liú shuǐ jù* «потокowymi предложениями» [3, с.27].

Специфической чертой синтаксических структур этого типа является также их опора на конситуацию и общую логику развития ситуаций. То действие, которое было совершенно раньше, может быть представлено не с точки зрения его временной соотнесённости с другим действием, а как причинная ситуация, или более поздняя по времени реализации ситуации реинтерпретируются как цель предшествующей ситуации.

Пример вариантов «перекраивания» последовательности предложений с разными вариантами прочтения логико-семантических отношений приводит-ся в [4]:

(1) 老王呢? 又生病了吧! 也该请个假呀! 走不动了嚟! 儿子女儿呢? 上班忙吧? 请个保姆嚟! 工资低呀! 先借点呢? 犟脾气一个呀!

Lǎo Wáng ne? Yòu shēngbingle ba! Yě gāi qǐng gè jiǎ ya! Zǒu bù dòngle me! Ér zǐ nǚ'ér ne? Shàngbān máng ba? Qǐng gè bǎomǔ me! Gōngzī dī ya! Xiān jiè diǎn ne? Jiàng píqì yīgè ya!

‘Лао Ван?! Снова заболел! Надо бы взять отгул! Ходить не может! А сын и дочь? Заняты по работе? Нанять сиделку! Денег не хватает! Взять в долг? Не по упрямому характеру!’

(2) 老王呢又生病了。请个保姆嚟工资低。先借点呢犟脾气一个!

Lǎo Wáng ne yòu shēngbìng le. Qǐng gè bǎomǔ me gōngzī dī. Xiān jiè diǎn ne jiàng píqì yīgè!

‘Лао Ван снова заболел. Нанять сиделку денег не хватает! Взять в долг – не по упрямому характеру!’ [4, с.411]

Неоднозначность логических построений, неочевидность выводов и косвенный характер умозаключений обуславливают вариативность в итоговом прочтении подобных потоковых предложений.

Диахронически связи между предложениями из чисто временных могут переосмысляться как причинные, следственные, целевые, условные, уступительные. Подробнее см. [1].

Подобное семантическое усложнение, в случае отсутствия эксплицитного маркирования отношений между предложениями, приводит к вариативности прочтений. Допустимость той или иной интерпретации можно проверить, восстановив соответствующие соединительные элементы в предложении:

(3) 校长不能出席会议，会议就只好改期了。 *Xiàozhǎng bù néng chūxí huìyì, huìyì jiù zhǐhǎo gǎiqī le* ‘Ректор не может присутствовать на совещании, придётся его перенести’.

(4) 当校长不能出席会议的时候，会议就只好改期了。 *dāng xiàozhǎng bù néng chūxí huìyì de shíhòu, huìyì jiù zhǐhǎo gǎiqī le* ‘Когда ректор не может присутствовать на совещании, приходится его переносить’ (временные отношения).

б) 因为校长不能出席会议，会议就只好改期了。 *yīnwèi xiàozhǎng bù néng chūxí huìyì, huìyì jiù zhǐhǎo gǎiqī le* ‘Поскольку ректор не может присутствовать на совещании, придётся его перенести’ (причинные отношения).

в) 既然校长不能出席会议，会议就只好改期了。 *jìrán xiàozhǎng bù néng chūxí huìyì, huìyì jiù zhǐhǎo gǎiqī le* ‘Раз ректор не может присутствовать на совещании, придётся его перенести’ (уступительные отношения).

г) 如果校长不能出席会议，会议就只好改期了。 *rúguǒ xiàozhǎng bù néng chūxí huìyì, huìyì jiù zhǐhǎo gǎiqī le* ‘Если ректор не сможет присутствовать на совещании, придётся его перенести’ (условные отношения).

Таким образом, становится очевидно, что граница между сочинением и подчинением обусловлена ненадёжностью критериев их разграничения в современном синтаксисе. В КЯ выделяют типы СП в зависимости от наличия или отсутствия формально выраженных связующих элементов в предложении. Союзы и иные средства экспликации связей в силу своей нечастотности не могут служить надёжным критерием, логико-семантическая связь предложений зачастую выводится по контексту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Храковский, В. С. Время – Причина – Условие // Русское слово в многоязычном мире / В. С. Храковский. – Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ. – Нур-Султан, 2019. – С.270 – 275.
2. 刘复.中国文法通论. – 长沙: 岳麓书社, 1919/2012 年.
3. 吕叔湘. 汉语语法分析问题. 北京:商务印书馆, 1979. – 113 页.

4. 沈家煊“零句”和“流水句”——为赵元任先生诞辰 120 周年而作 // 中国语文 2012 年第 5 期, 第 403–415 页。

УДК 811.581'35 + 003.324.1

К. В. КАРАСЁВА K. V. KARASJOVA

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДА РЕКУРСИВНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРИ АНАЛИЗЕ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ КИТАЙСКИХ ЛОГОГРАММ

В статье описывается применение метода рекурсивной реконструкции к китайскому иероглифическому материалу, что позволяет не только подойти к анализу логограммы с позиции формальной методологии и убрать метафоричность в описании её семантики, но и вскрыть причины энантиосемии, выявить источники синонимии китайских логограмм и объяснить разницу в их комбинаторике.

Ключевые слова: китайское письмо; китайская логограмма; рекурсивная реконструкция; ядерная семантическая цепочка; модификатор; актуализатор.

THE EFFICIENCY OF THE RECURSIVE RECONSTRUCTION METHOD FOR ANALYSIS OF THE CHINESE LOGOGRAMS INTERNAL FORM

The article describes the application of the recursive reconstruction method for analysis of the Chinese writing, which allows not only to approach the analysis of the Chinese logogram from the standpoint of formal methodology and remove metaphor in the description of its semantics, but to find the roots of enantiosemy, identify the sources of synonymy of the Chinese logograms and explain the difference in their combinatorics.

Key words: Chinese writing; Chinese logogram; recursive reconstruction; kernel semantic chain; actualisator; modifier.

Рекурсивная реконструкция – это метод синтаксического анализа, разработанный в русле комбинаторной семантики¹ и предусматривающий рассмотрение всех уровней структуры предложения и при необходимости – восстановление пропущенных членов предложения на основе модели мира [2; 8]. При этом сама рекурсия, применительно к анализу языкового материала, может быть простой или сложной в зависимости от того, является ли охваченное ей сочетание знаков номинативным или предикативным, соответственно [3].

Метод рекурсивной реконструкции используется нами для анализа внутренней формы китайской логограммы [6; 7], наряду с теорией о двухкомпонентности², в рамках которой постулируется универсальный принцип порождения любой лексемы путём соединения двух составляющих – старой реалии и нового для неё признака (в рамках комбинаторной семантики при описании процесса словообразования для компонентов лексемы используются термины «актуали-

¹ Комбинаторная семантика – это «лингвистическая дисциплина, изучающая отображение языком динамики ролей индивидов в событиях» [3].

² См. Rozwadowski J. Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów / J. Rozwadowski // Wybór pism. – Warszawa : PWN, 1960. – Т. 3. Językoznawstwo ogólne. – P. 21-95.

затор»¹ и «модификатор»²). А. В. Исаченко также считал, что при формировании лексемы путём соединения нового содержания и старой формы знак «первоначально не прямо называет новый предмет, а скорее описывает его», поэтому «история каждого слова – это история его перехода из разряда «мотивированных» слов-описаний в разряд немотивированных слов-ярлыков» [5, с. 339–340].

Кроме того, для формализации описания семантики китайской логограммы предикативного вида используется описанная в рамках комбинаторной семантики ядерная семантическая цепочка, которая постулируется субъектом (S), акцией (A), объектом (O). Каждый из членов цепочки способен к мультипликации. Например, мультипликация субъекта даёт субъект₂ или инструмент; мультипликация акции – акцию₂ или модальность; мультипликация объекта – объект₂ или медиатор. Помимо данных элементов в цепочке также необходимо присутствует продукт (P) взаимодействия (акции) субъекта и объекта, который формально может быть не выражен [1, с. 96].

В настоящей статье на примере знаков с предикативной рекурсией мы очертим круг проблем, которые удаётся решить, используя метод рекурсивной реконструкции, тем самым продемонстрируем его эффективность при анализе внутренней формы китайской логограммы.

Прежде всего, восприятие китайской логограммы как свёртки предложения, иными словами, понимание гомоморфизма семантико-синтаксической структуры лексемы и предложения, позволяет объяснить способность конкретной логограммы покрывать определённый круг значений, т.е. выступать в качестве синтетического образования, способного обозначать как эксплицитных, так и имплицитных индивидов закодированного в логограмме фрагмента модели мира.

Например, логограмма 支 [zhī] в надписях цзягувэнь представляла собой изображение правой руки (又) и ветки бамбука [4, с. 236]. Логограмма описывала ситуацию, когда человек (имплицитный субъект), который свёрнут в логограмме, при помощи руки (инструмент) держит ветку (объект). Семантика логограммы может кодироваться относительно разных элементов ядерной семантической цепочки, поэтому происходит развитие значений ‘ветка’ и ‘держат’. В первом случае семантика описывается относительно предмета, находящегося в руке: человек держит в руках ветку → то, что держит в руках человек → ‘ветка, прутик’. Во втором – относительно процесса, в связи с чем возможно появление семантики ‘держат’ и дальнейшее развитие ‘поддерживать’. Именное значение логограммы закодировано по принципу обратной предикации, т.е. семантика знака описывается относительно объекта, в то время как процессуальная семантика представлена относительно субъекта. Актуализатором логограммы является знак 又 [yòu] ‘правая рука’, а модификатором – знак, обозначающий ветку бамбука. Для выделения значения ‘ветка’ был создан новый знак 枝 [zhī] путём добавления ключа 木 [mù] ‘дерево’ к изначальной внутренней форме логограммы.

¹ Актуализатор (с точки зрения синтагматических отношений) – определяемый компонент устойчивого сочетания (номинативной единицы) [3].

² Модификатор (с точки зрения синтагматических отношений) – определяющий компонент устойчивого сочетания (номинативной единицы) [3].

Логограмма 尊 [zūn] в надписях цзягувэнь представляла собой изображение двух рук (卪) и ритуальной утвари для вина (酉) [9, с. 723]. Изображение двух рук впоследствии было упрощено и заменено на знак 寸 [cùn] ‘цунь (мера длины)’, поскольку он также восходит к изображению руки. Логограмма описывает следующую ситуацию в модели мира: некто (имплицитный субъект) рукой (инструмент) подносит (акция) кому-то (имплицитный адресат) ритуальную чашу (объект). По сути, логограмма кодирует акцию ‘подносить (вино)’, при этом отмечены такие значения, которые соотносятся с элементами ядерной семантической цепочки, как: ‘[жертвенная] чаша (для вина)’ (связь с объектом), ‘уважаемый, почитаемый’ (связь с адресатом – тот, кому подносят вино). Знак 卪 ‘две руки’ выступает в качестве актуализатора логограммы, а знак 酉 ‘сосуд для приготовления вина’ – модификатора.

Как видно, семантика логограммы может описываться относительно любого компонента ядерной семантической цепочки и в зависимости от осмысления наблюдателем закодированной знаком ситуации и направления стрелы акции, происходит формирование разных значений логограммы.

Кроме того, мы можем анализировать знаки, традиционно воспринимаемые в системе китайского письма как пиктограммы, в качестве логограмм с предикативной рекурсией, и объяснить наличие у них как именного, так и процессуального значений. Такие логограммы обозначают конкретного индивида, однако связаны с определённым фрагментом модели мира и благодаря этому могут также развивать разные значения, подобно логограммам с большим количеством эксплицитно представленных элементов ядерной семантической цепочки. Как правило, в таких логограммах представлен знак, который обозначает специфический инструмент, поскольку по нему легко восстановить закодированную в логограмме акцию, а затем и соответствующий фрагмент модели мира.

Примером может служить логограмма 禽 [qín], которая в надписях цзягувэнь представляла собой изображение сети для ловли птиц на длинной ручке [9, с. 715]. Данный индивид может быть соотнесён с определённым фрагментом в модели мира: некто (имплицитный субъект) при помощи сети на длинной ручке (инструмент) ловит птиц (имплицитный объект). Правильность такой интерпретации подтверждается ядром семантики логограммы в диахронии – ‘ловить’, ‘пойманная птица’. Таким образом, субъект и объект во внутренней форме логограммы оказались свёрнуты, а эксплицитно представлен только инструмент. Впоследствии для выделения ядерного значения ‘ловить’ во внутренней форме логограммы был добавлен знак 手 ‘рука’ и была создана новая логограмма – 擒, а знак 禽 стал использоваться только в значении ‘птица, пернатые’. Актуализатором логограммы 禽 является изображение сети, а модификатором – изображение ручки, как специфического дополнительного атрибута сети.

Кроме инструмента, восстановление всей ядерной семантической цепочки может основываться и на других её элементах. Например, логограмма 八 [bā] в эпоху господства цзягувэнь представляла собой две части разделённого предмета, расположенные друг напротив друга [9, с. 8]. Семантика логограммы формировалась в связи с описанием следующей ситуации: некто (имплицитный субъект) разделяет предмет (имплицитный объект) на две части (продукт) →

ядро семантики знака – ‘разделять (пополам)’. Таким образом, во внутренней форме логограммы отображён лишь продукт всей ситуации (т. е. разделённый на две части предмет), в то время как остальные участники ядерной семантической цепочки оказываются свёрнутыми. Впоследствии семантика ‘разделять’ была утрачена, а иероглиф был заимствован для обозначения цифры восемь. Актуализатором логограммы является сам предмет, а модификатор представляет собой результат воздействия на данный предмет.

Потенциальная способность логограммы развивать семантику в разных направлениях является как источником семантической мощности логограммы, так и неоднозначности её семантики в ряде случаев. Метод рекурсивной реконструкции позволяет вскрыть причины появления у китайских логограмм взаимоисключающих значений, т.е. решить проблему такого лингвистического явления как *энантиосемия*. Примерами китайских логограмм, где проявляется указанное явление, могут служить такие знаки как, 借 [jiè] ‘брать займы’ и ‘давать займы’, 扶 [fú] ‘поддерживать; подпирать’ и ‘опираться (руками)’, 纳 [nà] ‘вносить; платить’ и ‘взимать, собирать’ и др. Несмотря на то, что как по эксплицитным, так и по имплицитным элементам логограммы, которые могут быть соотнесены с элементами ядерной семантической цепочки, можно восстановить акцию, однако иногда в структуре самой ситуации, и, как следствие, её представления во внутренней форме логограммы, кроется источник неоднозначности интерпретации её семантики¹.

Приведём пример логограммы 受 [shòu], которая первоначально представляла собой изображение руки (又), передающей другой руке (又) тарелку [9, с. 376], которая позднее трансформировалась в лодку (舟) [10, с. 203]. Существовала также разнопись, где сверху был знак 爪 (𠂇) [zhǎo] ‘когти’, который представлял собой изображение руки с опущенными вниз пальцами. Впоследствии данная разнопись стала доминирующей. В логограмме присутствует два субъекта, и семантика логограммы может быть описана относительно каждого из них. Например, при формировании семантики ‘передавать’ верхний знак 又 ‘правая рука’ (или 爪 (𠂇) ‘когти’) представляет инструмент, нижний знак 又 ‘правая рука’ представляет адресата (частный случай медиатора), а знак 舟 [zhōu] ‘лодка’ – объект; и наоборот, при формировании семантики ‘получать’, ситуация описывается относительно нижнего знака 又 ‘правая рука’, который становится инструментом, а верхний знак 又 ‘правая рука’ (или 爪 (𠂇) ‘когти’) – медиатором. Таким образом, сама структура события (наличие двух субъектов) позволяет логограмме развивать противоположные значения. В зависимости от определения наблюдателем стрелы акции устанавливается актуализатор логограммы: нижний или верхний знак 又 ‘правая рука’ соответственно, а модифи-

¹ Подробнее о явлении энантиосемии в китайских логограммах см.: Степанюк, В. А. Энантиосемия как следствие неоднозначного распределения ролей индивидов в структуре события/ Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам = Міжкультурная камунікацыя і прафесійна арыентаванае навучанне замежным мовам : материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 101-й годовщине образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 345-351.

котором является новое событие, в котором участвует индивид, то есть система знаков 又 ‘правая рука’ и 舟 ‘лодка’. В современном письме у логограммы 受 осталось только значение ‘получать’, а для передачи значения передавать был создан новый иероглиф 授 [shòu] путём добавления к изначальной форме ключа 手 (扌) (shǒu) ‘рука’.

По присутствующим элементам во внутренней форме китайской логограммы, т.е. путём восстановления закодированной в иероглифе ситуации модели мира, можно определить истоки семантических различий схожих по значению китайских логограмм, а также причины различной комбинаторики таких знаков. Продемонстрируем это на примере группы китайских логограмм, имеющих отношение к описанию процесса *смотреть*.

Логограмма 瞧 [qiáo] представляет собой соединение знаков: 目 [mù] ‘глаз’ и 焦 [jiāo] ‘гореть, обгорать’. Семантика логограммы 焦 формируется по принципу предикативной рекурсии: человек (имплицитный субъект) готовит на костре (медиатор) птицу (объект) → ядро семантики – ‘гореть; обожжённый, опалённый’. Знак 焦 входит в состав логограммы 瞧 в качестве рекурсивного объекта, а сама внутренняя форма иероглифа 瞧 также кодирует определённую ситуацию: человек (имплицитный субъект) глазами (инструмент) смотрит на поджаривающуюся птицу (объект) → ядро значения логограммы – ‘видеть, как в тумане, смутно’. Таким образом, актуализатор логограммы – знак 目 ‘глаз’, а модификатор – знак 焦 ‘гореть, обгорать’.

Логограмма 瞄 состоит из знаков 目 ‘глаз’ и 苗 [miáo] ‘росток’. Логограмма кодирует следующую ситуацию: человек (имплицитный субъект) глазами (инструмент) смотрит на маленький росток (объект) → ядро значения – ‘всматриваться’. С развитием семантики появляется периферия ‘целиться’. Актуализатором логограммы является знак 目 ‘глаз’, а модификатором – 苗 ‘росток’.

Как видно, по эксплицитному инструменту (目) определяется акция *смотреть*, однако в силу присутствия разных объектов в структуре события, акция подвергается модификации, в результате чего семантика обеих логограмм, несмотря на сходство акции, различна, и соответственно различна и развивающаяся впоследствии периферия их семантики.

Различные характеристики процесса *смотреть*, отражающиеся во внутренней форме китайской логограммы, естественным образом влияют на её комбинаторику в языковых единицах более высокого уровня. Сравним комбинаторику логограмм 看 и 瞧 на примере номинативных единиц 看病 и 瞧病.

Логограмма 看 в надписях цзягувэнь представляла собой изображение руки (手), поднесённой к глазу (目) [9, с. 463] и соответственно описывала ситуацию, как человек (имплицитный субъект) приставил руку (медиатор) к глазу (инструмент), чтобы что-то (имплицитный объект) рассмотреть → ядро значения логограммы – ‘смотреть в даль’. Актуализатором логограммы является знак 目 [mù] ‘глаз’, а модификатором – знак 手 [shǒu] ‘рука’.

В отличие от нейтральной семантики лексемы 看病 ‘осматривать больного’, лексема 瞧病, которая также обозначает ‘осматривать больного’, имеет оттенок значения ‘поверхностно’. Очевидно, что различие двух номинативных единиц обусловлено семантикой логограмм со значением ‘смотреть’, которые в силу

различной этимологии обозначают один и тот же процесс, но с разными характеристиками, поэтому и номинативные единицы, где они участвуют, обозначают схожий процесс, но с разными свойствами.

Таким образом, метод рекурсивной реконструкции позволяет не только подойти к анализу логограммы с позиции формальной методологии и убрать метафоричность в описании её семантики, но и вскрыть причины энантиосемии, выявить источники синонимии китайских логограмм и объяснить разницу в их комбинаторике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей; Белорус. гос. ун-т. – Минск : [б. и.], 1998. – 155 с. : табл.
2. Гордей, А. Н. Реконструкция и рекурсия в синтаксическом анализе предложения / А. Н. Гордей // Пятые научные чтения, посвящённые памяти профессоров В. А. Карпова и С. М. Прохоровой, Минск, ГУ, 18-19 марта 2011 г. / редкол. : А. И. Головня [и др.]. – Минск : Бел. Дом печати, 2011. – С. 18–26.
3. Гордей, А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков : лекционный курс / А. Н. Гордей. – Электрон. дан. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
4. Готлиб, О. М. Основы грамматики китайской письменности / О. М. Готлиб. – 2-е изд., перераб. – М.: Издательский дом ВКН, 2019. – 312 с.
5. Исаченко, А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков / А. В. Исаченко // Slavia. – Praha, 1958. – Roč. XXVII. – Seš.3. – С. 334–352.
6. Карасёва, К. В. Принципы декодирования китайских логограмм и реконструкция их семантики // К. В. Карасёва. – Минск : РИВШ, 2014. – 202 с.
7. Карасёва, К. В. Рекурсивный анализ китайских логограмм / К. В. Карасёва // Весці БДПУ. Сер. 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2012. – № 2. – С. 49–53.
8. Лещенко, К. И. Рекурсивная реконструкция в методологическом аспекте / К. И. Лещенко // Вестник МГЛУ. Сер.1: Филология. – 2019. – № 3. – С. 69–75.
9. 汉字源流字典 / 谷衍奎编. – 北京: 华夏出版社, 2003. – 863 页.
10. 熊国英. 图释古汉字 / 熊国英. – 济南: 齐鲁书社, 2006. – 321 页.

УДК 811

Л. В. КИРЮХИНА L. V. KIRYUKHINA

О СУЩНОСТИ ЕДИНИЦ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СЛОВАРЕЙ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ ТРАДИЦИОННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

На материале монографий 《语助》 «Юй чжу», 《虚字说》 «Сюй цзы шю», 《助字辨略》 «Чжу цзы бянь люэ» и 《经传释词》 «Цзин чжуань ши цы» рассматривается характер единиц лингвистического анализа учёных китайской филологической традиции. Значительное внимание уделяется используемой авторами исследуемых работ терминологии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: китайское языкознание, словарь, служебные слова.

ON THE NATURE OF UNITS OF LINGUISTIC DESCRIPTIONS IN FUNCTION WORDS' DICTIONARIES OF TRADITIONAL CHINESE LINGUISTICS

Based on such monographs, as 《语助》 “Yu zhu”, 《虚字说》 “Xu zi shuo”, 《助字辨略》 “Zhu zi bian lue” and 《经传释词》 “Jing zhuan shi ci” the nature of units of linguistic analysis of Chinese scholars is considered. Significant attention is paid to the terminology used by the authors of the dictionaries under study.

Key words: Chinese philology, dictionary, function words.

Представление сущности языковых явлений в рамках традиционного китайского языкознания (т. е. до 1898 г.) значительно отличается от европейского опыта в этой области. Считается, что объектом исследования китайских учёных классического периода развития знаний о языке был представляемый на письме иероглифом значащий однослог, именуемый 字 *цзы* (см. [3, с. 12; 5, с. 118]). Однако Н. В. и В. М. Солнцевы отмечают, что уже в древности филологи изучали и многосложные слова, например, именуемые 联绵字 *ляньмяньцзы* ‘длящиеся слова’, к которым относились такие единицы, как 造次 *цаоцы* ‘торопиться’, 徘徊 *пайхуай* ‘бродить’ и др., что свидетельствует о понимании 字 *цзы* как ‘слова’ [5, с. 119–120]. Таким образом, существует некоторая неясность, что же представляют собой единицы лингвистического описания древних китайских филологов. В рамках настоящего исследования мы рассмотрим данный вопрос на материале словарей служебных слов соответствующего периода.

Предметом лексикографического описания словаря 《语助》 «Юй чжу» (1324 г., автор – 卢以纬 *Лу Ивэй*) являются разнородные в плане количественного состава единицы, среди которых по 60 односложных и двусложных, 6 – трёхсложных (общее количество – 126 единиц, распределённых по 66 словарным статьям). Для обозначения «служебных слов» используются знаки 辞 *цы*, 声 *шэн*, 语助 *юйчжу*. Рассмотрим несколько примеров из словарных статей «Юй чжу» [8].

(1) 粤: 发语之辞。

粤 юэ – единица, [обозначающая] начало высказывания.

(2) “呜呼”, 嗟叹之辞……“吁”亦咨嗟之辞。

呜呼 у ху – единица, [которая выражает] досаду... 吁 суй также [является] единицей, [выражающей] досаду.

(3) “殆”字为发语辞。

Знак 殆 дай является единицей, [обозначающей] начало высказывания.

(4) “噫”, 哀痛声, 又为伤恨之意。“噫嘻”二字连下, 则咨嗟、伤叹之辞。

噫 и – звук¹ [обозначения] скорби, также [используется для демонстрации] боли, сожаления. Сочетание двух знаков 噫嘻 и си – единица, [выражающая] вздох от досады или горя.

(5) “欬”字、“邪”字为句绝之余声, 亦类“乎”字之意。

Знаки 欬 юй и 邪 е являются дополнительными звуками, [маркирующими] конец предложения, также обладают значением, подобным [тому, который выражает] знак 乎 ху.

(6) 句末有“而”字, 却是咏歌之助声, 与“兮”字相类。

В конце предложения знак 而 эр является вспомогательным звуком при чтении стихов, подобен знаку 兮 си.

(7) “夫”字: 在句末者, 为句绝之余声。

В конце предложения знак 夫 фу является вспомогательным звуком, [маркирующим] конец предложения.

¹ Здесь и далее даём перевод, максимально приближенный к оригиналу. 声 *шэн* – дословно ‘звук’, в словаре «Юй чжу» используется для обозначения ‘служебных слов’.

(8) “耳”字直为语余声。

Знак 耳 эр является дополнительным звуком высказывания.

(9) 兮：有在句中者，有在句末者，皆咏歌之助声。

兮 си как в середине, так и в конце предложения является вспомогательным звуком при чтении стихов.

(10) 而已，也已，也已矣，也已矣：此[别]无他[语意]，“而已”、“也已”，则语意截然。又“矣”字，又带余声。

Значения 而已 эр и, 也已 е и, 也已矣 е и и, 也已矣 е и и не различаются, однако значения 而已 эр и и 也已 е и более грубые. Кроме того, знак 矣 и вносит дополнительный оттенок.

(11) 已矣乎：意与前类，但既带叹意而言，又衍以疑而不定之辞。

Значение 已矣乎 и и ху соотносится со значениями, [описанными в] предыдущих [словарных статьях], однако также передаёт эмоции, кроме того, является единицей со значением сомнения, неопределённости.

Приведённые выше примеры показывают, что 辞 цы могли называть как односложные (примеры 1, 2, 3), так и двусложные (примеры 2, 4) и даже трёхсложные (пример 11) единицы. Вариант 声 шэн (примеры 4, 6–9), вероятно, использовался для обозначения различных частиц и некоторых междометий. Под 字 цзы (примеры 3–8, 10) автор имеет в виду ‘иероглифический знак’, как видим, понятие 字 цзы не стоит в одном ряду ни с 辞 цы, ни с 声 шэн.

В словаре 《虚字说》 «Сюй цзы шо» (написан в 1710 г., издан в 1746 г., автор – 袁仁林 Юань Жэньлинь) представлено 143 единицы, распределённых по 51 словарной статье [10]. Словарные единицы также одно-, дву- и трёхсложные. В предисловии автор следующим образом уточняет своё понимание 虚字 сюйцзы ‘пустых слов’:

虚字者，語言襯貼，所謂語辭也……蓋說時爲口吻，成文爲語辭，論字爲虚字：一也。¹

Пустые слова выделяют и соединяют высказывание, [это] так называемые 語辭 юйцы²... 口吻 коувэнь ‘интонация’ в устной речи, 語辭 юйцы ‘служебные слова’ в письменной речи, 虚字 сюйцзы ‘пустые слова’ с точки зрения иероглифики [по сути] одно и то же.

Рассмотрим варианты обозначения служебных слов в словарных статьях «Сюй цзы шо».

(12) 夫字：用爲語已辭者……

Знак 夫 фу – единица, используемая [для обозначения] завершения высказывания...

(13) 而字：凡上下截同類相引，則遞輟向前，有又字意，故而又二字相連。

Знак 而 эр: когда предшествующее и последующее схожи, то связывая [со сказанным] ранее, [у 而 эр] есть значение знака 又 ю ‘ещё и’, поэтому два знака [могут] объединяться.

¹ Здесь и далее выдержки из словарей приводятся иероглифами в традиционном начертании, как представлено в источниках.

² Один из вариантов, используемых в традиционной китайской филологии для наименования служебных (вспомогательных) слов.

(14) 哉字之聲，舌點上腭.....

[При произношении] инициали знака 哉 цзай кончик языка поднимается к нёбу...

(15) 諸字：腰句者可代之於二字.....尾句者可代之歟二字.....縮爲一音。

В середине предложения [знак 諸 чжу] может заменять знаки 之 чжи и 於 юй... В конце предложения [знак 諸 чжу] может заменять знаки 之 чжи и 歟 юй... [слоги, обозначающие чтение каждого из знаков,] соединяются в один слог.

(16) 其字指物之辭。

Знак 其 ци – единица, указывающая на предметы.

(17) 耳矣合聲。焉耳矣三合聲。焉已矣三合聲。

耳矣 эр и – стяжение. 焉耳矣 янь эр и – тройное стяжение. 焉已矣 янь и и – тройное стяжение.

(18) 所以然三字，乃追溯本源之辭。

Три знака 所以然 со и жань ‘то, почему так’ – это единица, [которая] указывает причину [событий].

(19) 得非二字，得不二字，得字是詰問之辭，非字不字，連下成文.....

[В сочетании] двух знаков 得 дэ [и] 非 фэй, [в сочетании] двух знаков 得 дэ [и] 不 бу знак 得 дэ – это единица, [передающая значение] вопроса, знаки 非 фэй [и] 不 бу присоединяются к ней, образуя текст...

Таким образом, в «Сюй цзы шо» 声 шэн (примеры 14, 17) не обозначает «служебные слова», а указывает на некоторые фонологические особенности звучания лексических единиц. Автор активно пользуется понятием 字 цзы ‘иероглифический знак’, отделяя его от 音 инь ‘слога’ (пример 15) и 辭 цы ‘служебного слова’. К 辭 цы могут относиться как односложные (примеры 12, 16), так и многосложные единицы (пример 18). Причём 辭 цы может называть один элемент рассматриваемых сочетаний (пример 19). Юань Жэньлинь также отмечает возможность совместного употребления знаков со схожим значением (пример 13).

В 《助字辨略》 «Чжу цзы бянь люэ» [7] (1711 г., автор – 刘淇 Лю Ци) представлено больше словарных единиц, чем в предшествующих работах, кроме того, уже в предисловии автор называет 30 видов 助字 чжуцзы ‘вспомогательных слов’, 21 из которых – разного рода 辭 цы [2].

(20) 可中，正適之辭，猶俗云恰好也。

可中 кэ чжун ‘как раз’ – единица [со значением] полного соответствия, как в обиходе сказать 恰好 ця хао ‘в самую пору’.

(21) 容，或也。容或，重言也。

容 жун – это 或 хо. 容或 жун хо ‘вероятно, пожалуй’ – повторение.

(22) 此容字，可辭也。

В данном [случае] знак 容 жун ‘должно быть’ – единица [со значением] возможности.

(23) 庸安，重言也。

庸安 юн’ань ‘как?’ – повторение.

(24) 之: 左傳「介之推」, 「燭之武」, 孟子「尹公之佗」, 「庾公之斯」之類, 亦助辭也。

又指事之辭。

此之字亦當訓是, 乃語助也。

之 чжи – вспомогательная единица [в случаях] типа 介之推 Цзе Чжитуй ‘Туй из рода Цзе’, 燭之武 Чжу Чжиу ‘У из рода Чжу’ («Цзо чжуань»), 尹公之佗 Иньгун Чжито ‘То из рода Иньгун’, 庾公之斯 Юйгун Чжисы ‘Сы из рода Юйгун’ («Мэн цзы»).

...Также является единицей, указывающей на объект.

...В данном случае знак 之 чжи толкуется как 是 ши, помогает построению высказывания.

(25) 今: 卽辭也。

今 цзинь – единица, [обозначающая] скорое [совершение действия].

辭 цы, как и в словарях-предшественниках, может обозначать не только односложные (примеры 22, 24), но и многосложные (пример 20) словарные единицы, однако заглавные слова статей «Чжу цзы бянь люэ» исключительно односложны. Единицы с одинаковым значением могут объединяться друг с другом (примеры 21, 23): 重言 чунъянь ‘повторение’ – одна из разновидностей вспомогательных слов, классификация которых приведена в предисловии к данной монографии (как мы видели ранее, Юань Жэньлинь в «Сюй цзы шо» также отмечал возможность объединения единиц с одинаковым значением). Кроме того, Лю Ци демонстрирует, что полные (т. е. знаменательные) слова могут употребляться как пустые (т. е. служебные), относит к таким единицам, например, 今 цзинь в значении ‘вскоре’ (тогда как основное (знаменательное) значение – ‘ныне’).

Словарь 《经传释词》 «Цзин чжуань ши цы» [9] (1798 г., автор – 王引之 Ван Иньчжи) отличает обилие грамматических терминов, поскольку автор стремился максимально полно отразить взгляды своих предшественников относительно особенностей употребления лексики служебного характера. Таким образом, используемый грамматический инструментарий не отличается единообразием. Наиболее распространёнными вариантами обозначения «служебных слов» являются 词 цы, 辭 цы и 声 шэн [1, с. 112].

Рассмотренный материал словарей служебных слов традиционного периода развития языковедческих знаний в Китае демонстрирует, что в качестве «словарного слова» [6, с. 110], т. е. единицы лексикографического описания, в такого рода работах совсем не обязательно выступает однослог (хотя нередко такая единица, действительно, является односложной, что связано с типологическими особенностями китайского языка). Авторы представленных выше работ последовательно при помощи 字 цзы обозначают ‘иероглифический знак’, объектом же их филологического описания является единица иного плана. Такие единицы можно назвать «словами», однако это будет очень условно, поскольку природа китайских однослогов (их грамматическая законченность) является причиной того, что любая языковая единица (даже при выполнении служебной функции) может употребляться самостоятельно и вносить свой вклад в формирование «объединённого» значения многосложных единиц (об особенностях языков изолирующего типа см., например, [4]). Кроме того, данные рассмотрен-

ных словарей показывают, что 字 *цзы* не равнозначно также и понятию «слог» (音 *инь*).

С точки зрения терминологии отметим, что при описании употребления служебных единиц, вероятно, чаще всего использовалось обозначение 辞 *цы* (есть и другие варианты, однако их применение не является строго последовательным). При этом названия рассмотренных монографий свидетельствуют о том, что авторы описывают 语助 *юйчжу*, 虚字 *сюйцзы*, 助字 *чжуцзы* или 词 *цы*, варианта 辞 *цы* нет в названии ни одной из работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирюхина, Л. В. Служебные слова в словаре «Цзин чжуань ши цы» (к вопросу о грамматической терминологии) [Электронный ресурс] / Л. В. Кирюхина // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2 (41). – С. 105–113. – Режим доступа: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4003/. – Дата доступа: 28.02.2023.
2. Кирюхина, Л. В. «Вспомогательные слова» в трактовке Лю Ци / Л. В. Кирюхина // Обучение китайскому языку и культуре: прошлое, настоящее, будущее: сборник научных статей II международной конференции. – Москва: Языки Народов Мира, 2023. – С. 58–61.
3. Шу-сян, Люй. Вопрос о слове в китайском языке / Люй Шу-сян // Вопросы языкознания. – 1959. – № 5. – С. 12–20.
4. Солнцев, В. М. Типологические свойства изолирующих языков (на материале китайского и вьетнамского языков) / В. М. Солнцев // Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы морфологии, фонетики, фонологии. – Москва, 1970. – С. 11–19.
5. Солнцева, Н. В. О смене научных парадигм в китайском языкознании / Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев // Актуальные проблемы китайского языкознания: Материалы VII всероссийской конференции по китайскому языкознанию, Москва, 28–29 июня 1994 г. – Москва, 1995. – С. 115–123.
6. Яхонтов, С. Е. О значении термина «слово» / С. Е. Яхонтов // Проблемы китайского и общего языкознания. К 90-летию С. Е. Яхонтова. – СПб.: Студия «НП-Принт», 2016. – С. 109–116.
7. 刘淇. 助字辨略. –上海: 中华书局, 1948. – 353 页. = Ци, Лю. Очерк о различении служебных слов / Лю Ци. – Шанхай: Книжная компания Чжунхуа, 1948. – 353 с.
8. 刘燕文. 语助校注. – 郑州: 中州古籍出版社, 1986. – 85 页. = Яньвэнь, Лю. Юй чжу с редакторскими правками и комментариями / Лю Яньвэнь. – Чжэнчжоу: Чжунчжоуское издательство древней литературы, 1986. – 85 с.
9. 王引之. 经传释词. – 南京: 凤凰出版社, 2016. – 179 页. = Иньчжи, Ван. Толкование лексики канонов и комментариев / Ван Иньчжи. – Нанкин: Издательство «Феникс», 2016. – 179 с.
10. 袁仁林. 虚字说. – 香港: 中华书局, 1989. – 171. – 访问方式: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=305050&remap=gb>. – 来访日期: 28.02.2023. = Жэньлинь, Юань. О Пустых словах / Юань Жэньлинь. – Гонконг: Книжная компания Чжунхуа, 1989. – 17 с. – Режим доступа: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=305050&remap=gb>. – Дата доступа: 28.02.2023.

ВИРТУАЛЬНАЯ ЦЕПЬ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются отрывки из древнекитайского памятника «Чжуанцзы» с применением разработанной А. Н. Гордеем концепции виртуальной цепи. При дальнейшей конкретизации концепция полноценно описывает синтаксис линейного сочетания иероглифов в древнекитайском языке.

Ключевые слова: древнекитайский язык, вэньянь, виртуальная цепь, члены предложения, знаки алфавита синтаксиса, топик, комментарий.

VIRTUAL STRING OF THE ANCIENT CHINESE LANGUAGE

The article deals with excerpts from the ancient Chinese monument “Zhuangzi” using the concept of a virtual chain developed by Aliaksandr Hardzei. With further elaboration the concept fully describes the syntax of the linear combination of hieroglyphs in the ancient Chinese language.

Key words: ancient Chinese, classical Chinese, virtual chain, parts of sentence, signs of syntax alphabet, topic, comment.

Материалом данного исследования являются отрывки из древнекитайского памятника «Чжуанцзы», что требует определения понятия древнекитайского языка. Принято выделять собственно древнекитайский язык и образованный на его основе вэньянь [3, с. 125]. Вэньянь (文言, букв., «культурная речь» или «речь письмен») – это нормативный традиционный китайский литературный язык, который начал формироваться на рубеже нашей эры на основе классических текстов V–III вв. до н.э.: канонических, философских и исторических [4, с. 11]. Таким образом, материалом для настоящего исследования является собственно древнекитайский язык, так как вэньянь на момент возникновения памятника ещё не был сформирован. Тем не менее, гипотетически подход, применяемый в данной статье, при соответствующей корректировке и конкретизации может быть распространён и на вэньянь в том числе.

Виртуальная цепь – это модель гипотетического предложения, в которой были бы реализованы все его члены [1, с. 356]. Применительно, например, к синтетическим флективным языкам (в том числе русскому) виртуальная цепь проявляется как стилистический принцип, а не синтаксическое предписание, поскольку в таких языках часть речи часто занимает любое положение независимо от её синтаксической роли. В то же время данное понятие возможно применить к древнекитайскому языку, в т. ч. к вэньяню, в качестве синтаксического предписания, поскольку древнекитайский язык и вэньянь имеют достаточно устойчивый порядок слов по сравнению с русским языком [6, с. 27].

При постулировании виртуальной цепи необходимо обозначать следующие понятия, соответствующие синтаксическим элементам: «части языка – подмножества языковой системы, элементами которых являются знаки с общим предельно абстрактным стереотипом по значению (в синтаксических структурах они соответствуют членам предложения), и знаки алфавита синтаксиса – вспо-

могательные средства синтаксиса (предлоги, послелог, союзы, частицы и др.), служащие для соединения составных частей языковых структур. Знаки алфавита синтаксиса принадлежат не языку, а метаязыку (языку, интерпретирующему другой язык), поскольку обозначают не факты модели мира, а факты языка» [2, с. 20]. Подробнее см. [4].

Теоретическое выделение членов предложения, а отчасти и знаков алфавита синтаксиса, осуществлялся на основе сведений, приведённых в «Учебнике классического китайского языка вэньянь. Начальный курс» авторов А. М. Карапетянца и Тань Аошуан.

Вместе с тем выделение таких понятий, как топик (Т) и комментарий (К), имеет важное значение для описания синтаксических структур древнекитайского языка. «Топик – 1. в самом общем виде: универсальная базовая категория языка: предикатный компонент; то, что подвергается характеристике – на всех уровнях, этапах, во всех измерениях языка. 2. в классическом смысле Ч. Ли и С. Томпсон: синтаксическая категория, противопоставляемая подлежащему и функционирующая в предложениях типа Т–К» [8, с.489]. «Комментарий – 1. в самом общем виде: универсальная базовая категория языка: предикативный компонент; что характеризует тему – на всех уровнях, этапах, во всех измерениях языка. 2. в классическом понимании Ч. Ли и С. Томпсон: синтаксическая категория, противопоставляемая сказуемому и функционирующая в предложениях типа Т–К» [8, с. 482]. Подробнее см. [4].

При описании фрагментов виртуальной цепи использованы обозначения, приведённые в магистерской диссертации автора «Исследование эксплицитности и имплицитности языковых категорий в древнекитайском языке (на примере текста 莊子 «Чжуанцзы»)» [5, с. 8-12]. При каталогизации ЗАС древнекитайского языка использовался «Список ЗАС с перечнем их метасемантических функций», приведённый в вышеупомянутой диссертации [5, с. 57-58].

В синтаксической структуре древнекитайского языка были выделены следующие группы:

1. Группа подлежащего (П): определение подлежащего (Оп), собственно подлежащее (СП) и ЗАС-распределитель подлежащего (ЗАС_П); представлена следующим образом (здесь и ниже приведено по одному примеру каждой схеме либо по несколько примеров к более сложным схемам; пунктуация используется как примечание, а не как элемент исходного текста):

[[**(Оп)** + **СП**] + **(ЗАС_П)**]

[**其** + **名**] + **為** + **鯢**

[**qí** + **míng**] + **wéi** + **Kūn**

П {Оп + СП} + Ск + ПД

[**ее** + **имя**] + **есть** + **Кунь**

либо [[**(Оп)** + **(СП)**] + **ЗАС_П**]

皆 + **大** + [**欢** + **喜**]

jīe + **dà** + [**huān** + **xǐ**]

П {ЗАС_П} + УСК + [ОСК]/¿[ОСК₁ + ОСК₂]?]

[**люди**] **{СП} все + сильно + [радуются]**

В данном случае мы видим употребление ЗАС-распределителя подлежащего (ЗАСп) в роли подлежащего, а также употребление уточняющего компонента сказуемого (УСк). Пример взят из [7].

либо [синтагма]

搏 + [扶 + 搖] + 而 + 上 + 者// + [九 + 萬 + 里]

tuán + [fú + yáo] + ér + shàng + zhě// + [jiǔ + wàn + lǐ]

П₁ {ДСк_{1.2} + [ПД_{1.2}] + ЗАС^{402.а}_{Ск2.1} 而 + ОСк_{1.2}} + ЗАС^{702.6} 者// + [Оп_{1.1}ПД₁ + Оп_{1.2}ПД₁ + ПД₁]

[Пэн] {СП_{2.1}} *опирается <на>/закручивает + [вихри] + и + поднимается + <на высоту> ту, что {ЗАС^{702.6} 者; 'высота'} + |есть, 'составляет'| {ОСк₁} + [девять + ваней* + ли]*

* вань = десять тысяч

В этом предложении подлежащее представлено синтагмой, включающей в себя основной компонент сказуемого (ОСк_{1.2}) и основной компонент дополнительного сказуемого (ДСк_{1.2}).

2) группа сказуемого (Ск): основной компонент главного сказуемого (ОСк), модальный компонент главного сказуемого (МСк), выраженный переменным (МСк {ПрЁ}) или постоянным ёгеном (МСк {ПЁ}) (для справки: «Части языка подразделяются на обозначающие индивид тайгены (от яп. 体言 – стабильное слово), например: *стол, восемь, мы* и обозначающие признак индивида ёгены (от яп. 用言 – подвижное слово), например: *бежать, коричневый, смело*» [2: с.20]), уточняющий компонент главного сказуемого (УСк), основной компонент дополнительного сказуемого (ДСк), а также ЗАС-негаторы:

¿(МСк{ДСк} + УСк{ДСк})? + ДСк + [(¿ОпПД{ДСк}? + ПД{ДСк})] + ЗАС^{402.а}_{Ск} 而 + ЗАС^{не}_{ОСк} + МСк{ПрЁ/ПЁ} + УСк + ОСк

水 + 擊 + [[三 + 千] + 里]

shuǐ + jī + [[sān + qiān] + lǐ]

УСк {sem ПД} + ОСк + [[Оп₁{ПД} + Оп₂{ПД}] + ПД]

[Пэн] {СП} + *воду + ударяет <на высоту> + [[три + тысячи] + ли]*

怒 + 而 + 飛

nù + ér + fēi

ДСк + ЗАС^{402.а}_{Ск} 而 + Ск

[Пэн] {П} + «*моц- + -ничая*» {ЗАС^{402.а}_{Ск} 而} + *взлетает*

3) группа прямого дополнения (ПД): определение к прямому дополнению (ОпПД), собственно прямое добавление (ПД); описание выглядит следующим образом:

[(ОпПД) + ПД]

[南 + 冥] + 者//, [天 + 池] + 也。

[nán + míng] + zhě //, [tiān + chí] + yě.

[ОпП + СП] + ЗАС^{702.6} 者 {syn ОСк} //, [ОпПД + ПД] + КЧ^{201.в} 也.

[Северный + океан] + же {ЗАС^{702.6} 者: syn ОСк} |есть| {ОСк} + [природный + во-доем] + . {КЧ^{201.в} 也}

либо [синтагма] {конец предложения}

^z[>鯤 + 之 + 大<]^z //, ...

^z[>Kūn + zhī + dà<]^z //,...

Т: ПД₁ {частично}; ПД₁ {частично}:

^z[>СП_{1.1.1} {ОП_{ПД1} в ПД₁} + ЗАС^{701.6} 之 {ОСК_{1.1.1} ► П_{1.1} в ПД₁} + ОСК_{1.1.1} ~ ПД_{1.1.1}?<]^z {СП_{1.1} в ПД₁} //,...

^z[>Кун- + -я {ЗАС^{701.6} 之} + «великость» ('величины')<]^z {ПД₁ ► П_{1.1}} //...

...不 + 知 + ...

...bù + zhī + ...

...ЗАС^{не301.a} 不 + ОСК₁ + ...

...|люди {П₁}| + не {ЗАС^{не301.a} 不} + знают<:> + ...

...^其[>其 + ^幾[>幾 + [千 + 里] <]^幾<]^其 + 也。

...^其[>qí + ^幾[>jǐ + [qiān + lǐ] <]^幾<]^其 + yě.

...^其[>ПД₁<]^其 + КЧ^{201.a} 也; ПД₁:

^其[> ПД₁ ~ П_{1.1} {ЗАС^{501.в} 其: ПД₁ ► П_{1.1}} + ^幾[>ЗАС^{601.a} 幾 {ОП_{ПД1.1} ~ syn ОСК_{1.1}} + [ОП_{ПД1.1} + ПД_{1.1}] <]^幾

^其[>она {ЗАС^{501.в} 其} + ^幾[>|занимает| {ОСК_{2.1}} сколько {ЗАС^{601.a} 幾} + [тысяч + ли] <]^幾<]^其 + . {КЧ^{201.a} 也}

В данном случае пример с синтагмой в качестве ПД интересен тем, что часть этого ПД (СП в составе синтагмы), будучи вынесенной в топик, оказывается оторванной от основной части ПД, находящейся в конце предложения.

4) группа косвенного дополнения (КД): определение к косвенному дополнению (Оп_{КД}) и собственно косвенное дополнение (КД); соответствующая схема: [(Оп_{КД}) + КД]

5) группа обстоятельства-дополнения места (О-ДМ, описывает точное место события): возможно, определение к обстоятельству-дополнению места (Оп_{О-ДМ}), однозначно – собственно обстоятельство-дополнение места (О-ДМ), вводимое с помощью ЗАС^{11.a}_{О-ДМ} 於; может быть описано следующим образом: ЗАС^{11.a}_{О-ДМ} 於 + [¿(Оп_{О-ДМ})? + О-ДМ + (локализатор) {переводит объект в локус}]

Пример использования группы КД и О-ДМ приведен ниже:

[是 + 鳥] + 也, // [海 + 運] + 則 + 將 + 徙 + ^於[> [於 + [南 + 冥] <]^於

[shì + niǎo] + yě, // [hǎi + yùn] + zé + jiàng + xǐ + ^於[>[yú + [nán + míng] <]^於

[Т] {Оп_{КД} + КД} + ЗАС^{201.6} 也 // [ОП_П + СП] + ЗАС^{401.6} 則 + пЗАС⁸⁰¹ 將 + ОСК + ^於[>ЗАС_{А-ДМ1} 於 + [¿Оп_{О-ДМ}? + О-ДМ] <]^於

[Эта + птица] + же // [морское + движение] + и + с <этой птицей> ~ ведет {ЗАС^{401.6} 則}, который также возможно трактовать как ДСК₁ <эту птицу> + перемещается + ^於[> в направлении {ЗАС_{О-ДМ1} 於} + [южного + океана] <]^於

Помимо прочего, здесь мы видим использование топики, роль которого и выполняет группа косвенного дополнения. Выделение определения к О-ДМ стоит под вопросом, поскольку 南冥 nán míng 'южный океан' семантически уже представляет собой конкретный локус, а значит, полноценное О-ДМ, в составе которого мы можем выделить определяемое и определение.

6) группа обстоятельства времени (ОВ): возможно, определение к обстоятельству времени (Оп_{ОВ}) и собственно обстоятельство времени (ОВ); описание:

[¿(Опов)? + ОВ]. Примером ОВ без Опов может выступать 昔 xī ‘прежде, раньше, некогда; в прошлый раз’ [7]. Также ОВ может быть выражено синтагмой, как представлено ниже:

其 + 視 + 下 + 也 // 亦 + 若 + 是 + 則 + 已 + 矣。

qí + shì + xià + yě // yì + ruò + shì + zé + yǐ + yǐ.

T: ОВ₁ + ЗАС^{201.6} 也 // УСк_{1.2} {ф-ция ЗАС} + ОСк_{1.2} + ПД_{1.2} + ЗАС^{401.a} 則 + ОСк_{1.3} + КЧ^{203.a} 矣; ОВ₁:

СП_{1.1} {ЗАС^{501.a} 其} + ОСк_{1.1} + О-ДМ_{1.1} ~ ОпПД_{1.1}

Оно/¿Он? {ЗАС^{501.a} 其: Небо/¿Пэн?} + *смотрит* + *вниз* {О-ДМ_{1.2}} ~ <на> |предметы| {ПД_{1.1}} *внизу* {ОпПД_{1.2}} + *когда* {ЗАС^{201.6} 也} // |увиденное| + *также* {ф-ция ЗАС} + *походит* <на> + *это* + *да* {ЗАС^{401.a} 則} + *закончилось* (‘всё’) + результативность. {КЧ^{203.a} 矣}

7) группа обстоятельства места (ОМ): определение к обстоятельству места (Опом), собственно обстоятельство места (ОМ); Демонстрация: [(Опом) + ОМ]

[北 + 冥] + 有 + 魚

[běi + míng] + yǒu + yú

[Опом + ОМ] + ОСк + ПД

[<В> северном + океане] + |небо| + имеет + рыбу

8) группа инструмента (Ин, как правило, описывает то, чем осуществляется действие) либо состоит из определения к инструменту (ОпИн) и собственно инструмента (Ин), либо представлена синтагмой. В первом случае, как правило, перед группой инструмента стоит ЗАС^{12.a} Ин 以, во втором – группа инструмента, как правило, приводится перед ЗАС^{12.6} Ин 以. Группа инструмента может быть описана следующим образом: ЗАС^{12.a} Ин 以 + [(ОпИн) + Ин]

^{12.a} 以 [> 以 + [六 + 月] <] ^{12.a} 以 + 者 [> 息 + 者 <] 者 + 也。

^{12.a} 以 [> yǐ + [liù + yuè] <] ^{12.a} 以 + 者 [> xī + zhě <] 者 + yě.

^{12.a} 以 [> через {ЗАС^{12.a} Ин 以; тут SEM близко 已 [7]} + [шесть {ОпИн} + месяцев {Ин}] + отдыха {П} + того, что {ЗАС^{702.b} 者; ‘время’} <] 者 + . {КЧ^{201.a} 也} либо [синтагма] + ЗАС^{12.6} Ин 以

9) группа ориентировочного косвенного дополнения (ОКД): возможно, определение к ориентировочному косвенному дополнению (ОПокд), однозначно – собственно ориентировочное косвенное дополнение (ОКД); представление: [¿(ОПокд)? + ОКД]

覆 + 杯 + 水 + 於 [> 於 + [[坳 + 堂] + 之 + 上] <] 於 + 則 + 芥 + 為 [> 為 + 之 <] 為 + 舟

fù + bēi + shuǐ + 於 [> yú + [[ào/āo + táng] + zhī + shàng] <] 於 + zé + jiè + 為

[> wèi ~ ¿wéi? + zhī <] 為 + zhōu

ОСк₁ + ОпПД₁ + ПД₁ + 於 [> ЗАС^{11.a} А-ДМ₁ 於 + [[Опо-ДМ₁] + ЗАС^{701.a} 之 + О-ДМ₁] <] 於 + ЗАС^{401.a} 則 {ПСКПД₁ ► ПСКПД₂} + СП₂ + 為 [> ЗАС^{13.a} ОКД₂ 為 ~ ¿ОСк₂? + ОКД₂ ~ ¿ОпПД₂? <] 為 {ЗАС^{701.b} 之} {Д₁ ► ОКД₂ ~ ОпПД₂: ОКД₂ ~ ¿ОпПД₂? = Д₁} + ПД₂

|Люди| {П₁} + *переворачивают* + <одну> кружку + воды + тогда {ЗАС^{401.a} 則} + *горчичное зернышко* + 為 [> для {ЗАС^{13.a} ОКД₂ 為} + *её* {‘воды во впадине’} <] 為 + |является| {ОСк₂} + лодкой.

¿либо? + тогда {ЗАС^{401.a} 則} + *горчичное зернышко* + является {ОСк₂} + *её* {ОпПД₂; ‘воды во впадине’} + лодкой.

Этот пример отличным образом демонстрирует некоторую возможную неоднозначность определения и описания различных элементов древнекитайского языка.

В результате мы можем описать фрагмент виртуальной схемы древнекитайского языка следующим образом:

$$\begin{aligned}
 & (\text{НЧ}) + \text{T}^* \{ \text{П/ПД/КД/ОВ/}_{\text{и}}\text{ОМ?/}_{\text{и}}\text{О-ДМ?/}_{\text{и}}\text{Ин?/}_{\text{и}}\text{ОКД?} \} + \\
 & + (\text{ЗАС}^{201.6} \text{也} \{ \text{частотно синтагматор} \} / \text{ЗАС}^{702.6} \text{者}) + \text{ОВ} + \text{ОМ} + \\
 & + \text{П} \{ \text{частотное опускание П, исключение – предложения фазы 'быть'} \} + \\
 & + \frac{(\text{ЗАС}^{702.в} \text{者}) \{ \text{тж после Опп при } |\text{П}|, \text{ПД – численное знач.} \} + \text{ПД} + (\text{КЧ})}{[\text{пЗАС}^{801.а} \text{將} + \text{КД}] +} \\
 & + [\text{ЗАС}^{12.а} \text{Ин} \text{以} + \text{Ин}] / [\text{Ин} \{ \text{частотно синтагма} \} + \text{ЗАС}^{12.6} \text{Ин} \text{以}] + \\
 & + [\text{ЗАС}^{13.а} \text{ОКД} \text{為} + \text{ОКД}] + \text{Ск} + \frac{\text{ПД} \{ \text{синтагма} \} + (\text{КЧ})}{\text{ПД} + \text{КД} + [\text{ЗАС}^{11.а} \text{О-ДМ} \text{於} + \text{О-ДМ}] +} \\
 & \quad \quad \quad (\text{КЧ})
 \end{aligned}$$

* Комментарии к топику:

1) использование маркеров ЗАС^{201.6} 也/ЗАС^{702.6} 者 не обязательно, за исключением ситуаций, когда топик представлен синтагмой (см. примеры с группами П и ОВ, выраженными синтагмой);

2) любой член предложения, вынесенный в топик, может быть представлен синтагмой;

3) возможна субституция на основной позиции подлежащего, вынесенного в топик, с помощью ЗАС^{501.а} 其);

4) субституция на основной позиции прямого дополнения, вынесенного в топик, с помощью ЗАС^{701.в} 之/ЗАС^{501.в} 其 (см. пример синтагмы в качестве группы ПД, причем непосредственно вынесенным в топик оказывается П из синтагмы, а не вся синтагма, что можно рассматривать в том числе и как пример п. 3);

5) субституция на основной позиции косвенного дополнения, внесенного в топик, не была зарегистрирована;

6) маловероятна субституция на основной позиции обстоятельства времени, обстоятельства места, вынесенных в топик, поскольку основная позиция обстоятельства времени и обстоятельства места находится в начале предложения после начальной частицы;

7) возможна субституция на основной позиции других членов предложения, вынесенных в топик, с помощью ЗАС^{701.в} 之 (см. пример к группе ОКД)/других знаков алфавита синтаксиса [5, с. 116].

Примеры разбора предложений на древнекитайском языке приведены ниже (пунктуация используется как примечание, а не как элемент исходного текста):

Таким образом, понятие виртуальной цепи вполне адекватно применительно к древнекитайскому языку, что определяет вероятность его прикладного (обучение, машинный перевод и т.п.) и фундаментального (определение универсальных характеристик языка, закономерностей человеческого мышления и гносеологических особенностей) применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордей, А. Н. Виртуальная цепь как синтаксический код предложения (на примере китайского языка) // Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации. – Гродно, 2007. – Ч. 2. – С. 349–358.

2. Гордей, А. Н. Метасемантика языковых категорий // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск, 28 марта 2008 г.: сб. материалов / отв. ред. А. И. Головня. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. С.19–25.
3. Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск: Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.
4. Зограф, И. Т. Вэньянь и байхуа: взаимодействие двух форм изолирующего языка / И.Т. Зограф // Письменные памятники Востока. – 2008. – № 1 (8). – С. 125-146.
5. Карапетьянц, А. М. Учебник классического китайского языка вэньянь. Начальный курс / А. М. Карапетьянц, Тань Аошуан. – Москва: Изд-во «Муравей», 2001. – 432 с.
6. Крышук-Тарасаў, М. І. Даследаванне экспліцытнасці і імпліцытнасці моўных катэгорый у старажытнакітайскай мове (на прыкладзе тэксту 莊子 «Джуандзы»): дыс. ... магістра ўсходазнаўств : 1-23.80.10 / М. І. Крышук-Тарасаў. – Мінск, 2022. – 116 л.
7. Коцик, К. Э. Топиковые структуры в современных лингвистических парадигмах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / К. Э. Коцик. – Москва, 2018. – 308 л.
8. Курдюмов, В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика / В. А. Курдюмов. – М.: Цитадель-трейд: Вече, 2006. – 576 с.
9. 大 БКРС. Китай и китайский язык для профессионалов и любителей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info>. – Дата доступа: 05.02.2023
10. 《庄子》全篇繁体字文字版. txt // 百度网盘(pan.baidu.com) [Электронный ресурс]. – 2021 – Режим доступа: <https://pan.baidu.com/s/1gdA69Kf>. – Дата доступа: 09.02.2023.

УДК 811.581

В.А. КУРДЮМОВ V. A. KURDYUMOV

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗОВЫХ ЧАСТИЦ В ЯЗЫКЕ ГОЮЙ И УТОЧНЕНИЯ К ОБЩЕЙ КОНЦЕПЦИИ ФРАЗОВЫХ ЧАСТИЦ

Автор продолжает системное описание языка гоюй. Рассматриваются уточнения к общему пониманию фразовой частицы, которая отражает модус и адрес сообщения. Описаны особенности фразовых частиц, типичных для тайваньского речевого обихода и обычно отсутствующих в справочниках по нормативной грамматике: о, уо, луо/ло, эрйи, уе/ей, хей, также ли, бей.

Ключевые слова: фразовые частицы, китайский язык, гоюй, адрес, модус, диктум, диалектный процесс.

PECULIARITIES OF PARTICLES IN GOYU AND SOME CLARIFICATIONS TO THE GENERAL CONCEPT OF SENTENCE FINAL PARTICLES

The author continues the systematic description of Goyu. Clarifications to the general understanding of the sentence final particle, which reflects the Modus and Address of the message, are considered. Described are the features of phrasal particles typical for Taiwanese speech and usually absent in reference books on normative grammar: o, yo, luo/lo, eryi, ye/ei, hei, also li, bei.

Key words: sentence final particles, Chinese language, Taiwan Guoyu, Address, Modus, Dictum, dialect process.

1. Кратко о современном языке гоюй

Данный текст продолжает серию статей об особенностях тайваньского языка гоюй и его отличиях от континентального языка путунхуа [4,5] и отражает результаты исследований автора, начатых в 2017 г.

Современный язык гоюй (соответствующий нормам и реальной практике говорения на Тайване) можно было бы считать региональным вариантом, регионолектом [8], – если принять за точку отсчёта континентальный или «мировой» (изучаемый во всём мире при помощи преподавателей из КНР и на основе принятых в КНР стандартов) китайский язык (КЯ), или путунхуа (ПТХ). В реальности же формирование тайваньского языка гоюй (ТГЮ) никак не определялось влиянием ПТХ: с 1949 г. и до 1980-1990-х гг. Тайвань не контактировал с континентом, источником и того, и другого вариантов был язык гоюй Китайской республики (условно: «всего Китая» до 1949 г.), затем и на континенте, и на на острове Тайвань формирование и трансформация языковой нормы пошлы по собственному пути. В континентальном Китае были упрощены иероглифы, лексика подверглась частичной (но значимой) идеологизации, нормы грамматики и произношения не отклонялись от пекинского стандарта. Общеизвестно, что на Тайване до 1945 г. (до передачи острова в юрисдикцию Китайской Республики; с 1895 г. остров был колонией, и де-факто с конца 1920х гг. – интегрируемой частью Японии) официальным языком был японский, в быту преобладал т.н. тайваньский (台語 *táiyǔ*), т.е. местный миньнаньский язык (или диалект, что для данной статьи не столь важно; нами предложена концепция диалектного процесса [5], где разграничение вариантов – вопрос динамики). С 1945 г. на острове стал внедряться пекинский гоюй, а в 1949 г. с перемещением на Тайвань правительства партии Гоминьдан началось обособленное (пере)формирование этого языка. Следует отметить, что поначалу в ТГЮ сохранялись и поддерживались континентальные произносительные нормы, но где-то с конца 1950-х годов язык стал «тайванизироваться». При эмиграции на Тайвань, как отмечается в источниках, носители пекинского диалекта не являлись преобладающей частью: вопреки бытующим представлениям, на фоне иммиграции из других провинций (хотя и незначительно, но) преобладали жители провинции Фуцзянь (миньнаньцы), поэтому «материковые» нормы гоюй поддерживались лишь двумя факторами: политической волей руководства и армии, сохранявших представления о единстве «большого» государства (хотя, к примеру, президент Цзянь Цзинго говорил с сильным чжэцзянским акцентом), и определённым процентом выходцев из других провинций Китая, для которых гоюй был универсальным языком общения. Согласно данным профессора Хэ Ваньшуня [9, с.9], среди одного миллиона опрошенных в 1956 г.: из Фуцзяни прибыло 15,35% «вайшэнов» («приезжих»), из Чжэцзяна – 12,37 %, в то время, как из Бэйпина (Пекина) – лишь 0,85%, из Шанхая – 1,74%, Нанкина (тогдашней столицы Китайской республики) – 1,35%. Подробный обзор процесса «индигенизации» (термин антропологии: автономной локализации, укоренения) гоюй представлен, к примеру, в трудах профессора Хэ Ваньшуня [9]; особенности ТГЮ на русском языке описаны в статьях и учебниках Тан Мэн Вэя [6,7]. Факторами формирования современного ТГЮ стали: коммуникационная изоляция острова от континента, влияние миньнаньского, логика диалектного процесса как обособления, влияние японского и (отчасти) английского языков. Таким образом, ТГЮ может рассматриваться как «регионолект в диахронии» по отношению к общему/исходному и

теперь уже не существующему языку гоюй до 1949 г., но не как «регионолект в синхронии» по отношению к ПТХ.

Во избежание путаницы с терминами следует упомянуть, что в тайваньском лексиконе: *путунхуа* 普通話 – нормативный язык континентального Китая, *гоюй* 國語 – нормативный язык Тайваня ТГЮ (и разговорное название ПТХ в южных регионах КНР), *хуаюй* 華語 – китайский язык как иностранный (華語中心 Центр КЯ как иностранного, 華語系 факультет КЯ как иностранного); *ханьюй* 漢語 – письменный китайский язык (именно язык, не литература), 中文 *чжунвэнь* – либо разговорный китайский язык, либо китайская филология как объект изучения (предмет 中文 – литература, 中文系 – факультет КЯ как китайской литературы / филологии). Стоит отметить, в континентальном лексиконе 中文 *чжунвэнь* и 漢語 *ханьюй*, наоборот, обычно означают соответственно письменный нормативный и разговорный языки, – и это одна из тех «путаниц», с которыми сталкиваются российские студенты, прибывая на Тайвань (при этом в Сингапуре 華語 *хуаюй* – просто КЯ).

Поскольку неизбежно приходится сравнивать с ПТХ (де-факто стандартом изучения в бывшем СССР и нынешней России), то наиболее заметными чертами ТГЮ являются следующие: отсутствие эризации 兒化音, отсутствие 輕聲 нулевого тона (кроме нескольких служебных элементов), смешение конечных носовых звуков, условно обозначаемых как /-n/ и /ng/: 酒精 /jiǔjīn/ спирт ср. /jiǔjīng/ в ПТХ, 露營 /lùyíng/ кемпинг ср. /lùyíng/ в ПТХ, «аллофоны»: иное произношение многих фонем и слогов (к примеру, /r/ → /l/), значительные различия в знаменательной – как бытовой, так и терминологической лексике (вплоть до 60-70%), заметные отличия в грамматике и служебных элементах [4,5,6,7]. Кроме того (что наиболее заметно студентам-китаистам из России), на острове используются несокращённые иероглифы и азбука *чжуинь фухао* (оптимально, по сравнению с латиницей *пиньинь цзыму*, отражающая формулу китайского слога).

2. О фразовых частицах

Проблематика фразовых частиц (китайские термины 語氣助詞, 語尾助詞) затрагивалась нами в одной из статей [3] и достаточно подробной главе второго (так и не изданного) тома «Грамматики...», 2006) [2]. Тогда мы писали, что частица (как в речи, так и на письме) де-факто является носителем дополнительного модусного значения типа: *Мне нравится, что..., Я в восторге от того, что..., Я раздосадован тем, что..., Я удивлен тем, что...* и пр. В ходе подробного изучения вопроса о тайваньской специфике фразовых частиц мы убедились в том, что необходимо рассматривать в целом – трёхчастную топиковую структуру сообщения.

В рамках предикационной концепции [1,2] отражаемому на письме предложению соответствует более комплексная единица, называемая нами «сообщением» и состоящая из *диктума* (собственно т.н. локутивной части), *модуса* (присутствия отправителя: как явного, так и неявного), *адреса* (предположения собеседника (также явного и неявного). Топики адреса («ты») и модуса («я») можно рассматривать и как топики по отношению к диктуму (который характеризует и собеседника, и говорящего и в данной оппозиции является коммента-

рием), в то же время фразовые частицы ТГЮ в очередной раз демонстрируют, что адрес и модус могут рассматриваться как ввод дополнительных (дискурсивных) предикатов.

Нормы говорения на Тайване предполагают максимальную вежливость и толерантность по отношению к собеседнику, стремление не обидеть, и многие частицы (подробно см. ниже) реализуют именно предикат адреса *Я уважаю тебя и не хочу задеть или проявить неуважение....*

В рамках концепции позиционной морфологии [1,2] сущность позиции частицы вообще и её маршрут в диахронии – (свёрнутая и развёртываемая при восприятии) оценочная или иная маркировка диктума в движении от (развёрнутых) вводных оценочных предикатов субъективной модальности. Напомним, частеречная принадлежность в китайском языке не присуща единице «словарно», а обретается в синтаксическом контексте, является морфологической позицией – в современном *байхуа* – чаще всего в рамках *диапазона*, относительно устойчивой серии смежных позиций (глагол↔предлог, существительное↔относительное прилагательное↔качественное прилагательное↔глагол и т.п.). Частицы – не исключение, на письме они обычно совпадают с междометиями и в бытовом сознании от междометий не отделяются [3] (кроме частиц группы *la / luo / lo*): находясь в диапазоне «междометие ↔ фразовая частица»:

喔! 原來如此! О, вот как оказывается на самом деле!

哦! 好的! 謝謝! 我來找找看! А, хорошо, спасибо! Я поищу!

嘿! 這邊走, 別走錯路了. Эй, пойдёте здесь, не ошибитесь с маршрутом.

Следует отметить, что выбор частицы из ряда (относительно) близких по звучанию (囉/咯, 喔/哦/噢) часто маркирует и индивидуальность и, естественно, настроение говорящего (см. ниже).

Очевидно, что в отличие от многих случаев в русском языке (*А дети придут на ёлку?*, *Ну приходи же!*), фразовые частицы в китайском постпозитивны по отношению к («основному») предложению или логически выделяемой части.

Ранее [3] мы писали, что частицы в китайском языке не тонируются, однако тайваньская речь даёт повод сомневаться в таком утверждении: многие частицы имеют либо тон, либо «полутон», что отмечается в словарях [10] и заметно в звучащей речи (собственно, в рамках более общей – и уже сформированной – тенденции ТГЮ к отказу от нулевого тона).

3. Специфика фразовых частиц в языке гоюй

Ранее [3, с.40-41] мы выделяли следующие группы (или серии) частиц, основываясь на материале ПТХ:

– частицы группы *ba*: 吧 (*罷*) *ba*, 喂 (*欸*) *bei*, 罷了 *bale* (архаичный вариант – 而已 *éryǐ*), – которые, в общем и целом, маркируют оттенки побуждения;

– частица *ne* (吶, возможные чтения *ní*, *na*), – которая, в общем и целом, маркирует топик (в том числе и топик-целое высказывание) и необходимость его дальнейшего пояснения;

– частицы группы *ma*: 嗎 *ma* (麼 *ma*, *me*), 嘛 *ma*, – которые, в общем и целом, маркируют вопрос и убеждение-очевидность;

– частицы группы *la*: 了 *le*, 啦 *la*, 咯 *lo*, – которые, в общем и целом, маркируют изменение ситуации;

- частицы группы а: частица 啊 а и ее варианты 呀 уа, 哇 wa, 哪 na;
- частица 的 -de в позиции фразовой частицы (структурная частица → фразовая частица).

Условно назовём теперь эти серии «континентальными», т.е. свойственными нормативному ПТХ. Собственно, в учебниках КЯ на Тайване такие частицы также признаются нормативными и достойными описания, однако реальность коммуникации расходится и с письменной нормой гоюй до 1949 г., и с нормами «всемирного китайского». В разделе ниже мы опишем частицы, типичные именно для повседневной устной коммуникации и общения в мессенджерах (стандартным мессенджером на острове является Лайн /Line /賴 Lài).

3.1. Распространённость частицы 而已 éryǐ

Обычно в справочниках (наша статья 2014 г. – не исключение [3]) пишут, что 而已 éryǐ *лишь, всего лишь навсего* – архаичный (присущий классическому языку *вэньянь*) эквивалент частицы 罷了 bàle /bàliǎo. Однако на острове 罷了 bàle в речи не употребляется, в то время как 而已 éryǐ (как в рамочной конструкции с ограничительными наречиями типа 才 cái, 僅 jǐn, 只 zhǐ, так и без таковых) – обычный элемент повседневной коммуникации:

我[只]吃了一口而已。Я съел лишь один [пельмень].

她[才]三歲而已。Ей всего три года.

這件事跟他們無關，這是我的責任而已。Данный вопрос их не касается, это лишь моя обязанность.

3.2. Распространённость частицы 耶 yé / 欸 èi

Частица 耶 yé также считается архаичной и присущей классическому языку *вэньянь*. Однако на острове она присуща разговорной речи и употребляется на каждом шагу, иногда в форме 欸 èi. Дополнительный предикат говорящего, выражаемый этой частицей, – *однако, а вот напротив, о как, оказывается*. Достаточно типична фраза 沒有耶! Méi yǒu yé!, произносимая со специфической интонацией (непередаваемой на письме), приблизительно соответствующая русскому *He-a!* (= *А вот нет!*).

您真的太誇張耶... Но Вы действительно преувеличиваете...

這個東西只要兩百元而已耶! [Оказывается], эта вещь стоит всего двести тайваньских долларов!

你插隊欸! [Однако] ты пролез в очередь!

3.3. Частицы группы -о: 哦 о, 喔 о, 噢 о, 哟 уо, 唷 уо

Такие частицы – также чрезвычайно распространённый элемент коммуникации на Тайване. Их приблизительно можно рассматривать как «милый и приятный» островной эквивалент «нормативных» частиц серии 啊 а / 呀 уа, при этом

в учебниках и справочниках они, как ни парадоксально, обычно не описываются (предпочтение отдаётся «норме»).

喔 ǒ, «не выделенный» третий тон: (вежливый) оттенок сомнения (*неужели?!, ой ли?*):

是喔，我沒想到。Да? Я и подумать не мог.

是喔，是這樣嗎? Да? (Именно) так?

喔 о, нулевой тон, – отражает полное одобрение (*Ну да!, Ведь!*):

沒錯啊！你幹嘛還問？ точно! Зачем ты ещё спрашиваешь!

對喔！ Ну да, правильно!

Частицу 哦 о чаще всего считают эквивалентом 喔 о:

室外機已經過保固了哦。 А гарантия на внешний кондиционер уже кончилась.

好哦！我這幾天來聯繫廠商看看！ Хорошо! Я в ближайшие дни свяжусь с фирмой-изготовителем, чтобы посмотрели!

При написании в варианте 噢 о частица обычно отражает оттенок укора, капризного напоминания:

不要忘記了我噢！ Не надо меня забывать!

妳應該是邀錯我了，我自己先退出噢！ Ты, должно быть, по ошибке пригласила меня [в эту группу], я тогда сам выйду из неё!

Исходя из нашего опыта, при переписке в мессенджере градация частиц этой подгруппы достаточно стабильно соответствует следующей шкале: 喔 о – «общий вариант», 哦 о – более личный, интимный, 噢 о – укоряющий, несколько «капризный».

Частицы подгруппы 哟, 唷 уō / уо отражают оттенок: *а вот так, а если так, предлагаю так*:

今天我比較忙，要明天了哟！ Сегодня я достаточно занят, давай [тогда] завтра! 我 9:30 到你家唷。 [Тогда] я в 21:30 буду у тебя.

3.4. Частицы группы luō 囉 / 嘍 / 嚕 и частица 咯 lo

Частицы этой группы приблизительно/относительно соответствуют «нормативному» 啦 la, отражая значение утверждения: *да, конечно, уже*. Концовка «на – о» опять же отражает «милый и приятный» оттенок речи на острове:

那就不打擾你工作囉！ Тогда не буду мешать твоей работе!

萬華下雨嘍！ В (районе) Ваньхуа (уже) пошёл дождь!

При этом в словарях отмечается, что 咯 lo наиболее соответствует переходу ситуации в новое качество с точки зрения говорящего (приблизительный аналог «фразового 了 le»).

時間不早咯！ Однако уже поздно!

那我幫你吧時間空下來咯。 Тогда я [уже] смогу освободить время для тебя.

3.5. Частица 嘿 hēi

В рамках «милой и вежливой» нормы общения частица 嘿 hēi в финале предложения отражает «смягчение повелительности», стремление побудить к действию, но при этом – не обидеть и не посягнуть на свободу действий собеседника, – нечто подобное сослагательному *бы* в русском языке:

各位同學，週末囉，上完課再出去玩嘿！ Уважаемые слушатели курсов, уже конец недели, пойдёте отдохнём после окончания занятий!

不要忘記吃飯嘿！ Не забудь поесть!

不要吵我睡午覺嘿！ [Будь добр,] Не тревожь меня во время сна [своим] шумом!

3.6. Частицы 哩 li и 喂(欸) bei

Частицы 哩 li и 喂(欸) bei отражают утвердительный оттенок *ведь, а ведь, однако так*. Вопреки распространённым представлениям о «диалектности» этих частиц, они фактически не встречаются в современной устной речи тайваньцев.

Примеры ниже заимствованы из словарей [10]:

你能獲得老闆的賞識，對你的前途可有幫助哩！ [Ведь если] ты получишь одобрение босса, это будет полезно для твоих перспектив [развития]!

既然不懂，你就好好學唄！ Даже если не понимаешь, так хорошенько учись!

В устных беседах с автором данной статьи преподаватели факультетов китайской филологии отметили, что 唄(欸) *bei* может встречаться в речи молодых людей под влиянием сериалов из материкового Китая, т.е. как имитация континентальной речи.

Таким образом, фразовая частица выражает или маркирует дополнительные: модусный предикат типа: *Я чувствую, думаю, влияю так...* и адресный предикат типа: *Ты уважаем мною, и я не хочу тебя обидеть...*, а также оттенки значения предикатов, свойственных той или иной группе (серии) или отдельной частице – применительно к ситуации общения. В реальном разговорном ТГЮ по употреблению и частотности частицы отличаются от т.н. «стандартов» (и, тем более, от ПТХ) и отражают стремление коммуникантов быть «милыми и приятными» в соответствии с нормами поведения на острове. Источниками примеров в статье явились сообщения в мессенджере, примеры из реальной устной речи или подсказанные тайваньцами как типичные. Реальный набор частиц достаточно широк, в том числе по написанию и индивидуальным предпочтениям говорящих, и в данном тексте описаны наиболее «показательные» (и «ломающие» банальные представления о КЯ): 而已 *éryǐ*, 耶 *yé* / 欸 *èi*, 哦 *o/ō*, 喔 *o*, 噢 *o*, 哟 *yo*, 唷 *yo*, 噢 *o*, 囉 / 嚟 / 嚟 *luō*, 咯 *lo*, 嘿 *hēi*, а также 哩 *li*, 唄(欸) *bei*. Вопреки представлениям, частицы 而已 *éryǐ*, 耶 *yé*/欸 *èi* являются привычными и распространёнными в разговорной речи ТГЮ. Частицы группы *o/yo* приблизительно эквивалентны группе *a/ua* «нормы», при этом 喔 *o*, 哦 *o*, 噢 *o* при написании (в мессенджерах) находятся в градации от относительной «нейтральности/дистанции к собеседнику» до интимности и оттенка каприза. Частицы группы *luō/lo* приблизительно соответствуют фразовым *la/le₂* «нормы». 嘿 *hēi* смягчает повелительность модуса, а 哩 *li*, 唄(欸) *bei* фактически не встречаются в устной речи. Материал данной статьи в дальнейшем должен стать очередным компонентом нашего комплексного описания ТГЮ и может быть использован в учебниках, пособиях, учебных материалах при изучении китайского языка как комплексного и мультирегионального/мультивариантного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курдюмов, В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка / В. А. Курдюмов. – Москва: Военный университет, 1999. – 194 с.
2. Курдюмов, В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика: Учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов / В. А. Курдюмов. – Москва: Цитадель-трейд, 2005. – 575 с.
3. Курдюмов, В. А. Морфологический уровень китайского языка как изолирующего топикового. Сущность и содержание позиции частицы / В. А. Курдюмов // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2014. – № 1(13). – С. 37–46.
4. Курдюмов, В. А. Диалектный процесс и региональные варианты китайского языка в учебном процессе / В. А. Курдюмов // Синология в XXI в.: Материалы международной научной конференции, Улан-Удэ, 12 октября 2021 года. Том Выпуск 1. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2021. – С. 115-121.

5. Курдюмов, В. А. Тайвань: языковая ситуация и особенности национального языка. Фонетический аспект / В. А. Курдюмов // Российский журнал исследований билингвизма. – 2021. – № 1. – С. 39–51.
6. Тан Мэн Вэй. Китайский язык в Китае и на Тайване: Особенности лексического строя и проблемы его изучения / Тан Мэн Вэй // Международная конференция «Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование»: доклады и сообщения. – Москва, Улан-Удэ: Ин-т языкознания РАН, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2019. – С. 200–204.
7. Тан Мэн Вэй. К вопросу о различиях фонетической системы китайского языка в материковом Китае и на Тайване (в аспекте преподавания китайского языка как иностранного в России) / Тан Мэн Вэй // Преподаватель XXI века, 2020. – № 3. – С. 173–181.
8. Прошина, З.Г. Вариантность языка и нормативная вариативность в языке / З. Г. Прошина // Методология современного языкознания-3: Сборник статей в честь юбилея В. А. Пищальниковой / Отв. ред. К. С. Карданова-Бирюкова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Р.Валент», 2021. – С. 200–208.
9. 何萬順. 論台灣華語的在地化 // 澳門語言學刊, 2010. – 35.1. – 第 19–29 页。 = One-Soon Her. On the Indigenization of Taiwan Mandarin Journal of Macau Linguistics Association, 2010. – 35.1. – P. 19–29. = Ван-шунь, Хэ. Лунь Тайвань Хуаюйдэ Цзайдихуа / Хэ Ван-шунь // К вопросу о индигенизации тайваньского китайского языка, 2010. – 35.1. – С. 19–29.
10. 重編國語辭典修訂本, 臺灣學術網路第六版 = Revised Mandarin Chinese Dictionary. Taiwan Academic Network. Version 6. – Ministry of Education, 2021 = Пересмотренный словарь стандартного китайского языка. Тайваньская академическая сеть. Версия 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dict.revised.moe.edu.tw/>. – Дата доступа: 07.03.2023.

УДК811.581'37+811.581'35

Н. В. МИХАЛЬКОВА N. V. MIKHAIKOVA

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ КИТАЙСКОГО ПИСЬМА

В статье рассматриваются подходы к анализу семантических связей иероглифических номинаций китайского письма, устанавливаются принципы и типы существующих классификаций в сопоставлении с выявленными нами видами связей на материале сложносоставных логограмм.

Ключевые слова: семантика, иероглиф, номинация, китайский язык, связь, письмо.

SEMANTIC BOUNDS OF THE CHINESE CHARACTERS

Approaches to the analysis of semantic relationships of Chinese character nominations are discussed in the article, the principles and types of existing classifications in comparison with the types of relationships identified are establishes.

Key words: semantics, character, nomination, Chinese, connection, writing.

Среди многочисленных связей единиц (фонетических, морфологических, морфосинтаксических, деривационных, этимологических, функционально-стилистических, фреймовых, матричных и др.), которые неизбежно возникают и организуют язык как систему, объединяя огромное множество разнообразных по своим характеристикам знаков [18, 20, 17, 13, 15, 10, 8 и др.], наиболее значимыми для понимания общей картины представлений человека об окружающем пространстве являются, по общепринятому мнению [1, 23–24, 26–29 и др.], семантические отношения. Именно они соединяют, с одной стороны, отдельные,

но, с другой стороны, тесно связанные «кусочки» недискретного знакового пространства языка и репрезентируют модель мира в представлении человека.

Благодаря достаточно глубокому описанию типов семантических объединений единиц (синонимические, антонимические, гиперо-гипонимические, партонимические и т.д.) на материале западных языков [17–18, 12, 28, 30–31 и др.] стало очевидным то, что языковая структура не ограничивается определенным числом и видом семантических полей, могут быть выявлены их типы (таксономии, партономии, контрастивные множества, сети, фреймы, концепты, матрицы и др.), определен удельный вес тех или иных семантических отношений в структуризации знаковой системы и характер их взаимодействия в рамках конкретного языка и т.д.

Наиболее разработанными являются в лингвистике два фундаментальных типа семантических связей единиц: гиперо-гипонимия и партонимия [22–23, 26–29, 32, 16 и др.]. Одним из важнейших открытий в исследовании семантической организации номинаций стало то, что данные отношения являются универсалией для разных языковых систем и играют значимую роль в организации лексических единиц на парадигматическом уровне. Целью данной статьи является определение того, насколько иероглифическая система подчиняется или не подчиняется выявленным общеязыковым закономерностям и что является основанием ее семантической организации.

Первые попытки системно семантически представить единицы китайского языка связаны с появлением самых ранних и известных на сегодняшний день лексикографических работ – словарей Эръя (尔雅, III в. до н.э.), Фанъянь (方言, I в. н.э.), Шимин (释名, II в. н.э.) и Шовэнь (说文解字, I в. н.э.). Если в первых двух работах знаки анализировались как лексические единицы, что позволило системно представить иероглифы в виде набора слов, тематически организованного по таким областям, как номинации родственников, небесных тел, музыкальных инструментов, возвышенностей, насекомых, рыб, птиц, диких животных, холмов, водоемов и др., то труд Сюй Шэня стал революционной работой по причине совершенно иного подхода к рассмотрению иероглифов. Впервые система иероглифических знаков была структурирована по наличию определенного компонента внутри иероглифа и представлена как организованное по гнездовому принципу целое. Подчеркнем также, что, несмотря на изначальную задумку формально структурной классификации знаков, Сюй Шэню удалось выделить, в том числе, основные смысловые компоненты сложных иероглифов и представить всю систему письма в виде набора семантических областей – рубрик словаря (部首). В результате была получена структурно-семантическая типология знаков, распределенных по 540 категориям согласно наличию в иероглифе того или иного смыслового компонента – ключа (部首), при этом ключ – это простой знак, а производные от него единицы – соответственно сложные иероглифы, состоящие из ключа и иной графемы.

Идея Сюй Шэня, подхваченная его последователями, развивалась как в сторону увеличения числа ключей (см. словари Юй бянь (VI в.) – 542 единицы, Лай Бянь (XI в.) – 544 единицы, докторская диссертация Резаненко В.П. – 650 базовых элементов китайской письменности (XX в.)), так и в аспекте сокращения количества смысловых указателей (в словаре У инь лэй цзюй – 444 ключа,

Лю шу бэнь и – 360 ключей, Лунь кань шоу цзянь – 242 ключа, Цзы Хой – 214 ключей, Канси – 214 ключей, Полетти – 214 ключей, Гонзальвэс – 127 ключей) [4], что, в первую очередь, говорит о сложности знакообразования китайского письма и семантических связей, которые, в какой-то степени (исходя из неопределенности ключевого компонента) оказываются конвенционально выстроенными (некоторые категории знаков вводятся в ключевые разделы искусственно [4], отдельные простые логограммы не образуют гнезда и не имеют производных [7]). В связи с чем, И. М. Ошанин, отмечая несомненно огромную значимость работы, проделанной Сюй Шэнем, основываясь на 80%-м показателе удельного числа фоноидеографических знаков, предложил сконцентрироваться не на поиске семантических закономерностей построения китайского письма, а на системности, обязательно учитывающей тональный и фонетический анализ, называть китайское письмо фонетическим слоговым и признать графо-фонетический подход к классификации всей системы иероглифов единственно удовлетворительным в научном отношении, поскольку именно такая типология позволит точно проследить фонетические варианты силлабемы, изучить гнездо в целом, выявить явления вторичной конкретизации, переходы тонов и др. [4]. Ранее, в начале XX в. подобная мысль уже высказывалась Г. А. Гилзом. Более того, этимологию, предложенную Сюй Шэнем он называет “childish in the extreme” (в высшей степени детской (пер. наш)) и настоятельно рекомендует следовать фонетическому принципу комбинаторики, поскольку поиск связей иероглифических номинаций должен осуществляться именно в этом направлении [цит. по [35]]. Подчеркивая значимость иероглифов как “свидетелей” китайской истории, Дж. Эдкинс также все же признает важность устного языка и звуковой формы и находит множество совпадений, проводя параллели в произношении между китайским, турецким и др. языками, оставляя семантике “роль второго плана”.

Несмотря на расхождение мнений относительно большей релевантности звуковой формы (рифмованные списки) или значения знака, поиск связей иероглифов продолжился в XX в., тем не менее, в семантическом русле. Не отрицая явного наличия семантических связей иероглифов, И. М. Ошаниным выдвигается идея о том, что семантический пучок гнездового иероглифа должен изучаться в его диалектическом развитии – раздвоение на противоположности, переход от конкретного к абстрактному и т. д. [4]. На обязательном включении изучения идеограмм и семантической взаимосвязи иероглифических элементов настаивает шведский синолог Б. Карлгрен [25]. На тесную связь семантики простых элементов и сложного знака обращают внимание в своих работах В.П. Васильев [2], Ван Нин [28], Сюй Цзянь, Чжан Синь, Юй Инсянь, Вайлдер [35] и др. Продолжаются разработки, связанные с уточнением и комментариями ставшей уже классической типологии иероглифов Сюй Шэня, которая в основе своей является семантической (шесть категорий знаков: (1) знаки изобразительные (象形), 2) знаки указательные (指事), 3) знаки идеографические (会意), 4) знаки фоноидеографические (形声), 5) видоизмененные знаки (专注) и 6) заимствованные знаки (假借)), выполненные И. М. Ошаниным [4], Вайлдером [35], Эдкинсом, С. Эндрюсом [21], Грингом и др.

Дополнительно разрабатывается ряд других классификаций: четырехкомпонентная модель Ся Чжунхуа и Чжан Юйцзыня (знаки пиктограммы, знаки идеограммы, знаки-фонетики и знаки-символы), учение о трех категориях («三书说») Тан Ланя (пиктограммы, идеограммы, фоноидеограммы); классификация Цю Сигуя (идеограммы, фонограммы и символы); Яна Розвадовского (знаки с явной двухкомпонентностью (泪 (lèi) слеза), знаки со свернутой двухкомпонентностью (果 (guǒ) плод), знаки со скрытой двухкомпонентностью (生 (shēng) родиться); двухчастная модель Вана Ли (чистые идеограммы и фоноидеограммы) [14] и др.

Разработка вопроса иероглифической мотивированности приводит к более мелкому членению знаков и выделению семантически минимальных частей китайского иероглифического письма, а также поиску семантических связей между ними. В этом направлении также проведено немало исследований на сегодняшний день (см. elementary characters С. П. Эндрюса (1854), базовые знаки В. П. Резаненко (1985), графомонады И. В. Шаравьевой (2016), примитивы Гринга (1884) и К. В. Карасёвой (2019)).

Конец XX – нач. XXI в. ознаменовался не только возрождением анализа семантики иероглифов и их связей, но и появлением отдельной науки, рассматривающей данный аспект знаков – грамматики, основы которой закладываются в работах И. Е. Гельба и Ж. Дерриды [3], а продолжают в исследованиях Иркутской китаеведческой школы под руководством О. М. Готлиба. Олег Маркович предлагает свою структурно-семантическую классификацию знаков, выделяя логограммы и морфограммы, где морфограмма (ключ, детерминатив) – наименьшая значимая часть логограммы, не функционирующая самостоятельно, т. е. не образует линейные, синтагматические связи с логограммами, не соотносится с морфемой или словом в языке, а логограмма (иероглиф, синограмма) – значимая единица системы китайской письменности, образующая линейные синтагматические связи с одноуровневыми единицами и коррелирующая с морфемами или словами китайского языка [5]. В рамках грамматики выполнены и работы его учеников, в частности, И. В. Шаравьевой, описывающей монадномодусную модель идеографического письма, которая оказывается универсальным способом анализа структуры языка с идеографической письменностью, ею выделяются базовые единицы – графомонады и дериваты разного порядка [19].

Постепенно становится очевидным то, что построение иероглифической системы китайской письменности подчиняется общезыковым закономерностям организации единиц, позволяющим системно представить, хранить и использовать соответствующие номинации, и два базовых фундаментальных типа семантических связей лексических единиц (гиперо-гипонимия и партономия, пронизывающие лексическую систему разных языков мира и ставшие предметом исследования немалого количества лингвистов [1, 13, 30] оказываются также неотъемлемой характеристикой и китайской письменной системы.

Общеизвестно, что наличие гиперо-гипонимических отношений имеет место тогда, когда в семантике связанных отношениями включения слов обнаруживаются схожие семантические признаки, составляющие одно из сравниваемых значений, и дополнительные признаки, отличающие одно значение от другого

[17]. О. М. Готлиб доказывает правомерность данного тезиса на материале номинаций химических символов (氢 — водород, 氦 — криптон, 氦 — гелий, 氖 — неон, 氧 — кислород, 氟 — фтор, 氦 — гелий и др.) и подчеркивает обязательность включения в сложную логограмму графемы-гиперонима 金 ‘металл, золото’ в качестве родового маркера элемента, который относится к металлам, а также 石 ‘камень’ — для номинации кристаллов различного вида [5]. Данная закономерность оказывается в определенной степени универсальна для китайской письменной системы. Примером тому могут служить также эквонимы, объединенные общей семой «болезнь», они включают соответственно морфограмму 疒 ‘болезнь’. Обязательным компонентом всех логограмм с родовым значением «одежда» будут знаки 衣(衤) ‘одежда’ или 革/皮 ‘кожа’; названия рыб в качестве обязательной составляющей имеют в своем составе логограмму 鱼 ‘рыба’, деревья — логограмму 木 ‘дерево’ и др. [5]. Особенно ярко данная закономерность проявляется на примере иероглифических гнезд, где производящей основой выступает зоонимическая единица. Так, анализ иероглифического гнезда с ключом 虫 «насекомое» показал, что 63% производных единиц включены в данное гнездо на основании родовидовой связи (см., например, 蛄 ‘гусеница’, 蜚 ‘гусеница бабочки’, 蚊 ‘комар; москит’, 蜚 ‘мелкая цикада’, 蝮 ‘волосатая ядовитая гусеница’, 虻 ‘слепень’ и др.).

Не менее широко в китайской письменной системе представлена партономия, обуславливающая включение в иероглифические гнезда большого числа производных знаков, представляющих собой номинации частей целого. Холонимом выступает производящая основа — ключевой знак. Например, холоним 虫 «насекомое» включается в состав таких партономических номинации, как: раковины моллюсков: 蛎 ‘мелкая раковина’, 蚌 ‘крупная раковина (моллюска)’, 螺 ‘спиральная (одностворчатая) раковина моллюска’; яйца животных: 蝼 ‘муравьиные яйца’, 蛋 ‘яйцо’; чешуя: 鲛 ‘чешуя на брюхе (змеи)’; органы защиты и нападения: 蜚 ‘ жало’, 蜚 ‘ жало’; хватательные органы: 螯 ‘клешня (краба, рака)’. Партономические отношения являются принципом построения и других иероглифических гнезд китайской письменности, например: 1) с ключевым знаком-соматизмом 口 «рот» (唇 ‘губа’, 咙 ‘горло’, 嚙 ‘глотка, гортань’, 囁 ‘рот, пасть’, 嚼 ‘клюв’ и др.); 2) с ключевым знаком 木 «дерево» (杈 ‘ветка, ответвление’, 条 ‘ветка, ветвь’, 杪 ‘вершина, верхушка (дерева)’ и др.); 3) с ключевым знаком 艹 «трава» (芽 ‘почка, росток’, 蒂 ‘плодоножка, цветоножка; стебель’, 蕾 ‘бутон, почка (цветка)’, 蘖 ‘отросток, побег’, 葶 ‘стрелка растения’, 蓓 ‘бутон’, 节 ‘коленце бамбука, нарост на дереве’, 苔 ‘горошина, семечко’ и др.); 4) с ключевым знаком 水 «вода» (части водных пространств, источников 派 ‘приток, ручей’, 汜 ‘заводь’, 沟 ‘канава’, 浜 ‘ручей, канал’, 泉 ‘источник, ключ, родник’ и др.); 5) с ключевым знаком 阝 «холм» (陟 ‘склон горы, откос’, 陀 ‘склон’, 陂 ‘склон’, 陞 ‘склон горы, откос’, 陟 ‘крутой склон’, 陟 ‘основание холма’, 隅 ‘угол’, 陞 ‘обрыв в горном хребте’, 陞 ‘обрыв; крутой склон’) и др.

«Фреймовая семантика» Ч. Филлмора, несомненно, также оказывается достаточно универсальным способом семантических объединений в языках, в том числе и относительно китайской письменности. Она представляет систему языка как концептуальное объединение, образованное различного рода фреймами —

«особыми унифицированными конструкциями, связанными схематизацией опыта» [15-16], структурами знания, объединяющими многочисленные области, ассоциируемые с данной лингвистической формой [33]. «Фреймовая семантика» Ч. Филлмора подчеркивает необходимость связывать значение слова с лежащим в его основе фреймом, тем самым допускается возможность того, что говорящие могут знать значение слова, входящего в ту или иную лексическую группу, даже если они не знают других слов из этой группы. Так, например, доказано, что в китайском языке насчитывается 163 идеографа, которые относят к 18 смысловым группам, образующих соответствующие концепты и находящие свою реализацию во фреймах. Значение идеографов будет выступать в качестве вершин фреймов, включающих в себя информацию о значении каждого идеографа, за каждым из которых стоит семантическое поле [14]. Например, иероглиф 茶 'чай' будет относиться к фрейму «艹、木、麦、^々 (竹)、禾» – «Явления растительного мира». Таким образом, фрейм «значение идеографа 艹» является включенным в концепт, (и соответственно, во фрейм) «явления растительного мира», в результате чего образуется мегафрейм «Смысловая группа: явления растительного мира» [14]. Следовательно, фрейм представляет собой когнитивную структуру, представляющую способ систематизации информации в сознании человека, который основан на вероятностном знании о типичных ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов. Примечательно, что фрейм – это открытая структура, которая может расширять свои границы за счет поступления новой информации [14].

В то же время, анализ только системы детерминативов (не учитывая производные знаки) показывает, что в основе выбора смысловых компонентов иероглифов лежит не только и не столько категориальная, родовая принадлежность понятия, сколько релевантная характеристика описываемого представления. Это детерминирует достаточно большое число несоответствий, если говорить о зависимости «смысловой компонент–гипероним ↔ обозначение родового понятия». Так, например, в состав иероглифов, обозначающих процессы различного типа, включается детерминатив 扌 'рука', поскольку данная часть тела отражает инструмент как наиболее значимую характеристику выполняемого действия (см. 捞 'брать, хватать', 捏 'брать в щепоть, зажимать в руке'). Следовательно, семантические связи иероглифических номинаций китайского языка образуются несколько отличными от общепризнанных закономерностями.

Отметим также, что номинации процессов в целом не подчиняются закономерности, установленной ранее относительно категориального компонента и его репрезентации в знаках, например, обозначающих химические вещества. Так, наиболее часто при описании процессов в иероглифике китайского языка в качестве смыслового компонента выбирается или 1) инструмент, с помощью которого производится действие (扌 'рука', 口 'рот'), или 2) субъект производимого действия (人 'человек', см. 仿 'стараться', 任 'справляться', 伉 'противостоять; сопротивляться', 伤 'ранить', 仆 'погибнуть, умереть', 化 'рождаться, появляться', 伐 'хвастаться', 伤 'печалиться', 仰 'гневить', 怂 'бояться, испугаться' и др.), или 3) объект, над которым производится действие (см. 汲 'под-

нимать (брать) воду (обычно из колодца) – детерминатив 水 (氵, 氷) ‘вода’), или 4) материал, из которого изготовлен инструмент для производимого действия (см. 梳 ‘расчесать’ – детерминатив 木 ‘дерево’). Становится очевидным неоднородность действия выявленной закономерности грамматологической гипергипонимии относительно имен разного семантического типа, она оказывается абсолютно не характерной для иероглифических знаков с процессуальной семантикой. Аналогичная тенденция сохраняется и для предметных имен. Так, например, если названия видов одежды в 85% случаев будут включать графему-гипероним 衣 ‘одежда’, то номинации контейнеров нет (см. 箱 ‘ящик’ – детерминатив 竹 (竹) ‘бамбук’, 盒 ‘коробка’ – детерминатив 皿 ‘сосуд; посуда’, 包 ‘сверток, пакет’ – детерминатив 勹 ‘обертывать’).

В группе предметных имен в целом наблюдается графическая независимость обозначения предметов от родовидовых отношений между обозначаемыми представлениями. Подтверждением тому может также служить группа наименований предметов мебели (桌 ‘стол’, 椅 ‘стул’ – детерминатив 木 ‘дерево’), предметов обихода (钥 ‘ключ’ – детерминатив 金 ‘металл’), инструментов (锤 ‘молоток’, 锯 ‘пила’, 锥 ‘шило’, 锉 ‘напильник’, 铲 ‘лопата’, 钳 ‘щипцы’ – детерминатив 金 ‘металл’), спортивного инвентаря (拍 ‘ракетка’ – детерминатив 扌 ‘рука’) и др.

Вместе с тем, вариативность детерминативов иероглифов-предметных имен свидетельствует о неоднозначности подхода к репрезентации или категории-гиперонима, или дифференциального признака. Так, например, предмет спортивного инвентаря – мяч может быть обозначен иероглифами с разными детерминативами. Иероглифическая номинация 毽 ‘мяч’ взаимозаменяема с иным обозначением – 毬 ‘мяч’ (вариативны детерминативы 皮 ‘кожа’ и 毛 ‘шерсть’). Согласно лексикографическим источникам 毬 обозначает старинную разновидность кожаного мяча, набитого шерстью, по которому ударяли палкой или пинали ногой, что обусловило включение детерминатива 毛 ‘шерсть’. Поскольку 皮 ‘кожа’ – внешняя конструкция мяча, имеет более общий характер и может быть наполняема внутри любым веществом (в то время как 毛 ‘шерсть’ характеризует определенный вид мяча), возникает своеобразная гиперо-гипонимическая связь, где выбор детерминатива вариативной пары обусловлен или общим, или частным понятием. Для номинации мяча в китайской иероглифической системе также имеют место еще два знака 踹 – 鞠, где в графике использованы детерминативы 足 ‘нога’ – и соответственно иероглиф 踹 и 革 ‘кожа’ (знак 鞠). Следовательно, выбор смыслового компонента иероглифа-предметного имени может быть обусловлен функцией данного предмета и соответственно выбор детерминатива основан на знании того, для чего предназначен данный предмет и как им пользоваться.

Стремление выделить видовой признак и указать в графике на более конкретное представление, нежели общее иногда приводит к появлению также следующих пар иероглифических номинаций, в частности, ср., например, 髑 ‘кость, застрявшая в горле’ (детерминатив 骨 ‘кость’) и 鯁 ‘рыбья кость’ (детерминатив 鱼 ‘рыба’). Однако чаще всего такие пары знаков обозначены как вариативные, не используемые, редко используемые в современном китайском языке или уже

утратившие исходную разницу в семантике, обозначающуюся разными детерминантами.

Таким образом, гиперо-гипонимия, партономия, фреймовые объединения, являясь одними из фундаментальных видов связей между лексическими единицами разных языков мира, оказываются также характерными и для семантических связей иероглифических номинаций китайского языка. Вместе с тем, их действие является облигаторным для определенных групп знаков и необлигаторным для отдельных семантических типов знаков идеографического письма. Следовательно, семантическое построение китайского письменного языка представляет собой специфическую организацию, которая обусловлена как общезыковыми, так и специфичными принципами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 368 с.
2. Васильев, В. П. Анализ китайских иероглифов. Изд. 2-е / В. П. Васильев. – СПб. : Типография В. Безобразова и Комп., 1898. – 133 с.
3. Гельб, И. Е. Опыт изучения письма (основы грамматики) / И. Е. Гельб. – М. : Радуга, 1982. – 376 с.
4. Готлиб, О. М., Кремнёв Е. В., Шишмарева Т. Е. Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX в. В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин. – Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2014. – 383 с.
5. Готлиб, О. М. Основы грамматики китайской письменности / О. М. Готлиб. – М.: АСТВосток-Запад, 2007. – 284 с.
6. Карасёва, К. В. Принципы декодирования логограмм и реконструкция их семантики : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Карасёва Ксения Владимировна. – Минск, 2019. – 26 с.
7. Кондрашевский, А. Ф. Знаки первоначальных категорий китайской письменности и система ключей "Шовэня" : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Кондрашевский Александр Федорович. – М., 1982. – 27 с.
8. Никитин, М. В. О таксономии языковых единиц / М. В. Никитин // Проблемы общей и романо-германской семасиологии / Владим. гос. пед. ин-т. – Владимир, 1973. – С. 3–92.
9. Пруцких, А. А. Структурно-семантический анализ иероглифов с ключом "женщина" : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Пруцких Андрей Александрович. – М., 2003. – 141 с.
10. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2008. – 416 с.
11. Резаненко, В. Ф. Семантическая структура иероглифической письменности / В. Ф. Резаненко. – Киев : КГУ, 1985. – 132 с.
12. Турчинская, М. В. Лексические парадигмы в английском и белорусском языках: структура, семантика и прагматика / М. В. Турчинская. – Минск : МГЛУ, 2019. – 120 с.
13. Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1968. – 287 с.
14. Филимонова, М. С. Обучение студентов чтению на основе когнитивно-коммуникативного подхода (китайский язык): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Марина Сергеевна Филимонова. – Минск, 2018. – 300 л.
15. Филлмор, Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре / Ч. Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1983. – Вып. 14 : Проблемы и методы лексикографии. – С. 23–60.
16. Филлмор, Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания / Ч. Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1988. – Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. – С. 52–92.

17. Харитончик, З. А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка / З. А. Харитончик // Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование: избр. тр. / З. А. Харитончик. – Минск, 2004. – С. 90–116.
18. Шавель, А. А. Типы семантической организации лексических полей в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Шавель. – Минск, 1998. – 122 л.
19. Шаравьёва, И. В. Грамматология идеографического письма в монадно-модусной модели представления : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Шаравьёва. – Кемерово, 2016. – 23 с.
20. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 256 с.
21. Andrews, S.P. Discoveries in Chinese / S. P. Andrews. – New York: Published by Charles B. Norton, 1854. – 137 p.
22. Coseriu, E. Principios de semántica estructural / E. Coseriu. Versión esp. de M. Martínez Hernández revisada por el autor – 2ª ed. – Madrid : Gredos, 1981. – 247 p.
23. Cruse, D. A. Lexical semantics (Cambridge textbooks in linguistics) / D. A. Cruse. – New York : Cambridge University Press, 1986. – xiv, 310 p.
24. Jackendoff, Ray S. Semantics and cognition (Current studies in linguistics; 8) / Ray S. Jackendoff . – Cambridge : MIT Press, 1999. – xiii, 283 p.
25. Karlgren, B. Sound and Symbol in Chinese / B. Karlgren. –London: Oxford University Press, 1923.– 128 p.
26. Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago, London: University of Chicago Press, 1987. – xvii, 632 p.
27. Leech, G. N. Semantics / G. N. Leech. – London : Penguin, 1974. – xii, 386 p.
28. Lehrer, A. Semantic Fields and Lexical Structure / A. Lehrer. – Amsterdam; London : North-Holland; New York: American Elsevier, 1974. – 225 p.
29. Lyons, J. Semantics / J. Lyons.– 7th ed. – Cambridge et al. : Cambridge University Press, 1987. – V. 1. – xiii, 371 p.
30. Miller, G. A. Semantic networks of English / G. A. Miller, C. Fellbaum // Lexical and conceptual semantics. – B. Levin, and S. Pinker (eds.). – Cambridge, Oxford: Blackwell, 1992. – P. 197-229.
31. Murphy, M. L. Semantic Relations and the Lexicon. Antonymy, Synonymy and other Paradigms / M. L. Murphy. – Cambridge et al. : Cambridge University Press, 2003. – ix, 292 p.
32. Palmer, F. R Semantics. A new outline / F. R. Palmer. – Cambridge : Cambridge University Press, 1976. – viii, 164 p.
33. Taylor, J. R. Near synonyms as co-extensive categories: ‘high’ and ‘tall’ revisited / J. R. Taylor // Language Sciences. – 25. – 2002. – P. 263–284.
34. Wieger, L. Chinese Characters / L. Wieger. – NewYork : Paragon, Dover, 1965.– 820 p.
35. Wilder, G. D. Analysis of Chinese characters / G.D. Wilder, J.H. Ingram. – China, 1922. – 364 p.
36. Xu, Shen. Explanation of simple and interpretation of complex signs / ShenXu. –Yuyulu: Publishing house in Yuyulu, 2006. – 540 p.
37. 王力. 古代汉语. 第一册. 中华书局, 1981.
38. 王寧. 漢字構形學講座. 上海教育出版社, 2002.

ОГРАНИЧЕНИЯ КОМБИНАТОРИКИ ПОСТОЯННЫХ ЁГЕНОВ В РОЛИ АКТУАЛИЗАТОРА ИНКОРПОРАТИВНОГО КОМПЛЕКСА

В статье проанализирована сочетаемость постоянных ёгенов с модификаторами и сформулированы правила комбинирования данных знаков при образовании инкорпоративного комплекса. Отдельное внимание уделяется постоянным ёгенам, обладающим семантикой цветообозначения.

Ключевые слова: инкорпоративный комплекс, постоянный ёген, переменный ёген, актуализатор, модификатор, цветообозначение.

LIMITATIONS FOR COMBINATORICS OF CONSTANT YOGENS IN A ROLE OF AN INCORPORATIVE COMPLEX'S ACTUALIZER

The article describes the combinability of permanent yogens with modifiers, it contains combinability rules of these signs in the formation of an incorporative complex. Special attention is paid to permanent yogens, which have coloristic semantics.

Key words: incorporative complex unit, constant yogen, variable yogen, actualizator, modifier, coloristic semantics.

В трудах отечественных и зарубежных лингвистов не раз были рассмотрены компоненты дополнительного члена направления движения и особенности его употребления в китайском языке, однако ввиду существования различных точек зрения по настоящему вопросу на сегодняшний день всё ещё отсутствует полная картина специфики функционирования данного структурного компонента.

Для устранения пробелов в описании этого синтаксического целого необходимо взглянуть на него под другим углом: отойти от классической частеречной классификации и общепринятых грамматических терминов, согласно которым изучаемое явление воспринимается как комплемент направления. Реализация этой задачи возможна при рассмотрении данного факта через призму комбинаторной семантики, где его принято называть инкорпоративным комплексом ёгенов [2].

При строгой структуре инкорпоративного комплекса её заполнение знаками вариативно, но ограничено их языковыми семантическими категориями. Во-первых, ёген в роли актуализатора может обозначать как информационный, так и физический процесс, определяя тем самым фрагмент модели мира, который описывает весь инкорпоративный комплекс [4]. Например, инкорпоративный комплекс 走进来 *zǒu jìn lái* 'входить' обозначает физический процесс, а сочетание ёгенов 看出来 *kàn chū lái* 'рассмотреть' – информационный.

Во-вторых, в роли актуализатора, обозначающего основной процесс, может выступать как переменный, так и постоянный ёген. Напомним, что «постоянные ёгены обозначают множество свойств индивидов $p(i)$: мысленный, слесарный, переменные – функций $f(i)$: мыслить, слесарить» [1, с.21]. Примером инкорпоративного комплекса с переменным ёгеном может служить сочетание знаков 说起来 *shuō qǐ lái* 'заговорить', с постоянным – 贵起来 *guì qǐ lái* 'подорожать'.

Ранее нами уже было установлено, что модификаторы ранжируются в зависимости от частоты их употребления в составе инкорпоративного комплекса с

переменным ёгеном в роли актуализатора следующим образом: 起来 *qilai*, 出来 *chulai*, 上去 *shàngqu*, 下去 *xiàqu*, 进去 *jìnqu*, 进来 *jìnlai* [5, с.65]. Тем не менее на сегодняшний день открытым остается вопрос, могут ли постоянные ёгены в роли актуализатора инкорпоративного комплекса сочетаться с тем же набором модификаторов, что и переменные ёгены.

Первостепенной задачей является рассмотрение компонентов исследуемого нами синтаксического целого. Модель образования инкорпоративного комплекса с постоянным ёгеном не отличается от аналогичной модели с переменным ёгеном: первым компонентом в структуре является знак, обозначающий основной процесс (актуализатор), за которым следует модификатор-актуализатор, обозначающий ориентацию процесса в пространстве относительно локуса, третьим компонентом выступает модификатор, который обозначает ориентацию процесса относительно наблюдателя [3].

Для исследования комбинаторного потенциала постоянных ёгенов в роли актуализатора мы обратились к частотному словарю китайского языка [6], содержащему 5004 знака, из которого путём сплошной выборки отобрали 187 постоянных ёгенов и проанализировали их на предмет сочетаемости с модификаторами в корпусе текстов [7].

Проведенное исследование позволило выявить ряд ограничений комбинаторики постоянных ёгенов с модификаторами. Установлено, что модификаторы ранжируются в зависимости от частоты их употребления в инкорпоративном комплексе с постоянным ёгеном в роли актуализатора следующим образом: 起来 *qilai* → 下来 *xiàlai* → 下去 *xiàqu* → 出来 *chulai* → 上去 *shàngqu*. Более того, в корпусе текстов отсутствовали примеры инкорпоративных комплексов с модификаторами 进去 *jìnqu* и 进来 *jìnlai*, что свидетельствует о запрете сочетаемости постоянных ёгенов с данными модификаторами, обозначающими фасцинационное восприятие процесса.

Стоит отметить универсальность модификатора 起来 *qilai*, поскольку он в текстах корпуса способен комбинироваться со всеми 187 постоянными ёгенами, которые нам удалось выбрать из частотного словаря. Исключением явились лишь 2 знака: 免费 *miǎnfèi* ‘бесплатный’ и 神奇 *shénqí* ‘сказочный, волшебный’. Очевидно, отсутствие подобных комбинаций продиктовано лексической несочетаемостью. Помимо этого, данные знаки являются постоянными ёгенами первой степени, т.е. не относятся к оценочным, а значит не обозначают градуальность.

Отдельного внимания заслуживают постоянные ёгены, обладающие семантикой цветообозначения. Среди слов, исследуемых нами в частотном словаре, встретились лишь 8 подобных знаков: 红 *hóng* ‘красный’, 白 *bái* ‘белый’, 黑 *hēi* ‘черный’, 绿 *lǜ* ‘зеленый’, 灰 *huī* ‘серый’, 黄 *huáng* ‘желтый’, 蓝 *lán* ‘голубой’, 紫 *zǐ* ‘фиолетовый’. Все они обнаружены в инкорпоративных комплексах с модификатором 起来 *qilai* и лишь у некоторых отмечается способность передавать значение продолжения процесса, например, 红下去 *hóng xiàqu* ‘продолжать краснеть’, а также значение интенсификации отрицательного признака, например, 黑下来 *hēi xiàlai* ‘почернеть’.

В случае со знаками, обозначающими цвета, важную роль играет не только языковая семантическая категория постоянного и переменного признака, но и

степень ёгена. С одной стороны, категориальность этих знаков как постоянных ёгенов предопределяет бóльшую вероятность их комбинирования с модификаторами в целях создания инкорпоративного комплекса. С другой стороны, они обладают первой степенью в отличие от большинства анализируемых нами постоянных ёгенов второй степени. Именно отнесенность к первой степени вместо второй и служит основанием для сужения их комбинаторного потенциала.

Как было упомянуто ранее, ёгены первой степени не являются оценочными, поскольку не способны обозначать градуальность признака. В этой связи возникает вопрос: если цветообозначение не поддается градации, то каким образом возможно употребление оценочных сочетаний типа 非常红 *fēicháng hóng* ‘чрезвычайно красный’, 有点黑 *yǒudiǎn hēi* ‘немного черноватый’, 最白 *zuì bái* ‘самый белый’?

Данный парадокс объясняется тем, что подобный пример использования постоянных ёгенов первой степени подпадает под их неспецифическое употребление. В этом случае возникает метафоризация (т.е. употребление в переносном значении), обусловленная применением постоянных ёгенов первой степени в нехарактерном для них контексте. Дело в том, что знаки, обозначающие основную цветовую палитру, легко поддаются метафоризации, вследствие которой и становится возможным их функционирование в условиях, несвойственных другим представителям из разряда постоянных ёгенов первой степени. Тем самым объясняется как их употребление в оценочном значении, так и комбинирование с модификаторами инкорпоративных комплексов [3].

Таким образом, исследование ограничений комбинаторики постоянных ёгенов с основными модификаторами позволило сделать ряд выводов. В первую очередь сформулировано однозначное правило относительно модификаторов 进去 *jìnqù* 进来 *jìnlai*: постоянные ёгены в роли актуализатора инкорпоративного комплекса не комбинируются с указанными модификаторами. Данный факт обусловлен их семантикой: они обозначают внутреннее и внешнее фасцинационное восприятие процесса.

В тоже время модификатор 起来 *qǐlai* признан универсальным, поскольку все из постоянных ёгенов по данным лингвистического корпуса Пекинского университета языка и культуры продемонстрировали примеры сочетаемости с ним. Наконец, постоянные ёгены с колористической семантикой, вопреки наличию первой степени в парадигме, предрасположены к образованию инкорпоративных комплексов в паре с модификаторами значительно больше, нежели другие представители данного разряда ёгенов, в силу чрезвычайной подверженности метафоризации, возникающей в результате конфликта модификатора и актуализатора, которая и позволяет им выступать в неспециализированной роли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордей, А. Н. Метасемантика языковых категорий / А. Н. Гордей // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск, БГУ, 28 марта 2008 г. – Мн.: Изд. центр БГУ, 2008. – С.19 – 24.
2. Гордей, А. Н. Семантический синтаксис и комбинаторная семантика / А.Н. Гордей // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы). – Мн., 2006. – Ч.2. – С.9 – 13.

3. Гордей, А. Н. Теоретический грамматика восточных языков : лекционный курс / А. Н. Гордей. – Электрон. дан. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск. (CD-ROM).
4. Гордей, А. Н. Теория автоматического порождения архитектуры знаний (ТАПАЗ-2) и дальнейшая минимизация семантических исчислений / А. Н. Гордей // Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем = Open Semantic Technologies for Intelligent Systems (OSTIS-2014): материалы IV Междунар. науч.-техн. конф., Минск, 20-22 февраля 2014 г. / редкол.: В. В. Голенков (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУИР, 2014. – С.49 – 64.
5. Петрова, А. Ю. Специфика комбинаторики информационных знаков в инкорпоративном комплексе, обозначающем информационный фрагмент модели мира / А. Ю. Петрова // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. VII. В 2 ч. Ч. 1 / редкол. : А. Н. Гордей (отв. ред.), Н. В. Михалькова (зам. отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2022. – С. 63 – 67.
6. Xiao, R. A frequency dictionary of Mandarin Chinese: core vocabulary for learners / R. Xiao, P. Rayson, T. McEnery. – Abingdon: Routledge, 2009. – 390 p.
7. CCL 语料库检索系统 (网络版) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/. – Дата доступа: 11.02.2019.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФСКОГО ПЕРЕВОДА КИТАЙСКИХ КЛАССИЧЕСКИХ БУДДИЙСКИХ ТЕКСТОВ

Публикация вызвана неудовлетворенностью методами и уровнем перевода классических буддийских текстов Китая на русский язык. Привлекая исследование немецкого ученого Х.-Д. Гондека, автор определяет основные слабые места существующей практики переводов и предлагает способы их устранения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: буддийская философия Китая, философский перевод.

PHILOSOPHICAL TRANSLATION PROBLEMS OF CHINESE CLASSICAL BUDDHIST TEXTS

The publication is caused by dissatisfaction with the methods and level of translation of Chinese classical Buddhist texts into Russian. Drawing on the study of the German scientist H.-D. Gondek, the author identifies the main weaknesses of the existing translation practice and suggests ways to eliminate them.

Key words: Chinese Buddhist philosophy, philosophical translation.

Также, как на почве христианского вероучения вырастала и складывалась философия, буддизм в Китае, заключая в себе религиозный посыл о спасении, обладал атрибутами философии как особой области знаний, в том числе четко дефинированными понятиями, методами сведения их в систему, логикой, что позволяло его духовным лидерам ставить глобальные вопросы о мире и человеке.

Если религиозная составляющая китайского буддизма получила более или менее понятное отражение на других языках, то его философская система до сих пор не нашла эквивалентного перевода. «Понятие „эквивалентный“ понимается в смысле „несущий ту же самую информацию“, то есть имеющий то же самое семантическое содержание, хотя и отличающийся по способам выражения этого содержания» [1, с. 232].

До недавнего времени нам представлялось, что сложность в переложении китайской буддийской философии на русский язык объясняется разностью цивилизационных кодов, однако современная дискуссия о философских переводах внутри европейского научного пространства демонстрирует, что имеется целый набор переводческих проблем, которые не зависят от межкультурной дистанции. Поэтому, как бы это ни показалось странным, много полезных идей относительно переводов восточных текстов содержатся в статье немецкого учёного Ханса-Дитера Гондека (Hans-Dieter Gondek) о европейских толмачах европейских же философов – «О переводе философских текстов и о философских теориях перевода», воспроизведенной по-русски Анной Рябовой.

Статья Х.-Д. Гондека содержит целый ряд наблюдений и выводов, без учета которых переложение классических буддийских текстов Китая на русский язык по-прежнему останется во власти индивидуальных пристрастий переводчиков. Разберем потезисно размышления немецкого ученого.

Перед философским переводом, пишет Х.-Д. Гондек, ставят «в большинстве случаев возвышенные цели» [2, с. 194]. Это как раз то, что лично мне все-

гда мешает в буддийских переводах с китайского языка добраться до сути первоисточника. О «возвышенных целях» в описаниях буддийских текстов и их переводах сигнализирует велеречивость изложения. Из российских исследователей, пожалуй, только Л. Е. Янгутову в его первых книгах удалось остаться в рамках сухого китайского стиля, уйти от нехарактерного флёра одухотворённости [см.: 4], навстречу которому так открыты читатели, незнакомые с китайским языком. Впрочем, эта проблема выходит за рамки буддийских сочинений. На память приходят многочисленные переводы «Даодэцзина», в которых нашли воплощение «возвышенные цели» переводчиков («христианские», «материалистические», «научные», «мистические» и пр.), но которые зачастую не выдерживают встречи с китайским источником.

Х.-Д. Гондек бросает упрёк переводчикам философских текстов в «целевых предзаданностях», происходящих «не столько из самой переводческой деятельности, сколько из теоретических конструкций и допущений, которые предваряют перевод» [2, с.193]. Эта мысль находит полное подтверждение в процессе сравнительного анализа первоначальных буддийских текстов и их репрезентаций на русском языке. Переводы несут на себе печать «предзаданности», когда переводчик, будучи хорошо осведомленным и начитанным в буддийском вероучении вообще, по сути дела, воспроизводит в переводе своё дотекстовое видение, подстраивая под него встречающиеся слова.

Это отчетливо прослеживается на примере перевода терминологии. Так перевод терминов «юань ци» (緣起) как «возникновение через причину, возникновение из причинности, зависимое возникновение», «фа» (法) как «дхарма», «синь» (心) как «сознание, когниция», «жу» (如) как «татхāгата» «предзадан» санскритскими понятиями, за которыми были закреплены данные китайские слова. Однако, попав в сферу китайского языка, на первый план вышла их новая, китайская компонента. Отказ от «целевых предзаданностей» позволил бы высвободить эти понятия из индийского культурного «плена», переместить их в китайское языковое и мыслительное пространство и, соответственно, русским эквивалентом «юань ци» стало бы «подниманием связей», «фа» – «законом», «синь» – «сердцем», «жу» – «подобием».

Другая линия «теоретических конструкций и допущений, которые предваряют перевод», связана с зависимостью от западной философской терминологии. Устойчивая терминологическая пара хуаяньской философии

«ти — юн» (體 — 用), не поддающаяся прямому переводу, вдруг оказывается «субстанцией» и «проявлением» [3, с. 369], окончательно запутывая и без того труднопознаваемый текст.

Но есть еще одна форма «допущения» философского перевода, основанная на личном воображении переводчика. Волюнтаризм увлекает и приводит к тому, что в русском тексте вместо «ю» (有) появляется слово и понятие «бытие», противоречащее самой сути буддийского представления о мире.

Переводческая деятельность, о которой упоминает Х.-Д. Гондек, должна была бы сводиться к внимательному анализу именно китайских слов, однако вместо этого происходит отстранение от китайских текстов путем их возвращения к индийским

истокам, перемещения в западный философский дискурс либо же через банальное домысливание.

В целом говоря, если положить перед собой некий китайский буддийский текст танского или сунского времени и рядом его русский перевод, то не составит большого труда понять, что перед нами два разных текста, и оба – плохо понятных. Китайский непонятен потому, что еще как следует не прочитан, а русский непонятен по причине неоправданной усложненности и наполненности посторонней или неуместной терминологией, разрушающей внутреннюю логику текста. Не могу отказать себе в удовольствии сослаться на вывод Х.-Д. Гондека, сводящийся к тому, что «самый громкий скандал здесь состоит в том, что дурной перевод почти не вызывает никакого скандала» [2, с. 196].

Философские переводы сочинений китайских буддистов прошлого нуждаются в системной работе коллективов китаистов. Но даже отдельным исследователям под силу сделать несколько шагов навстречу эквивалентному переводу: 1) отказаться от метода «целевых предзаданностей», 2) переводить термины согласно их китайским смыслам и соответственно этому концептуализировать их, 3) находить в источниках и фиксировать дефиниции терминов, сделанные самими авторами, 4) отслеживать варианты употребления одного и того же понятия в разных текстах, предваряя окончательное заключение о его значении, 6) выстраивать общую картину миропонимания китайских буддистов, опираясь на результаты максимально широкого и глубокого терминологического и текстологического анализа, а не на «предваряющие перевод допущения». Эти действия будут способствовать пересмотру концептов, «домысленных» учёными XX в. в условиях ограниченного доступа к информационным ресурсам. Имеющиеся в настоящее время оцифрованные корпуса сочинений китайских буддистов значительно упрощают задачу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: «Международные отношения». – 1975. – 240 с.
2. Гондек, Ханс-Дитер. О переводе философских текстов и о философских теориях перевода / Ханс-Дитер Гондек; пер. с нем. Анны Рябовой – М.: Логос. – 2011. – № 5-6 (84). – С. 193 – 211. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/logos/2011_05/14.pdf. – Дата доступа: 01.06.2023.
3. Религии Китая. Хрестоматия / Составление Е. А. Торчинова; авторы: М. Е. Ермаков, М. Е. Кравцова, К. С. Солонин, Е. А. Торчинов. – СПб: издательство «Евразия». – 2001. – 428 с.
4. Янгутов, Л. Е. / Л. Е. Янгутов. Философское учение школы хуаянь. – Новосибирск: «Наука». – 1982. – 143 с.

«КНИГА ПЕСЕН» («ШИЦЗИН») СКВОЗЬ ПРИЗМУ «БЕСЕД И СУЖДЕНИЙ» («ЛУНЬЮЙ»)

В данной статье автором предпринимается попытка проанализировать и обобщить упоминания о «Книге песен» («Шицзин»), зафиксированные в одной из самых главных книг конфуцианского канона «Беседы и суждения» («Луньюй»).

К л ю ч е в ы е с л о в а: Конфуций, «Книга песен», «Шицзин», «Беседы и суждения», «Луньюй».

“BOOK OF SONGS” (“SHIJING”) THROUGH THE PRISM OF “THE ANALECTS OF CONFUCIUS” (“LUNYU”)

In this article, the author attempts to analyze and summarize the references to the “Book of Songs” (“Shijing”), recorded in one of the most important books of the “Analects of Confucius” (“Lunyu”).

Key words: Confucius, «Book of Songs», «Shijing», «Analects of Confucius», «Lunyu».

Китайская цивилизация, будучи одной из древнейших в мире, и по сей день как магнит притягивает к себе внимание исследователей со всего мира. Количество интересующихся китайским языком и культурой в Республике Беларусь также стремительно растет.

История китайской письменности насчитывает более 3500 лет. К счастью, благодаря сохранению иероглифического письма, у нас есть возможность изучать древние тексты, дошедшие до наших дней. Однако распознавание визуального образа того или иного иероглифа не гарантирует отсутствие ошибок при интерпретации заложенного в нём смысла. Как отмечает Юрий Михайлович Лотман в монографии «Внутри мыслящих миров»: «Текст – не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти. Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах. <...> для воспринимающего текст – всегда метонимия реконструируемого целостного значения, дискретный знак недискретной сущности. Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорированы в нем, может быть названа памятью текста. Это создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство вступает в определенные соотношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании аудитории. В результате текст вновь приобретает семиотическую жизнь» [3, с. 28–29].

Таким образом, овладение иностранным языком неразрывно связано с освоением культуры. Когда же речь заходит о китайском языке, на наш взгляд, успешное и профессиональное овладение языком возможно только при условии понимания и освоения китайской модели мира. В этом процессе большую роль играет изучение текстов конфуцианского канона.

Книги конфуцианского канона необходимо рассматривать не изолированно, а только во взаимном соотношении друг с другом. Как отмечает профессор Цзэн Шицян в книге «易经的奥秘» *yìjīng àomì* («Тайны Ицзин»), «Луньюй» – самое трудное для понимания произведение среди всех книг конфуцианского канона. Прежде чем изучать «Луньюй», необходимо освоить «Ицзин». Содержание «Бесед и

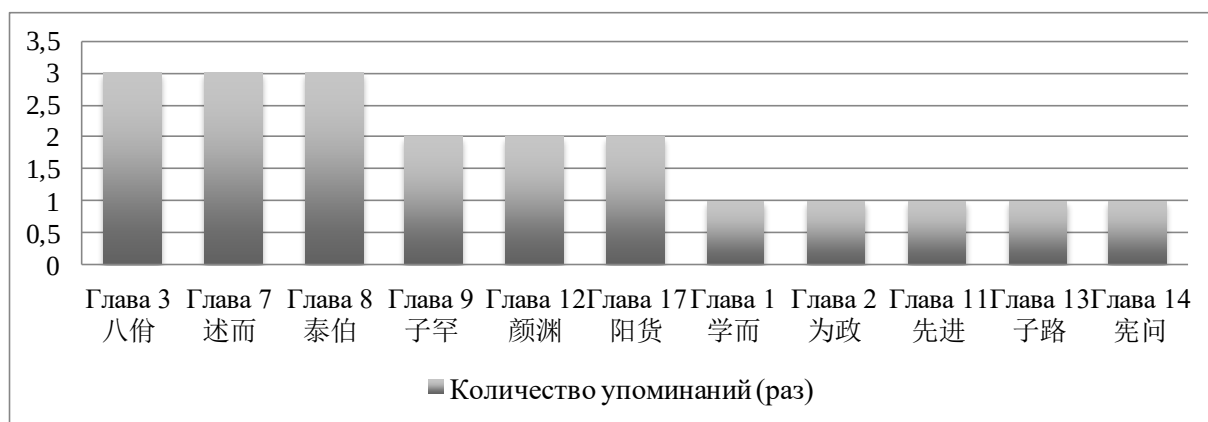
суждений» составляют краткие высказывания Конфуция и его современников, зафиксированные его учениками и последователями. Сложность восприятия, интерпретации и перевода данного памятника состоит в том, что, В «Луньюй» содержится квинтэссенция философии конфуцианства, выраженная в кратких заключительных фразах, выводах. Соответственно данной точке зрения за каждой фразой стоят длительные беседы и рассуждения, таким образом, каждое высказывание не следует воспринимать буквально [7, с. 60].

Как и «Беседы и суждения», «Книга песен» также входит в конфуцианский канон и, учитывая, с какой частотой она упоминается в «Беседах и суждениях», является одной из важнейших книг для человека, придерживающегося конфуцианской мысли и философии.

В данной статье нами предпринимается попытка обобщить и проанализировать упоминания о «Шицзин», зафиксированные в «Луньюй», объектом исследования послужила одна из самых главных книг конфуцианства «Беседы и суждения», а предметом – непосредственно выражения, содержащие в себе упоминания о «Книге песен».

Прибегнув к методу сплошной выборки, удалось установить, что «Книга песен» в «Беседах и суждениях» упоминается прямо или косвенно 20 раз: 17 из них – прямо, 3 – косвенно¹.

«Книга песен» упоминается в 11 главах из 20; в 1, 2, 11, 13, 14 – единожды; в 9, 12, 17 – дважды; в 3, 7 и 8 – трижды. На следующей схеме изображена частотность упоминания «Шицзин» в отдельных главах «Луньюй» (Схема 1).

Рассмотрим более детально высказывания, в которых «Книга песен» упоминается косвенно. Они представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1

Косвенные упоминания «Книги песен» в «Беседах и суждениях»

Глава: высказ.	Содержание высказывания	Перевод на путунхуа [5]	Перевод на русский язык [2]
述而 7:1	子曰：“述而不作，信而好古，窃比于我老	孔子说：“转述先哲的思想而不创立自己的思想，相信而且喜好古代	Учитель сказал: – Передаю, но не создаю, верю в древность и люблю

¹ Под «прямо» мы понимаем непосредственное упоминание названия книги, ее разделов, глав, наименования песен или их цитирование; под «косвенно» – упоминание «Шицзин» в комментариях к высказываниям [6].

		彭。”	的东西，我私下把自己比做老彭。”	ее, украдкой сравниваю себя с Лао Пэном. (Перевод А. Е. Лукьянова)
	述而 7:25	子以四教：文，行，忠，信。	孔子教学有四项内容：文献、品行、忠诚、信实。	Конфуций учил четырем (предметам): письменам (образованности), поступкам (нравственности), преданности, верности (честности). (Перевод В. П. Васильева)
	颜渊 12:24	曾子曰：“君子以文会友，以友辅仁。”	曾子说：“高尚的人凭借文才聚会朋友，凭借朋友辅助仁爱。”	Учитель Цзэн сказал: – Благородный муж завязывает дружеские связи с помощью своей учености, а дружба помогает ему утвердиться в человечности. (Перевод И. И. Семененко)

К высказыванию 7:1¹ Чжу Си дает следующий комментарий: «孔子刪《詩》、《書》，定《禮》、《樂》，贊《周易》，修《春秋》，傳先王之舊，而未嘗有所作也，故其自言如此。»² [6, с. 88]. Таким образом, под «передаю» подразумевается работа над древними текстами и «Книгой песен» в частности.

В высказываниях 7:25 и 12:24 присутствует иероглиф 文 *wén*, который в обоих случаях трактуется Чжан Цзю как “《詩》、《書》、六藝之文”³ [6, с. 99, 183].

Следует также обратить внимание на то, что высказывания 7:1 и 7:25 принадлежат Конфуцию, 12:24 – его ученику философу Цзэнцзы.

Рассмотрев данные высказывания, можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на то, что в самих высказываниях «Книга песен» не упоминается, она подразумевается в них обобщенно с другими конфуцианскими канонами и Шестью искусствами.

2. Владение «письменами», в которые также входит и знание «Шицзин», является базой и неотъемлемой частью образования (7:25), и, в дальнейшем, важным критерием правильного выбора и формирования дружеского круга благородного мужа (12:24).

Далее проанализируем 17 высказываний, в которых непосредственно упоминается «Книга песен». Главы, номера высказываний, оригинал и их перевод на русский язык указаны в таблице 2.

Т а б л и ц а 2

Выражения с прямым упоминанием «Шицзин» в «Луньюй»

Глава/ выказ.	Оригинал	Перевод на русский язык [2]
学而	子貢曰：“貧而無諂，	Цзы-гун спросил: «Хорошо ли, если бедняк

¹ Здесь и далее а:b, где а – номер главы, b – номер высказывания.

² «Конфуций составил «Шицзин» и «Шаншу», утвердил «Лицзи» и «Юэцзин», разъяснял «Чжоу и», исправил «Чуньцю», передавал мудрость древних правителей, не пытаясь вносить изменений, разъяснял их речи как свои».

³ «Письмена – тексты «Шицзин», «Шуцзин», Шесть искусств».

1. 15	富而无骄，何如？”子曰：“可也。未若贫而乐，富而好礼者也。”子贡曰：“《诗》云：‘如切如磋，如琢如磨’，其斯之谓与？”子曰：“赐也，始可与言《诗》已矣，告诸往而知来者。”	не заискивает, а богач не зазнается?» Учитель ответил: «Хорошо, но не так, как если бы бедняк испытывал радость, и богач любил ритуал». Цзы-гун спросил: «Не об этом ли говорится в Ши цзин»: [слоновую кость] вначале режут, а затем отделявают, [яшму] вначале вырезают, а затем отшлифовывают». Учитель ответил: «Сы! С вами можно начать разговор о Ши цзин». Когда я говорю вам о чём-нибудь, что совершилось в прошлом, вы [уже] знаете, что последует в будущем». (Перевод В. А. Кривцова)
为政 2. 2	子曰：“《诗》三百，一言以蔽之，曰：‘思无邪’。”	Конфуций сказал: «Одна фраза, которой можно обобщить все триста «Песен» – «непорочность и чистота мысли»» ¹
八佾 3. 2	三家者以《雍》彻，子曰：“‘相维辟公，天子穆穆’，奚取于三家之堂？”	Представители трёх влиятельных родов царства Лу (Мэнсунь, Цзисунь и Шусунь), убирая утварь для жертвоприношения, напевали гимн «Юнь» («Лад»), который обычно исполняется в храме императора. На это Конфуций сказал: «'Здесь помогают в служении предку князя, Ныне Сын Неба и царь, величав, величав.' [4]. «Разве можно воспевать такое в храме Трёх семей?»» [1].
八佾 3. 8	子夏问曰：“‘巧笑倩兮，美目盼兮，素以为绚兮’何谓也？”子曰：“绘事后素。”曰：“礼后乎？”子曰：“起予者商也，始可与言《诗》已矣。”	Цзыся спросил: – Что означают строки: <i>Смеясь, чарует ямочкой на щечке, Очей прекрасных ясен взгляд, И белизна в ней кажется цветным узором?</i> – Вторично то, когда раскрашивают белое, – ответил Учитель. – И ритуал вторичен? – заметил Цзыся. Учитель сказал: – Кто меня понимает, так это ты! Теперь с тобой можно говорить о Песнях. (Перевод И. И. Семененко)
八佾 3. 20	子曰：“《关雎》，乐而不淫，哀而不伤。”	Философ сказал: «Песнь Гуань-цзюй" выражает веселье без излишества и печаль, не переходящую в сокрушение». (Перевод П. С. Попова)
述而 7. 18	子所雅言，《诗》、《书》、执礼，皆雅言也。	Вот о чём говорил Учитель высоким слогом: О «Ши», «Шу» и поддержании ритуала. Все это звучало высоким слогом. (Перевод А. Е. Лукьянова)
泰伯	曾子有疾，召门弟子曰：	Цзэн-цзы, заболевши, позвал учеников и

¹ Отсутствие указания на ФИО переводчика означает, что перевод выполнен автором статьи.

8. 3	“启予足，启予手。《诗》云：‘战战兢兢，如临深渊，如履薄冰。’而今而后，吾知免夫，小子！”	сказал: «Откройте мои ноги, откройте мои руки. Стих (Ши-цзин) говорит: с трепетом и осторожностью, как будто стоишь над глубокой бездной, как будто ступаешь по тонкому льду», и теперь и после я знаю (умею) избежать (опасностей); (о) малые дети! (т. е. мои ученики)». (Перевод В. П. Васильева)
泰伯 8. 8	子曰：“兴于《诗》，立于礼，成于乐。”	Конфуций говорил: «Начало в «Песнях», основа в ритуале, совершенство в музыке».
泰伯 8. 15	子曰：“师挚之始，《关雎》之乱，洋洋乎盈耳哉！”	Учитель сказал: «Какой необъятный поток великолепной музыки наполняет мой слух, с момента начала ее исполнения мастером Чжи и до окончания исполнения «Гуань цзю» в качестве коды!»
子罕 9. 15	子曰：“吾自卫反鲁，然后乐正，《雅》《颂》各得其所。”	Конфуций говорил: «Только после моего возвращения из царства Вэй в царство Лу, разделы «Я» и «Сун» были приведены в порядок, и каждая песня обрела свое место».
子罕 9. 27	子曰：“衣敝缊袍，与衣狐貉者立而不耻者，其由也与！‘不忮不求，何用不臧？’”子路终身诵之，子曰：“是道也，何足以臧？”	Конфуций сказал: «Надев изодранный, посконью подбитый кафтан и, стоя с одетым в лисицу и енота, не стыдившийся, – это Ю (Цзы-лу)! В Ши-цзине сказано: (кто) не завидует (богатым, не употребляет насилие против богатых) и не домогается (их богатств, тот) как способен к нечистому?!» Цзы-лу до конца своей жизни повторял (этот стих). Конфуций сказал: «Этот путь, (содержащиеся в этом пути правила) как (можно думать, что они уж) достаточны для совершенства?» (Перевод В. П. Васильева)
先进 11. 6	南容三复白圭，孔子以其兄之子妻之。	Нань Жун неоднократно повторял стихи о «скипетре из белой яшмы». Конфуций дал ему за это в жёны дочь своего старшего брата. (Перевод И. И. Семененко)
先进 12. 10	子张问崇德辨惑，子曰：“主忠信，徙义，崇德也。爱之欲其生，恶之欲其死；既欲其生又欲其死，是惑也。‘诚不以富，亦只以异。’”	Цзычжан спросил о том, как возвысить (возродить) Дэ и распознать заблуждение. Учитель ответил: – Руководствоваться преданностью и доверием, обращаться к долгу – это и есть возвышение Дэ. Любя кого-либо, желают, чтобы он жил. Ненавидя кого-либо, желают, чтобы он умер. Но если желают кому-либо жизни и вместе с тем смерти – это и есть заблуждение. В «Ши» сказано: <i>По правде богатства вам это не даст,</i>

			<i>Вы лишь совершите этим ошибку.</i> (Перевод А. Е. Лукьянова)
	子路 13. 5	子曰：“诵《诗》三百，授之以政，不达；使于四方，不能专对；虽多，亦奚以为？”	Конфуций сказал: «Знает наизусть все триста из «Песен», но не может справиться с порученными служебными обязанностями; отправившись в другие царства, не в состоянии независимо вести диалог. Что ж, выучил много, но какая в том польза?»
	宪问 14. 39	子击磬于卫，有荷蕢而过孔氏之门者，曰：“有心哉，击磬乎！”既而曰：“鄙哉，硁硁乎！莫己知也，斯已而已矣。深则厉，浅则揭。”子曰：“果哉！末之难矣。”	Находясь в Вэй, Учитель бил в каменный гонг. Некто с плетушкой за плечами, проходя мимо ворот дома Конфуция, сказал: – В ударах гонга слышится призыв к вниманию. Затем послушал немного и сказал: – Вот дикое упрямство! Коль не идут тебя узнать, то прекрати и все. Коль глубоко — в одежде перейду, Коль мелко — подниму полу. Учитель сказал: – Действительно, ничто ему не трудно! (Перевод А. Е. Лукьянова)
	阳货 17. 9	子曰：“小子何莫学夫《诗》？《诗》可以兴，可以观，可以群，可以怨。迩之事父，远之事君，多识于鸟兽草木之名。”	«Конфуций сказал: «Ученики мои, почему не учите «Песни»? Они могут пробуждать мысли, чувства и воображение; позволяют наблюдать и ощущать обычаи и настроения [общества], помогают культивировать в людях нравственность, приближая их к взаимопониманию; дают возможность тактично выразить недовольство. Дома, следуя «Песням» служите родителям, вдали – правителю. Из «Песен» также можно узнать множество названий птиц, зверей, трав и деревьев.»
	阳货 17. 10	子谓伯鱼曰：“女为《周南》、《召南》矣乎？人而不为《周南》、《召南》，其犹正墙面而立也与！”	Учитель обратился к Бо Юю «Усвоил ли песни глав «Чжоунань» и «Шаонань»? ¹ Человек, не удосужившийся усвоить их, подобен уткнувшемуся в стену ² !»

Все отобранные упоминания мы классифицировали следующим образом:

- 1) по характеру упоминаний «Книги песен»;
 - прямое упоминание;
 - косвенное упоминание;
- 2) по содержанию высказывания;
- 3) по субъекту, которому принадлежит высказывание;

¹ «Чжоунань» и «Шаонань» – первые 2 главы раздела «Фэн» («Нравы царств» и всей «Шицзин»).

² Метафора, может быть интерпретирована как «подобен человеку, который с трудом сделает даже маленький шаг к успеху».

4) по цели упоминания «Книги песен» и ее содержания.

Проанализировав 17 высказываний, в которых непосредственно упоминается «Книга песен», **по содержанию** мы разделили их на высказывания, в которых встречаются:

- 1) названия книги 《诗》 (2:2, 7:18, 8:8, 13:5 и 17:9);
- 2) названия книги 《诗》 + цитаты (1:15, 3:8, 8:3);
- 3) цитата из песни (9:27, 12:10, 14:39);
- 4) названия разделов «Книги песен» (9:15);
- 5) названия глав (17:10);
- 6) названия песни (3:20, 8:15);
- 7) название песни + цитата (3:2);
- 8) названия ведущего образа в песне (11:6).

Из вышесказанного следует, что наиболее часто (5 раз) упоминается название «Книги песен» – 《诗》. Основной нарратив данных выражений – подчеркивание роли «Книги песен» как стандарта благочестия, высокая степень значимости изучения «Шицзин» в развитии и совершенствовании личности, с целью использования полученных знаний (но главное – не количество выученной информации, а умение ей оперировать) для достижения успешного взаимодействия с другими людьми в социуме. Например, высказывание 17:9: «子曰：“小子何莫学夫《诗》？《诗》可以兴，可以观，可以群，可以怨。迩之事父，远之事君，多识于鸟兽草木之名。”». Один из вариантов перевода может быть таким: «Конфуций сказал: «Ученики мои, почему не учите «Песни»? Они могут пробуждать мысли, чувства и воображение; позволяют наблюдать и ощущать обычаи и настроения [общества], помогают культивировать в людях нравственность, приближая их к взаимопониманию; дают возможность тактично выразить недовольство. Дома, следуя «Песням» служите родителям, вдали – правителю. Из «Песен» также можно узнать множество названий птиц, зверей, трав и деревьев».

Бездумное же заучивание песен без практического их применения прорипцается. Например, высказывание 13:5 гласит «子曰：“诵《诗》三百，授之以政，不达；使于四方，不能专对；虽多，亦奚以为？”», что на русский язык можно перевести как «Конфуций сказал: «Знает наизусть все триста из «Песен», но не может справиться со служебными обязанностями; отправившись в другие царства, не в состоянии независимо вести диалог. Что ж, выучил много, но какая в том польза?».

Среди **субъектов**, которым принадлежит упоминание «Книги песен», можно выделить:

- 1) Конфуций (2:2, 3:2, 3:20, 8:8, 8:15, 9:15, 9:27, 12:10, 13:5, 17:9, 17:10);
- 2) ученики Конфуция (1:15 (Цзыгун), 3:8 (Цзыся), 8:3 (Цзэнцзы);
- 3) третье лицо(-а) (3:2, 14:39);
- 4) автор неизвестен (7:18, 11:6).

Далее выделим **цели** упоминания «Книги песен» и ее содержания, цитирования отдельных песен:

1. Подчеркнуть важность и значимость «Шицзин» как для самого Конфуция, так и для его современников, и для будущих поколений, высокий статус среди конфуцианских канонов (2:2, 7:18, 8:8, 11:6, 17:9, 17:10);

2. Цитирование песен для иллюстрирования ситуаций, нацеленное на углубление понимания философских идей Конфуция (посредством метафоры апелляция к конкретным стереотипам в модели мира собеседника для достижения «Я-Я» понимания абстрактных понятий) (1:15, 3:8, 8:3, 9:27, 12:10);

3. Критика неблагочестивых действий, порицание бездумного заучивания песен без возможности применения полученных знаний на практике (3:2, 13:5, 9:27, 14:39);

4. Субъективное выражение чувственного восприятия песни, в обоих случаях упоминается первая песня из «Шицзин» «Гуаньцзюй» (3:20, 8:15);

5. Фиксация исторических событий, касающихся составления «Книги песен» (9:15).

Таким образом, рассмотрев высказывания о «Книге песен», зафиксированные в «Беседах и суждениях», можно сделать следующий вывод: Конфуций отводил «Шицзин» особое место среди остальных канонов, не раз подчеркивал значимость данного памятника и его важность для воспитания следующих поколений. Порицая заучивание песен наизусть, Конфуций настаивал на раскрытии глубинного смысла, сокрытого в, казалось бы, незамысловатом тексте песен, что в последующем ведет к осмысленному и целенаправленному цитированию необходимых строк, помогая человеку улучшать процесс коммуникации, достигать поставленных целей и претворять мудрость китайской цивилизации в жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адильбаев, Т. Ш. В зеркале стиха. Представление обновленной доктрины конфуцианства с помощью поэтических цитат [Электронный ресурс] / Т. Ш. Адильбаев. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-zertsale-stiha-predstavlenie-obnovlennoy-doktriny-konfutsianstva-s-pomoschyu-poeticheskikh-tsitat>. – Дата доступа: 26.02.2023.
2. Конфуций. Беседы и суждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lunyu.ru>. – Дата доступа: 26.02.2023.
3. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – СПб : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 448 с.
4. Шицзин: Книга песен и гимнов / Пер. с кит. и коммент. А. А. Штукина) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://burdonov.ru/SHI_ZIN/ShiJing/RUS/. – Дата доступа: 26.02.2023.
5. 古诗文网 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://so.gushiwen.cn/guwen/book_2.aspx. – Дата доступа: 26.02.2023.
6. 论语白话全译 / 文史哲译. – 上海: 立信会计出版社, 2012.7. – 313 页.
7. 易经的奥秘/曾仕强; 中央电视台; 中央电视台国际电视总公司著.北京: 北京中文在线数字出版股份有限公司, 2012.08. – 196 页.

АНАЛИЗ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК КЛЮЧЕВЫХ ЗНАКОВ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО СЛОВАРЯ «ШО ВЭНЬ ЦЗЕ ЦЗЫ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. Ф. КОНДРАШЕВСКОГО

В статье осуществляется аналитическая реконструкция актуальных для синологии результатов исследования А. Ф. Кондрашевского функциональных характеристик ключевых знаков древнекитайского словаря «Шо вэнь цзе цзы», особенностей развития системы китайского письма; рассматривается базовая терминология китайской грамматики и лингво-семиотики.

Ключевые слова: древнекитайский словарь «Шо вэнь цзе цзы», функциональные характеристики ключевых знаков, система китайского письма, терминология китайской грамматики и лингво-семиотики.

The article analytically reconstructs the results of A. F. Kondrashevsky's investigation of the functional characteristics of the radicals of the ancient Chinese dictionary "Shuo wen jie zi", the peculiarities of the development of the Chinese writing system; the basic terminology of Chinese grammar and linguo-semiotics is considered.

Key words: ancient Chinese dictionary "Shuo wen jie zi", functional characteristics of radicals, Chinese writing system, terminology of Chinese grammar and linguo-semiotics.

В отечественной научной и учебно-методической китаистике древнекитайский словарь «Шо вэнь цзе цзы» 《說文解字》 («Шо вэнь») является одним из ключевых лексикографических, грамматологических и лингво-культурологических источников. Описание концептуальных и содержательных аспектов данного словаря, либо привлечение его материалов для обоснования научных вопросов, связанных с историей развития и особенностями функционирования китайской письменности осуществлялось в работах следующих российских сиологов: В. П. Васильева, С. М. Георгиевского, Ю. В. Бунакова, И. М. Ошанина, В. С. Колоколова, Ю. Г. Щуцкого, А. М. Карапетянца, С. Е. Яхонтова, А. Я. Шера, В. М. Солнцева, О. М. Готлиба и др.

Проблеме исследования функциональных характеристик списка ключей словаря посвящена работа (кандидатская диссертация) А. Ф. Кондрашевского «Знаки первоначальных категорий китайской письменности и система ключей «Шовэня» (1982), в которой автор изучил список знаков словаря, образующих заглавия разделов *бушоу* 部首 (в терминологии А. Ф. Кондрашевского «ключевые знаки»), установил формальные критерии, определяющие функциональный статус, т.е. структуру и знакообразовательные функции иероглифических знаков ключевого списка «Шо вэня», рассмотрел проблему происхождения данного списка ключей.

В рамках нашей статьи проведем реконструкцию и анализ части основных результатов указанного исследования, касающихся становления знакообразовательных моделей китайских иероглифов, в том числе вопросов выделения двух больших классов китайского письма – *вэнь* и *цзы*, и их функциональных особенностей.

Кратко рассмотрим основные положения научного аппарата работы А. Ф. Кондрашевского. Основным мотивом обращения к материалам словаря Сюй Шэня

является в рамках проблемы типологии иероглифического письма изучение исторических форм складывания списка базовых элементов письма и вопроса эволюции моделей синтетических знаков; с источниковедческой стороны актуальность определяется в плане рассмотрения аспектов формирования научных представлений о развитии и структуре иероглифики в древнем Китае, а также роли и месте словаря Сюй Шэня в науке древнего Китая. Цель исследования состоит в реконструкции методики описания знаков в «*Шо вэнь*» и рассмотрении на этой основе проблем соотношения знаков первоначальных категорий и знаков списка иероглифических ключей словаря, а также происхождения последних. Методы исследования строятся на основе анализа и уточнения функциональных свойств знаков, составляющих список ключей словаря с учетом китайских традиционных методик их описания и структурно-лингвистической трактовки проблемы эволюции структурных знакообразовательных моделей знаков китайской письменности [6, с. I–II].

Изучение диссертационного исследования А.Ф. Кондрашевского позволило нам выделить актуальные для отечественной синологии, по нашему мнению, аспекты описания особенностей китайского письма, в целом, и системы ее ключевых знаков, в отдельности:

I) В диссертации представлена информация о редакциях словаря и его сохранившейся версии. О судьбе «*Шо вэнь*» со II по IX вв. н.э. известно очень мало. Первые данные о словаре и его редакции Ли Янбином появляются в эпоху Тан (VIII в.). В конце X в. словарь был тщательно отредактирован Сюй Сюанем (917 – 992 гг.), при этом места, привнесенные Ли Янбином, были сняты, а собственный комментарий Сюй Сюань достаточно отчетливо выделил, так что исходный текст «*Шо вэнь*» и привнесенные комментарии могли быть легко различены. Издание «*Шо вэнь*» Сюй Сюаня и его комментаторская версия словаря берутся за основу для практически всей последующих изданий и исследований словаря, включая современные. Под неизвестными редакторами «*Шо вэнь*» мы подразумеваем разного рода толкователей и переписчиков словаря, очевидно внесших свои исправления и дополнения непосредственно в текст словаря, никак при этом не обозначив рамок такой редакции. Например, в «Послесловии» к «*Шо вэню*» заявлено, что в словаре описано 9353 гнездовых знака *чжэнвэнь* (прямых/официальных знаков), представленных в почерке *сяочжуань*, с соответствующими статьями. Реальный же список описываемых иероглифов словаря после редакции Сюй Сюаня насчитывает почти на сто описываемых знаков больше, что, вероятно, также свидетельствует о присутствии в исконном тексте словаря более поздних необозначенных редакций и, в частности, некоторого количества поздних знаков, расширивших исходный список *чжэнвэнь* Сюй Шэня [6, с. 44-45].

II) Основанный на отечественных и китайских источниках анализ истории развития китайской письменности содержит ряд важных тезисов об особенностях и этапах формирования типологических характеристик китайского письма:

В Шан–Инь сложилась логографическая система письменности, в этот же период определился переход к широкому использованию знаков – фонетиче-

ских заимствований, в результате которого логографический знак становится чистой фонограммой, записывающей звучание определенной совокупности одинаково звучащих слов. В Зап. Чжоу вырабатывалось не только единое написание, но и единая внутренняя структура знаков в рамках вновь создавшейся категории фоноидеографических знаков. При этом общая тенденция на создание фоноидеографических знаков включала в себя не только введение знаков для слов и понятий, не имевших дискретного графического представления. Фоноидеографическая структура в некоторых случаях навязывалась и тем знакам, которые уже были четко закреплены за соответствующими словами. Навязываемый компонент представлял собой смысловой или оценочный определитель. Подобное усложнение знаков означало превращение простого знака в сложный фоноидеографический. Согласно Тан Ланю, практически все так называемые фонетики в составе сложных фоноидеографических знаков изначально рассматривались не только как фонетические, но и как полноценные семантические, что означало двойственное функционирование фонетика и сохранение идеографического статуса для синтетических знаков. [6, с. 75]

Исходя из представленного в диссертации историко-филологического анализа этапов развития китайского письма, мы можем выстроить следующую хронологию появления типов знаков: *сянсин* 象形, *чжиши* 指事, *хуэйи* 会意, *цзяцзе* 假借, *синишэн* 形声, *чжуаньчжу* 转注. Отметим, что данная последовательность отличается от представленной Сюй Шэнем (*чжиши*, *сянсин*, *синишэн*, *хуэйи*, *чжуаньчжу*, *цзяцзе*). Для последовательности Сюй Шэня (фоноидеограмма предшествует идеограмме) автор предлагает следующее объяснение: анализ состава производных ряда ключей, описанных в словаре как фоноидеограмм, показывает, что они имеют идеографические производные. Конкретными причинами этого явления могло явиться либо то, что процесс знакообразования по идеографической модели не прекратился даже с появлением фоноидеограмм и некоторое время шел с использованием их как семантических составляющих. Возможно, что графемы, считавшиеся прежде идеографическими, стали рассматриваться как фоноидеографические, либо в словаре представлены не-точности в описании знаков [6, с. 77].

III) В работе последовательно представлены трактовки терминологической базы словаря (китайской грамматологической и лингво-семиотической традиции).

Термин *лю шу* 六书 (дословный перевод «шесть [типов] письмен») трактуется как «основные знакообразовательные модели» [6, с.13], в рамках внутренней классификации они разделяются автором на «первоначальные категории», «базовые категории (пиктограммы и указательные знаки) и «производные категории (идеограммы и фоноидеограммы)» либо «первоначальные категории (пиктограммы и указательные знаки) и производные (идеограммы и фоноидеограммы)», «основные знакообразовательные модели» [6, с. 56 – 67]. По нашему мнению, перевод «знакообразовательная модель» в большей степени отражает суть термина и совпадает с его интерпретацией в *сюньгусюэ* 造体. Однако, в рамках исследования А.Ф. Кондрашевский, в основном, использует термин «категория».

Наименования шести категорий знаков в авторском переводе: 1) [знаки], указывающие смысл; 2) [знаки], обозначающие форму; 3) [знаки], придающие форму звуку; 4) [знаки], объединяющие идеи; 5) [знаки], поясняющие изменение (поворот) – это знаки, которые относятся к одной рубрике (*бушоу* 部首 или *цзяньшоу* 建首), некоторое расхождение в значении которых передается минимальным изменением графики одного из них, то есть введением минимального графического варьирования; 6) знаки «ложно заимствованные» – заимствуются для обозначения понятий, графического (иероглифического) представления которых по тем или иным причинам не существует. Основным мотивом при выборе знака является подобие звучания, записывавшегося данным иероглифом исходного и нового слов (морфем) [6, с. 10-12]

Термин *бушоу* 部首 (дословный перевод «заглавия разделов») толкуется автором как «семантический множитель», «смысловой определитель» [6, с. 46], «идеографическая составляющая» [6, с. 47], «исходные и производные ключи», «заглавный знак соответствующих тематических разделов или рубрик словаря *«Шо вэнь»*, «тематический определитель» [6, с. 48-49] «идеографическая рубрика», «основной компонент структуры *«Шовэня»*» [6, с. 76].

Знаки *вэнь* 文 – «относительно простые знаки», «исходные графемы (далее неделимые)», «источники знаков» *цзы юань* 字原 [6, с. 65], «базовые знаки (китайской письменности)» [6, с. 72], «рисунки–схемы» или «знаки–рисунки» (перевод трактровки знаков *вэнь* в «Послесловии» словаря Сюй Шэня), «знаки–схемы» (знаки-зарубки, созданные историографом мифического императора Хуан-ди Цан Се). Основой перехода от *вэнь* к настоящему иероглифическому письму Сюй Шэнь называет создание на основе *вэнь* синтетические знаки *цзы* двух видов: идеографические и фоноидеографические (перевод трактровки соотношения *вэнь* и *цзы* в «Послесловии» Сюй Шэня) [6, с. 10].

Знаки *цзы* 字 – «относительно сложные знаки», «производные от знаков *вэнь*», «сложные иероглифические знаки» (перевод трактровки знаков *цзы* в «Послесловии» словаря Сюй Шэня), «синтетические знаки» [6].

Предложен перевод названия словаря *«Шо вэнь цзе цзы»* 《说文解字》 = «Толкование простых и объяснение сложных знаков»¹.

¹ Другие варианты перевода названия словаря *«Шо вэнь цзе цзы»* 《说文解字》 в работах российских китаистов:

Кобзев, А. И. «Изъяснение простых письменных знаков и анализ составных иероглифов» [4], «Изъяснение знаков и разбор иероглифов» [5],

Кучера, С. «Словарь, письмена и знаки поясняющий» [7],

Юркевич, А. Г. «Истолкование знаков и разъяснение иероглифов» [9],

Завьялова, О. И. «Объяснение простых и рассечение/анализ сложных иероглифов», «Изъяснение знаков и толкование иероглифов» [2, с. 734],

Карапетьянц, А. М. «Объяснение знаков вэнь и анализ знаков цзы» [3, с. 190],

Ивченко, Т. В. «Рассуждения о простых знаках и разъяснение сложных иероглифов» [10, с. 70],

Большой китайско-русский словарь словаре (БКРС), в основу которого положен одноименный словарь И. М. Ошанина в 4-х томах – «Объяснение простых и толкование сложных знаков» [1],

Софронов, М. В., Готлиб О. М., Крюков В. М., Задоев Т. П., Хуан Шуин не предлагают перевода, производят транслитерацию названия *«Шо вэнь цзе цзы»*.

IV) В списке 540 ключей «Шо вэнь» автор выделил две большие группы: относительно простые и относительно сложные (производные) знаки.

Первая группа знаков должна состоять из относительно простых ключевых знаков – исходных, как для «своих» неключевых знаков, ключами которых они являются, так и для ключевых производных знаков. Знаки, входящие в эту группу, в противоположность своим производным (ключевым и неключевым) из-за отсутствия у них общих графических элементов независимы друг от друга. Знаки этой группы, как правило, происходят от рисунков и схематических изображений и в большинстве случаев описываются по следующим схемам:

Схема 0. Дается только значение иероглифа. Прямой стандартной информации о его форме и происхождении не содержится (Всего 11 знаков: 一¹ 一、 乚 乚、 三 三、 丨 丨、 丿 丿、 丶 丶、 丩 禾、 厶 厶、 丷 丷、 乚 乚、 𠂇 𠂇).

Схема 1 – а) 象 ... или б) ... 之象. Данная схема не всегда описывает знаки группы *вэнь*, однако такая ситуация, как правило, специально обозначается введением в описание показателя межзнаковой зависимости *цун* 从.

Схема 2 – ... 象形. Описывая весь знак в целом, схема жестко указывает на его пиктографическую природу.

Схема 3 – 象 ... (之) 形. Описывает и весь знак, и одну из его частей.

Знаки, описанные по данным схемам, исходны для всех остальных ключей, поэтому автор называет знаки этой группы знаками нулевого знакообразовательного уровня. [6, с. 52]

По отношению к знакам нулевого уровня все другие ключевые знаки являются производными. На основании анализа способов знакообразования можно выделить два вида производных ключей:

1. Прежде всего это знаки первого знакообразовательного уровня, образованные от ключей нулевого уровня приемом транспозиции, т.е. изменением ориентации исходного знака без каких-либо изъятий или добавлений в графике. Различают три типа транспозиций:

а) зеркальное отображение по вертикальной оси

Пример: 丿 乚 и 丨 丨,

б) зеркальное отображение по горизонтальной оси

Пример: 𠂇 𠂇 и 𠂇 𠂇,

в) поворот исходного знака на 180°

Пример: 𠂇 予 𠂇 幻 (второй знак – неключевой знак, следовательно, речь идет о знаках, способных к транспозиции, а не только образуемых путем транспозиции). [6, с. 53]

Знаки первого знакообразовательного уровня описываются по следующим схемам:

Схема 4 – первый вариант 从反 ... ; второй вариант 从到 ... [6, с. 53–54].

¹ Здесь и далее по тексту наряду с современными иероглифами представлены знаки в стиле *сяочжуань*, которые указаны в качестве гнездовых иероглифов словарных статей словаря «Шо вэнь» с целью адекватной иллюстрации теоретических описаний китайского письма.

2. Знаки второго знакообразовательного уровня – заведомо сложные ключи, образованные соединением двух или трех различных исходных форм. В роли исходных для сложных производных знаков чаще всего выступают знаки нулевого уровня (в том числе мультипликации, удвоения, утроения и учетверения исходных ключей нулевого уровня), хотя в ряде случаев в сочетании со знаками нулевого уровня употребляются также и знаки первого знакообразовательного уровня: 𠂇 北 / 𠂇 丘 (《说文》: 𠂇 北 <...> [знак] состоит из двух элементов 人, повернутых друг к другу спиной 从二人相背 <...> / 𠂇 丘 <...> [знак] состоит из элементов 北 и 一 从北从一 <...>), отдельные неключевые знаки: 𠂇 𠂇 / 𠂇 行 (《说文》: <...> [знак] состоит из элементов 止、少 从止、少 <...> / 𠂇 行: <...> [знак] состоит из элементов 彳 и 亍 <...>) и даже знаки и обозначения, не имеющие (по словарю «Шо вэнь») самостоятельного употребления, а поэтому в чистом виде, т.е. вне сложных знаков, не описанные: 𠂇 眉 / 𠂇 豆 (《说文》: 𠂇 眉 <...> в структуре знака представлен элемент 目. Знак 𠂇 изображает форму бровей. две верхние изгибающиеся линии похожи на морщинки на лбу 目. 从目, 象眉之形, 上象頤理也 <...> / 𠂇 豆: <...> В структуре знака представлен элемент, пиктограмма 口 从口, 象形 <...> . К знакам данного уровня также относятся знаки, в составе которых выделяется компонент с фонетической функцией (фонетик). [6, с. 54]

Знаки второго знакообразовательного уровня описываются по следующим схемам:

Схема 5 – 从... N (числительное, указывающее число повторов знака). Описывает мультипликации, т.е. производные знаки, образованные соединением нескольких одинаковых исходных ключей обычно нулевого уровня.

Схема 6 – 从... (从) ... Простое сложение различных исходных основ.

Схема 7 – 从... (从) ... 聲. Схема объединяет несколько основ, одна из которых содержит указание на фонетическую функцию [6, с. 55].

В результате исследования А. Ф. Кондрашевский установил, что у знаков нулевого знакообразовательного уровня следующие характеристики имеют существенно большие значения выраженности, чем у знаков двух других уровней: 1) продуктивность – наличие производных знаков, 2) непродуктивность – отсутствие производных знаков, 3) способность к мультипликации (или плицированию), 4) способность к транспозиции (изменению ориентации знака). Из этого исходит целесообразность противопоставления знаков нулевого уровня знакам двух других уровней [6, с. 57-60].

Заметным отличием внутри нулевого знакообразовательного уровня по количеству производных и способности к мультипликации обладают 11 знаков, описанных по 0-схеме. Отсутствие у них знакообразовательного мотива, по мнению А. Ф. Кондрашевского, можно объяснить неустойчивостью значений, семантической мобильностью данных ключей, конкретный смысл этих знаков при вхождении их в сложные ключи второго знакообразовательного уровня расшифровывается в основном за счет внутреннего контекста последних, что обусловливается простотой графического состава данных знаков и возможностью употребления этих знаков вне одного какого-либо конкретного значения. Автор

отмечает, что данные знаки могут рассматриваться как простейшие формальные элементы более сложных знаков, не обладающие достаточной самостоятельностью употребления [6, с. 60].

Наибольшие значения выделенных автором первой, третьей и четвертой характеристик у ключей нулевого знакообразовательного уровня, возможно, связаны с простотой этих ключей, выступающих в качестве исходных по отношению ко всем остальным ключевым и неключевым знакам словаря, а также и с тем, что именно эти ключи обозначают основные понятия, основные классы предметов и явлений, на основе которых строится вся китайская иероглифика. Меньшие значения данных характеристик для двух других знакообразовательных уровней объясняется сложностью знаков и желанием автора словаря ввести в состав ключевых знаков относительно продуктивные мультипликации, обладающие самостоятельным употреблением. Наибольшие значения второй характеристики у знаков нулевого знакообразовательного уровня объясняется стремлением автора словаря дать истинную, с его точки зрения, картину знакообразования – в данном случае знаков изобразительной и указательной категорий. Нулевые значения данной характеристики для транспозиций и мультипликаций вызваны стремлением включить отдельные мультипликации в состав ключей. Ненулевые значения для небольшого ряда некоторых остальных сложных знаков второго уровня, описанных по схемам 6 и 7, представлены знаками, обозначающими цифры, циклические знаки и фонетики [6, с. 64].

Таким образом, на основании межключевых иерархических отношений, констатируемых в статьях «Шо вэня», выделяются две приблизительно равные группы ключевых знаков: относительно простые и относительно сложные [6, с. 64], которые А.Ф. Кондрашевский предлагает соотнести с двумя описанными в «Послесловии» к «Шо вэню» двумя макро-группами знаков китайской письменности – *вэнь* и *цзы*. Группа ключей *вэнь* включает в себя прежде всего знаки нулевого знакообразовательного уровня (описанные по схемам 0-3). Сюда же автор исследования относит и следующие категории ключей, описанные по другим схемам:

1 Ключи имеющие мультипликации или транспозиции как по списку ключей, так и по списку их произвольных: 言/訃言, 羊/義義 (мультипликации в списке ключей, всего 12 знаков); 示/祿祿, 東/棘棘 (мультипликации в неключевых производных знаках, всего 6 знаков); 高/旱旱, 身/身月 (транспозиции в списке ключей, всего 4 знака).

2. Ключи, образующие вместе с каким-либо графическим элементом сложные ключевые знаки, зафиксированные в списке Сюй Шэня как изобразительные: 回/回 (《说文》: 回 回 <...> знак состоит из элемента 入, элемент 回 напo-минает форму помещения с окном-дверью в центре 从入, 回象屋形, 中有戶牖<...> / 回 回 <...> Знак состоит из элементов 來 и 回 从來从回 <...>) (всего 6 ключей).

3. Ключи смешанных схем, не имеющие по словарю «Шо вэня» фоноидеографических производных: 眉 (описание структуры по «Шо вэню» см. выше) (всего 25 ключей).

4. Ключи смешанных схем, в приводимых Сюй Шэнем древних написаниях которых выделена оригинальная пиктографическая основа: 𪗇𪗇 (《说文》: 𪗇𪗇 <...> Знак 𪗇 «зубы» похож на очертания зубов в полости рта. Фонетик 止象口𪗇之形, 止聲 <...>) (всего 17 ключей).

5. Ключ. имеющий ключевой производный, состоящий из исходной формы и ее транспозиции: 𪗇𪗇 / 𪗇𪗇 [6, с. 65].

Знаки первой группы (*вэнь*) противопоставлены знакам второй (*цзы*) не только по линии исходности и производности, по выявленным автором функциональным характеристикам [6, с. 65], а также, как видно из всех вышепредставленных описаний знаков, отнесенных к *вэнь* – по маркированной в словаре пиктографичности. В целом, выделенные группы знаков выявлены строго в соответствие с представленной в словаре маркировкой (посредством соответствующих операторов) и описанием их структуры в терминологии грамматологического раздела *вэньцзысюэ* 文字学 древнекитайской филологической науки *сюньгусюэ*.

Общее число ключей, вошедших в группу *вэнь*, таким образом, составляет 281 знак. К ключам *цзы* отнесены соответственно все остальные знаки ключевого списка, а именно: ключи схем 4,5,6,7, а также ключи, описанные по смешанным схемам, не вошедшие в группу *вэнь* (всего 259). В целом ключи группы *вэнь* имеют по словарю Сюй Шэня 6755 производных или 76% всего списка производных словаря. Большинство ключей группы *цзы* составляют ключи с минимальным количеством производных (от 1 до 9). Однако, автор отмечает, что наряду с такими сюда входят ключи (19 знаков) со значительным количеством производных (от 10 до 100), что, возможно, указывает на необходимость доработки критериев для выделения данных двух групп знаков или более детального рассмотрения характеристик данных знаков [6, с. 67]. Сопоставление авторского списка исходных графем *вэнь* с такими же списками, выделенными известными японскими и китайскими китаистами (Таката, Хуан Юэчжай, Чжу Цзюньшэн, Гао Хэн, Ма Сюйлунь, Ли Сяодин) показало, что средний объем данных списков знаков *вэнь* примерно совпадает, составляет от 250 до 300 знаков. В результате содержательного сопоставления авторского списка знаков *вэнь* со списками вышеперечисленных ученых установлено, что из 281 ключа 275 (или 98%) получили подтверждение статуса базовых знаков [6, с. 70-72].

Осмысление ряда результатов исследования А.Ф. Кондрашевского позволило сделать следующие выводы:

- Классификация знаков, представленная в «*Шо вэне*», которые записаны почерком *сяочжуань*, была крайне спорной, ибо при том, что большинство знаков в этом почерке были еще мало унифицированы и во многом сохраняли архаичные черты, подобный структурно-семиотический анализ представлял собой явную подгонку, очевидное навязывание графического единообразия большинству знаков [6, с. 67]. Получается, что задачей Сюй Шэня было с одной, стороны, сформировать целостную концепцию для китайского письма, а с другой – приспособить систему письма к уже существующей лингвистической традиции, социокультурным и идеологическим реалиям, что отличает китайскую письменность от многих других.

- Приведенный список терминов китайской грамматологической и лингвосомиотической традиции показал, что А.Ф. Кондрашевский в своем исследовании учитывал в равной степени опыт древнекитайской филологической науки *сюньгусюэ* и современных китайских исследований-грамматологов. Однако, несмотря на реализованные авторские интерпретации терминов автор в описаниях положений своей работы остается в рамках закрепившейся в российской синологии терминологии. А. Ф. Кондрашевский в рамках ключевого списка знаков словаря «*Шо вэнь*» выделил две относительно равные группы знаков: *вэнь* и *цзы*, которые выступают в роли семантических множителей, смысловых определителей идеографических рубрик китайского лексикона. Типологически автор рассматривает ключевые знаки *вэнь* как пиктографические относительно простые базовые графемы или рисунки-схемы, выступающие в качестве исходных по отношению ко всем остальным ключевым и неключевым знакам словаря. Именно эти ключи обозначают основные понятия, основные классы предметов и явлений, на основе которых строится вся китайская иероглифика. Однако, по его мнению, только знаки *цзы* становятся полноценными знаками китайского письма. *Цзы* – синтетические, относительно сложные знаки, созданы на основе *вэнь*.

- Знаки первой группы *вэнь* противопоставлены знакам второй *цзы* по линии исходности и производности, продуктивности, непродуктивности, способности к пликации, графической транспозиции и пиктографичности.

- Отметим, что в своей работе автор рассматривает только знаки четырех категорий (базовые категории: указательные, пиктограммы; производные категории: идеограммы, фоно-идеограммы), опуская описание примеров, характеристик и функций двух остальных категорий в системе общего концептуального анализа ключевых знаков словаря Сюй Шэня.

- Спорными представляются следующие положения исследования: Сюй Шэнь в подавляющем большинстве случаев привел исконные или этимологические значения описываемых иероглифов [6, с. 47]. В результате археологических открытий последнего столетия были найдены и описаны более ранние китайские письменные знаки, чем рассмотренные в словаре «*Шо вэнь*»: знаки *цзягувэнь* и *цзиньвэнь*. Кроме того, сам формат словаря, описывающий только одно из значений знака, которое, прежде всего, релевантно его графической структуре, актуализирует вопрос о степени соответствия данного значения этимологическому. Несомненно, стоит отметить, что словарь Сюй Шэня является ценным справочником по приведенным в нём знакам и их написаниям, в определенном смысле ключом к дешифровке вновь открываемых древних знаков. Можем предположить, что авторская позиция заключалась в отождествлении грамматологического и этимологического анализа знаков. Кроме того, по мнению А.Ф. Кондрашевского, выделение иероглифических категорий не только преследовало цель представления структурных моделей иероглифики и их классификации, но и с увеличением числа заимствованных знаков решало задачу определения форм соотношения графики и значений иероглифов – выявления исходной формы таких знаков [6, с. 14].

- Наличие в словаре системы специальных операторов, маркирующих в структуре знаков фонетические компоненты, на наш взгляд, указывают на не-

точность тезиса об «отсутствии в словаре прямого свидетельства обработки иероглифического лексикона с целью выделения и систематизации набора фонетиков (по типу ключевого списка)» [6, с. 47].

• По мнению А.Ф. Кондрашевского доминирующим принципом организации словаря является семантический принцип или принцип семантической дифференциации. Согласимся только отчасти с данным утверждением исходя из следующих положений, описанных автором же диссертации: 1) семантика описываемого знака поясняется не любым синонимичным иероглифом (в том числе и происходящим от другого семантического множителя), а чаще всего одним или несколькими соседними производными одного и того же с описываемым семантического множителя [6, с. 47]; 2) система ключевых знаков выстроена по сходству формы знаков; 3) в словарных статьях представлены варианты графики для гнездовых знаков. Предполагаем, что доминирующим принципом организации словаря является графо-семантический принцип и, скорее всего, он – не единственный.

• В работе А. Ф. Кондрашевского осуществлен многоаспектный анализ концептуальной базы словаря «*Шо вэнь*», результаты которого определили актуальные для современной синологии направления осмысления и исследования системы китайского письма. Предметно осуществлен системный и последовательный анализ списка ключевых знаков – заглавий рубрик словаря и проблематизирован вопрос функциональной идентификации двух групп знаков – *вэнь* и *цзы*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E8%AF%B4%E6%96%87%E8%A7%A3%E5%AD%97>. – Дата доступа: 1.07.2023.
2. Завьялова, О. И. Шо вэнь цзе цзы / Титаренко М. Л.; Кобзев, А. Е; Лукьянов, А. Е.; Аникеева, С. М.; Завьялова, О.И; Кравцова, М.Е, Сорокин, В.Ф. // Литература. Язык и письменность. – 2008. – Т. 3. – 855 с.
3. Карапетьянц, А. М. Истоки китайской словесности: собрание трудов / А. М. Карапетьянц; Ин-т стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Вост. лит., 2010. – 479 с.
4. Кобзев, А. И. Философия китайского неоконфуцианства [Электронный ресурс] / А. И. Кобзев. – Москва: Вост. лит., 2002. – 606 с. – Режим доступа: <https://www.synologia.ru/monograph-1268-38>. – Дата доступа: 10.07.2023.
5. Кобзев, А. И. Ши эр шэн-сяо шэнь – «духи 12-летнего цикла». [Электронный ресурс]. Ст. опубл.: Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006 – Т. 2. Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко, Б. Л. Рифтин, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов, Д. Г. Главева, С. М. Аникеева. – 2007. – 869 с. – С. 748 –749. – Режим доступа: <https://www.synologia.ru/a/%D0%A8%D0%B8%20%D1%8D%D1%80%20%D1%88%D1%8D%D0%BD-%D1%81%D1%8F%D0%BE%20%D1%88%D1%8D%D0%BD%D1%8C>. – Дата доступа: 12.07.2023.
6. Кондрашевский, А. Ф. «Знаки первоначальных категорий китайской письменности и система ключей «Шовэня»: Дис. ... канд. фил. наук: 10.02.22 / А. Ф. Кондрашевский; Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. – Москва, 1982. – 116 с.
7. Кучера, С. Р. История, культура и право древнего Китая: собрание трудов [Электронный ресурс] / С. Р. Кучера; Российская академия наук, Ин-т востоковедения. – М. : Наталис, 2012. – 416 с. <https://www.synologia.ru/monograph-1331-8>. – Дата доступа: 12.07.2023.

8. Словарь этимологий базовых знаков китайской письменности / Т. Е. Шишмарева, Е. А. Хамаева, Н. В. Терехова, Д. М. Домашевская. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2019. – 669 с.
9. Юркевич, А. Г. Чжэнь 1 – 真 истинность (подлинность, истина, правда) [Электронный ресурс] Ст. опубл.: Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. Т. 1. Философия / ред. М. Л. Титаренко, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов. – 2006. – 727 с. – Режим доступа: https://www.synologia.ru/a/%D0%A7%D0%B6%D1%8D%D0%BD%D1%8C_1. – Дата доступа: 12.07.2023.
10. 新编汉语新目标. 第一册. 上/易福成主编. – 北京: 教育科学出版社, 2012.12
11. 许慎. 说文解字 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ctext.org/shuo-wen-jie-zi>. – Дата доступа: 15.08.2023.

УДК: 81'255:81'373.46=811=581

ФАНЬ ЧЖИИ FAN ZHIYI

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА КИТАЙСКОЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Анализ структурно-семантических особенностей русских и китайских терминов осуществлён с опорой на положения комбинаторной семантики, в рамках которой термин представлен как номинативная единица, состоящая из модификатора и актуализатора. Алгоритм перевода терминологических номинативных единиц выработан на основе анализа явной или скрытой двухкомпонентности номинативной единицы.

Ключевые слова: термин, номинативная единица, русский язык, китайский язык, энергетическая система

EQUIVALENCE OF THE TRANSLATION OF CHINESE ELECTRICAL POWER TERMINOLOGY INTO RUSSIAN

The analysis of the structure and semantic features of the terms in the Chinese language is based on combinatory semantics theory approach, where a term is considered to be a nominative unit with modifier and actualizer as its main components. On the basis of the structure of nominative unit the author provides an algorithm for the translation of terminological nominative units.

Key words: term, nominative unit, the Russian language, the Chinese language, power system.

Под термином понимается «слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое или заимствованное для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» (О. С. Ахманова, 1966 г.); специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях (А. В. Суперанская, 1989 г.) и др.

Естественно сложившаяся совокупность терминов определенной предметной области называется терминологией. Терминологию отличают от терминосистемы как сознательно конструируемой специалистами системы терминов [1, с. 148].

Термины можно считать «микроединицами» технического перевода любого научного и технического текста. Технический перевод представляет собой «выражение в письменной или устной форме специальной научно-технической информации, которая уже была выражена на одном языке, средствами другого языка» [6, с. 7]. Среди видов текстов для технического перевода различается техническая документация (формуляры, паспорта, технические описания, инструкции

по эксплуатации и ремонту и др.) и проектная документация (проекты, чертежи, расчеты), товаросопроводительная (накладные, упаковочные листы, листы комплектации) [6, с. 18].

Знание терминологического аппарата в области переводимого текста является обязательным требованием, предъявляемым к переводчику специальной литературы. Кроме того, переводчик должен соблюдать единообразие терминологии, использовать стандартные, принятые в данной отрасли обозначения, поддерживать стилистическую однородность переводного текста.

Термины могут иметь прямые соответствия в другом языке, в таком случае возможен подбор эквивалента. Эквивалентность обозначает смысловую общность приравниваемых друг к другу единиц языка и речи (В. Н. Комиссаров), соответствие текста перевода исходному (А. Д. Швейцер), постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста (Я. И. Рецкер); постоянное лексическое соответствие, которое точно совпадает со значением слова (Ю. Я. Коваленко). Эквиваленты могут быть полными (охватывают значение всего слова) и частичными (охватывают одно из значений слова) [5, с.15].

Большая часть китайских терминов представляет собой заимствования, образованные путём семантического калькирования. Поэтому в большинстве случаев китайские термины представлены номинативными единицами с явной двухкомпонентностью¹. В номинативной единице с явной двухкомпонентностью эксплицированы и актуализатор, и модификатор: *солнечный элемент, расщеплённая фаза*.

Это отличает их от терминов русского языка, многие из которых являются заимствованиями, образованными на греко-латинской основе и поэтому принадлежащих к категории номинативных единиц со скрытой двухкомпонентностью. Номинативные единицы со скрытой двухкомпонентностью включают части языка с максимальной степенью семантической конденсации. Это могут быть либо сокращенные, либо сжатые части языка. В первом случае один из компонентов (как правило, актуализатор) сворачивается в аффикс: *хвой-ник* ← *хвойный лес*. **Сжатые** части языка представляют собой сочетания свободных основ или корней со стертыми, но семантически реконструируемыми основами или корнями (*столовая-ø* ← *столовая комната*) [3, с.43].

Перевод русских терминов с эксплицированными актуализатором и модификатором обычно не представляет трудности:

- ‘Выходной клапан’ – 出口门 chūkǒu mén (букв. *выход+клапан*)²;
- ‘Подвесная труба’ – 吊挂管 diào guà guǎn (букв. *висеть+труба*);
- ‘Телефонная линия’ – 电话线 diànhuà xiàn (букв. *телефон+линия*).

Среди русских терминов чрезвычайно широко распространены сокращённые номинативные единицы, в которых актуализатор сворачивается в аффикс

¹Номинативная единица – «устойчивая последовательность знаков, в которой один знак (модификатор) определяет другой (актуализатор)» [2, с. 33].

²Примеры русских и китайских электроэнергетических терминов взяты из: Фань, Чжи. Русско-китайский словарь электроэнергетических терминов / Фань Чжи; под общ. ред. А. Н. Гордея. – Минск: РИВШ, 2019. – 110 с.

(чаще всего – в суффикс). Например, термин «питатель угля» возник в результате свёртки актуализатора в суффикс *-тель*: «устройство (А) для питания угля (М)» → «пита-*тель* угля». Эквивалент термина в китайском языке – развернутая номинативная единица с предикативной рекурсией¹ 给煤机 gěiméijī ‘машина, дающая уголь’. Можно выделить множество подобных примеров: 加热器 jiārèqì ‘подогреватель’ (букв. *устройство подогрева*), 燃烧器 ránshāoqì ‘горелка’ (букв. *устройство горения*) и др.

Среди терминов русского языка достаточно часто встречаются сжатые номинативные единицы. В основном, это термины, возникшие в результате полной свёртки актуализатора: «зажим» → «зажимное приспособление» (кит. 卡具 qiǎjù ‘зажимный инструмент’); «фестон» → «фестонная труба» (кит. 防渣管 fángzhāguǎn).

Причина отсутствия свёрток в китайском языке, по всей видимости, заключается в морфематической значимости слога. Как следствие, китайские термины, как правило, более прозрачно передают смысл обозначаемого понятия, чем их русские эквиваленты, ср.: 省煤器 shěngméiqì ‘экономайзер’, букв. *аппарат для экономии угля*; 防渣管 fángzhāguǎn ‘фестонная труба’, букв. *противошлаковая труба*.

В свёрнутых номинативных единицах необходимо осуществить восстановление усеченного компонента:

- «анализатор»: анализирующий (М)+механизм (А), актуализатор свёрнут в суффикс *-тор*. Китайский эквивалент – 分析器 fēnxīqì (букв. *анализ + механизм*); 分析仪 fēnxīyí (букв. *анализ + прибор*); 分析机 fēnxījī (букв. *анализ + машина*).

- «наполнитель»: «наполнять» (М) + «материал» (А), актуализатор свёрнут в суффикс *-тель*. Китайские эквиваленты – 填料 tiánliào (букв. 填 tián ‘наполнять’ + 料 liào ‘материал’); 填充料 tiánchōngliào (букв. 填充 tiánchōng ‘наполнять’ + 料 liào ‘материал’); 填充剂 tiánchōngjì (букв. 填充 tiánchōng ‘наполнять’ + 剂 jì ‘средство’).

При переводе русского термина, который принадлежит к категории номинативных единиц со скрытой двухкомпонентностью (это чаще всего происходит в случае употребления заимствованного термина), необходимо осуществить представления модификатора и актуализатора в явном виде:

- градирня (сооружение для охлаждения воды) – 冷却塔 lěngquètǎ (букв. *охлаждающая башня*);

- муфта (устройство для соединения концов валов) – 离合器 líhéqì (букв. *устройство соединения*);

¹ Номинативные единицы, называющие предметы – субъекты и объекты, являются тайгенами, а номинативные единицы, называющие качества предметов и процессы (акции), в которых они участвуют, являются ёгенами (ёгены, называющие признак предмета, относятся к постоянным ёгенам, называющие процесс – к переменным ёгенам) [2, с. 33]. Предикативная рекурсия охватывает номинативные единицы, построенные по следующим моделям: переменный ёген + тайген (升速 shēngsù ‘повышение скорости’, букв. *повышать + скорость*); тайген + переменный ёген (轴封 zhóu fēng ‘уплотнение вала’, букв. *вал + блокировать*).

- фидер (питательный провод) – 馈线 kuìxiàn ‘питательный провод’, (букв. *прием пищи + провод*);

- швеллер (корытная сталь) – 槽钢 cáogāng (букв. *корыто + сталь*).

При переводе заимствованного термина необходима экспликация его семантики. Так, в термине «термостатическая водяная баня» терминологический элемент «термостатический» имеет значение «с постоянной температурой», китайский эквивалент – 恒温 héngwēn, букв.: *постоянная температура*; «водяная» – 水 shuǐ; «баня (в значении «ванна») – 浴 yù. Переводный эквивалент термина – 恒温水浴 héngwēn shuǐyù (букв. *термостатический + водяная баня*).

При переводе терминов-эпонимов на китайский язык обычно применяется транскрибирование: ‘вентилятор Руц’ – 罗茨风机 Luōcí fēngjī; ‘распределение Вэйбулла’ – 威布尔分布 wēi bùěr fēnbù; ‘фестонная труба’ – 费斯顿管 fèisīdùn guǎn. В редких случаях вместо наряду с транскрибированием применяется семантическое калькирование: например, термин «муфта Олдхема» переводится на китайский язык как 十字盘式联轴节 shízi pán shì liánzhóujié, букв. *муфта типа крестовидной тарелки*.

Нужно учитывать, что в редких случаях китайский термин все же может подвергаться свёртке. Актуализатор может сворачиваться в суффикс 子 zǐ (转子 zhuǎnzǐ ‘ротор’, букв.: *вращать + суффикс*; 绝缘子 juéyuánzǐ ‘изолятор’, букв. *изолировать + суффикс*) или 头 tóu (探头 tàntóu датчик, букв.: *измерять + суффикс*; 接头 jiētóu ‘муфта’, букв. *соединять + суффикс*). Однако случаи свертки актуализатора в китайских терминах весьма немногочисленны.

Еще реже происходит свёртка модификатора: 池组 chízǔ ‘батарея’ вместо 电池组 diàncíhóuzǔ ‘электрическая батарея’. Свёртка модификатора происходит в том случае, если его употребление избыточно (аналогичным образом в разговорной речи двусложное слово 汽车 qìchē ‘автомобиль’ (букв.: *паровая машина*) часто сворачивается в унарную лексическую единицу 车 chē ‘машина’).

При переводе необходимо учитывать структуру исходной и номинативной единицы и её переводного эквивалента. В русском языке актуализатор может занимать правую позицию (‘зарядная установка’ 充电装置 chōngdiàn zhuāngzhì), левую позицию (‘установка очистки с поворотной решёткой’ 回转式格栅除污机 huízuǎn shì gézhà chíwūjī), центральную позицию (‘подогревательная установка для фланца и болта’ 汽缸法兰螺栓加热装置 qìgāng fǎlán luóshuān jiārè zhuāngzhì). Для большинства терминов китайского языка характерна правая маргинальная позиция актуализатора и левостороннее наращивание модификаторов.

Прямой порядок перевода применим в случае, когда русский термин имеет формулу М+А и модификатор представлен постоянным ёгеном:

- ‘Люминесцентная лампа’ 荧光灯具 yíngguāng dēngjù, букв. *люминесцентная лампа*;

- ‘Стационарный противопожарный водяной пистолет’ – 固定式消防水炮 gùdìng shì xiāofáng shuǐ pào, букв. *постоянного типа противопожарный водяной пистолет*;

- ‘Электронагревательный воздухоудувный термостатический сушильный шкаф’ – 电热鼓风干燥箱 diànrè gǔ fēng gānzào xiāng, букв.: *электронагревательный воздухоудувный сушильный шкаф*.

Как правило, технический перевод требует меньше переводческих трансформаций, чем общий или художественный перевод [4, с.16]. Однако в ряде случаев необходимо прибегать к таким переводческим трансформациям, как перестановка, сокращение, расширение.

Перестановка (перевод осуществляется с изменением порядка следования терминологических элементов) применяется, если исходный термин имеет структуру А+М и модификатор представлен тайгеном:

- ‘улитка (А) горелки (М)’ – 燃烧器蜗壳 ránshāo qì wō ké, букв. *горелка + улитка*;
- ‘подогреватель (А) тепловой сети (М)’ – 热网加热器 rèwǎngjiārèqì, букв. *тепловая сеть + подогреватель*;
- ‘котёл (А) с принудительной циркуляцией (М)’ – 强制循环锅炉 qiángzhì xúnhuán guōlú, букв. *принудительная циркуляция + котёл*.

Сокращение представляет собой пропуск одного или нескольких элементов исходного словосочетания [8, с. 88]. К приёму сокращения необходимо прибегать при семантической либо морфологической избыточности актуализатора или модификатора (как правило, в этом случае опускается один терминологический элемент исходной номинативной единицы):

- ‘котел (А) с кипящей **топкой** (М)’ – 沸腾炉 fēiténglú, букв. *кипящий + котёл*;
- ‘промышленный телевизор (А) для **контроля** уровня воды в барабане (М)’ – 汽包水位工业电视 qìbāo shuǐwèi gōngyè diànshì, букв. *барабан + уровень воды + промышленный + телевизор*.

При расширении происходит добавление одного или нескольких терминологических элементов в переводном эквиваленте [8, с. 88]:

- ‘повышающий (М) трансформатор (А)’ – 升压变压器 shēngyā biànyāqì, букв. *повышающий **давление** + трансформатор*;
- ‘регулирующий (М) клапан (А)’ – 调速汽门 tiáosù qìmén, букв. *регулирующий **скорость** клапан*.

Функциональная замена (изменение лексико-семантического или морфологического статуса одного или нескольких исходных элементов) и описательный перевод (раскрытие значения путем смыслового развертывания) при переводе терминов применяются достаточно редко. Вместе с тем, к описательному переводу, вплоть до собственной версии наименований оборудования на русском или китайском языке, приходится прибегать, когда в словарях, справочниках и других специализированных изданиях отсутствует либо прямой переводной эквивалент термина, либо его толкование. Слова, имеющие несколько словарных эквивалентов, переводятся методом подбора точного значения в конкретном контексте [7, с.12], хотя общее требование к переводчику состоит в том, что он должен соблюдать единообразие перевода одних и тех же терминов, не допуская разнобоя в терминологии.

Итак, в отличие от терминов русского языка, в которых для большей лаконичности актуализатор часто подвергается свёртке, в китайских терминах актуализатор и модификатор представлены в явном виде. И русские, и китайские термины способны обеспечивать эффективную коммуникацию в научной и произ-

водственной сфере, однако для китайских терминов характерна большая степень мотивированности и лаконичности, чем для их русских эквивалентов.

Для осуществления эквивалентного перевода терминов с русского на китайский язык, основной процедурой служит экспликация семантики исходного термина и представление компонентов номинативной единицы (модификатора и актуализатора) в явном виде. При использовании переводческих трансформаций необходимо учитывать структуру номинативной единицы в русском и китайском языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багана, Ж. Терминообразование в языке науки / Ж.Багана, Е.Н. Таранова. – Москва: Инфра-М, 2017. – 142 с.
2. Гордей, А. Н. Принципы исчисления предметных областей / А.Н. Гордей. – Минск: Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.
3. Гордей, А. Н. Типологические аспекты словообразования / А. Н. Гордей, Сунь Кэвэнь // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. / редкол.: А. Н. Гордей (отв. ред.), Лу Гуйчэн (зам. отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2011. – Вып. II. – С.40–53.
4. Кочергин, И. В. Основы научно-технического перевода с китайского языка на русский / И. В. Кочергин. – М.: Восточная книга, 2012. – 624 с.
5. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – Москва: Р. Валент, 2004. – 237 с.
6. Сложеникина, Ю. В. Основы терминологии: лингвистические аспекты теории термина / Ю. В. Сложеникина; Министерство образования и науки Российской Федерации, Самарский государственный технический университет. – Москва: URSS: Либроком, 2013. – 114 с.
7. Смекаев, В. П. Современный технический перевод / В. П. Смекаев. – М.: Р. Валент, 2016. – 359 с.
8. Щичко, В. Ф. Теория и практика перевода: учебное пособие / В.Ф. Щичко. – 2-е изд. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 223 с.

УДК 811.581.11'354'37

М. С. ФИЛИМОНОВА M. S. FILIMONOVA

РЕКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКИХ ФОНОИДЕОГРАММ

В данной статье рассматривается основная функция китайского фонетика, а именно его фонографическая функция. Автором осуществляется рекурсивный анализ иероглифа (логограммы) 教, результаты которого наглядно демонстрируют наличие у китайских фонетиков также идеографической функции.

Ключевые слова: китайский язык, иероглиф, логограмма, фонетик, идеограф, рекурсивный анализ.

THE RECURSIVE ANALYSIS OF THE PHONETIC COMPONENT OF THE CHINESE CHARACTER

The article deals with the main function of the phonetic component of Chinese Character – the phonographic nature of its phonetic component. The author through the recursive analysis of the Chinese Character (logogram) 教 shows the ideographic nature of its phonetic component.

Key words: Chinese language, Chinese Character, logogram, phonetic component, ideographic component, recursive analysis.

На современном этапе развития китайского языка среди иероглифов (логограмм) наибольший процент (около 80–90 %) [3] составляют фоноидеограммы, единицы, состоящие из *фонетика*, уточняющего звучание иероглифа, и *идеографа*, относящего иероглиф к той или иной предметной области [4; 6].

В китайском языке насчитывается более 900 *фонетиков*, которые в той или иной степени указывают на звучание иероглифов (логограмм), в состав которых они входят. Данная степень может варьироваться от 30 до 100 % [12]. При этом высокой строевой способностью обладает лишь определенная их часть, а достаточно внушительную группу составляют фонетики, образующих по одному иероглифу.

В современной лингвистике распространено мнение о наличии у большинства фонетиков единственной функции. Так, ряд лингвистов, таких, как Ю. В. Бунаков, Ван Ляои, Лю Чжичэн, В. И. Молодых, М. В. Софронов, Су Пэйчэн, Тан Лань, Дж. ДэФрансис, В. Ханна, Цзо Минань, Цю Сигуй, А. Я. Шер, А. Г. Шпринцин, Яо Сяочжу и др. считают, что функция фонетика – указывать чтение фоноидеограммы, в состав которой он входит.

Мы вслед за Е. Байлаем, М. Ф. Резаненко, К. В. Карасёвой [5; 8; 9; 10; 15] придерживаемся мнения о том, что у фонетика первичной является функция формирования значения иероглифа, а функция передачи звучания иероглифа – второстепенной. По мнению Е. Байлая и М. Ф. Резаненко В. Ф. [8; 9; 10; 15], изначально при создании фоноидеограмм фонетические знаки назначались не произвольно, а подбирались специально по смыслу для уточнения подпредметной области значения сложного иероглифа, тем самым в фокусе была именно их семантическая функция. Фонетическая функция закреплялась за ними как результат многократного использования в качестве таких семантических уточняющих компонентов в различных иероглифах. На данный момент сложность выявления связи семантики идеографа и фонетика в составе иероглифа обусловлена, с одной стороны, искажением внешней формы некоторых иероглифических знаков и сверткой ядра их значений в пользу периферии [5], и, с другой стороны, использования ряда фонетиков как чисто фонетических знаков для записи иноязычных заимствований с полной утратой семантического значения.

Согласно исследованиям Я. Розвадовского, В. В. Мартынова, А. Н. Гордея, К. В. Карасёвой о двухкомпонентности знака, всякая лексема, в частности, иероглиф (логограмма), имеет бинарную структуру [1; 2; 5; 7; 11].

Фоноидеограмма китайского языка представляет собой классический пример двухкомпонентности, например, иероглиф 教 (jiāo, jiào), который имеет целый ряд значений: ‘учить, обучать (кого-л., чему-л.); преподавать (кому-л., что-л.); наставлять, научать, вразумлять, просвещать; инструктировать; воспитывать’. Данная логограмма состоит из идеографа 攴 со значением «бить, ударять» и фонетика 孝 со звучанием «xiào».

Идеограф 攴(支) ‘бить, ударять’ в древности представлял собой изображение руки 又 с палкой |. В цзягувэнь, цзиньвэнь, чжуаньшу 攴 представлял изображение зажатой в руке палки или плети (рисунок 1).

Рисунок 1. – Эволюция идеографа 攴(支)

В свою очередь фонетик 孝 также является двухкомпонетным знаком. 孝 состоит из двух компонентов, в котором верхняя часть 耂 обозначает «老» «старость», а нижний компонент 子 имеет значение ‘ребенок, сын’ (рисунок 2).

Рисунок 2. – Структура фонетика 孝

Данная логограмма изначально представляла собой изображение старого пожилого человека, поддерживаемого молодым человеком, сыном. Этимологическое значение почтение (уважение) родителей; преданность (усердное служение) родителям; усердное исполнение воли (осуществление идеалов) родителей (предков)’ (рисунок 3).

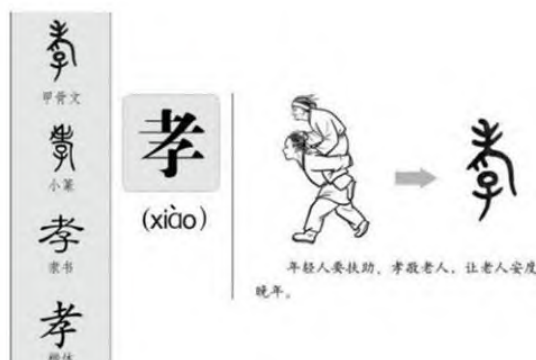

Рисунок 3. – Логограмма 孝

Таким образом данный иероглиф 教 представляет в многоуровневый знак [13; 14], на основе уже имеющейся двухкомпонентной структуры 孝 при присоединении иероглифа 攴 создается новая логограмма 教.

Значение всего иероглифа (логограммы) представляет собой сумму значений ее отдельных компонентов: 攴(支) ‘бить, ударять’ + 孝 ‘почтение (уважение) родителей; преданность (усердное служение) родителям; усердное исполнение воли (осуществление идеалов) родителей (предков)’ = 教 ‘учить, обучать (кого-л., чему-л.); преподавать (кому-л., что-л.); наставлять, научать, вразумлять, просвещать; инструктировать; воспитывать’. Этимологическое значение 教 обусловлено устоями и традициями древнего китайского общества, когда XII–VI вв. до н.э. в Древнем Китае было рабовладельческое общество, в те времена рабовладелец поучал и наставлял своих рабов, осуществлял моральное воздействие на них при помощи плети.

Однако надо отметить, что многие китайские логограммы представляют собой не просто механическое соединение значений, но описывают целые ситуации окружающей действительности. Большое количество иероглифов (логограмм) представляют собой свернутые предложения, описывающие новую ситуацию старыми языковыми единицами [7, с. 130–131].

Более эффективным методом анализа семантики китайских иероглифов (логограмм) представляется рекурсивный анализ, разработанный в теории ком-

бинаторной семантики, направленный на выявление вложенных синтаксических структур.

Согласно положениям комбинаторной семантики, существует два типа рекурсии: простая (номинативная) и сложная (предикативная) [2]. При простой рекурсии охваченная ей группа языковых единиц представляет собой номинативное сочетание знаков. Предикативная рекурсия возникает тогда, когда в роли одного из членов предложения (в нашем случае компонентов иероглифа) выступает самостоятельное предложение. В китайской иероглифике могут наблюдаться оба вида рекурсии.

Вследствие того, что любой иероглиф (логограмма) имеет бинарную структуру, он подвергается рекурсии по схеме «актуализатор + модификатор», где актуализатор – определяемый знак (уже известная реалья), а модификатор – определяющий (новая характеристика к ней) [1; 2; 7; 11].

Согласно А. Н. Гордею, лексема является свернутым предложением, обусловливая изоморфизм синтаксической модели предложения и лексемы [1, с. 96]. Вследствие чего рекурсивный анализ позволяет выявить изоморфизм структуры иероглифа (логограммы) и предложения, а также через установление соответствия между компонентами логограммы и звеньями ядерной семантической цепочки определяются актуализатор и модификатор логограммы [1; 2].

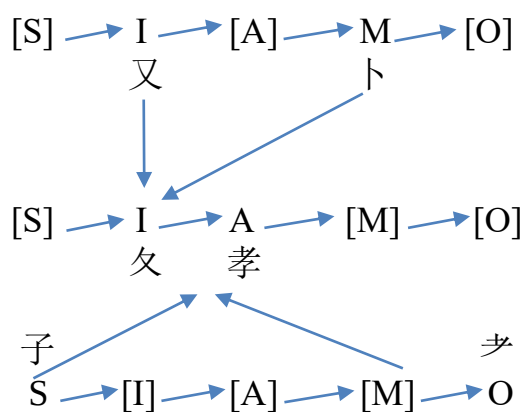
Основными звеньями ядерной семантической цепочки являются *субъект (S)*, *акция (A)*, *объект (O)* (являются семантическими эквивалентами подлежащего, сказуемого и дополнения в предложении). При этом звенья ядерной семантической цепочки способны к мультипликации, в результате которой *субъект* дает *субъект2* или *инструмент*; мультипликация *акции* реализуется через *акцию 2* или *модальность*; мультипликация *объекта* – *объект 2* или *медиатор* [1, с. 20-21; 2]. Помимо данных элементов в цепочке также необходимо присутствует *продукт (P) взаимодействия (акции) субъекта и объекта*, который, однако формально может быть не выражен [1, с. 96].

Так, логограмма 孝 описывает ситуацию, при которой молодой человек, сын (子) подпирает снизу, поддерживает физически и морально старого человека (孝 = 老). Ядро значения (этимологическое значение) здесь ‘подпирает снизу, преемствовать, обеспечивать родителей, повиноваться их воли’. Если рассмотреть эту логограмму как ядерную семантическую цепочку, то мы увидим, что субъектом (инициатором акции) является молодой человек, сын, объектом (реципиентом) — пожилой человек, акция – подпирать, поддерживать. Как можно увидеть, опущен инструмент, однако он может быть восстановлен с опорой на модель мира. Следовательно, актуализатором логограммы 孝 является знак 子 ‘сын’, а модификатором 耂 ‘старый человек’. В конечном итоге, данная логограмма стала обозначать целый концепт в китайской культуре, а именно «сыновья почтительность» — одно из центральных понятий в конфуцианской этике и философии, важный компонент традиционной восточноазиатской ментальности. В базовом значении относилось к уважению родителей; в более широком смысле распространялось на всех предков (‘почитание (уважение) родителей; преданность (усердное служение) родителям; усердное исполнение воли (осуществление идеалов) родителей (предков)’).

Позднее к изначальной идеограмме 孝 ‘подпирать снизу, преемствовать, обеспечивать родителей, повиноваться их воли’ был прибавлен дополнительный знак 又 ‘бить, ударять’ и иероглиф 教 стал описывать ситуацию, при которой человек осуществляет моральное воздействие, поучает кого-то с помощью плети. Ядро значения здесь, как было уже сказано выше, ‘учить, обучать (кого-л., чему-л.); преподавать (кому-л., что-л.); наставлять, научать, вразумлять, просвещать; инструктировать; воспитывать’. В данной ядерной семантической цепочке субъект (инициатор акции) и объект (реципиент) опущены, инструмент ‘рука’, медиатор ‘палка или плеть’.

В иероглифе 教 компонент 孝 является актуализатором, 又 выступает в роли модификатора, при этом и актуализатор и модификатор подвергаются рекурсии: *учение, просвещение осуществляется с помощью палки/плети*. Таким образом, логограмма 教 представляет собой знак с многоуровневой предикативной рекурсией.

Рекурсивная схема анализа логограммы 教 выглядит следующим образом:

При этом ключом в данном иероглифе выступает 又, который на данный момент выполняет лексикографическую функцию и не совпадает с актуализатором, который является его опорным семантическим элементом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск, 1998. – 156 с.
2. Гордей, А. Н. Теоретический грамматика восточных языков : лекционный курс / А. Н. Гордей. – Электрон. дан. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск. (CD-ROM).
3. Горелова, Е. Н. Китайский язык / Е. К. Горелова, В.И. Горелов. – М., 1957. – С. 23–44.
4. Готлиб, О. М. Основы грамматики китайской письменности / О. М. Готлиб. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 284 с.
5. Карасёва, К. В. Принципы декодирования китайских логограмм и реконструкция их семантики / К. В. Карасёва. – Минск : РИВШ, 2014. – 202 с.
6. Кондрашевский, А. Ф. Практический курс китайского языка. Пособие по иероглифике / А. Ф. Кондрашевский. – М. : АСТ: Восток–Запад, 2009. – Ч. 2. – 102 с.
7. Мартынов, В. В. Категории языка. Семиологический аспект / В. В. Мартынов. – М. : Наука, 1982. – 192 с. с.130–131
8. Резаненко, В. Ф. К проблеме преемственности свойств внутренней формы китайских иероглифов / В. Ф. Резаненко // Актуальные вопросы китайского языкознания : материалы V всесоюз. конф., Москва, июнь 1990 г. / Институт языкознания ; редкол. : В. М. Солнцев (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1990. – С. 32–39.

9. Резаненко, В. Ф. Семантическая структура иероглифической письменности (базовые структурные элементы) : учеб. пособие / В. Ф. Резаненко. – Киев, 1985. – 131 с.
10. Резаненко, В. Ф. Формально-смысловые взаимосвязи элементов в современной иероглифической письменности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.22 / В. Ф. Резаненко; Киев. гос. ун-т. – М., 1990. – 35 с.
11. Rozwadowski, J. Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów / J. Rozwadowski // Wybór pism. – Warszawa : PWN, 1960. – Т. 3 : Językoznawstwo ogólne. – pp. 21–95.
12. 对外汉语教学研究/孙德金主编. – 北京:商务印书馆, 2006. – 481 页。 = Исследования в области методики преподавания китайского языка как иностранного / сост. Сунь Дэцзинь. – Пекин: Коммерческое издательство, 2006. – 481 с.
13. 王, 宁. 汉字构形学讲座 / 宁王. –上海 : 上海教育出版社, 2002. – 104 页。 = Ван, Нин. Изучение формы и структуры китайского иероглифа / Нин, Ван. – Шанхай: Шанхайская образовательная пресса, 2002. – 104 с.
14. 王, 宁. 汉字学概要 /宁王. – 北京 : 北京师范大学出版社, 2001. – 189 页。 = Ван, Нин. Основные принципы грамматики китайской письменности / Нин, Ван. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 2001. – 189 с.
15. 叶, 柏来. 解文说字/柏来叶. – 广州 : 华南理工大学出版社, 2005. – 372 页。 = Е, Байлай. Комментарии к китайской письменности / Байлай Е. – Гуанчжоу: Издательство Южно-китайского технологического университета, 2005. – 372 с.

КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ДЯНЬГУ В ПОЭЗИИ ЛИ ЦИНЧЖАО

В статье исследуется дяньгу как феномен китайской культуры и языка. Рассматривается, как Ли Цинчжао использовала дяньгу в своих стихотворениях для передачи эмоций, обращаясь к творчеству поэтов-предшественников, китайским мифам и легендам.

Ключевые слова: Ли Цинчжао, дяньгу, китайская классическая поэзия, легенды.

THE SPECIFICITY OF USING THE DIANGU PHENOMENON IN THE POETRY OF LI QINGZHAO

The article explores diangu as a phenomenon of Chinese culture and language. It is studied, how Li Qingzhao used diangu in her poems to convey emotions, referring to the work of predecessor poets, Chinese myths and legends.

Key words: Li Qingzhao, diangu, classical Chinese poetry, legends.

Отличительной особенностью китайской классической поэзии является наличие аллюзий и отсылок к предыдущим произведениям. По мнению М. В. Софронова, «для китайской культуры характерно, что классический текст в литературном произведении редко цитируется прямо. Он используется главным образом как основание для метафоры, смысл которой понятен только тем, кто знаком с соответствующим текстом» [6, с. 392–393]. В китайской филологии существует термин дяньгу 典故, которым называют прецедентные феномены, имеющие отношение к текстам китайской классической литературы. Впервые данный термин был применен в книге «История династии Поздняя Хань. Жизнеописание восточного князя Цана» 《后汉书。东平宪王苍传》: Снисходительно, вежливо относился к чиновникам, часто устраивал княжеские пиры, каждый раз в новом наряде и в новых украшениях выступал перед чиновниками и кланялся княгине. Так сам князь и его пиры стали дяньгу. – 亲屈至尊, 降礼下臣, 每赐宴见, 辄兴席改容, 中宫亲拜, 事过典故 [10].

В «Большом словаре китайского языка» слово дяньгу 典故 имеет следующие значения: 1) ‘классический сюжет, рассказ; источник изречения; аллюзия, классическая аллюзия’; 2) ‘крылатые слова и выражения’; 3) ‘порядки и традиции’ [1, с. 658]. Согласно «Словарю современного китайского языка», дяньгу – ‘сюжеты или слова, фразы из древних книг, цитируемые в поэзии или прозе’ [11, с. 31]. По утверждению Н. Н. Воропаева, дяньгу 典故 в значении ‘классический прецедент’ является основополагающим понятием китайского языка и культуры [3].

Дяньгу носят устойчивый характер и регулярно воспроизводятся в речи; разворачиваются до рамок небольшого текста; всегда связаны с какими-либо известными личностями и событиями (историческими или вымышленными); именуют какое-либо событие (ситуацию, явление). В поэзии дяньгу используется в виде прямых цитат, реминисценций, аллюзий, имен собственных. По словам

И. С. Смирнова, в китайской поэзии часто встречаются «реминисценции, аллюзии, цитаты из классических памятников, географические названия, отсылки к деталям биографии, названия стихотворений» [7]. Прецеденты дяньгу применяются в стихотворениях для создания особого смысла, передачи чувств, эмоций, настроения.

Изучением дяньгу занималось небольшое количество исследователей. Н. Н. Воропаев рассматривал прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе [3]. В. П. Былевский анализировал применение дяньгу в текстах СМИ КНР [2]. Чжао Паньпань исследовал перевод на русский язык дяньгу, имеющих в поэзии Ли Бо [9].

Цель данного исследования состоит в выявлении и описании феномена дяньгу в китайской классической поэзии на примере некоторых стихотворений Ли Цинчжао [5]. Объектом изучения являются стихотворные произведения поэтессы, в которых используются дяньгу.

Ли Цинчжао (1084 – 1155), которая на протяжении почти девяти веков была и остается самой почитаемой и любимой поэтессой в Китае, часто использовала дяньгу в своих произведениях. Следует отметить, что в стихотворениях она зачастую опиралась на культурное наследие своих предшественников: Бо Цзюйи (772 – 846), Ли Бо (701 – 762), Тао Юаньмина (365 – 427), Лю Фанпина (742? – 779?), используя в качестве прецедентных текстов строки их произведений. Некоторые поэтические тексты написаны Ли Цинчжао, когда она вышла замуж и ее муж Чжао Минчэн был вынужден надолго уезжать. Стихотворения поэтессы наполнены любовной тоской и печалью.

Так, например, в строке *В столице новый год, дверь на большом дворе, словно пограничная крепость. Впереди зеленая лестница, ночное небо разорвал дикий гусь. Кто передаст сообщение в далекие края? Непрерывно досадую.* – 帝里春晚，重门深院。草绿阶前，暮天雁断。楼上远信谁传，恨绵绵 («Весенний закат» («Никак весна нейдет в столицу...»)) 《春暮》 на мелодию «Сетование сверчка» 《怨王孙》) [5] поэтесса использует дяньгу непрерывно досадую 恨绵绵.

Выражение непрерывно досадую 恨绵绵 является аллюзией на поэму Бо Цзюйи «Вечная печаль» 《长恨歌》. В данном произведении есть строки: *Перед разлукой дали единодушную клятву / Ночью в седьмой день седьмого месяца во дворце говорили с глазу на глаз: / Так быть вместе навеки, чтоб нам в небесах птиц четой неразлучной летать. Так быть вместе навеки, чтоб нам на земле раздвоенною веткой расти! / Долгая как небо и бесконечная как земля. Непрерывно и бесконечно продолжается. Такая досада живет в моем сердце и никогда не уйдет.* – 临别殷勤重寄词，词中有誓两心知。/七月七日长生殿，夜半无人私语时。/在天愿作比翼鸟，在地愿为连理枝。/天长地久有时尽，此恨绵绵无绝期 [13].

В поэме «Вечная печаль» 《长恨歌》 представлена история любви императора эпохи Тан Сюаньцзуи (713 – 756) и его прекрасной наложницы Ян Гуйфэй. Во время восстания полководца Ань Лушаня Ян Гуйфэй, которую считали виновницей всех бед, трагически умерла. Однако любовь императора и наложницы не закончилась. Ян Гуйфэй, которая, став бессмертной, жила на горе Пэнлай, передает даосу слова клятвы, – обещание всегда быть вместе – которую они с

императором дали друг другу. Велика досада двух человек, вынужденных расстаться раньше времени.

Прецедент дяньгу 恨绵绵 используется в стихотворении Ли Цинчжао «Весенний закат» 《春暮》с целью передать глубокую печаль и негодование любящих людей, живущих в разлуке.

Кроме того, в данном стихотворении присутствует дяньгу дикий гусь 雁. Впервые образ дикого гуся встречается в «Книге песен» («Шицзин») 《詩經》 – памятнике китайской поэзии XI–VII вв. до н. э. В песне «Дикие гуси» 《鴻雁》 птица служит символом печали и тоски по своей родине крестьян, которые вынуждены жить на окраине страны. Поэт Цао Чжи (192 – 232) в стихотворении из цикла «Стихи о разном» 《雜詩》выразил свою печаль о родных местах: Одинокий дикий гусь летит на юг, прохожу через двор, печально причитываю. / С беспокойством неотступно думаю о том, кто далеко, стремлюсь сердцем в далекие края, очень хочу передать письмо. / Гусь и его тень внезапно исчезли, быстро ранили мое сердце. – 孤雁飞南游，过庭长哀吟。 / 翘思慕远人，愿欲托遗音。 / 形影忽不见，翩翩伤我心 [12].

В дальнейшем семантика дяньгу дикий гусь 雁 расширяется, передавая чувство одиночества человека в целом. Поэт эпохи Тан Ду Фу (712 – 770), будучи вдали от родного дома, использует это дяньгу в стихотворении «Летающий на север (домой) дикий гусь» 《歸雁》: Весна пришла, за десять тысяч ли чужеземец. / Мятаж успокоился, сколько лет возвращаюсь? / Душа разрывается, дикие гуси летят над городом у реки. Высоко-высоко летят в северном направлении. – 春來萬里客，亂定幾年歸? / 腸斷江城雁，高高向北飛 [4].

Таким образом, используя в стихотворении «Весенний закат» 《春暮》дяньгу дикий гусь 雁, Ли Цинчжао передает чувство печали одинокого человека, живущего на чужбине.

В стихотворении «Я слушала пение иволги той ...» 《枝上流莺和泪闻》на мелодию «Куропатки в небе» 《鷓鴣天》Ли Цинчжао, обратившись к творчеству поэтов Ли Бо и Лю Фанпина, дважды использовала прецедентные выражения.

Слышу пение иволги, прежние слезы, новые слезы. Всю весну нет новостей, далеко на пограничной заставе уставшая душа грезит. / Без слов, за чаркой хорошего вина. Душа разрывается под вечер. Зажигаю лампу, капли дождя падают на цветы груши, сильно закрыты двери. – 枝上流莺和泪闻，新啼痕间旧啼痕。一春鱼鸟无消息，千里关山劳梦魂。 / 无一语，对芳尊。安排肠断到黄昏。甫能炙得灯儿了，雨打梨花深闭门 [5].

Выражение в молчанье за чаркой вина 无一语，对芳尊 является аллюзией на строки стихотворения Ли Бо «В одиночестве пью под луной» 《月下独酌四首》: Посреди цветов один кувшин вина, пью вино в одиночестве, нет никого близких. Поднимаю бокал, приглашаю полную луну, вместе с тенью три человека. – 花间一壶酒，独酌无相亲。举杯邀明月，对影成三人 [8].明月 – яркая, полная луна – имеет положительную коннотацию и символизирует объединение всей семьи. Таким образом, выражение 无一语，对芳尊 символизирует печаль одинокого человека и его надежду на встречу с родными.

Дяньгу капли дождя падают на цветы груши 雨打梨花 – это отсылка к стихам Лю Фанпина «Досада весной» 《春怨》 («Медленно догорел закат. За легким

шелком окна...» 《紗窗日落漸黃昏》): За окном, затянутом сеткой, закат солнца, постепенно наступили сумерки, в женских апартаментах нет никого, кто бы увидел слезы. / Душевная пустота, уединенный двор, весенний вечер, цветы груши повсюду, не могу открыть дверь. – 紗窗日落漸黃昏, 金屋無人見淚痕。 / 寂寞空庭春欲晚, 梨花滿地不開門 [10]. В этих строках поэт Лю Фанпин передает чувства женской тоски и душевной пустоты. Цветы груши, опадающие в конце весны, символизируют печаль одинокой женщины.

В поэме Бо Цзюйи «Вечная печаль» 《長恨歌》также есть дянью 梨花帶雨: Одинокое-печальное прекрасное лицо заливается слезами, цветок грушевого дерева мокнет под дождем. – 玉容寂寞淚闌干, 梨花一枝春帶雨 [5]. Цветы груши служат указанием на красоту женщины. Позже выражение 梨花帶雨 стало использоваться для описания внешности прекрасной женщины. В данном контексте оно приобретает значение ‘красавица льет слезы’.

Ли Цинчжао неоднократно обращалась к поэзии поэта-отшельника Тао Юаньмина (365 – 427), который считал, что человек должен быть свободным и не стремиться к ложной славе. Хризантемы имеют устойчивую ассоциацию с этим поэтом, которого называли «другом хризантем», «Богом девятого месяца» за его восхищение хризантемами и многократное использование образа этих цветов в своих произведениях. Цветы хризантемы, растущие во время сильных морозов, являются олицетворением стойкости и достоинства человека. Они входят в число четырех «благородных цветов».

Прецедент дянью хризантемы у восточной ограды 东篱菊 – аллюзия на строки поэта Тао Юаньмина: Я собирал хризантемы у восточной ограды, когда взору предстала Южная гора. – 采菊东篱下悠然见南山 (цикл «За вином» «Я поставил свой дом в самой гуще людских жилищ» 《饮酒》《饮酒其五结庐在人境》) [8]. Южная гора (衡山 «Хэншань») – гора Равновесия – одна из пяти священных гор в даосизме, на вершине которой находится самый большой даосский храм в Южном Китае.

Данное выражение применяется Ли Цинчжао в строках стихотворения «Морозный день, за резным окном падают листья...» 《寒日蕭蕭上鎖窗》 на мелодию «Куропатки в небе» 《鷓鴣天》, написанного в последние годы жизни поэтессы: «Не лучше ли принимать свою судьбу, выпив под восточной изгородью с хризантемами». – 不如隨分尊前醉, 莫負東籬菊蕊黃 [5]. В данном случае Ли Цинчжао использовала цитату в исходном виде для выражения чувства покоя.

В следующих двух примерах поэтесса выполнила усечение прецедентного выражения дянью: 东篱 – восточная изгородь.

Опять счастливый праздник хризантем. Пришла глубокая полночь. В сумерках держу стакан с вином у восточной изгороди. Рукава наполнены благоуханием невидимого цветка. Занавеска скручивается от западного ветра, Не говори, что нельзя не потерять голову от печали, нужно быть стойким перед невзгодами. Человек похож на желтый увядший цветок. – 佳节又重阳, 玉枕纱厨, 半夜凉初透。东篱把酒黄昏后, 有暗香盈袖。莫道不销魂, 帘卷西风, 人比黄花瘦 («Любуясь цветами при луне» 《醉花阴》 «Туман, густые облака, долгий печальный день...» 《薄雾浓云 愁永昼》) [5].

Даже если дорожить, неизвестно как долго сохранятся дружба, привязанность. Поэтому зачем размышлять. Восточная изгородь на берегу озера. – 纵爱惜，不知从此，留得几多时。人情好，泽畔东篱 («Воспевая белую хризантему» («На башенке ночь холодна...»)) 《多丽 咏白菊》) [5].

В обоих случаях Ли Цинчжао использует прецедент дяньгу хризантемы у восточной ограды 东篱菊, чтобы передать философское отношение к жизни: необходимо спокойно относиться ко всему происходящему вокруг, не печалиться о прошлом, об утрате любви и покинутости, смириться со своей судьбой и жить праведной жизнью.

Следует отметить, что в поэтических произведениях Ли Цинчжао в качестве прецедентных текстов часто используются древние китайские мифы и легенды.

В стихотворении «Седьмой день седьмой луны» («В траве у тропинки стрекочет сверчок...») 《七夕 草际鸣蛩》 поэтесса использует миф, повествующий о двух влюбленных – Пастухе и Ткачихе, которых разлучил отец Ткачихи, и они были вынуждены жить на разных берегах Небесной Реки (Млечного Пути). И только один раз в году влюбленные могли встречаться. Седьмого числа седьмой луны по просьбе Ткачихи отовсюду прилетали сороки, чтобы из своих хвостов воздвигать мост, соединяющий разные берега Небесной Реки. Прецедентное словосочетание звездный мост 星桥 или же сорочий мост 鹊桥 является символом встречи любящих супругов после долгой разлуки. Прецедент звездный мост 星桥 отмечается в стихах Юй Синя (513 – 581): Млечный путь похож на жемчужину, звездный мост словно душистый османтус. – 天汉看珠蚌，星桥似桂花 [12].

Стихотворение «Седьмой день седьмой луны» 《七夕 草际鸣蛩》 написано в 1129 году, когда Ли Цинчжао временно жила в Чияне без мужа и родственников, ситуация ей казалась безвыходной. Когда наступило 7 июля поэтесса подумала, что Пастух и Ткачиха в небе этим вечером могут быть вместе, но они с мужем на земле в этот момент будут разлучены. Ли Цинчжао использует дяньгу звездный мост 星桥 для выражения чувств сильной печали и досады, которые она испытывала, находясь вдали от мужа: Плот прибывает, плот отправляется, но не встретиться друг с другом. / Только на сорочьем мосту раз в году можно увидеться. / Вспоминаю грусть перед разлукой. / Крайне тяжела скорбь расставания. – 纵浮槎来，浮槎去，不相逢。星桥鹊驾，经年才见，想离情，别恨难穷 [5].

В результате анализа некоторых стихотворений Ли Цинчжао можно сделать вывод, что прецеденты дяньгу служат украшением поэзии Ли Цинчжао, кроме того, они создают различные ассоциации с произведениями предшественников, китайскими мифами и легендами; помогают вложить глубинный смысл в стихотворные строки, завуалированно передать переживаемые эмоции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой китайско-русский словарь / В. С. Кузес [и др.] ; под общ. ред. И. М. Ошанина. – Т. 1–4. – М., 1983–1984.
2. Былевский, В. П. Прецедентные феномены (дяньгу) в дискурсе СМИ КНР : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / В. П. Былевский. Москва, 2016. – 275 л.
3. Воропаев, Н. Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Н. Н. Воропаев. – Москва, 2012. – 315 л.

4. Ду Фу. / Проект Наталии Азаровой; пер. с кит. – М. : ОГИ, 2012. – 296 с.
5. Печали и радости. Двенадцать поэтов эпохи Сун : Пер. с кит. Сост. Е. А. Серебряков и Г. Б. Ярославцев. – М. : ООО Издательский дом Летопись-М, 2000. – 495 с.
6. Софронов, М. В. Китайский язык и китайская письменность / М. В. Сафронов. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 638 с.
7. Смирнов, И. С. Китайцы ценят в литературе «пресность» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pay.diary.ru/~yuelu/p127166753.htm?oam>. – Дата доступа: 5.12.2022.
8. Томихай, Т. Х. Юй Синь. (Серия: Писатели и ученые Востока) / Т. Х. Томихай. – М., издательство «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1988. – 108 с.
9. Чжао Паньпань Смысловая репрезентация поэзии Ли Бо в русскоязычных переводах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Чжао Паньпань. Уфа, 2020. – 181 л.
10. 典故, 是一个汉语词汇, 的公认的人物、事件。 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/典故/1140105#:~:text>. – Дата доступа: 11.01.2023.
11. Lin Shuwu 外国典故小词典 // 林书武主编. – 上海 : 上海辞书出版社, 2004 年. = Малый словарь зарубежных дяньгу (классических прецедентов) // Под ред. Линь Шуу. – Шанхай, 2004. – 426 с.
12. 漢魏六朝百三家集-明-張溥 = Ханьвэй лючао байсаньцзяцзи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sou-yun.cn/eBookIndex.aspx?kanripId=KR4h0134>. – Дата доступа: 10.12.2022.
13. 御定全唐诗-清-圣祖玄烨 (Юйдин Цюаньтанши) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cnkgraph.com/Book/2484>. – Дата доступа: 15.12.2022.

УДК 221.3

И. В. БЕЛАЯ. V. BELAYA

РЕЛИГИИ, ГЕНДЕР И ДАО: ТРАДИЦИИ СУНЬ БУ-ЭР В СОВРЕМЕННОМ ДАОСИЗМЕ

Статья посвящена изучению культа даосской наставницы Сунь Бу-эр в современной КНР. Сунь Бу-эр является одной из семи родоначальников даосской школы Полного совершенства (Цюаньчжэнь 全真), возникшей в XII в. Культ Сунь Бу-эр широко распространен на ее родине, в провинции Шаньдун. Основные этапы его формирования рассматриваются на примере монастыря Одухотворенной чистоты (Шэньцингуань 神清觀), (горы Куньюшань, пров. Шаньдун), в котором поклоняются Сунь Бу-эр.

Ключевые слова: Даосизм, КНР, культ Сунь Бу-эр, школа Полного совершенства, монастырь Одухотворенной чистоты, провинция Шаньдун.

RELIGIONS, GENDER AND DAO: TRADITIONS OF SUN BU-ER IN MODERN DAOISM

The article is devoted to the study of the cult of the Daoist teacher Sun Bu-er in modern China. Sun Bu-er is one of the seven founders of the Daoist School of Complete Perfection (Quanzhen 全真), which arose in the 12th century. The cult of Sun Bu-er is widespread in her homeland, in Shandong Province. The main stages of its formation are considered on the example of the Spiritual Purity Monastery (Shenqingguan 神清觀), (Kunyushan Mountains, Shandong Province), where Sun Bu-er is worshiped.

Key words: Daoism, modern China, cult of Sun Bu-er, School of Complete Perfection, Spiritual Purity Monastery, Shandong Province

Сунь Бу-эр 孫不二 (1119–1182), урожденная Сунь Юань-чжэнь 孫瑗禎, родилась в 5 день 1 лунного месяца по китайскому традиционному летоисчислению, в 1 г. эры Сюань-хэ 宣和, в г. Нинхай 寧海, (совр. Мупин 牟平 пров. Шань-

дун), во время правления сунского императора Хуэй-цзуна 徽宗 (правил 1101–1126 гг.) (3 г. эры Тянь-фу 天輔 цзиньского Тай-цзу 太祖 (правил 1115–1123 гг.)). Ушла из жизни в 29 день 12 лунного месяца 22 г. эры Да-дин 大定 и впоследствии канонизирована традицией как бессмертная. Бу-эр 不二, «Не двойственная» – это ее даосское имя, говорящее о единстве с Дао. Даосское прозвище – Отшельница Чистоты и покоя (Цин-цзин сань-жэнь 清靜散人). Так же ее называли Сунь Фу-чунь 孫富春 (Сунь из Фучунь), Сунь-сянь-гу 孫仙姑 (Бессмертная дева Сунь) [1; 3].

Вслед за своим мужем Ма Дань-яном 馬丹陽 (1123–1183) она стала последовательницей Ван Чун-яна 王重陽 (1113–1170) – основателя школы Полного совершенства (Цюаньчжэнь 全真). После смерти наставника она отправилась в г. Лоян, где вела отшельническую жизнь в пещере, обучаясь под началом Бессмертной девы Фэн (Фэн-сянь-гу 風仙姑). Вскоре у нее появились собственные ученики и последователи. Культ Сунь Бу-эр возникает уже после ее смерти – ей поклоняются в школе Цюаньчжэнь и почитают как наставницу в «женской алхимии» (нюй дань 女丹) – даосских методах, учитывающих специфику женского организма и направленных на его преобразование с помощью «обезглавливания Красного дракона» (чжань/дуань чи лун 斬/斷赤龍) [7]. Она входит в число Семи совершенных (Ци чжэнь жэнь 七真人) – первых учеников Ван Чун-яна, которые стали последующими духовными лидерами школы Цюаньчжэнь. Даосская школа Чистоты и покоя (Цинцзинпай 清靜派) возводит к ней свою линию преемства.

Культ Сунь Бу-эр стремительно развивается в XIII–XIV вв. Одной из причин возрастания ее популярности стало привлечение большого количества послушниц в ряды школы Цюаньчжэнь и увеличение числа женских монастырских обителей этого даосского движения, ставших местом формирования ее культа и средой его распространения. В записях на стелах в честь известных даосок школы Цюаньчжэнь уже содержатся славословия в ее честь, наряду с Матушкой Металла (Цзинь-му 金母, т.е. Си-ван-му), Конопляной девой (Ма-гу 麻姑), основательницей школы Шанцин 上清 Вэй Хуа-цунь 魏華存, даоской Се Цзы-жань 謝自然 и поэтессой Цао Вэнь-и 曹文逸. Например, на стеле, установленной в 1298 г. в честь даосской наставницы Ао-дунь Мiao-шань 奧敦妙善 (1199–1275) указано, что между 1244–1255 гг. Ао-дунь Мiao-шань установила статую Сунь Бу-эр в женской половине монастыря Чистого совершенства (Цинчжэнь-гуань 清真觀), располагавшегося в Даду (совр. Пекин) [2].

清
净
散
人

Сунь Бу-эр удостоилась почтения не только среди последователей школы Цюань-чжэнь, но и при императорском дворе. В 1269 г. при императоре Ши-цзу 世祖 (правил 1260–1294 гг.) Сунь Бу-эр получила официальное признание как духовная наставница и титулы «Совершенная Чистоты, покоя и глубокого целомудрия, следующая за добродетелью» (*Цин-цзин юань-чжэнь шунь-дэ чжэнь-жэнь* 清靜淵貞順德真人). В 1310 г. император У-цзун 武宗 (правил 1307–1311 гг.) высочайшим указом даровал ей титул «Изначальной владычицы Чистоты и покоя и глубокого целомудрия, сокровенной пустоты и циклических метаморфоз» (*Цин-цзин юань-чжэнь сюань-суй шунь-хуа юань-цзюнь* 清靜淵貞玄虛順化元君) [1; 12, с. 68].

В эпоху Цин (1644–1911) кисти Сунь Бу-эр стали приписывать сочинения, посвященные описанию даосских методов совершенствования для женщин, а саму Сунь Бу-эр полагать основательницей «женской алхимии» (*нью дань* 女丹) – специального комплекса даосских методов, учитывающих специфику женского организма и направленных на его преобразование с помощью метода «обезглавливания Красного дракона» (*чжань/дуань чи лун* 斬/斷赤龍) для обретения статуса небожительницы (*нью сянь* 女仙) и получения ранга в мире бессмертных (*сянь цзин* 仙境). Именно ее авторству приписываются важнейшие наставления в «женской алхимии» – «Поучения Изначальной владычицы Сунь Буэр» (*Сунь Буэр юань цзюнь фа юй* 孫不二元君法語) (досл. «Уставные речи» (*фа юй* 法語) – И.Б.), изложенные в стихотворной форме [3; 13, с. 805–806].

В современной КНР Сунь Бу-эр почитают как одну из Семи совершенных школы Цюаньчжэнь и как матриарха субнаправления Цюаньчжэнь – школы Цинцзин пай 清靜派, возводящей к Сунь Бу-эр свое происхождение. Культ Сунь Бу-эр широко распространен на ее родине – в провинции Шаньдун 山東. Одним из значимых мест, где поклоняются Сунь Бу-эр, является монастырь Духовной чистоты (*Шэньцингуань* 神清觀), расположенный на отрогах гор Куньюйшань 昆嵛山.

Рис. 2. Обучение в пещере Туманной зари в горах Куньюйшань [4, с. 132]

Эта местность непосредственно связана с самым ранним периодом становления школы Цюаньчжэнь в эпоху Цзинь. Именно в горах Куньюйшань основатель школы Цюаньчжэнь Ван Чун-ян совершенствовался в Дао со своими учениками Ма Дань-яном, Цю Чан-чунем, Ван Юй-яном и Тан Чан-чжэнем со второго по восьмой лунный месяц 8 г. эры *Да-дин*. В горах, в одной из пещер, ими был основан скит, который получил название «пещера Туманной зари» (*Яньсядун* 烟霞洞) [4, с. 132]. В 1213 г. в пятистах метрах ниже пещеры последователями школы Цюаньчжэнь была возведена обитель Всеобъемлющего Дао (*Цюаньдаоань* 全道庵), которая впоследствии была переименована в монастырь Духовной чистоты (*Шэньцингуань* 神清觀). Однако уже через год, в 1214 г. некто Хао И 郝仪 из Нинхуа со своими приспешниками вероломно совершили набег на святилище Цюаньчжэнь и подожгли храм в результате чего постройки монастыря сильно пострадали от огня. После того, как пожар был потушен, ученик Цю Чан-чуна и Ван Юй-яна по имени Ван Чжи-цзу 王志卒 принялся за восстановление обители. В 1246 и 1250 годах вдовствующие императрицы монгольских ханов Дорегене (прав. 1242–1246) и Огул-Гаймыш (прав. 1248–1251) последовательно издавали указы, запрещающие людям беспокоить совершенствующихся монахов и нарушать территорию храма. Столетия храм Шэньцингуань и пещера Яньсядун были местом паломничества верующих. Вплоть до времен Китайской Республики здесь возжигали благовония в честь Пяти патриархов и Семи совершенных школы Цюаньчжэнь. Монастырь значительно пострадал во времена японской оккупации во Вторую мировую войну, несколько его залов были разрушены полностью. В 2006 г. уроженец г. Мупина гонконгский бизнесмен Ян Ши-хан 杨世杭 пожертвовал около трех миллионов юаней на реставрацию и реконструкцию Шэньцингуаня. В 2008 г. состоялась торжественная церемония открытия восстановленного храма под руководством президента Всекитайской ассоциации последователей даосизма (ВАПД) Жэнь Фажуна 任法融. Недавно отстроенный монастырь Духовной чистоты имеет площадь застройки 680 квадратных метров и состоит из колокольни и барабанной башни, восточного и западного крыльев и главного зала [16].

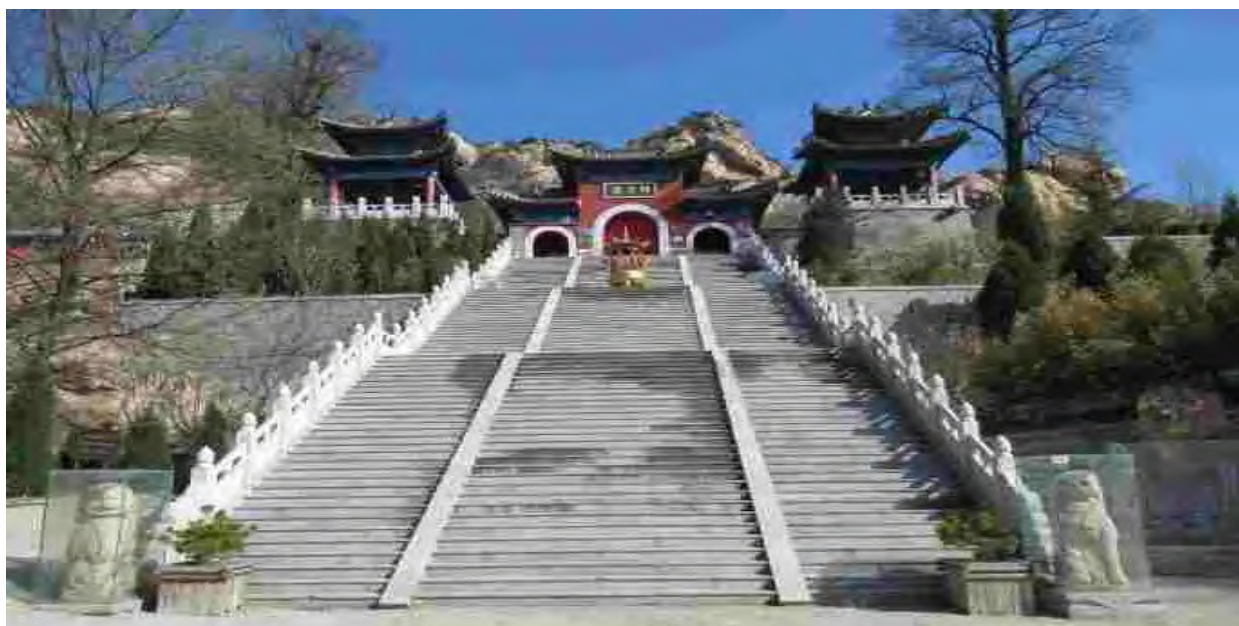

Рис. 3. Монастырь Духовной чистоты (Шэньцингуань) [16]

Главным залом храмового комплекса Шэньцзингуань является **палата Трёх Чи-стых** (*Сань цин дянь* 三清寶殿), посвященная главным даосским божествам. Три Чистых – это Небесный достопочтенный Дао и Дэ (*Дао-Дэ тянь-цзунь* 道德天尊), Небесный достопочтенный Духовной драгоценности (*Лин-бао тянь-цзунь* 靈寶天尊) и Небесный достопочтенный Изначального начала (*Юань-ши тянь-цзунь* 元始天尊). Все они являются правителями Трёх Чистых сфер (*сань цин цзин* 三清境) – высших областей даосского мироздания – сферы Великой чистоты (*Тай цин цзин* 太清境), сферы Высшей чистоты (*Шан цин цзин* 上清境) и сферы Нефритовой чистоты (*Юй цин цзин* 玉清境), потому и называются Три Чистых.

Слева от главного зала находится палата Пяти патриархов (*У цзу дянь* 五祖殿) школы Цюаньчжэнь – Дун-хуа ди-цзюня 東華帝君 Чжун-ли Цюаня 鍾離權, Люй Дун-биня 呂洞賓, Лю Цао 劉操 и Ван Чун-яна 王重陽. Справа от главного зала расположена **палата Семи совершенных**¹ (*Ци чжэнь дянь* 七真殿) – самых знаменитых учеников Ван Чун-яна – Ма Юя 馬鈺, Тань Чу-дуаня 譚處端, Лю Чу-сюаня 劉處玄, Ван Чу-и 王處一, Хао Да-туна 郝大通, Цю Чу-цзи 丘處機 и Сунь Бу-эр 孫不二. В этой палате установлены скульптурные изображения Семи совершенных, облаченных в парадные одеяния, среди которых присутствует и статуя Сунь Бу-эр.

Рис. 4. Палата Семи совершенных [16]

Выше монастыря расположена **пещера Туманной зари** (*Янь ся дун* 烟霞洞). В ней расположены небольшие фигурки родоначальников школы Цюань-

¹ Семь совершенных людей (*Ци чжэнь жэнь* 七真人) – Ма Юй 馬鈺 (1123–1183), *дао хао* Кино-варный ян (Дань-ян 丹陽), Тань Чу-дуань 譚處端 (1123–1185), *дао хао* Долгое совершенство (Чан-чжэнь 長真), Цю Чу-цзи 丘處機 (1148–1227), *дао хао* Долгая весна (Чан-чунь 長春), Лю Чу-сюань 劉處玄 (1147–1203), *дао хао* Долгая жизнь (Чан-шэн 長生), Ван Чу-и 王處一 (1142–1217), *цзы* Нефритовый ян (Юй-ян 玉陽), Хао Да-тун 郝大通 (1140–1212), *дао хао* Всеобъемлющее спокойствие (Гуан-нин 廣寧), Сунь Бу-эр 孫不二 (1119–1182), *дао хао* Чистота и покой (Цин-цзин 清靜) [4, с. 138].

чжэнь – Ван Чун-яна и Семи совершенных, среди которых присутствует и Сунь Бу-эр. Фигурки родоначальников Цюаньчжэнь одеты в парадные красные мантии и расставлены в огороженном золотистым шелком киоте. Перед ними стоят подношения в виде цветов и фруктов, а также курильница для благовоний, которые воскуряют верующие, обращаясь с молитвами к основателям Цюаньчжэнь. На правой стене пещеры выгравирована надпись с красными иероглифами – *Янь ся дун* 烟霞洞.

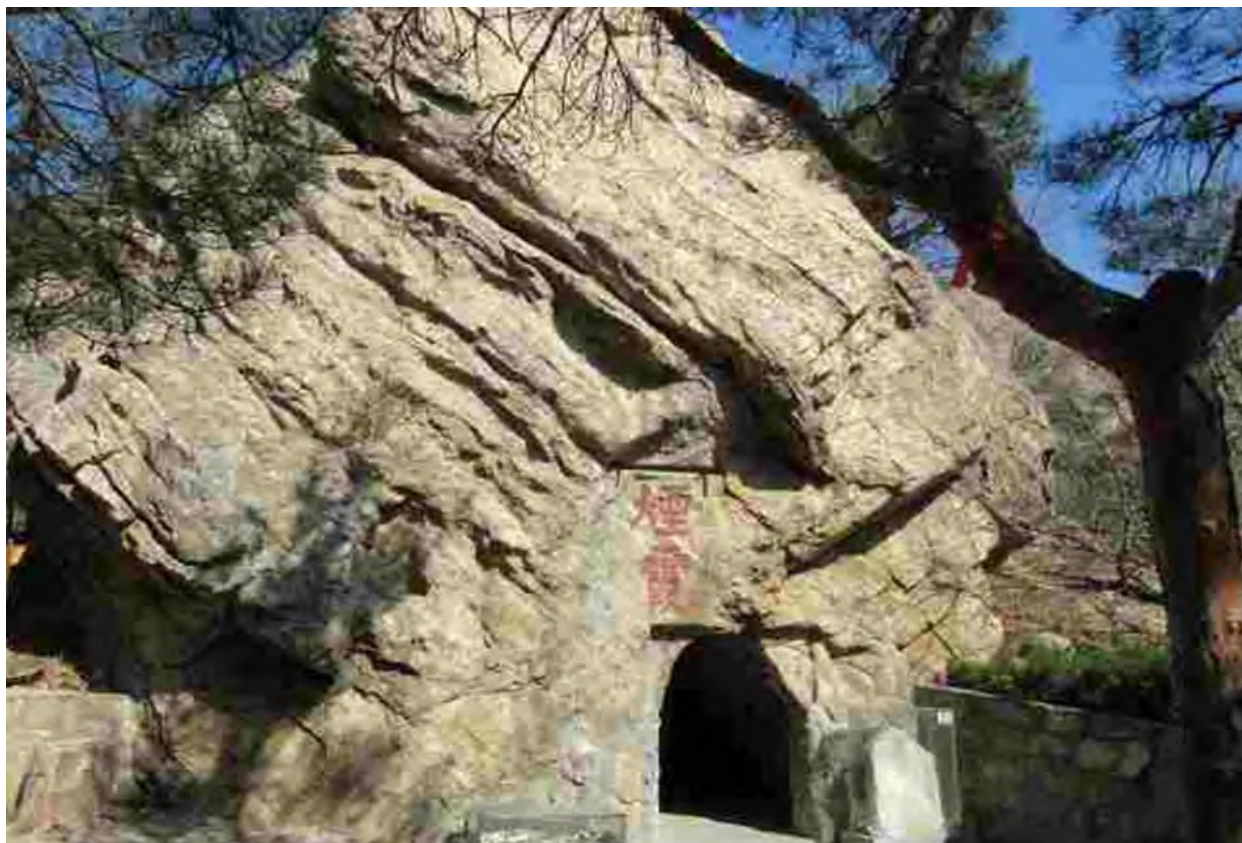

Рис. 5. Пещера Туманной зари [16]

Если пойти по тропинке в сторону от пещеры Яньсядун, то можно обнаружить каменный фундамент некоего строения и мемориальную стелу, гласящую, что это развалины **кельи**, в которой Сунь Бу-эр совершенствовалась в Дао-Пути (*Сунь Бу-эр сю Дао и чжи* 孙不二修道遗址).

Действительно, в жизнеописаниях Сунь Бу-эр говорится, что после посещения могилы Ван Чун-яна Сунь Бу-эр оформила развод со своим мужем и вторым патриархом Цюаньчжэнь Ма Дань-яном и продолжила совершенствоваться в отдельной хижине. На прощание Ма Дань-ян подарил ей стихотворение «О плаке киноварного песка» (*Лянь дань ша* 煉丹砂).

О плавке киноварного песка

С почтением строки я эти дарю,

Деве, что из Фучунь.

Отныне следом за мной ты идти не должна —

Теперь мы не муж и жена.

Свой подлинный облик должны завершить

Мы каждый сам по себе.
Тому, как сойти с Трех путей
И очистить дыхание-*ци*
В палатах не обучить!
Сверху и снизу, поперек и вдоль
[*Ци*] тянется как бесконечная нить,
Которую не уловить.

Как только ребенка чудесного им обернешь,
Сонастроишь, протянешь и переместишь,
Так сразу будешь готова
Столицу бессмертных ты посетить.

Рис. 6. Скульптуры Ван Чун-яна и Семи совершенных в пещере Яньсядун (Сунь Бу-эр третья справа) [16]

Но правда ли Сунь Бу-эр совершенствовалась в Дао в той самой хижине, развалины которой якобы сохранились в горах Куньюйшань? В «Погодовых хрониках Семи совершенных» (*Ци чжэнь нянь пу* 七真年譜) говорится, что первый визит Ван Чун-яна в горы Куньюйшань случился со 2 по 8 лунный месяц 8 г. эры *Да-дин* (1168 г.), только отправился он туда с четырьмя учениками – Цю Чан-чунем, Ма Дань-яном, Тан Чан-чжэнем и Ван Юй-яном. Позже к ним присоединился пятый ученик – Хао Гуан-нин. В это время Сунь Бу-эр не могла быть членом этой группы, так как еще не являлась ученицей Ван Чун-яна. Согласно источнику, Сунь Бу-эр примкнула к школе только в 5 месяце 9 г. эры *Да-дин* (1169 г.) в Зале Золотого лотоса (*Цзинь лян тан* 金蓮堂) в Нинхае, через год после визита Ван Чун-яна в горы Куньюйшань [11, с. 71].

Рис. 7. Мемориальная стела и развалины хижины,
где Сунь Бу-эр совершенствовалась в Дао-Пути [16]

После посвящения в даоски Ван Чун-ян вручил ей «Небесные формулы-амулеты» (*тянь фу* 天符) и «Облачные печати» (*юнь чжуань* 雲篆) (т.е. специальные формулы-амулеты категории «реестр» (*фу лу* 符箓), с именами даосских божеств, которых даос мог призвать на помощь – И.Б.), а также передал тайные наставления (*би цзюэ* 秘訣) в Дао-Пути [14, с. 52].

В 10 г. эры *Да-дин* (1170 г.) Ван Чун-ян скончался в г. Кайфэн. В 12 г. эры *Да-дин* Ма Дань-ян перезахоронил «бессмертные кости» наставника в древне Люцзян, где им был установлен скит Цзуань 祖庵 (совр. монастырь Чунъянгун 重陽宮). В 15 г. эры *Да-дин* (1175 г.), узнав о смерти Ван Чун-яна, Сунь Бу-эр покинула общество Золотого лотоса и направилась пешком на запад, в Люцзян в горы Чжуннаньшань 終南山, к могиле наставника, дабы почтить его память [11, с. 72; 12, с. 68]. Легенда гласит, что дабы преодолеть нелегкий и опасный путь, она намеренно изуродовала себе лицо кипящим маслом [9, р. 57], однако официальные жизнеописания наставников Цюаньчжэнь не содержат таких сведений. В «Цзинь лян чжэн цзун цзи» сказано, что в пути она сильно скорбела, «разрывая [стопами] облака и пронзая [плачем] луну, лежала на снегу, спала на морозе. [Обморожение] повредило ее внешность, но она не считала это страданием» [14, с. 52]. В Люцзяне, где Ма Дань-ян соорудил небольшой скит и соблюдал траур у могилы наставника, они официально оформили развод. Сунь Бу-эр продолжила осваивать даосские методы и «очищать сердце в отдельной хижине» (*лян синь хуань ду* 鍊心環堵) [Там же]. Только эта хижина находилась не в Нинхае в горах Куньюйшань 昆嵛山, а в Люцзяне в горах Чжуннаньшань 終南山.

В тот же год Сунь Бу-эр покинула горы Чжуннаньшань и ушла в г. Лоян 洛陽, дабы обучаться у Бессмертной девы Фэн (Фэн Сянь-гу 風仙姑) [11, с. 72]. Фэн Сянь-гу разыскала две пещеры в горах и велела Сунь Бу-эр обосноваться в

нижней пещере, а сама проживала в верхней. Женщины забаррикадировали все подступы к пещерам обломками кирпичей и камнями. Завидев, что какой-нибудь мужчина пытается подняться к их жилищу, сбрасывали вниз камни, чтобы противостоять «внешним демонам» (*вай мо* 外魔). Когда после шести лет совершенствования внутриалхимические преобразования ее бессмертного духа *шэнь* были закончены, Сунь Бу-эр написала стихотворение, подводющее итог ее духовной практики:

На мотив «Бу суань цзы»

Пять дней¹ в одной накидке, продуваемая ветрами²,
Читаю заклинание и пальцы в магические формулы собираю³,
Пока огонь и вода как супруги на ложе соединяются снова и снова.
Внезапно тысячью тысяч дорожек сияние зари
Возникнет со дна морского.
И единым лучом пронизет насквозь Три заставы.
Музыка *сяней* все льется и льется,
Вино высшего учения постоянно вкушаю.
Чудесные снадобья, где нет промежутков во времени пребывают,
Киноварный песок Девяти круговращений свершается [14, с. 52].

Вскоре у нее появились свои ученики и последователи. Внезапно, в 29 день 12 лунного месяца 22 г. эры *Да-дин* (1182 г.), сообщив им, что пришло её время отправиться к Нефритовому пруду (*яо чи* 瑤池) на встречу с наставниками и Совершенными, она совершила омовение, надела чистую одежду, попросила принести бумагу, кисти и тушь, и написала поэму, подводющую итог ее жизненного пути:

Три тысячи заслуг полны, я вышла за пределы Трех миров.
Выпрыгнула наружу из обертки *инь* и *ян*.
Скрываться и появляться, идти вдоль и поперек отныне в воле моей.
Моя опьяненная душа больше не вернется в Нинхай [15, с. 662 – 663].

Закончив писать, она почилла в позе лотоса в полдневный час. Ее ученики утверждали, что даже после смерти Сунь Бу-эр выглядела словно живая, а благоухание, которое наполнило комнату, не проходило целый день.

Ма Дань-ян прожил в Люцзяне вплоть до 22 г. эры *Да-дин* (1182 г.), пока указом цзиньского правительства даосским монахам не было велено вернуться

¹ 候 (*хоу*) (досл. «период») – даосский термин, использующийся при описании практик «внутренней алхимии», обозначает длительность в 60 (китайских) часов, т.е. пять дней (по 12 часов).

² 披衣 (*пи и*) (досл. «носить одежду внакидку») – обозначает легкую накидку из соломы, в которой шаманы (*у* 巫) древности выполняли магические ритуалы. В метонимическом значении указывает на даоса, который выполняет «внутриалхимическое» действие на улице, где дует ветер или идет дождь.

³ 握固 (*во гу*) – даосский термин, восходящий к 55 *чжану* «Дао Дэ цзина». В даосской практике «внутренней алхимии» указывает на рецитацию специального текста (или молитвы-заклинания) с помощью мнемотехники – определенным образом складывая пальцы рук.

в места своего изначального проживания. В 4 лунном месяце 22 г. эры *Да-дин* Ма Дань-ян один вернулся в Нинхай, за 8 месяцев до смерти Сунь Бу-эр [11, с. 73].

Таким образом, согласно жизнеописаниям Сунь Бу-эр, она не могла «совершенствоваться в Дао в хижине», расположенной в горах Куньюйшань, так как во время проживания там Ван Чун-яна еще не состояла в школе Цюаньчжэнь. Во время, совпадающее с ее «совершенствованием в отдельной хижине» после развода с Ма Дань-яном она находилась в Люцзяне, а затем в Лояне, так никогда больше не вернувшись обратно на родину в Нинхай. Существующие же в горах Куньюйшань на территории монастыря Шэньцингуань якобы развалины ее хижины свидетельствуют об интерпретации изложенных в ее жизнеописаниях событий в рамках культа Сунь Бу-эр в современном даосизме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белая, И. В. Жизнеописание наставницы Сунь Бу-эр в даосской традиции / И. В. Белая – М. : Вопросы культурологии. – № 1, 2010. – С. 28–32.
2. Белая, И. В. Поучения Изначальной владычицы Сунь Бу-эр: даосское учение для женщин / И. В. Белая. – М. : Издательство «Ганга», 2020. – 352 с.
3. Белая, И. В. Зал Полного совершенства: становление даосского учения Цюаньчжэнь в эпоху Цзинь (XII в.) / И. В. Белая // Великий смысл врат в Сокровенное: Религии, философия и культура Китая. – К 60-летию С. В. Филонова. – Т. 2. – Даосизм, ислам, традиционная культура. – М.: ИВ РАН, 2022. – С. 123–148.
4. Белая, И. В. О развитии женского монашества в даосской школе Цюаньчжэнь в эпохи Цзинь и Юань / И. В. Белая: Ч. 3: Ао-дунь Мяо-шань // Вестник РГГУ. – Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – М., – №4 (10) – Ч.1. 2017. – С. 9–18.
5. Торчинов, Е. А. Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания / Е. А. Торчинов. 2-е изд., доп. – СПб. – Лань, 1998. – 448 с.
6. Филонов, С. В. Введение в даологию / С. В. Филонов. – Благовещенск: Изд. АмГУ, 2010. – 184 с.
7. Despeux, C., Women in Daoism / C. Despeux, L. Kohn. – Cambridge: Three Pines Press, 2003. – 296 p.
8. Eskildsen, S. The Teachings and Practices of the Early Quanzhen Taoist Masters. Albany: State University of New York Press, 2004. – 274 p.
9. Wong, E. Seven Taoist Masters: A Folk Novel of China / E. Wong. – Boston: Shambhala Publications, 2004. – 208 p.
10. 任志潤. 女煉師奧敦君道行碑 [ДЦЦШЛ. С. 686]) = Жэнь Чжи-жунь. Нюй лян ши Ао-дунь цзюнь дао син бэй (Стела о даосских деяниях владычицы Ао-дунь, наставницы во внутренней алхимии).
11. 李道謙. 七真年譜 [ЧХДЦ. Т. 47. – С. 69–76] (1271 г.) = Ли Дао-цянь. Ци чжэнь нянь пу (Погодовые хроники Семи совершенных).
12. 劉志玄, 謝西蟾. 金蓮正宗仙源像傳 [ЧХДЦ. Т. 47. – С. 54–68] (1326 г.) = Лю Чжи-сюань, Се Си-чань. Цзинь лян чжэн цзун сян юань сян чжуань (Иллюстрированные жизнеописания о происхождении небожителей-сяней истинной линии преемствования [школы] Золотого лотоса).
13. 孫不二. 孫不二元君法語 [ЦВДШ. Т. 10. С. 805–806] = Сунь Бу-эр. Сунь Бу-эр юань цзюнь фа юй (Поучения Изначальной владычицы Сунь Бу-эр).
14. 秦志安. 金蓮正宗記 [ЧХДЦ. Т. 47. С. 29–53] (1241 г.) = Цинь Чжи-ань. Цзинь лян чжэн цзун цзи (Записи об истинной линии преемствования [школы] Золотого лотоса), 5 цз.
15. 趙道一. 歷世真仙體道通鑑後集 [ЧХДЦ. Т. 47. С. 617–663] (кон. XIII–нач. XIV вв.) = Чжао Дао-и. Ли-ши чжэнь сян ти дао тун цзянь хоу цзи (Дополнение к «Всепроникающему зеркалу Совершенных и небожителей-сяней минувших времен, воплотивших Дао-Путь»), 6 цз.

16. Персональная страница tianch1234 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://blog.sina.com.cn/s/blog_5f017d830102y09q.html. – Дата доступа: 01.05.2023.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

ДЦЦШЛ – Дао цзя цзинь ши люэ (Даосские надписи на бронзовых [сосудах] и каменных [стелах]). Сост. Чэнь Юань, Чэнь Чжи-чао, Цзэн Цин-ин. Пекин: Вэньу чубаньшэ 道家金石略. 陳垣, 陳智超, 曾慶瑛选编著. 北京:文物出版社, 1988 年. – 1379 頁。

ЦВДШ – Цзан вай дао шу (Даосские книги, не вошедшие в «Дао цзан») в 36 тт. Ред. Ху Дао-цзин, Чэнь Яо-тин, Дуань Вэнь-гуй, Линь Вань-цин. Чэнду: Башу шушэ чубань, 1992. 藏外道書. 胡道靜, 陳耀庭, 段文桂, 林萬清主編. 成都: 巴蜀書社出版, 1992 年. – 36 冊。

ЧХДЦ – Чжун хуа Дао цзан (Китайский «Дао цзан»). Ред. Чжан Цзи-юй. В 48 тт. Пекин: Хуася чубаньшэ, 2004. 中華道藏. 張繼禹編. –北京: 华夏出版社, 2004 年. – 48 冊。

УДК 003.821.581

О. Л. ГУТЬКО O. L. GUTSKO

ПРОКСЕМИКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

В произведениях китайских авторов разных культурно-исторических эпох выявлены принципы дистанцирования собеседников во время коммуникации и характеристика пространства культуры.

Ключевые слова: дистанцирование, личная и социальная зоны, панорамное пространство, «крупный план», сближающее и отдаляющее измерение.

PROXEMICS IN TRADITIONAL CHINESE CULTURE

The author of the article refers to the papers of Chinese writers who identify the principles of distancing and the associated characteristics of space in the culture.

Key words: distancing, personal and social zones, panoramic view, «close-up», bringing together and distancing dimension.

Кросскультурные исследования с середины XX века интерпретировали контекст культуры в пространстве этнической, национальной культуры, так и в пограничном коммуникативном пространстве разных культур. Предмет рассмотрения заключался в специфике представлений о семиотическом пространстве, отличиях норм и традиций коммуникации, смыслового содержания принятых правил. Цель межкультурной коммуникации направлена на достижения интеграции в осуществлении равноправных отношений, взаимопонимания и сотрудничества между представителями культур.

Интенсификация культурных контактов с представителями стран Азии принимает во внимание эффективность интернационального сотрудничества в области образования, сфере искусства и профессиональных знаний, умений и навыков в разнообразных направлениях. Развитость показателей социального интеллекта у специалистов в сфере межкультурных коммуникаций приобретает первостепенное значение. Интеграция интересов людей из разных культур позволит выйти за пределы существующих стереотипов в общении по вопросам делового сотрудничества, учитывая знания норм и правил ведения деловых переговоров, коммуникации и общения с представителями других культур. Выдвинутый вопрос набирает популярность не только в учреждениях образования

Республики Беларусь, но и в повседневном пространстве межкультурного общения.

Американские исследователи открыли новые возможности кросскультурной коммуникации в начале XX века, среди них Ф. Боас, Р. Бенедикт, М. Мид и др. Структуралисты (Э. Сепир и Б. Ли Уорф) впервые задумались о доминирующем значении природного окружения в этнических представлениях индейцев, народов Севера и др.

Основателем науки о дистанции и измерении в культурах стал американский культурный антрополог Эдвард Твитчелл Холл [6]. Ученый использует термин «проксемика» – отдел лингвистики, изучающий дистанцию в общении между собеседниками, интерпретацию и измерение расстояния в культуре. На основании исследования литературных текстов в разные культурно-исторические эпохи, писатель располагает персонажей в воображаемом пространстве в зависимости от традиций культуры, которые приняты. Даже обращение персонажей к отдаленным объектам приобретает смысловое значение, если такое обращение встречается в тексте произведения. Итак, рассмотрим «подсознательную геометрию человеческого пространства» (термин Жоржа Мотере) [6, с. 82].

Эдвард Т. Холл в монографии «Скрытое измерение», обращаясь к наследию Франца Боаса – основателя культурной антропологии, определяет глубинную взаимосвязь текста художественной литературы и культурной среды. Лексический анализ у исследователя связан с изучением экзотических культур мира и английской, американской литературы разных эпох.

Эпоха Возрождения становится водоразделом, где геометрическое и интеллектуальное восприятие мира перемещает акцент на «ощущение» пространства. «Сегодня идея пространства использует больше динамики и выходит за рамки визуального в гораздо более глубокое, чувственное пространство» [6, р. 94].

Американский культурный антрополог Э. Т. Холл задался целью использовать литературные тексты для исследования проксемической связи между персонажами в произведении. С этой целью необходимо изучать литературу для структурного анализа текста, чтобы определить ключевые компоненты сообщения, которое писатель предоставил читателю для построения его собственного понимания пространства. Задача Эдварда Т. Холла заключалась в том, чтобы выделить уровень, подразумевающий отсылки на сенсорные данные.

Исследование характера дистанций в произведениях Антуана де Сент-Экзюпери, Франца Кафки, Ясунари Кавабата подтверждает, что писатели намеренно использовали сближение и отдаление расстояния между персонажами в контексте их отношения к происходящему, вскрывая духовную связь и характер коммуникации между ними [6, с. 96–98].

Если исследовать художественную литературу на предмет структурных дистанций, выявляются значения и смыслы, которые проливают свет на исторические тенденции и сдвиги в смысловых модальностях. Эдвард Т. Холл уверен, что такие сдвиги очень актуальны для той среды, которую человек находит наиболее подходящей в определенное время и для определенных культур. Для автора исторические и культурные различия очевидны.

Сближение, обращение к интимной зоне персонажей обычно рассматривается в случае, если героя одолевают сильные волнения и душевные переживания. Описание чувств персонажа концентрируется не на целостном образе, а на конкретных деталях – часть корпуса становится акцентом, и именно кинематографический «крупный план» воспринимается читателем. Приведем пример описания личной, приближенной дистанции в поэзии Ли Бая. Его понимание дистанции находится на значительном отдалении от места, где находится автор. В поэтических выкладках он погружается в воображение, отдаляясь от суеты и мелочности. Для поэта есть только музыка, природная стихия, погружающая его в воспоминания о родине. Расстояние собеседника для поэта не имеет значения. Даль становится предметом погружения мыслей и просветления:

«Откуда-то доносилась яшмовой флейты музыка, / Окруженная темнотой, / Пролетая, как ветры вешние, / Наполняет город Лоян ночной. / Слышу этой ночью «Сломанных ив» / Мелодию, светом полную и весной... / Кто может не вспоминать, / Услышав ее, о своей Родине!» [3, с. 62].

Если же обратиться к пьесе Гао Цзэчэна «Пипа цзи», то автор комментариев и пояснений российский исследователь Д. И. Маяцкий отмечает важность традиции находиться сыну рядом со своими родителями: «Когда родители в (преклонных) летах и некому за ними ухаживать, разве осмелится сын покинуть (их) и уехать далеко?» [5, с. 166]. В этой реплике подчеркивается, что пожилые родители должны быть рядом с сыном и его женой. На молодых ложится груз ответственности за жизнь родителей. Подчеркивается необходимость находиться вблизи родителей и оказывать требуемую им помощь. Так, в китайском языке традиция следовать за учителем в прямом смысле означает «учиться».

Более того, осмысление роли родителей происходит, в соответствии с традиционным канонem, после их ухода из жизни: «Согласно древнему обычаю, после смерти родителей сын должен был какое-то время (в идеале три года) находиться вблизи от могил отца и матери и выполнять соответствующий ритуал. При этом считалось верхом сыновьей почтительности построить у их погребения шалаш и поселиться в нем». В описанном обычае ощущается недостижимость расстояния между человеком и его родителями, которое праведный сын проводит около могилы.

Двойственная трактовка расстояния «близкое – недостижимое» раскрывается в осмыслении китайской традиционной живописи. В работе В. В. Малявина указанное противоречие традиционной культуры разрешается объяснением значения Великого Предела, который «совмещает в себе пустотность и наполненность, присутствие и отсутствие. При этом центрированность не сводима к фиксированному центру. Схема Великого Предела относится к строению природного мира и духовному состоянию» [4, с. 23–24]. Обратимся к пояснению категории Великого Предела в дальнейшем рассмотрении традиционных китайских текстов.

Невозможность достичь гармонии в объективном мире и взаимопонимания среди людей раскрывается в поэзии Ли Бая. Поэт стремится постичь мировое пространство через осмысление безмерной дали, обращая внимание лишь на

предметы растительного, животного мира, природные объекты, тем самым подчеркивая одиночество и обреченность существования.

«На высоком тереме одним размахом увижу весь вид города Иуе Иан, / А внизу большая река Дунтин развеивается далеко. / Лебеди в небе уносят мою грусть вдаль, / А прекрасную луну вытаскивает пик высокий. / Ночую я среди облаков на вершине горы, / И чашка за чашкой с небес вино прилетает. / Опьянев, принимаю холодный ветер с открытой душой, / И широкими рукавами летая с ветром, / я возвращаюсь в терем свой» [3, с. 118].

Повседневная культура традиционной китайской семьи проходила в разделении обязанностей. Мужчины пасли скот высоко в горах, а женщины ухаживали за детьми и занимались домашними заботами. Лишь на зиму семья воссоединилась и могла вести совместное хозяйство. Представление о Великом Пределе (пустотности и наполненности, о единении и разобщении) более объяснимо из рассмотрения легенды о Цисидзе – «Сорочьем празднике». «Дочь небесного царя полюбила пастуха, который пас небесных коров. Небесный царь разлучает влюбленных, потому что молодые люди забыли о своих обязанностях. Юноша может увидеть возлюбленную лишь раз в год, когда небесные созвездия Ткачихи и Волопаса достигают края Млечного пути, который в качестве моста соединяет два созвездия. Так, на мосту влюбленные могут встретиться лишь раз в год» [1, с. 49].

В легенде Цисидзе раскрывается основной принцип представления о пространстве в традиционной китайской культуре – «скреплять то, что разъединено, и разделять, не допуская смешения и разбросанности» [4, с. 347]. Своеобразная игра и баланс на основе двух категорий становятся более устойчивыми, чем выбор единого образа жизни.

Эмоционально насыщенные сцены ближней дистанции коммуникации («крупный план») между собеседниками описываются в современной китайской художественной прозе, используя приемы балансировки между ненавистью и симпатией. Героиня новеллы Пань Сяопина «Юноша» Сяо Тао устраивает скандал в салоне красоты:

«Юноша по-прежнему напоминал глиняное изваяние. Женщина фыркнула, плюхнулась на массажную кушетку и, задыхаясь от ярости, прошипела:

– Быстро разомни мне голову. Ну, Сяо Цзю, ты меня достал!

Последнюю фразу она произнесла всхлипывая. Посетители салона прикрыли рты руками, хихикая. Но сдержаться было трудно, так что все вылетели на улицу и там расхохотались так, что даже присели на корточки. А что же тетушка Сяо Тао? Она схватила простыню и натянула на глаза, можно сказать, сама себя наказала. Впервые она лежала с закрытыми глазами, пока парень делал ей массаж. Она не испытывала ненависти к Сяо Цзю, она ненавидела лишь себя, что в его присутствии напрочь забывала о гордости и самоуважении» [2, с. 21].

В приведенном отрывке художественного произведения подчеркивается балансирование между проявлением чувства любви и раздражения у героини Сяо Тао. В свою очередь, посетители салона выходят на улицу, чтобы никто в салоне не увидел их насмешки.

На основании проведенного анализа текстов художественной литературы Китая, используя концепцию дистанцирования Эдварда Т. Холла, выделим основные закономерности, позволяющие анализировать семиотическое пространство с помощью структурного анализа:

– языки цивилизованных народов наполнены множеством качественных и количественных характеристик расстояния, применимым не только для измерения и осознания действительности, но и для интерпретации эмоционального состояния коммуникатора, характерного для его традиционной культуры;

– в древних текстах китайской художественной литературы человек воспринимает мир через сближение коммуникативной дистанции с собеседником, и делает все, чтобы сближение было максимальным, для поддержки тесного духовного контакта, установленного традицией в культуре. Почитаются традиции присмотра повзрослевших детей за их пожилыми родителями, одинокого проживания сына в течение трех лет на могиле родителей, следования за учителем;

– в художественных текстах традиционной культуры Китая дистанцирование персонажей связано с представлениями о Великом пределе, совмещающими противоположные категории пустотности и наполненности, присутствия и отсутствия, позволяющими обрести человеку баланс в постоянно изменяющемся мире. Поэзия Ли Бая обращена к природным стихиям для восстановления утраченной гармонии существования. Легенда о Цисидзе поясняет дистанцированность мужа и жены во время основных сельскохозяйственных работ;

– в современной китайской художественной прозе можно встретить принцип осмысления Великого предела (двойственного понимания мира) в ироничной интерпретации, свидетельствующей об использовании традиционного восприятия китайской культуры в западноевропейском семиотическом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гутько, О. Л. История праздников : учебное пособие / О. Л. Гутько. – Минск : РИВШ, 2022. – 246 с.
2. Двойной зрачок. Китайская проза конца XX – начала XXI века : пер. с кит. яз. / Отв. ред. А. А. Родионов ; сост. Н. Н. Власова, И. А. Егоров, А. А. Родионов. – Санкт-Петербург : Институт Конфуция в СПбГУ, КАРО, 2015. – 464 с.
3. Ли, Бай. Сто избранных лирик / Бай Ли / пер. с кит. и сост. Ли Цзю. – Минск : «Мастацкая літаратура», 2012. – 134 с.
4. Малявин, В. В. Пространство в китайской культуре / В. В. Малявин. – М. : Феория, 2014. – 372 с.
5. Маяцкий, Д. И. Гао Цзэчэн и его пьеса «Пипа цзи» / Д. И. Маяцкий. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. – 462 с.
6. Hall, Edward Twitchell. The Hidden Dimension / Edward T. Hall. – Reprint. Originally published : Garden City, N.Y. : Doubleday, 1966. – Ancor Book Editions, 1990. – 219 p.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО РИТУАЛА ПРИЗЫВАНИЯ ДУШИ

В статье рассматривается китайский похоронный ритуал призывания души. В письменных памятниках эпохи Чжоу он известен как *чжаохунь* (招魂) и *фули* (復禮). Средневековые тексты свидетельствуют, что ритуал существовал на протяжении веков практически без изменений. Трансформация обычая отмечается в сочинениях династии Мин. Изменение времени, места и сценария проведения церемонии связано с ее чрезвычайной сложностью в чжоуский период, а также влиянием даосизма и буддизма. В современном мире этот похоронный обычай по-прежнему имеет широкое распространение, но происходит его дальнейшая трансформация, формирование локальных традиций, например, *фусань* (复三).

Ключевые слова: китайский похоронный ритуал призывания души, *чжаохунь* (招魂), *фули* (復禮), *фусань* (复三).

TRANSFORMATION OF THE ANCIENT CHINESE SOUL-SUMMONING RITUAL

The article considers the Chinese funeral soul-summoning ritual. In written monuments of the Zhou period, it is known as *zhaohun* (招魂) and *fuli* (復禮). Medieval texts indicate that the ritual has remained unchanged for centuries. The transformation of the custom is noted in the writings of the Ming Dynasty. The change of the time, place and sequencing of the ceremony is related to its extreme complexity in the Zhou period, as well as the influence of Taoism and Buddhism. In the modern world this funeral custom is still widespread, but the ritual continues to transform, and forms local traditions, for example, *fusan* (复三).

Key words: the ancient Chinese funeral soul-summoning ritual, *zhaohun* (招魂), *fuli* (復禮), *fusan* (复三).

Среди религиозных воззрений древних китайцев, нашедших отражение в ранних письменных памятниках, обращают на себя внимание упоминания и даже подробные описания ритуала призывания души (招魂 *чжаохунь*). Самые ранние сведения содержатся в текстах чжоуской эпохи: поэмах «Чжаохунь» (《招魂》, «Призывание души») [11] и «Дачжао» (《大招》, «Великое призывание») [10] из антологии южных поэтов «Чуцы» (《楚辭》, «Чуские строфы»), время создания которых можно определить в границах IV–III вв. до н.э., а также в официальных текстах чжоуской династии: «Лицзи» (《禮記》, «Записи о ритуалах», IV–I в. до н. э.) [8] и «Или» (《儀禮》, «Правила ритуала»¹) [15].

В указанных сочинениях представлены два варианта одного ритуала, который проводился сразу после смерти человека: южный, или чуский, и северный, или чжоуский. В чуской традиции обряд назывался 招魂 *чжаохунь*. Главным действующим лицом являлся опытный заклинатель, знаток ритуала (скорее всего, шаман или шаманка), который в поисках души-хунь обращался к четырем сторонам света, небесному и подземному мирам и в заключение призывал душу вер-

¹ Точное время создания не установлено; считается одним из древнейших письменных памятников эпохи Чжоу.

нуться в родные края: 「魂乎歸來！」 – «*Душа-хунь, вернись!*» [11]. Судя по строкам поэмы «Чжаохунь», ритуал должен был проходить за пределами города или деревни: шаман как бы имитировал водворение души на «этот» свет, приглашая ее в «обитаемый» мир. При этом он двигался спиной вперед, повторяя заклинание и используя специальные атрибуты: корзину, шелковые нити, ткани [11].

По чжоуским правилам, главным действующим лицом выступал чиновник или член семьи покойного, который во время церемонии именовался 復者 *фучжи* – букв.: ‘тот, кто возвращает’. Он обращался к самому умершему, а не к его душе: 「皋某復！」 – «*Призываю такого-то¹ вернуться*». При этом использовалось платье покойного, которое тот носил на службе. Призыватель обращался только к северной стороне, куда, по мнению чжоусцев, уходили мертвые. Также подчеркивается, что обряд проходил на крыше [8], [15].

Ритуал возвращения, представленный в «Лицзи» и «Или», существовал очень долгое время практически без изменений [14]. В «Книге [династии] Поздняя Хань» (《後漢書》, «Хоу Ханьшу», V в.) в биографии Чжао Цзы (趙諮) (раздел 《列傳》, «Жизнеописания») среди похоронных обрядов упоминается и 招復 *чжаофу* [7]. Сочетание 招復 *чжаофу*² можно перевести ‘призывание вернуться’; оно связано с фразой “招魂復魄” – ‘призывать душу-хунь, возвращать душу-по’ [2], но в текстах доханьского или ханьского времени обнаружить ее нам не удалось. Фраза “招魂復魄” встречается в текстах эпох Тан (《通典》, «Тундянь», «Энциклопедия»³ [13]) и Северной Сун (《太平御覽》, «Тайпин юйлань», «Высочайше одобренное обозрение [эпохи] Тайпин», 977–984⁴ [12]). Появление сочетания может быть объяснено сложившимися представлениями о наличии в человеке двух душ *хунь* и *по* и необходимости призывать каждую из них. Интересно, что со знаком 招 *чжао*, который использован в «Чуцы», употребляется 魂 *хунь*, а с чжоуским 復 *фу* – 魄 *по*. Кажется неверным утверждение, что «древний ритуал вызывания души *чжаохунь* называли *фу* или *фухунь* [14]. Это разные названия вариантов одного ритуала, восходящие к разным традициям.

О практике вызывания души после смерти свидетельствуют и другие сочинения танской эпохи. Дуань Чэнши (段成式, 803–863) в сборнике сяошо «Разные записи из Юяна» (《酉陽雜俎》, «Юян цзацзу») описывает такой случай: “及明，已聞對門復魂聲。問其故，死者父母雲：「子昨宵暴卒。」” [16] – «*А на завтра я услышал в доме напротив через улицу призывание души-хунь умершего. Спросил их о причине. Отец и мать сказали: “Минувшей ночью скоропостижно скончался сын”*»⁵.

¹ Вместо 某 *моу* со значением ‘некто’; ‘некий’; ‘некоторый’ во время ритуала называли имя умершего.

² Сочетание встречается и в сочинении «Луньхэн» (《論衡》, «Взвешивание рассуждений», I в.) Ван Чуна [16].

³ Историческая энциклопедия из 200 разделов, в которой собраны законы, постановления и описание событий с древних времен до времени ее написания историком, политиком, военным генералом, высокопоставленным чиновником династии Тан – Ду Ю (杜佑, 735–812).

⁴ Императорская энциклопедия эпохи Тайпин (太平, Великое спокойствие).

⁵ Здесь и далее фрагменты текстов приводятся в переводе автора статьи.

Согласно легенде, на утёсе Цайши погребена одежда Ли Бая, великого поэта династии Тан, который погиб, утонув в водах Янцзы. Потомки использовали платье и головной убор поэта, чтобы призвать его душу и совершить похороны [14].

В таких книгах как «Семейные церемонии [в описании] Чжуцзы»¹ (《朱子家禮》, «Чжуцзы цзяли») сунской эпохи и «Свод законов [династии] Мин» (《明會典》, «Минхуэйдянь») также есть описания ритуала вызывания души [14].

Во времена Республики (1912–1949 гг.) в шаньдунском «Описании уезда Шоугуан» (《寿光县志》)² было записано: “亲歿则当日成服, 三日寻魂。” – «[Когда] умирает родственник, в этот же день надевают траурную одежду и в течение трех дней ищут душу (寻魂 сюньхунь) [скончавшегося]» [17].

М. Элиаде в середине прошлого века сообщал о сохранении ритуала [6]. В книге «Золотая ветвь» (1890 г.) Дж. Фрэзер приводит данные, напоминающие описания в китайских письменных памятниках. Есть примеры, схожие с представленными в чуских поэмах. Например, в племени лоло³ во время тяжелой болезни проводят молебн, когда «душу называют по имени и заклинаят вернуться с холмов, долин, рек, лесов, полей и вообще отовсюду, где она может скитаться. Для того чтобы освежить уставшую от странствий душу, у двери выставляют чаши с водой, вином и рисом. По окончании обряда лоло обвязывают вокруг груди больного красную бечевку, чтобы привязать душу, и носят ее до тех пор, пока она не сгниет и не отпадет» [5, с. 179]. В соседней Бирме (совр. Мьянма) карены для удержания души в теле проводят сложный обряд: «Приготавливается блюдо из мяса петуха и курицы, особого сорта риса и связки бананов. После этого глава семьи берет в руки сосуд, в котором толкут рис, и, трижды стукнув им по верху домашней лестницы, говорит: “Пррроо! Вернись, душа, не задерживайся там снаружи! На дожде ты вымокнешь. На солнце тебе будет жарко. Комары и пиявки будут кусать тебя, тигры пожирать тебя, гром – сокрушать тебя. Пррроо! Вернись, душа! Тебе будет хорошо с нами. Ты ни в чём не будешь знать нужды. Приди и поешь под кровом, защищенная от ветра и бури”. После этих слов семья приступает к принятию пищи. Обряд кончается тем, что все обматывают запястье правой руки веревкой, которую заговорил колдун» [5, с. 179]. Примером может служить и информация с Суматры: «Батаки⁴ Суматры считают отлучение души из тела причиной иссыхания, болезни, великого ужаса и смерти. Сначала они пытаются заманить беглянку назад разбрасыванием рисовых зерен, как будто душа – курица. Затем обычно повторяют следующие фразы: “Вернись, душа, где бы ты ни замешкалась: в горах, в лесу, или в долине. Смотри, я призываю тебя силой toemba bras, яйцом курицы-раджи

¹ Чжуцзы, т.е. Чжу Си (1130–1200 гг.), выдающийся конфуцианский философ династии Сун, основатель китайского неоконфуцианства.

² 县志, сяньчжи – историко-географическое, этнографическое, политико-административное описание уезда с биографиями выдающихся деятелей.

³ Лоло – этническая группа, которая сейчас относится к народу и (йи, й, ий, ицзу, лоло, носу, ачжэ, аси и др.) в Восточной и Юго-Восточной Азии.

⁴ Батак – собирательный термин, используемый для обозначения ряда австронезийских этнических групп Северной Суматры, куда они переселялись с Тайваня и Филиппин более 2500 лет назад.

moelija, одиннадцатью целебными листьями. Не задерживайте её, пусть идет она прямо сюда, не задерживайте ее ни в лесу, ни на горе, ни в долине. Чтобы этого не было! О, иди прямо домой!» [5, с. 179–180].

Обряд, записанный в Амое¹, совпадает с указанным в «Лицзи»: «Когда ребенок корчится в судорогах, испуганная мать спешит взобраться на крышу дома и, размахивая бамбуковым шестом, к которому прикреплена одежда ребенка, выкрикивает несколько раз: “Ребенок мой по имени такой-то, вернись, возвратись домой!” В то же время другой обитатель дома колотит в гонг в надежде привлечь внимание заблудшего духа, который якобы узнает свою одежду и войдет в нее. Содержащую душу одежду надевают на ребенка (или кладут рядом с ним): если душу удалось заманить, ребенок непременно выздоровеет» [5, с. 181]. Обряды, описанные в «Золотой ветви», в основном проводились во время болезни.

Интересные факты включили в свою книгу «Традиции при рождении и похоронах» (《誕辰與喪葬習俗》, «Даньчэнь юй санцзан сису») современные ученые – Син Чуньжу (邢春如) и Ли Мунань (李穆南). Например, у народа дай, проживающего в Юньнани, существовал обычай призывания души (叫魂 *цзяохунь*), когда произносили такие слова: «Родители зовут тебя, скорее приди и впусти душу-хунь в корзину, скорее приди и надень новую одежду». В прошлом почти каждая семья готовила для такого случая *хуньло* (魂籬) – корзину для души-хунь. Дайцы помещали одежду, которую умерший носил при жизни, в бамбуковую корзину, сверху клали рис и белые нитки, а затем уходили за пределы деревни, чтобы призвать душу вернуться в покинутое ею тело [14].

Среди корейцев, проживающих в Китае, церемония призывания души проводится сразу после смерти человека. Родные берут одежду умершего, встают перед дверью и, выкрикивая вдаль имя или обращение (титулование) умершего, говорят: «Такой-то (или известный как), бери одежду! Забирай!» Необходимо окликнуть три раза подряд, после этого записывают имя умершего в родословную [14].

В наше время представители народа лаху² часто просят шаманов привлечь души умерших. Для этого из белой бумаги вырезают человеческие фигурки (вместо используемой в древности одежды умершего), привязывают их к верхней части бамбукового шеста, зажигают благовония и свечи и проводят молитвы рядом с умершими [14].

Особенности проведения церемонии призывания души могут зависеть от рода занятий семьи. Например, на архипелаге Чжоушань (舟山), пров. Чжэцзян, если утонул рыбак и нет возможности разыскать тело, его похороны отличаются от похорон, скончавшихся от старости или болезни. Родные утонувшего рыбака используют соломенную куклу (稻草人 *даоцаожэнь*), которую облачают в одежду покойного. Дома сооружают погребальный покой (靈堂 *линтан*). В это время за пределами деревни, на берегу моря, даосский священнослужитель призывает душу умершего. Этот ритуал важно проводить в ночное время, когда начинается прилив. Родные погибшего приходят на берег громко призывать вер-

¹ Амой – совр. Сямэнь пров. Фуцзянь на побережье Тайваньского пролива.

² Народность лаху – одно из национальных меньшинств КНР, проживающих в пров. Юньнань.

нуться дух (陰魂 *инь-хунь*) погибшего, завлекая его в соломенную куклу, после чего проводят ее захоронение в земле. Такая церемония называется *чаохунь* (潮魂, ‘прилив души’). Ранее на берегу устанавливали небольшой жертвенник (醮台, *цзяотай*). Вечером под навесом зажигали благовония и свечи, посередине помещали соломенную куклу, на которую наклеивали гороскоп из восьми знаков (生辰八字, *шэнчэнь бацзы*). К тому времени, когда начинался прилив, даос садился на жертвенник и стучал в колокол, гонг и большие тарелки, произнося молитву. В это время на жертвеннике разводился костер. Кто-то из присутствующих, стоя лицом к морю, держал вырванный с корнями бамбук с подвешенной на его верхушке корзиной, в которой находился петух. «Следуя» заклинанию даоса, бамбук непрерывно раскачивался. Члены семьи покойного были одеты в льняную одежду в знак траура. Они несли фонарики с написанным вторым (неофициальным) именем покойного и громко звали умершего по имени: «Такой-то идет! Такой-то идет!» Ребенок или кто-то из родственников соглашался: «Приходит! Приходит!» (‘來嘍! 來嘍!’). Так продолжалось, пока прилив не успокаивался. Тогда даосский священник уводил душу-хунь домой. На следующий день соломенную куклу клали в гроб и отправляли в горы для погребения [14].

Судя по примерам, приведенным и Дж. Фрэзером, и современными авторами, архаические детали ритуала, близкие к представленным в древних памятниках, лучше сохраняются у народностей – национальных меньшинств Китая. В современном мире происходит трансформация древнего обычая.

В. Грубе в начале прошлого века среди похоронных обрядов китайцев описывал церемонию *цзесань* (接三, ‘прием на третий день’). Люди верили, что душа усопшего в этот день возвращается в свое земное жилище. *Цзесань* проводили буддийские монахи, которые приглашали душу умершего вселиться во временную табличку предков, помещаемую у гроба. Те же корни, по мнению В. Грубе, имеет и *иньхуньфань* (引魂幡, ‘сопровождающее душу знамя’), которое прикрепляли к высокому шесту у дома, где случилась смерть [4, с. 226–227].

На втором этапе *цзесань* сжигали сделанные из бумаги вещи, необходимые в путешествии в загробный мир, на третьем – проводили жертвоприношение голодным и бесприютным душам, чтобы они не причиняли вреда душе усопшего, а также участникам церемонии. После этого начинали панихиды, препровождающие душу в рай. Ученый считал, что церемония *цзесань* происходит от обычая призывания души, описанного в «Лицзи» [4, с. 226–227].

Об изменении порядка церемонии пишет и Чжан Вэньпин, который в 2022 г. посвятил этой теме статью «В моей родной деревне проводят траурный обряд “фусань”. Знаешь ли ты его происхождение?» (《在农村老家，有一种丧礼仪节叫“复三”，你知道它的来历吗》) [17]. Автор сообщает, что этот похоронный обычай по-прежнему широко распространен в большинстве районов страны, но имеет локальные особенности. Даже в пров. Шаньси, где он проживает, в разных уездах ритуал имеет различную приуроченность и детали. Особенно сильно отличаются традиции Севера и Юга страны. Согласно «Большому китайско-русскому словарю», 复三 *фусань* имеет значение ‘трижды вызывать душу умершего (обряд после захоронения)’ [1, Т.3, с. 1100]. Чжан Вэньпин связывает его со временем проведения: в современном Китае наиболее распространен

обычай, когда члены семьи умершего через три дня после похорон отправляются на кладбище, чтобы призвать души (招魂) и почтить их память (ср. с указанием В. Грубе). В северо-западной части провинции Шаньси, церемония может проходить на второй день после похорон. Чжан Вэньпин пишет о связи *фусань* с ритуалом, описанным в «Лицзи», но подчеркивает, что в его сценарии произошли значительные изменения.

Для проведения современного обряда *фусань* сыновья покойного должны отправиться на кладбище до восхода солнца, чтобы установить надгробные камни: положить четыре камня – два сверху и по одному слева и справа, и вернуться домой. После этого, в полдень, отправляется на кладбище дочь умершего. Она устанавливает железный котел, которым ее предки пользовались в повседневной жизни, разжигает огонь, чтобы приготовить поминальную трапезу. Когда еда готова, на кладбище приходят родственники, чтобы почтить предков. Если рядом на кладбище есть другие семьи, находящиеся в трауре, их приглашают поужинать вместе [17].

После трапезы все вместе сжигают сделанный из бумаги могильный склеп-*иньчжай* (阴宅), дом-*цзиндулоу* (敬渡楼), траурный венок из цветов-*хуацюань* (花圈), золотой и серебряный мост и различные предметы для жертвоприношения. В некоторых районах часть из них оставляют на могиле [17].

В центральной Шаньси траурная церемония *фусань* совершенно иная. Для ее проведения должны собраться все родственники. Кое-где (уезд Тайгу¹) церемония должна закончиться до рассвета, в других местах (например, уезд Пиндин²) – до полудня. Когда сыновья и внуки прибывают на кладбище, они должны подготовить подношения для поклонения: мучные изделия, табак и алкоголь, фрукты, благовония и бумагу. После окончания церемонии поклонения необходимо обойти могилу вокруг по три раза слева и справа, а затем сжечь бумагу и благовония, а также венок, бумажные здания, часть одежды, которую покойный носил при жизни. После поминальной церемонии скорбящая семья устраивает прием для членов рода и знакомых [17].

Чжан Вэньпин подчеркивает, что современная церемония *фусань* обычно проводится на третий день после погребения покойного рядом с могилой. Изменение времени, места и сценария проведения церемонии, описанной в чжоуских текстах, автор связывает со сложностью древнего ритуала и говорит, что в погребальных ритуалах династии Чжоу существовала еще одна важная часть упокоения души-хунь (安魂, *аньхунь*), а именно: поминальное жертвоприношение в доме покойного, после похорон (虞祭, *юйцзи*), что больше похоже на современный обычай *фусань*, чем сама древняя церемония *фу* [17].

Выражение 虞祭 *юйцзи* взято из главы «Правила поминальных жертвоприношений чиновничьего сословия» (《士虞禮》, «Шиюйли») канона «Или». Здесь описана официальная церемония *юй* для чиновничьего сословия (士虞, *шиюй*), которая проводилась в полдень в день похорон.

Люди верили, что умерший становится духом-предком, покровителем живых потомков, и заботились о состоянии его душ (魂魄, *хунь и по*). Во времена

¹ Городской округ Цзиньчжун провинции Шаньси.

² Городской округ Янцюань провинции Шаньси.

династии Чжоу церемония *юй* также, как и *фу*, была чрезвычайно сложной, многие конфуцианские ритуалы доциньской эпохи под влиянием социальных преобразований изменили свою форму и названия, но большинство ритуалов жертвоприношения *юй* продолжают исполняться на протяжении эпох [17].

Согласно правилам похоронных церемоний династии Чжоу, после погребения наступает длительный период траура. В порядке очередности необходимо было устроить три поминальных жертвоприношений-*юй* (三虞, *саньюй*); плач по умершему (卒哭, *цзук*)¹; приобщение души покойного к предку в родовом храме (祔祭, *фуцзи*); малое жертвоприношение (小祥, *сясян*)²; великое жертвоприношение (大祥, *дасян*)³; жертвоприношение в день снятия траура по родителям на 27-й месяц со дня смерти (禫祭 *таньцзи*), а после окончания трехлетнего траура периодически посещать родовое кладбище и убирать могилы предков, особенно во время весеннего праздника Цинмин [17].

Тем не менее, еще в минскую эпоху люди почти не совершали траурных церемоний кроме *саньюй*. Согласно «Тайкан сяньчжи» (《太康县志》, «Описание уезда Тайкан»⁴) в годы Цзяцзин⁵ в провинции Хэнань только небольшая часть семей служилого сословия и сановников осуществляли все предписания [17]. То есть во времена династии Мин древние ритуалы *фу* и *юй* постепенно превращались в похоронные обычаи *фусань*.

Помимо естественного процесса упрощения древнего ритуала, сильное влияние на государственный культ и народные обычаи оказывали доктрины и практики буддизма и даосизма. Некоторые ритуалы могли полностью утрачивать свой первоначальный вид. Например, в «Шуньтянь⁶ фучжи» (《顺天府志》, «Окружной справочник Шуньтяня»), созданном во времена династии Мин, годы Ваньли,⁷ в первом цзюане сказано: “*殡三日具祭墓, 所曰‘暖墓’, 即礼虞祭也。*” [цит. по: 17] – «В период временного погребения три дня совершать жертвы у могилы, то, что называется греть могилу⁸ – это и есть ритуал *юйцзи*».

¹ Плач по умершему (卒哭, *цзук*) при династии Цин продолжался в течение 100 дней, позже – в течение недели.

² *Сясян* (小祥, малое жертвоприношение) – обряд, совершаемый в годовщину смерти родителя).

³ *Дасян* (大祥, великое жертвоприношение) – обряд, отмечающий 25 месяцев со дня смерти родителя, срок облегчения траура.

⁴ Городской округ Чжоукоу провинции Хэнань.

⁵ Годы Цзяцзин (嘉靖, «Чудесное умиротворение», 1522–1566) – девиз правления минского императора Чжу Шицзуна.

⁶ Шуньтянь (顺天), *ист.* Мукден – город и провинция, ныне – Шэньян (*маньчж.* Мукден; город в провинции Ляонин, КНР).

⁷ Годы Ваньли (万历, Бесчисленные годы) – девиз правления Чжу Ицзюня (朱翊钧) – императора династии Мин (明) в 1572–1620 гг.

⁸ На славянской территории известны такие формы общения с предками, как «греть покойников», «кормление умерших», приготовление для них бани. Обычай «греть покойников» – семейный поминальный обычай возжигания огня с целью «передать» умершим тепло. Мог быть частью погребального ритуала, но чаще имел место во время святок или весенних праздников [3, с. 543–544]. На Полесье известен обычай «будить покойника»: на второй или третий день после похорон родственники посещают могилу с целью «окликания» покойника и приглашения на угощение обрядовой едой [3, с. 267].

Можно сказать, что упрощенная древняя церемония *юй* продолжает существовать под именем другого старинного ритуала *фу*, не только используя его название, но и сохраняя значение: общение с душой предка, поддержание духовной связи.

Письменные источники и этнографические данные свидетельствуют о древности ритуала, посвященного возвращению души, его преемственности на протяжении тысячелетий, устойчивости в народной традиции. Религиозные воззрения на душу, ее «привычки», посмертную судьбу имеют схожие черты у разных народов мира. Китайские представления не являются исключением. Ценность китайских свидетельств – в древней письменной фиксации и богатой непрерывающейся народной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой китайско-русский словарь в четырех томах / под ред. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1983 – 1984. – Т.2 – 1983. – 1100 с.; Т. 3 – 1984. – 1104.
2. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс] / 大 БКРС. – Режим доступа: <https://bkrs.info/>. – Дата доступа: 16.01.2023.
3. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН. – М. : Межд. отношения, 1995. – Т. 1: А (Август) – Г (Гусь). – 575 с.
4. Грубе, В. Духовная культура Китая. Литература, религия, культ / перев. с нем. П. О. Эфрусси – СПб. : Типография Акц. Общества «Брокгауз-Ефронъ», 1912. – 237 с.
5. Фрэзер, Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж. Фрэзер / Пер. с англ. М. К. Рыклина. – М. : Политиздат, 1986. – 703 с.
6. Элиаде, М. Шаманизм: архаические техники экстаза / М. Элиаде. – Киев : София, 2000. – 480 с.
7. 後漢書 [Electronic resource] // Chinese Text Project. 中國哲學書電子化計劃. – Mode of access: <https://ctext.org/hou-han-shu>. – Date of access: 15.01.2023.
8. 禮記 [Electronic resource] // Chinese Text Project. 中國哲學書電子化計劃. – Mode of access: <https://ctext.org/liji>. – Date of access: 15.01.2023.
9. 論衡 [Electronic resource] // Chinese Text Project. 中國哲學書電子化計劃. – Mode of access: <https://ctext.org/lunheng/zi-ji>. – Date of access: 15.01.2023.
10. 屈原 大招 [Electronic resource] // 詩歌在线. – Mode of access: <http://www.poetrycn.com/quyuan.php>. – Date of access: 15.01.2023.
11. 屈原 招魂 [Electronic resource] // Chinese Text Project. 中國哲學書電子化計劃. – Mode of access: <https://ctext.org/chu-ci/zhao-hun>. – Date of access: 15.01.2023.
12. 太平御覽 [Electronic resource] // Chinese Text Project. 中國哲學書電子化計劃. – Mode of access: <https://ctext.org/taiping-yulan>. – Date of access: 15.01.2023.
13. 通典 [Electronic resource] // Chinese Text Project. 中國哲學書電子化計劃. – Mode of access: <https://ctext.org/tongdian>. – Date of access: 15.01.2023.
14. 邢春如, 李穆南 誕辰與喪葬習俗. 上 [Electronic resource] / 竭寶峰主編 – 遼海出版社, 2007 // 微風小說網. – Mode of access: <https://m.wfxs.tw/xs-811124/>. – Date of access: 15.01.2023.
15. 儀禮 [Electronic resource] // Chinese Text Project. 中國哲學書電子化計劃. – Mode of access: <https://ctext.org/yili#>. – Date of access: 15.01.2023.
16. 酉陽雜俎 [Electronic resource] // 維基文庫. – Mode of access: <https://zh.wikisource.org/wiki/酉陽雜俎>. – Date of access: 15.01.2023.
17. 张文平 在农村老家, 有一种丧礼仪节叫“复三”, 你知道它的来历吗 [Electronic resource] // 今日头条. – Mode of access: <https://www.toutiao.com/artic-le/7165153106127241768/?wid=1673985197198>. – Date of access: 15.01.2023.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Современная наука характеризуется антропологической направленностью. Социокультурные практики китайского национального сообщества, с помощью которых происходит формирование национальной идентичности на уровне повседневности, ориентируются на индивида, провоцируя его рефлексию относительно идентификации с национальным государством. Наиболее эффективные социокультурные практики функционируют в рамках национальных мифов Большого Китая.

Ключевые слова: национальные мифы, Большой Китай, социокультурные практики.

SOCIOCULTURAL PRACTICES IN MODERN CHINA

Modern science is characterized by anthropological orientation. The sociocultural practices of the Chinese national community, through which the formation of national identity takes place, are oriented towards the individual, making his reflection on identification with the national state. The most effective sociocultural practices operate within the national myths of Greater China.

Key words: national myths, Greater China, sociocultural practices.

Эволюция национальной идентичности на уровне повседневности происходит благодаря осуществлению социокультурных практик, актуализирующих действие механизмов национальной идентичности посредством систематической созидательной деятельности государства и интеллектуалов сообщества. Функциональность социокультурных практик заключается в том, что они «устанавливают многоуровневые, иерархические взаимосвязи в картине мира потребителя как систему внутренних критериев при означивании и оценке» [3, с. 19]. В данном контексте в роли «потребителя» подразумевается человек как субъект массовой глобализирующейся культуры, который выступает в качестве адепта национальных и социокультурных мифов, адресата системы порождаемых ими практик и ритуалов.

С нашей точки зрения, наиболее эффективные социокультурные практики реализуются посредством культивирования моделей воспитания и поведения, принятых в национальном сообществе. Модель воспитания как базовая матрица наиболее устойчива в традиционных культурах. Такая «живучесть» обусловлена, с точки зрения китайского исследователя Цзинь Ли, двумя факторами: «во-первых, культурные модели сохраняются, поскольку они проникают в сознание носителей с помощью процесса инкультурации, в повседневном понимании – воспитания. Во-вторых, убеждения индивидов имеют непосредственное отношение к их культурной идентичности» [4, с.414].

Национальная идентичность в КНР и на Тайване формируется на разных этапах социализации личности с учетом возрастных особенностей членов сообщества. Так, формирование национальной идентичности китайцев начинается на уровне дошкольного образования: дети учат наизусть небольшие по объему патристические стихотворения и песни, например, «С детства люблю Родину» 《从小爱祖国》 (Cóngxiǎo ài zǔguó) и т.п. Ранее нами было рассмотрено действие социокультурных практик на примере школьной учебной литературы (вторая ступень формирования национальной идентичности) и актуальных нравствен-

ных идеалов, популяризируемых в китайском и тайваньском социуме (третья ступень национальной организации) [1]. На наш взгляд, действие социокультурных практик эффективно раскрывается на примерах опосредованной партиципации с ценностными установками национального государства путем использования предметов повседневной культуры, на которых присутствует «национальная» маркировка (плакаты, марки, карты «потребительского» назначения, например, туристические). Учитывая небольшой объем публикации, в данном исследовании мы ограничимся анализом агитационных плакатов КНР и КР (Тайвань).

Современные социокультурные практики используют мифодизайн – эволюционный метод, основанный на производстве смыслов. Он является проектным междисциплинарным методом, «позволяющим совместить утилитарную эффективность, свойственную прагматичным бизнес-инструментам, с пристальным вниманием к вопросам долговременной цены и последствий, (характерным) прикладной культурологии как практической науке управления тенденциями культуры» [3].

Социокультурные практики китайского и тайваньского национальных обществ артикулируют основные национальные идеи КНР и КР (Тайвань), опираются на паттерны конфуцианского культурного текста, реконструируют базовые идеальные состояния конфуцианского сообщества и принятые в нем модели поведения. Магистральные направления социокультурных практик, применяемых в обеих частях Китая, вполне укладываются в парадигму функционирующих в Большом Китае трех национальных мифов, входящих в политические дискурсы Коммунистической партии Китая (КПК) и Гоминьдана (ГМД) Китайской Республики (Тайвань). В нашей работе мы опираемся на формулировку национальных мифов, данную Чэнь Цзя-вэй:

Миф первый: «Китай – великое государство и семья самобытных народов, каждый из которых обладает своей спецификой и самобытностью».

Миф второй: «Китай и Тайвань – единая гражданская нация, имеющая общих предков в лице основоположников китайского мира».

Миф третий: «Тайвань – отдельная страна со своей историей и отдельной нацией, которая имеет право на собственное государство» [5, с.13].

В рамках указанных национальных мифов функционируют социокультурные мифы, представляющие собой модульные нарративы с небольшим сроком витальности. Наиболее популярные из них – «Идеальное общество Великого единения», «Китайская культура – духовная защита и духовная пища китайской нации», «Будущее Китая – социалистический путь развития» («Большой скачок» и «Культурная революция необходима для ревизии традиционных ценностей»), «Единый и неделимый Китай», «Китай и глобальный мир», «Большой Тайвань» – имеют высокую степень эффективности в процессе формирования национальной идентичности КНР и КР (Тайвань).

По мнению А.В. Ульяновского, социокультурные практики успешны, если они задействуют актуальные концептуальные модели, реализуемые в коммуникативно-предметном поле культуры и правильные термины, которые адекватны поставленным задачам [3]. Кроме того, реализация социокультурных практик

должна проводиться в формах, привычных для потребителя на уровне повседневности. Здесь эффективно работает наглядная агитационная продукция, представленная в виде плакатов, марок, карт и т.п. Рассмотрим некоторые примеры из повседневности КНР и КР (Тайвань).

Агитационная продукция КНР носит революционный характер и в целом отражает курс КПК на демократизацию китайского общества. Функционально плакат осуществляет задачи дискурса национализма, иллюстрируя нарративы популярных в разное время социокультурных мифов. Стилистически агитационная продукция соотносится с культурным и национальным текстом КНР: присутствует проекция «первотектональных рядов» китайской культуры, сделан акцент на примате объекта цивилизационного ресурса, сформировано представление о «значимых других» [2]. В цветовом оформлении преобладают яркие, насыщенные цвета – красный, желтый, зеленый, синий, черный. В альбоме «Лица истории», выпущенного к 60-летию КНР, представлена подборка агитационной продукции, которую тематически можно разделить на плакаты, репрезентирующие концепты социокультурных мифов «Будущее Китая – социалистический путь развития» («Большой скачок» и «Культурная революция необходима для ревизии традиционных ценностей»), «Единый и неделимый Китай» «Китай и глобальный мир» [6].

Возникновение целой галереи портретов революционных героев в рамках нарратива социокультурного мифа «Будущее Китая – социалистический путь развития» обусловлено необходимостью создания чувства народной сопричастности к идее Нового Китая и формирования противовеса культу личности Мао Цзэдуна, что вполне объяснимо с точки зрения соотношения объекта цивилизационного ресурса и медиатора социокультурного пространства. Процесс героизации бойцов НОАК, начиная с 50-х годов XX в., характеризуется акцентированием на их готовность к военному и трудовому подвигу. Это отражено в истории китайского агитационного плаката, репрезентирующего нарратив социокультурного мифа «Большой скачок». Так, в 1964 г. был издан плакат под названием «Наш герой Хуан Цигуан», посвященный подвигу, совершенному товарищем Хуан Цигуаном (1930-1952) во время Корейской войны [6]. 19 октября 1952 г. он пал смертью храбрых, бросившись на амбразуру вражеского дота.

Специфика китайского плаката социокультурных мифов «Большой скачок» и «Культурная революция необходима для ревизии традиционных ценностей» ярко проявляется в серии, названной «Учись у героя!» Наиболее яркие и убедительные в этой серии – плакаты с председателем Мао. Великий кормчий указывает правильный путь революционным депутатам, народным ходокам и хунвэйбинам, выступает в роли неоспоримого лидера в глазах народных масс (плакат «Председатель Мао – путеводная звезда китайского народа») [6]. К концу Культурной революции наблюдается тенденция обращения к идеалам Учителя, идейно близкого к принципам Сунь Ятсена, но не ангажированного маоистскими идеями. В рассматриваемой серии «Учись у героя!» появляются плакаты «Учись революционному духу у Лу Синя!» [6].

Трудовой подвиг и пример бескорыстия запечатлен в образе Лэй Фэна. Агитационная продукция под названием «Учись у Лэй Фэна!» популярна на се-

веро-востоке КНР в настоящее время [6]. Аппелляция к образу Лэй Фэна встречается и в краткой фразе, вынесенной в название агитационной серии. Изображения Лэй Фэна можно увидеть также в примерах уличного стрит-арта, где герой легко узнаваем благодаря внешней атрибутике – гимнастерке и солдатской шапке-ушанке.

Часть плакатов, посвященных нарративу социокультурного мифа «Будущее Китая – социалистический путь развития» призывает к борьбе с мировым злом (фашизм, американская агрессия в сопредельные с Китаем страны). Находится место и для воспевания образа труженика, который «горит на производстве», например, агитационный материал «Повышение производительности при сохранении качества продукции – лучшее проявление патриотизма!» В дизайн плакатов введены образы детей и советских специалистов, репрезентирующих дружбу между нашими народами в первой половине 50-х гг. XX в. [6].

Кроме индивидуальных плакатов народных героев, выпущена целая серия, посвященная собирательному образу воина НОАК, который изображен как непримиримый боец за воссоединение Китая «Освободим Тайвань!», верный маоист с цитатником Мао в руке «Учитесь у бойцов НОАК делу революции!», бдительный солдат, наблюдающий у границ КНР [6]. Есть работы, выполненные в стиле соцреализма, без излишней карикатурности, что на наш взгляд, придает убедительность и позволяет иллюстрировать нарратив социокультурного мифа «Единый и неделимый Китай». Ярким примером является плакат «Приветствуем возвращение Гонконга!», на котором изображены люди в национальных костюмах народов КНР, значимые атрибуты государственной власти КНР, а на переднем плане – молодая нарядная женщина с ребенком на руках, размахивающим маленьким флагом Гонконга [6].

Социокультурный миф «Китай и глобальный мир» представлен подборкой плакатов, посвященных борьбе с наркотиками, с инфекционными заболеваниями, за защиту окружающей среды и распространение нормативного китайского языка путунхуа, за повышение уровня бытовой культуры и планирование рождаемости; часть подборки популяризирует проведение Летних Олимпийских игр в Пекине (2008) [6]. В целом, плакатные образы героев позволяют поддерживать необходимый эмоциональный накал и обеспечивать суггестивность социокультурных мифов, популярных на разных этапах эволюции национальной идентичности КНР.

Агитационная продукция КР (Тайвань) репрезентирует картину мира тайваньского национального сообщества, складывавшуюся в соответствии с базовыми национальными мифами ГМД «Китай и Тайвань – единая гражданская нация, имеющая общих предков в лице основоположников китайского мира» и ДПП «Тайвань – отдельная страна со своей историей и отдельной нацией, которая имеет право на собственное государство».

Так, в нашей подборке присутствует плакат с изображением трех лидеров ГМД: Сунь Ятсена, Чан Кайши и Цзян Цзинго на фоне тайваньских граждан, несущих флаги КР, военных с оружием в руках, летящих самолетов и идущих боевых кораблей. Надпись на плакате призывает «К самоусилению, проявлению патриотизма и объединению Китая!» [9].

В плакате «Защитим Тайвань» образ Чан Кайши раскрывается с точки зрения патриотических ценностей – он изображен на фоне солдат-защитников Родины вместе с супругой Сун Мэйлин, одетой в китайское платье ципао. В дизайне присутствует английская надпись: «Супруги Цзян», что позиционирует Чан Кайши как прогрессивного политика, появляющегося на публике с первой леди страны и осуществляющего западный стиль правления [10].

Тайваньский народ представлен в лице скромных тружеников («Торговец снедью»), детей, повышающих бытовую культуру и соблюдающих гигиену («Боритесь с переносчиками инфекций», «Посещайте туалетные комнаты»), патриотов Родины («Я люблю Тайвань!») [7]. Мультикультурная эклектика Тайваня представлена в работах «Продукты местного производства», «Праздник Середины осени», «Фестиваль культуры хокло» [11]. Дизайн этих плакатов включает изображения материальных плодов коллективного труда тайваньцев и посвящен фестивалю, в ходе которого всем интересующимся предлагается приобщиться к культурным традициям хань, хокло и хакка. Присутствует материал, отражающий внедрение социокультурных практик национального сообщества: «Создавая культурную память: исследование Тайнаня», «Открывая Тайвань», «Тайвань – витрина мировых религий» [9].

Активная глобалистская позиция населения КР (Тайвань) представлена в плакатах «Тайвань туристический», «Тайвань патриотический», «Позиция Тайваня». В них чувствуется мощная динамика экономического и политического развития Формозы, которая открыта миру («гостеприимный Тайвань»), уверенно позиционирует себя на мировом рынке («Сделано на Тайване»), борется за самоопределение («Тайвань и Гонконг вместе против инициативы КНР «Одна страна – две политических системы!») [13].

Целеполагание социокультурных практик КНР и КР (Тайвань) различно вследствие того, что национальные сообщества этих стран осуществляют нетождественные пути развития. Вместе с тем мы отмечаем высокую эффективность прагматического воздействия артикуляции национальных ценностей общего культурного текста на мифопотребителей китайской и тайваньской национальной группы благодаря обращению к концепции конфуцианского идеала. Социокультурные практики, работающие с агитационной продукцией (плакатом), взаимодействуют с информационной средой, которая позволяет консолидировать членов сообщества по принципу действия разделенной реальности. Внедрение в массовое сознание образов идеальных личностей, жертвующих собой или созидających новую реальность национального сообщества, позволяет формировать матричное проектирование доверия, необходимое для актуализации норм соответствующей национальной идентичности и ее эволюции в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ишутина, Ю. А. Китайский опыт нравственного воспитания: восхождение к идеалу / Ю. А. Ишутина. – Владивосток : Издательство ДВФУ, 2018. – 108 с.
2. Пелипенко, А. А., Яковенко И.Г. Культура как система / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 376 с.
3. Ульяновский, А. В. Мифодизайн или самая безобидная игра с ценностями и нормами / А. В. Ульяновский // Бизнес-ключ, 2008. – № 9. – С. 18–24.

4. Цзинь, Ли. Культурные основы обучения: Восток и Запад / Ли Цзинь ; пер. с англ. А. Аполлоновой, Т. Котельниковой. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 464 с.
5. Чэнь, Цзя-вэй. Демократическая прогрессивная партия Тайваня и поставторитарная модернизация / Цзя-вэй Чэнь. – Москва : Алетейя, 2017. – 141 с.
6. 王于涛。历史的肖像中国 60 年招贴画集粹 /王于涛。 – 香港:和平图书有限公司, 2009 年。 – 144 页。 – Ван, Юйтао. Сборник агитационных плакатов «60 лет истории Китая» / Юйтао Ван. – Гонконг : ООО «Хэпин ту шу», 2009. – 144с.
7. Бытовая культура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://img.love-pik.com/desgin_photo/40028/9693_detail.jpg. – Дата доступа 22.01.2023.
8. Лидеры партии Гоминьдан: Сунь Ятсен, Чан Кайши, Цзян Цзинго [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://i.pinimg.com/originals/91/87/44/9187442e2495955c303ad6276985e3e7.jpg>. – Дата доступа 22.01.2023.
9. Создавая культурную память. Исследование Тайнаня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://i.pinimg.com/originals/85/d1/f0/85d1f013f7a563bd78958f7657d1cd95.jpg>. – Дата доступа 22.01.2023.
10. Супруги Чан Кайши и Сун Мэйлин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://i.pinimg.com/originals/91/87/44/9187442e2495955c303ad6276985e3e7.jpg>. – Дата доступа 22.01.2023.
11. Тайвань – витрина мировых религий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://w7.pngwing.com/pngs/195/220/png-transparent-taiwan-building-modern-building-building-text-poster.png>. – Дата доступа 22.01.2023.
12. Торговец снедью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://i.pinimg.com/originals/72/d2/47/72d247fff579bfa7786a735a98cda4f1.jpg>. – Дата доступа 22.01.2023.
13. Тайвань и ГК вместе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://themedialine.org/wpcontent/uploads/2019/11/GettyImages-1150179242-e1573594690273.jpg>. – Дата доступа 22.01.2023.

ГАЛЕРЕЯ ПОЗИТИВНЫХ ОБРАЗОВ В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматриваются образы и символы в традиционной китайской культуре, в которых заложен позитивный смысл. Анализируется отражение таких образов в китайской мифологии, фольклоре, в сказках, легендах, преданиях, народных верованиях; фиксация позитивных образов в живописи, поэзии, в новогодних картинках, праздничных пожеланиях.

Ключевые слова: китайская традиционная культура, китайская мифология, китайский фольклор, народные верования, позитивные образы.

GALLERY OF POSITIVE IMAGES IN CHINESE CULTURE

The article deals with images and symbols in traditional Chinese culture, which have a positive meaning. The reflection of such images in Chinese mythology, folklore, fairy tales, legends, legends, folk beliefs is analyzed; the fixation of positive images in painting, poetry, in New Year's pictures, holiday wishes is examined.

Key words: Chinese traditional culture, Chinese mythology, Chinese folklore, folk beliefs, positive images.

Китай интересен современному обществу не только своими изобретениями и экономическими достижениями. Китайская древняя культура, китайское искусство, очень специфическое, совершенно особенное. И живопись, и литература, и театр, и другие виды искусства имеют уникальные, ни с чем не сравнимые формы и смысл. Например, одной из специфических особенностей китайского искусства является то, что в нем живопись, поэзия и каллиграфия являются единым видом искусства, органично сочетаясь, образуют неповторимые удивительные шедевры. Вся китайская эстетика стремится достигнуть истока действительной гармонии жизни. Поиск гармонии заложен в сочетании темного и светлого начал, негативного и позитивного. И негативные, и позитивные образы можно проследить в различных аспектах китайской культуры: в мифах, легендах, преданиях, песнях, литературных текстах, новогодних картинках, гравюрах, живописных полотнах и т.д.

Одним из самых интересных, загадочных, позитивных символов, безусловно, является дракон. В китайской мифологии дракон предстает как родоначальник человечества, выдающийся национальный мудрец, первый китайский император. Любой китаец хотел бы родиться в год дракона, так как этот год считается годом благоденствия и процветания. Мифологические сюжеты рассказывают о том, что у каждой стороны света имелся свой покровитель. Бирюзовый Дракон покровительствовал востоку, Белый Тигр – западу, Югу – Красная птица Феникс, северу – получерепаха-полузмея. В центре царствовал Желтый Дракон с пятью когтями на лапах. Этот дракон был символом власти над всем миром. Существует множество мифологических сюжетов о драконах и связанных с ними предметов. Со временем многие из них трансформировались в сказки. Например, существует несколько вариантов сказки о драконе и жемчужине. В китайском фольклоре существует множество пословиц и поговорок, связанных с драконами. Например, «Дракон без облаков не летает, рыба без воды не жи-

вет». Смысл этой пословицы в том, что даже для развития большого таланта нужны соответствующие условия. Существуют различные народные танцы – танцы драконов. Немало китайских мужских имел включают иероглиф «дракон», что означает воинственный и стойкий дух мужчины. Дракон также был символом власти и мощи императоров. Императоры называли себя «сыновьями Небесного дракона». На протяжении тысячелетий дракон считался в народе главным божеством, царившем в природе. Великая китайская стена также напоминает огромного дракона, возлежащего на горах, особенно если смотреть на нее снизу. Чтобы им покровительствовал дракон, китайцы размещали его изображение на углах домов, на коньке крыши, на рукоятке ножа, на медном колоколе, на воротах и т.д. Образ дракона встречается не только в древних мифах, преданиях, в различных художественных изделиях, он живет сегодня в современных и традиционных праздниках, играх, представлениях, фестивалях. Например, праздник начала лета Дуанью (5 числа 5 лунного месяца) отмечается гонками на лодках-драконах. Статуэтки, поделки, самые разные изображения драконов присутствуют и в современных китайских домах.

Одним из важнейших позитивных образов в китайской традиционной культуре является легендарный предок Шэньнун (Божественный земледелец). Считается, что он правил древним китайским царством около 4800 лет назад. Легенды повествуют о том, что у Шэньнуна был прозрачный живот для того, чтобы можно было наблюдать пищеварение. Это чудесное свойство Шэньнун использовал для того, чтобы людям было легче лечить болезни и сам он попробовал сто различных трав в поисках лекарственных [1, с. 186]. Одно растение из тех, которые он попробовал, было горьким на вкус, но помогало выводить яды. Считается, что таким образом Шэньнун открыл для людей зеленый чай. С древних времен в Китае чай называют лекарством от 72 ядов и используют при лечении различных болезней.

На древних гравюрах присутствуют изображения духов-хранителей врат Шеньту и Юйлюй. Эти духи-хранители врат чаще изображаются вместе, они смотрят друг на друга, а их скрещенные руки лежат на закрывках свирепых тигров. В народном сознании – это воины, которые способны усмирять злых духов и не пропускать их внутрь дворцов и домов. Свирепое выражение их лиц не направлено против людей, оно помогает им в борьбе со злой силой. Древние предания говорят о том, что они «были братьями, которые умели ловить бесов. И если где-то появлялся бес, который досаждал простому народу, то Шеньту и Юйлюй находили его, связывали и скармливали тиграм. Впоследствии все те, кто хотел оградить себя от нечисти, вырезали изображения братьев на дощечках из персикового дерева, обладавшего магической силой, и вешали их перед входом в дом» [2, с. 23].

Интересно, что слова «петух» и «счастье» в китайском языке произносятся одинаково – «цзи». Изображение петуха можно также увидеть на «няньхуа» -- новогодних китайских картинках, что означает пожелание благополучия, богатства и большого счастья. Есть такое китайское стихотворение: *«Петушок, счастья дай, // Счастье, прибыль приноси, // Цветок богатства, расцветай // и достаток в дом неси»* [2, с. 38].

В древности существовал обычай вешать в доме изображение сокола или орла. Считалось, что такое изображение защищает от нечистой силы. Изображение летучей мыши символизировало небесное благополучие и также защиту от бесов.

А цветком богатства в Китае называют пион. Также пион – это символ власти, славы, процветания и красоты. Пион считается национальным цветком Китая. Пионы выращивали в императорских садах, во время их цветения проводились пышные церемонии. Его называют царем цветов. Пионы присутствуют в обрядах, праздниках, легендах, преданиях и сказках. Пионы и другие цветы изображаются на изделиях из фарфора, в живописи, архитектуре и т.д. Часто вместе с изображением пионов встречается изображение бабочки. Иногда бабочка в таких изображениях олицетворяет мужское начало, а пион – женское (так как значение этого цветка связано с женской красотой и прелестью, и красотой вообще, как таковой). Пион и бабочка воплощают пожелание счастья, богатства и знатности. Изображение бабочки и кошки – пожелание дожить до старости. Собака – животное, приносящее удачу, отгоняющее злые силы. Дракон и Феникс – символ императора и императрицы, мужа и жены (свадебная символика). Черепаха – символ мудрости, знаний и стабильности, а также символ космического порядка. Лотос олицетворяет чистоту, благородство, совершенство. Древние поверья говорят о том, что лотос растет в раю. Орхидея – это символ нежности, скромности, духовного благородства.

Изображение журавлей также несет в себе позитивный смысл. В китайской культуре журавль – это вестник богов, он символизирует счастье, семейное счастье, плодovitость, процветание, бессмертие. Журавль олицетворяет такие качества, как справедливость, мудрость, благородство. В древнем Китае верили, что журавль служит посредником между людьми и духами, сопровождает умерших на небо или сам переносит их туда. Образы этих птиц также связывали с музыкой и танцами.

Персиковое дерево, сосна, черепаха – символы долголетия и бессмертия. Очень популярным является изображение бамбука. Это растение ассоциируется с долголетием, стойкостью к жизненным невзгодам, высокими моральными качествами. Также бамбук является символом сыновней почтительности, преданности родителям и своей семье. Дикая слива более других растений олицетворяет вечный круговорот в природе. Сочетание на изображении сливы и бамбука обозначает прочную дружбу. Магнолия – символ красоты, женственности, нежности и женского очарования. Нарцисс, считается, приносит в дом удачу. Также это символ чистоты и женской преданности. Хризантема – это символ покоя, а также бодрости духа и хорошего настроения. Интересно, что в некоторых контекстах, хризантема является символом ученого-отшельника.

Китайские художники, например, Ци Байши, любили изображать креветок. В Китае считается благоприятным символом для бизнеса, приносит счастье и удачу, помогает наладить общение с людьми. Лошадь – также символ процветания и символ достижения задуманного. Тигр всегда считался в Китае царем зверей и являлся воплощением воинской доблести. Дикие утки-мандаринки символизируют крепкую семью, супружеское счастье и любовь. Золотые рыбки и карпы – символы процветания, исполнения желаний и успеха.

Некоторые ученые полагают, что Китай является родиной персикового дерева. В китайских поверьях говорится, что это золотистые плоды растут в садах богов. Персик – символ долголетия. Ива помогает изгнанию демонов. Гранат – символ многочисленного потомства. Хурма – символ радости и удачи во всех делах, успешное завершение задуманного дела. В китайском языке слова «хурма» и «дело» созвучны.

Тыква-горлянка – талисман, который поддерживает здоровье, хорошее настроение и финансовое благополучие. Капуста символизирует благосостояние.

В китайской мифологии один из древнейших образов – женский образ богини-проматери Нюйвы. Она считалась создательницей всех вещей и людей. По некоторым версиям Нюйва – это женская ипостась тыквы-горлянки. Тыква-горлянка издревле считалась одним из важнейших лекарственных средств от бесплодия и средством для рождения сыновей.

Согласно мифу, Нюйва сама создавала людей, лепила их из глины. Ей же приписывается и установление института семьи и брака. Нюйва также сделала из тыквы-горлянки первый музыкальный инструмент – шэнхуан. В мифах также раскрывается образ культурного героя Фуси, небесного владыки, брата Нюйвы, который подарил людям огонь, рыболовные сети, обучил скотоводству. Нюйва и Фуси часто изображались в паре похожих существ с туловищем человека и переплетенными хвостами змеи или дракона.

Китайские женщины поклонялись богине Луны, известной как Лунная госпожа, фея лунного блеска, хозяйка лунного дворца. Лунная госпожа является в китайском фольклоре хранительницей секрета вечной жизни. Во время праздника середины осени китайские женщины украшали себя цветами, приглашали Лунную госпожу попробовать вместе с ними и детьми, лунные лепешки; сжигали специальную «бумагу лунного света» и раздавали членам семьи, чтобы вдохнуть в них новые силы. Женщины пекли вкусные «лунные пряники», их украшали счастливыми иероглифами, изображением лунной госпожи, лунной лягушки, лунного зайца. Лунный заяц, по поверьям, толчет в нефритовой ступке агатовым пестиком эликсир бессмертия. Белый нефритовый заяц у китайцев и сейчас – символ бессмертия. Трехлапая лягушка, по китайским верованиям, также посвящена Луне. Три ее лапы символизируют три фазы Луны. Трехлапая лягушка в китайской культуре – очень хороший символ, она обозначает долголетие, богатство и процветание. Фигурки трехлапой лягушки из разных материалов, а особенно из нефрита, – хороший талисман для дома. Нефритовый перстень, если носить его на мизинце, считается, притягивает богатство. В Китае верят, что удачу приносит и обычная морская соль, особенно насыпанная в сосуд черного или темно-синего цвета и поставленная на кухне. Красный цвет в Китае – цвет праздника, радости, счастья. На празднике дарят деньги, вложенные в красные конверты. И конечно же очень позитивным символом является панда, она олицетворяет добродушие, готовность к дружбе и взаимодействию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Китайская культура. – Пекин: СР, 2004. – 303 с.
2. Гаоди, Тай. Новогодние картинки / пер. с кит. М. А. Беляевой // – М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2021. – 119 с.

МАГИЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЕПЛА В КИТАЙСКОЙ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ

В статье рассматриваются архаичные ритуалы с использованием пепла, характерные для китайской и восточнославянской традиционных культур и связанные с выпиванием воды, в которой растворен пепел от сожженных китайских талисманов и сакральных текстов. Приводятся соответствующие языковые, книжно-литературные и этнокультурные материалы.

Ключевые слова: пепел, семантика, символика, талисманы, заговоры, ритуальное использование.

MAGICAL RITUALS USING ASHES IN CHINESE AND EAST SLAVIC TRADITIONAL CULTURES

The article deals with archaic rituals using ashes, characteristic of Chinese and East Slavic traditional cultures and associated with drinking water in which the ashes of burned Chinese talismans and sacred texts are dissolved. The corresponding linguistic, book-literary and ethno-cultural materials are given.

Key words: ashes, semantics, symbolism, talismans, conspiracies, ritual use.

Сакрализация пепла – легкой пылевидной серой массы, остающейся от чего-либо сгоревшего, сожженного, – обусловлена, с одной стороны, перенесением на него свойств сожженных предметов, а с другой – соотносённостью пепла со сферой смерти и с зарождением новой жизни. Сравн.: кит. ту хуэй 土灰 (пепел земли) ‘прах, тлен’; ‘тело умершего’ [5, с. 98]; хуэй ме 灰滅 (заглушать пепел) ‘уничто-жить дотла; превратить в прах’ ‘пропасть, погибнуть, умереть’ [6, с. 797]; хуэй мо 灰沒 ‘пропасть, сгинуть’; ‘погибнуть, пойти прахом, превратиться в прах’ [6, с. 797]; хуэй фэй янь ме 灰飞烟灭 (пепел разлетелся, дым развеялся) ‘и следа не осталось’; ‘полностью исчезнуть’; ‘как и не было’ [9, с. 190]; рус. обратиться в пепел ‘уничто-жить, сжечь дотла’ [8, с. 791], диал. сгореть на пепел ‘сгореть дотла’ [21, с. 348].

В русских народных сказках для характеристики окончательного, полного уничтожения опасного противника, его окончательной «дематериализации» после физического уничтожения и сожжения используются фразеологизмы развеять пепел по ветру [13, с. 250], пепел пустить по ветру [13, с. 305], пепел развеять по чистому полю [14, с. 278].

Противоположную (жизнеутверждающую) семантику реализуют чэньюй сы хуэй фу жань 死灰复燃 (повторное возгорание мертвого пепла) ‘возрождение’ [29, с. 827] и русский фразеологизм подняться, восстать (возродиться) из пепла ‘возродиться после пожара, разрушения’, происхождение которого связано с древнеегипетским мифом о священной птице Феникс, сжигавшей себя в старости на костре и вылетающей из пепла юной [3, с. 522].

Вместе с тем, устойчивые словосочетания, включающие в свой состав компоненты 灰/ пепел / зола, нередко (особенно в китайском языке) соотносятся с комплексом негативных психологических и морально-этических характеристик и состояний: кит. хуэй ань 灰暗 ‘серый, мрачный, темный’; ‘омрачаться,

темнеть, хмуриться»; диал. хуэй люлю 灰溜溜 ‘понурый, унылый’; ‘обескураживающий, разочаровывающий’; диал. хуэй ся 灰下 ‘незадача; не везёт; беда!; плохо дело’; диал. хуэй ши 灰事 ‘пропащее дело’; ‘пустое предприятие’ [6, с. 796]; хуэй се 灰色 ‘инерт-ный, разочарованный; ‘унылый; ‘пессимистический; пасмурный, неприветливый, мрачный (об отношениях)’; хуэй син 灰心 (пепельное сердце) ‘унылое (упадочное, мрачное) настроение’; ‘потерять веру (надежду), пасть духом’ [6, с. 797]; 寒心 (остыв-ший пепел) ‘душа, утратившая чуткость’; ‘равнодушие’ [7, с. 1050]; рус. посыпать пеплом голову ‘предаться крайней скорби, печали по случаю какой-либо утраты, бедствия’ [8, с. 791]; диал. зола-парень, зола едучая ‘вздорный, придирчивый чело-век’ [20, с. 327]. Сравн. аналогичное развитие семантики в русском прилагательном серый: ‘цвета пепла, дыма’ → ‘пасмурный, тусклый’ → ‘ничем не примечательный; бесцветный, безликий’ → ‘необразованный, малокультурный’ [8, с. 1180].

Вполне закономерно, что пепел как субстанция, соотносящаяся со сложным комплексом представлений о самом человеке, в обеих культурных традициях обладает статусом сакрализованного предмета.

Среди многочисленных китайских ритуалов, направленных на защиту человека от воздействия враждебных демонических сил и болезней, особое место занимает ритуальное питье воды, в которой растворен пепел предварительно сожженного даосского амулета 符咒.

Сами амулеты, получившие распространение в Китае еще в начале нашей эры, представляют собой «специфические графические фигуры, в которых можно усмотреть стилизованные особым образом иероглифы и астральные символы – контуры различных созвездий, почитавшихся даосами» [16, с. 55]; это – «причудливое соединение нескольких иероглифов, куда добавлялись астрологические элементы» [23, с. 18].

Более ста лет назад основоположник российской и советской синологии В. М. Алексеев, обстоятельно описавший в одной из своих работ китайские заклинательные выражения, отмечал, что «талисманные письма и графические заклинания <...> представляют из себя произвольно прихотливые изломы и извивы черт, входящих в состав китайских знаков, самые знаки и, наконец, символы звезд, влияющих на судьбу человека». В качестве примера ученый приводил талисман, в котором при внимательном рассмотрении обнаруживаются «всяческими способами прихотливо замаскированные знаки лэй 雷 (гром) и гуй 鬼 (бес)» [1, с. 2] (рисунок 1).

В даосском «талисмане императора» [28, с. 79] (при традиционном прочтении его сверху вниз и справа налево) (рисунок 2) выявляется не только стилизованное изображение иероглифа ди 帝 (император), но и весьма значимые для верховной императорской власти символы, обозначающие трех легендарных властителей сань хуан 三皇, небесную энергию ци 气 – воплощение божественной воли, великое первоначало Тай-и 太一, указывающее на неповторимость, исключительность, «богоизбранность» императора.

Более «прозрачную» символику имеет талисман, используемый как средство противодействия различным заболеваниям, наступающим во время праздника Дуань-у 端午 – Дня двойной пятерки (рисунок 3), который совпадает с

наступлением в Китае летней жары [28, 192 页.]. В этом талисмани прежде всего выделяется иероглиф ли 力 ‘сила, мощь’, шестикратное повторение которого подчеркивает не только его «физическую составляющую», но и магическую значимость, поскольку в традиционной китайской нумерологии цифра «шесть» обладает позитивной «янской» энергией. Апотропейная значимость названных символов отчетливо противопоставлена в рассматриваемом талисмани знаку, стилизованно представляющему иероглиф гуй 鬼 ‘призрак’, ‘злой дух’, ‘черт’, что отчетливо указывает на защитные функции данного амулета.

Рис. 1
Оберего-
вый та-
лисман

Рис. 2
Талисман
императора

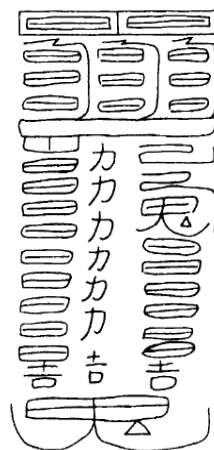

Рис. 3
Талисман в день
Дуань-у 端午

Рис. 4
Талисман
глотания

Рис. 5
Цзягувэнь

Рис. 6
Чжуаньшу

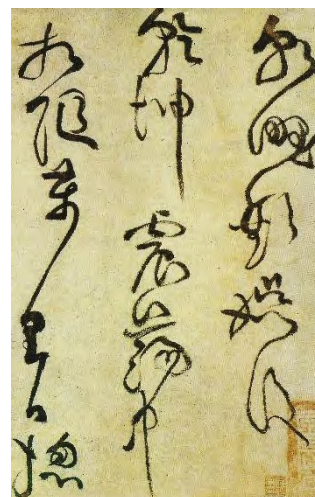

Рис. 7
Цаошу

Можно предположить, что графика даосских заклинательных талисманов фучжоу 符咒 могла испытать влияние древних иероглифических надписей для гадания цзягувэнь 甲骨文 (рисунок 5). По замечанию Е. А. Кравцовой, «использование письменности в процедуре гадания означало наделение ее особым са-

кральным смыслом, способностью быть посредником между людьми и высшими силами». В свою очередь, одухотворение «протоиероглифов» не могло не оказать влияния на возникновение даосских талисманов: «Вера в магические свойства иероглифики сохранялась в Китае на всём протяжении его истории, вызвав к жизни практику создания графических амулетов, заклинательных и охранительных надписей» [11, с. 522]. Написание талисманов фучжоу 符咒 могло быть сориентировано на письменный стиль чжуаньшу 篆书, используемый в настоящее время лишь при изготовлении китайских печатей (рисунок 6), либо на скорописный «безотрывный» стиль цаошу 草书 (небрежное письмо) (рисунок 7).

Очевидно, что загадочность и необычность начертаний, помещенных на талисманах фучжоу 符咒, их, как замечал В. М. Алексеев, «произвольно прихотливые изломы и извивы черт» призваны усилить магическое воздействие амулетов на реципиента.

Характеризуя даосские амулеты, Чарльз Уильямс использовал устойчивое словосочетание шао хуэй дунь фу 烧灰吞符 (талисман проглоченного пепла) для обозначения сакрального текста, который «состоит из заклинания против демонов, написанного на желтой бумаге; ее сжигают, пепел смешивают с водой и глотают» [23, с. 16]. Пепел от сожженного талисмана могли растворять и в другой жидкости: «Бумажные амулеты против болезней также подвергают огню, пепел растворяется в вине или чае ради исцеления или изгнания духов» [23, с. 454].

Современный китайский исследователь Лю Сяомин приводит образец особого «талисмана глотания», который «предназначается для проглатывания при лечении болезней» (рисунок 4). При этом он называет два основных способа «приема вовнутрь» этого талисмана: «один из них – раскатать талисман в виде таблетки и проглотить ее с жидкостью; другой – сжечь его и пепел запить водой» [28, с. 70].

В популярной китайской «Энциклопедии Байду» сущность даоцзяо фучжоу 道教符咒 (даосских заклинательных талисманов) поясняется следующим образом: «Талисманы – одно из основных средств, используемых китайским даосизмом для проповедей и практики. Так называемый талисман – это комбинация самого талисмана и заклинания. Талисман относится к таинственному изображению, которое сочетает в себе точки и линии, объединяет символы и картинки с преобладанием изгибающихся штрихов. Сторонники даосизма утверждают, что у талисманов много функций: изгнание призраков и духов, лечение болезней и борьба с бедствиями. «Заклинание», являющееся формулой со специальным звуковым эффектом, широко используется в даосизме для укрепления здоровья, молитвы о благословении и устранении бедствий, а также вызова призраков и духов для достижения особых целей практикующего» [27].

Лю Сяомин отмечает также, что для усиления магического воздействия талисманов, написанных киноварью (красной краской) на желтой бумаге, необходимо не только «проглотить с водой после того, как они сгорели дотла», но и при этом «триста раз произнести фразу Тай-и спасает страждущего Тяньцзуна» [28, с. 216].

В традиционном мировоззрении даосов слово Тай-и 太 – (Великий единственный) наделяется глубоким сакральным смыслом: во-первых, это и звезда, и

дух этой звезды; кроме того, Тай-и – это «отец дао, предшествующий небу и земле, находящийся над всеми девятью небесами; некое первоначальное дыхание, дающее миру и всем существам жизнь» [17, с. 599]. Талисман с заклинанием, в котором упоминается Тай-и, мог быть значимым подарком для новорожденного: «На желтом шелковом талисмани, предназначенном для избавления от нечисти, выделялись красные знаки, гласившие: Покровитель судьбы дух Тай-и, даруй здоровье и согласие» [25, с. 369–370].

Можно предположить, что апотропейная символика пепла в китайской культуре могла сформироваться под влиянием широко известной легенды о том, как богиня-прародительница Нюй-ва 女媧 использовала пепел, защищая людей от смертельной опасности: «Она поймала на Центральной равнине черного дракона, долгое время творившего зло, и убила его. Она изгнала злых и хищных зверей и птиц, пугавших людей. Потом сожгла тростник, сгребла пепел в кучи и преградила дорогу потоку. Великая Нюйва избавила своих детей от бедствий и спасла их от полной гибели» [26, с. 52].

Согласно традиционным китайским верованиям, особой магической значимостью обладает пепел от курительных свечей, сожженных у норы лисицы, почитаемой в качестве благодетельного духа: «Если в холме, в особенности в древнем кургане, нора, – значит, тут и живет чудотворная лисица. Стоит только кому-либо увидеть прячущуюся здесь лису, как сейчас же является целая толпа религиозно настроенных людей с зажженными курительными свечами в руках, пришедших просить денег, исцеления и т. д. Пепел от сожженных свечей завертывают в бумагу, приносят домой и съедают сами или же дают больному» [2, с. 68].

Специфическую обереговую роль выполнял в практиках даосов «талисман защиты плода»: беременные женщины, опасаясь преждевременных родов, «по соображениям безопасности, если они чувствуют небольшую боль в животе перед полнолунием, они просят даосов нарисовать талисман защиты плода и сжечь пепел, чтобы растворить его в воде и пить ее» [28, с. 217].

Аналогичный ритуал – питье воды с растворенным в ней пеплом от сожженной бумаги, на которой был написан сакральный текст, или от сожженного сакрализованного предмета – известен и в традиционной культуре восточных славян. Так, белорусский этнограф XIX века А. Е. Богданович указывал на широкое распространение в народной среде представления о неотвратимости воздействия на человека проглоченных «магически заряженных» хлеба или воды: «Кто проглотит «нашептанный» хлеб, воду, тот, полагают, проглатывает и самые слова. Если написать заговор на бумаге и проглотить ее самое или, сжегши, проглотить пепел, результат будет одинаков: слова или вселяют в человека боль, или вытесняют ее, смотря по тому, какие это были слова» [4, с. 37]. Украинцы «больных от испуга поили пеплом от сожженного старого решета». Чехи «больного эпилепсией измеряли ниткой, которую затем сжигали и давали выпить пепел с водой во время припадков» [15, с. 668]. Русский заговор «От волоса» (волос 'нарыв на пальце' [10, с. 235]) (Волос, ты волос, выйди на ржаной колос раба Божия (имя) либо на пепелицу, либо на теплую водицу!) необходимо было прочесть 39 раз и рану при этом поливать водой, в которой была растворена зола [12, с. 42].

Ритуальное питье подобной «магически заряженной» воды регулярно практиковалось русскими для профилактики и излечения от такой смертельно опасной болезни, как лихорадка. Например, в качестве своеобразного аналога китайских талисманов может быть рассмотрен написанный на бумаге текст заговора из Архангельской губернии от лихорадки: «Молитву вторую напиши на бумаге, которую, когда болящий выносит три дня, сжечь и тот пепел выпить, растворив святою водою» [19, с. 362].

В подобных случаях могла использоваться также вода, взятая из места слияния двух рек. Над такой водой произносился заговор, записанный на бумаге, после чего бумага сжигалась: «Молитву сожги и пепел в воду опусти и молитву три раза над водою прочитаеть, а в конце молитвы три раза сказать: «И во веки веков. Аминь. Аминь. Аминь». Воду пить и умываться» [18, с. 689].

В Воронежской губернии с этой же целью использовались сугубо церковные тексты: «Слова из Евангелия писали на клочке бумаги таким образом, чтобы они были вписаны в крест, образованный четырьмя крестами. Потом бумагу сжигали и пили пепел с благовещенскою водою» [18, с. 384].

В традиционной китайской культуре растворенный в вине пепел, оставшийся от сожженной мужской шапки, осмыслялся как магическое средство, способное оказать благотворное влияние на судьбу новорожденного: «Если беременная на третьем месяце в 25-й день возьмет мужскую шапку, сожжет ее, пепел размешает в вине и все это выпьет, то родившийся ребенок будет богатым, знатным и талантливым» [22, с. 91].

Мотив ритуального питья воды с растворенным в ней пеплом от сожженных сакрализованных предметов встречается в китайских художественных текстах. При этом цели такого ритуального действия могли быть разными. Так, вода с растворенным в ней пеплом от сожженной плаценты рекомендовалась для бездетной женщины в качестве средства, обеспечивающего зачатие:

«Вам бы, матушка, сыном обзавестись, – посоветовала монахиня, – ваш сын стал бы дороже всех иных. Смотрите, давно ли матушка Шестая в доме, а уж сына обрела. И как она счастлива!» – «Будь на то наша воля! Каждому свой жребий». – «Ничего подобного! – возразила монахиня. – Есть у нас наставница – мать Сюэ. Как она наговорной водой пользуется! Помнится, у начальника Чэня жена уж в годах была, а одни выкидыши. Ну никак доносить не могла. И стоило ей принять воду наговорную от матери Сюэ, такого красавца родила, что весь дом ликует от радости. Только для этого потребуется одна вещь, а ее раздобыть нелегко». – «Что же это такое?» – поинтересовалась Юэнян. – «Нужно детское место после мальчика-первенца. Его следует промыть в вине и сжечь, а пепел всыпать в наговорную воду и принять в день жэнь-цзы. Только никто не должен знать. А чтоб злые духи не повредили, принять надобно натошак с рисовым вином. Еще необходимо будет твердо помнить день, потому что ровно через месяц – ни днем раньше, ни днем позже – свершится зачатие» [25, с. 384].

Для разжигания угасающего любовного чувства странствующий знахарь сообщает Пань Цзиньянь – одной из жен Симэнь Цина, главного героя романа «Цзинь, Пин, Мэй» – о магическом использовании пепла от «приворотного» талисмана:

«Благодарю вас, наставник, – выслушав слепца, проговорила Цзиньлянь, – вы так усердно мне растолковывали. А теперь, будьте добры, поворожите. <...> Ничего не прошу, только отгоните от меня злых людей, чтобы муж меня уважал и любил». – «Для ворожбы надобен кусок ивы. Я вырежу из него фигурки мужчины и женщины. Напишу на одной ваши знаки, на другой – вашего супруга, потом свяжу их красными шелковыми нитями числом семью семь – сорок девять, покрою глаза мужской фигурки лоскутом красного шелка, набью сердце полынью и проткну руки иглами, оклею смолою ноги. Вы тайком положите фигурки под подушку. Потом киноварью напишу талисман и предам огню, а вы незаметно подсыпьте пепел мужу в чай. Выпьет он этот чай, ляжет на ту подушку и не пройдет трех дней, как проявится сама собой сила ворожбы» [24, с. 271].

Приведенный материал дает наглядное представление о существовании как в китайской, так и в восточнославянской традиционных культурах устойчивых представлений о ритуальном использовании пепла (в том числе и растворенного в воде) от сожженных сакральных предметов и текстов в обереговой и продуцирующей сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, В. М. О некоторых главных типах китайских заклинательных изображений по народным картинам и амулетам / В. М. Алексеев // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. Том двадцатый. 1910. – С.-Пб.: Типография Императорской академии наук, 1912. – С. 1–76.
2. Алексеев, В. М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. / В. М. Алексеев; [предисл. акад. В. В. Струве и В. М. Штейн]. – М.: Изд-во вост. лит., 1957. – 312 с.
3. Бирих, А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; под ред. В. М. Мокиенко / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
4. Богданович, А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнографический очерк / А. Е. Богданович. – Гродно, 1895. – 187 с.
5. Большой китайско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. проф. И. М. Ошанина. – М.: Наука, 1983. – Т. 2. – 1102 с.
6. Большой китайско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. проф. И. М. Ошанина. – М.: Наука, 1984. – Т. 3. – 1106 с.
7. Большой китайско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. проф. И. М. Ошанина. – М.: Наука, 1984. – Т. 4. – 1062 с.
8. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
9. Готлиб, О. М. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуаин. – 2-е изд., стереотип. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – 596 с.
10. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1: А–З. – М.: Рус. яз., 1978. – 699 с.
11. Кравцова, М. Е. Цзягувэнь / М. Е. Кравцова // Духовная культура Китая: энцикло-педия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2008. – Т. 3: Литература. Язык и письменность. – С. 521–522.
12. Майков, Л. Н. Великорусские заклинания / Л. Н. Майков. – СПб.: Типография Майкова, 1869. – 164 с.
13. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В трех томах. Том I. Издание подготовили Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. – М.: Изд-во «Наука», 1984. – 512 с.
14. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В трех томах. Том III. Издание подготовили Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. – М.: Изд-во «Наука», 1985. – 495 с.

15. Плотникова, А. А. Пепел // А. А. Плотникова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – Т. 3. – М., 2004. – С. 666–670.
16. Путь золота и киновари: Даосские практики в исследованиях и переводах Е. А. Торчинова. – СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2007. – 480 с.
17. Рифтин, Б. Л. Тай-и / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальне-го Востока. – Т. 2 : Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. – М.: «Восточная литература», 2007. – С. 599–600.
18. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. – М. : Издательство «Индрик», 2010. – 832 с.
19. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. – М.: Автор, 1992. – 607 с.
20. Словарь русских народных говоров. Выпуск одиннадцатый (Зароситься – Зубрёнка). – Л.: Изд-во «Наука», 1976. – 363 с.
21. Словарь русских народных говоров. Выпуск двадцать пятый (Отчурить – Первачок). – Л.: Изд-во «Наука», 1990. – 352 с.
22. Тайные предписания для нефритовых покоев // Китайский Эрос. Под. ред. А. И. Кобзева. Научно-художественный сборник. – М.: OCR Палек, 1998. – С. 84–94.
23. Уильямс, Ч. Китайская культура: мифы, герои, символы / Пер. с англ. С. Федорова / Ч. Уильямс. – М.: ЗАО Издательство Центр-полиграф, 2011. – 478 с.
24. Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе: Роман. В 4-х т.: Пер. с кит. / Пер. В. С. Манухин и др.; Сост. и отв. ред. А. И. Кобзев; Вступит. ст. Д. Н. Воскресенского, О. М. Городецкой, А. Д. Дикарева и др.; Прим. Д. Н. Воскресенского, О. М. Городецкой, В. С. Манухина [и др.]. – Иркутск: Уллис, 1994. – Т. 1. – 448 с.: илл.
25. Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе: Роман. В 4 т.: Пер. с кит. / Пер. В. С. Манухин и др.; Сост. и отв. ред. А. И. Кобзев; Ста-тья и переводы в приложении Д. Н. Воскресенского; Прим. Д. Н. Воскресенского, О. М. Городецкой, В. С. Манухина [и др.]. – Иркутск: Улисс, 1994. – Т. 2. – 512 с.: илл.
26. Юань, Кэ. Мифы древнего Китая. Пер. с кит., послесловие Б. Л. Рифтина. Худож. Л. П. Сычев / Юань Кэ. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. – 527 с.
27. 道教符咒_百度百科 = Даосские чары – Энциклопедия Байду [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mr.baidu.com/r/NoZleXvWzC?f=wf&u=454fd5c171d97aa8>. Дата доступа: 07.08.2022.
28. 刘晓明. 中国符咒文化研究. – 北京: 中央编译出版社, 2013, 412 页. = Лю, Сяо-мин. Исследование культуры китайских заклинаний. – Пекин: Центральное издательство компиляции и переводов, 2013. – 412 с.
29. 汉语成语词典 / 何平主编. — 成都: 电子科技大学出版社, 2004 年. – 1142 页. = Словарь китайских идиом. Главный редактор Хэ Пин. – Чэнду : Университет электронных наук и технологий, 2004. – 1142 с.

УДК (39+299.51+745/749) (510)

А. Я. ЛОБАНОВА А. YA. LOBANOVA

ТРАДИЦИОННЫЕ КИТАЙСКИЕ ПОДУШКИ КАК КУЛЬТУРНЫЙ АРТЕФАКТ

В статье представлен обзор различных видов древних китайских подушек, являющихся важным культурным артефактом, определяется их назначение, соответствующие ритуалы, а также перспективные направления изучения данного атрибута культуры сна.

К л ю ч е в ы е с л о в а: традиционные китайские подушки, культура сна, традиционная китайская медицина, траурный ритуал, даосизм, народные китайские верования.

TRADITIONAL CHINESE PILLOWS AS A CULTURAL ARTIFACT

The article provides an overview of different types of ancient Chinese pillows, which are important cultural artifacts. It represents pillows' functions, related rituals, and determines the perspective directions of studying this dream culture attribute.

Key words: traditional Chinese pillows, dream culture, traditional Chinese medicine, mourning ritual, Taoism, Chinese folk beliefs.

В Китае сформировалась уникальная культура сна (梦文化)¹, которая включает в себя богатое наполнение: от онейромантики до даосских практик самосовершенствования [5]. Особое внимание на себя обращают различные виды традиционных подушек, которые являются ценным артефактом, воплотившим в себе представления китайцев о медицине, ритуалах, эстетике и др.

В культурологических исследованиях данная тема не получила широкого освещения. Китайские ученые анализируют в своих работах преимущественно керамические подушки различных эпох (например, [16], [39], [30], [43] и др.). Европейские исследователи главным образом каталогизируют и описывают подушки, хранящиеся в западных музеях ([12], [19] и др.). Русскоязычные работы, непосредственно посвященные изучению данного элемента китайской культуры, практически отсутствуют. Нами были обнаружены лишь статья Л. И. Исаевой о вышивке на подушках [1], [2], а также работа П.А. Комаровской, в которой рассматриваются тканевые тигры-игрушки *булаоху*, использующиеся и в качестве подушек [8].

В китайских текстах различных эпох встречаются упоминания о подушках, которые изготавливались как из «мягких» материалов, так и из керамики, дерева, камня, бамбука, рогов животных и др. Разнообразие их материалов, наполнителей, форм обусловлено различным назначением данных предметов. В работе, посвященной керамическим подушкам из коллекции Ян Юндэ (杨永德)², указываются следующие возможные способы их применения: 1) погребальная утварь; 2) подлокотник, поддерживающий руку во время медицинских осмотров либо при переписывании текстов; 3) подушки-«рукава» – небольшие легко транспортируемые подушки³, использовавшиеся представителями высших классов во время продолжительных ритуалов либо церемоний; 4) подголовники [43, с. 16–17].

Более детальный анализ китайских подушек показывает, что их функции не ограничиваются вышеперечисленными. Цель настоящей статьи – определить основные виды традиционных китайских подушек и обозначить возможные направления их изучения.

¹ Термин используется для обозначения совокупности традиционных китайских представлений о сне и сновидениях, а также ритуалов, связанных с ними, в том числе рассмотрение данных феноменов с точки зрения народных верований, религиозно-философских учений, философии, традиционной медицины, психологии, литературы и др. [23].

² Знаменитый гонконгский коллекционер. В начале 90-х гг. прошлого века передал более двухсот керамических подушек из личной коллекции Музею-мавзолею правителю Наньюэ (南越王墓博物馆), провинция Гуанчжоу. Это собрание подушек считается самым крупным. Второй по величине является коллекция Марка Лама, включающая более девяти тысяч подушек.

³ Подробно с ними можно ознакомиться в каталоге: [14].

В представлениях архаичных китайцев мир сновидений служил пространством коммуникации с божествами, духами и умершими, во сне происходило своего рода пересечение мира живых и мира мертвых. Кроме того, на начальных этапах развития общества происходило отождествление сна и смерти на основании того, что в обоих случаях душа покидает тело. Неудивительно, что подушки использовались в *погребальном ритуале*. В одном из наиболее ранних китайских памятников – «Чжоули» (《周礼》) отмечается, что придворный хранитель *юйфу* (玉府), заведовавший золотом и драгоценностями, оружием и прочими важными предметами, также отвечал за атрибуты погребального обряда вана: драгоценный камень, вкладывавшийся в рот покойному, траурную одежду, подушку из рога, роговой коврик [44]. В последующем подобные подушки выполнялись из различных материалов, в том числе из нефрита¹, бронзы² и др.

Встречаются сведения о том, что в древности, когда человек доживал до 50-и лет, дети начинали готовиться к его похоронам и среди прочих ритуальных предметов готовили подушку. Это могла быть, например, подушка в виде петуха (鸡鸣枕)³ [33]. Считалось, что крик петуха заставит душу пробудиться. Внутри такой подушки могли вкладывать ритуальные деньги [45, с. 27].

Одной из составляющих ритуала погребения являлось очищение спальни (净寝), или подметание кана (扫炕): после того, как тело покойного вынесли из дома, необходимо убрать его спальное место – подмести комнату, убрать мусор и собрать набивку подушки, которой при жизни пользовался умерший, сложить все это в корзину и вместе с метлой сжечь на окраине деревни, чтобы избавиться от болезней почившего [33].

Подушки также использовались и в *траурном ритуале*. В важнейшем конфуцианском памятнике «Лицзи» (《礼记》), раздел «Вопросы о трехлетнем трауре» (《三年问》), при описании трехлетнего траура по умершим родителям упоминаются подушки из земли (枕块). В тексте отмечается, что в течение данного периода следует: “斩衰苴杖，居倚庐，食粥，寝苦枕块，所以为至痛饰也” [27] – «Носить траурное платье с неподшитыми краями и траурный посох, жить в траурной хижине, есть жидкую кашу, спать на циновке, в качестве подушки использовать ком земли, тем самым демонстрируя высшую степень скорби»⁴.

Представление о сновидениях как канале общения с представителями иных миров нашло отражение в вере в то, что умершие родственники и прочие сверхъестественные силы через сны могут вредить живым. Позже люди начали рассматривать сновидения как результат деятельности душ. Китайцы стали прибегать к различным способам избавления от плохих снов. Среди них – подушки, *устраняющие кошмары и дурные сны*. В Китае сложилось представление о том, что подушки в виде тигра либо с его изображением избавляют от не-

¹ Нефритовые подушки стали изготавливаться достаточно поздно, в эпоху Хань. Подробнее см. [42].

² Подробнее см. [25].

³ По данным раскопок, использование подобных подушек было распространено, например, в Синьцзяне. Вместе с тем отмечается, что в народе верили: если дети будут спать на подобных подушках, они вырастут красивыми и смелыми [33].

⁴ Здесь и далее тексты приведены в переводе автора статьи, если не указано иное.

хороших снов. В «Примечания различных комментаторов к фармакопее [Шэнь-нуна]» («本草经集注») Тао Хунцзина (陶弘景) отмечается: “虎头作枕, 辟恶魔; 以置户上, 辟鬼” [37]. – *«Голова тигра в качестве подушки избавляет от кошмаров. Если поместить ее на дверь, отведете гуй¹»*.

Представление о тигре как охранителе снов неслучайно. В восьмом цзюане «Общего смысла нравов и обычаев» (《风俗通义》) отмечается: “虎者, 阳物, 百兽之长也, 能执搏挫锐, 噬食鬼魅。” [40] – *«Тигр, янское животное, глава всех животных, может сломить боевой дух неприятеля, поедает злых духов и бесов»*. В «Старой истории Тан» (《旧唐书》) упоминаются подушки с леопардом, предназначавшиеся для ограждения от нечистых сил, подушки с Байцзэ² как оберег от нечистых сил, подушки с медведем как пожелание рождения сына³ [32].

Ещё в глубокой древности китайцы связывали сновидения с недугами, которые насылаются духами, демонами и прочими силами. Позже идея о соотносительности сновидений с болезнями прочно закрепилась в традиционной китайской медицине, где сны рассматриваются как маркеры различных заболеваний [9, с. 355–356]. В связи с этим вполне логичным является использование подушек, как правило, набитых лекарственными травами (药枕), для лечения. Так, в трактатах по китайской медицине при описании способов лечения различных болезней неоднократно упоминаются подушки с набивкой растительного и животного происхождения. Авторитетный врач эпохи Тан – Сунь Сымяо (孙思邈) в «Необходимых рецептах, стоящих тысячу золотых монет» (《备急千金要方》) неоднократно упоминал использование подобных предметов [34]. Изложенные им методы лечения были переняты и дополнены минским врачом и фармакологом Ли Шичжэнем (李时珍) и представлены в труде «Компендиум лекарственных веществ» (《本草纲目》), где встречаются, например, следующие виды содержимого подушек: ветви персикового дерева от мокроты и жара; прах головы лошади от лихорадки, вызванной ветром; фасоль золотистая от головной боли; цветы хризантемы от жара и болезни глаз; разогретая соль от ушной боли; куриная печень либо свиной жир от насекомых, попавших в уши; глина от пиявок, попавших в уши; самородное золото при попадании в уши ртути; различные мертвые змеи, их шкуры для нейтрализации ядов и др. [28].

Вместе с лекарственными подушками следует упомянуть и ароматические подушки (香枕), которые также наполнялись различными цветами и травами. Помимо благоухания, они имели и лечебный эффект, применялись в фитотера-

¹ Знак 鬼 имеет сложную семантику, которая развивалась по следующей схеме: «двойник умершего (призрак, фантом) / одновременно и ритуал по усмирению души умершего (дух умершего у алтаря) → дух умершего, неправильно захороненного → нечистый дух, демон вообще» [3., с. 94].

² Байцзэ (白泽) в китайской мифологии предстает помощником Хуанди. Считается, что знает всех небесных и земных духов, а также оборотней [11, с. 92].

³ Связь медведя с рождением сына встречается уже в древнейшем литературном памятнике «Шицзин» (《诗经》): «Серый и черный приснился медведь – // То сыновей предвещающий знак; // Если же змей доводилось узреть – // То дочерей предвещающий знак!» [10, с. 156]. Увиденный во сне медведь стал символом рождения мальчика. Так, в Древнем Китае использовалось пожелание “熊罴入梦”, что буквально переводится как ‘да приснятся вам медведи’.

пии. Подобная подушка, выполненная из шёлка и украшенная изящной вышивкой, была обнаружена при раскопках одного из мавандуйских захоронений. Она наполнена посконником¹, который своими эфирными маслами удаляет патогенную влагу, оказывает благоприятное воздействие на селезенку для урегулирования функций желудка, спасает от жары, имеет антибактериальное действие, укрепляет кровь и является снотворным и др. [31, с. 4–5], [21]. Отметим, что ароматические подушки могли использоваться так же, как и мешочки для духов, ароматических веществ, благовоний (香囊). Помимо того, что они дарили приятный аромат, также могли защищать от нечистой силы. На этот счет у представителей древнего царства Чу было следующее выражение: «Днем подбирай ароматический мешочек, ночью используй ароматические подушки» (“昼配香囊，夜用香枕”) [38].

Необычным является упоминание отвара из подушек и циновок умерших (死人枕席) для лечения чахотки, потливости, избавления от аскарид и бородавок. В «Императорской энциклопедии эпохи Тайпин» (《太平广记》) поясняется, что данный метод врачевания позволяет поймать патогенную энергию *гуй-ци*, избежать влияния нечистой силы. Для этого нужно выкопать из могильного кургана подушку, приготовить из нее снадобье, после чего закопать обратно [35]. Данный способ избавления от недугов проливает свет на то, почему спальные принадлежности умерших должны сжигаться: они могут нести на себе энергетический отпечаток человека, являться пристанищем различных энергий и душ. Кроме того, подушка выступает своего рода медиатором между миром живых, с одной стороны, и миром мертвых, миром духов и божеств – с другой.

Еще одним видом подушек были *подушки бдения* (類/警枕/醒枕²) – как правило, круглые деревянные принадлежности, на которых было неудобно спать, в результате чего человек постоянно просыпался от малейшего движения. Так, например, в 270-м цзюане летописи Сыма Гуана «Всеобщее зеркало, управлению помогающее» (《資治通鑑》)³ говорится: «Цянь⁴⁴ с детства находился в армии, ночью никогда не спал, когда испытывал чрезвычайно острую усталость, использовал круглую деревянную подушечку либо клал под голову большой колокольчик: при погружении в глубокий сон тут же сваливался на бок и просыпался. Это называется “подушка бдения”»⁵.

В китайских источниках встречается история о том, что сам Сыма Гуан в детстве был очень смышленным, но любил поспать. Решив избавиться от своей

¹ Посконник (лат. Eupatorium) – род многолетников семейства Астровые.

² Знак 類 в рассматриваемом нами значении встречается уже в «Лицзи». В танском труде «Истинный смысл “Лицзи”» (《禮記正義》), содержащем комментарии Чжэн Сюаня, Кун Инда и Лу Дэмина, в 35-м цзюане рассматриваемый иероглиф определяется как «警枕» – «подушка, которая заставляет проснуться» [29].

³ «Всеобщее зеркало, управлению помогающее» (《資治通鑑》) – историческое труд, составленный Сыма Гуаном в соавторстве с Лю Шу, Лю Бинем и Фань Цзуюем. В нем описываются события, охватывающие период с 403 до н.э. по 960 н.э., носит назидательно-утилитарный характер [46].

⁴ Речь идет о Цянь Лю (钱鏐) – основателе царства У Юэ, эпоха Пяти династий и десяти царств.

⁵ 鏐自少在军中，夜未尝寐，倦极则就圆木小枕，或枕大铃寐熟辄欬而寤，名曰：“警枕”。[46]

вредной привычки, он стал перед сном пить много воды, в результате просыпался из-за того, что мочился в постель. Сыма Гуану подобный способ пробуждения не пришелся по нраву, и он стал использовать круглую деревянную подушку – подушку бдения [47, с. 18].

Стоит отметить, что усердной учебе в китайском обществе уделялось огромное внимание. Образование ставилось во главу угла в конфуцианском учении, оно являлось залогом продвижения по служебной лестнице и билетом в лучшую жизнь. Китайцы с древних времен видели сны, связанные со сдачей экзаменов. К. Балкли даже выдвинул предположение о том, что они могли быть первыми людьми в истории, видевшими подобные сновидения [13, с. 50]. Поэтому неудивительно, что люди в погоне за знаниями старались уделять книгам как можно больше времени. Подушки бдения не были единственными помощниками в борьбе со сном. Так, китайские притчи гласят о том, что Сунь Цзин (孙敬) за чтением привязывал волосы к балке: при засыпании, голова опускалась, волосы натягивались и он просыпался от боли¹. Су Цин (苏秦) прибегал к более радикальному способу – колот себе шилом ногу². Данные истории закрепились в китайском языке в выражении “悬梁刺股” (букв. ‘привязываться к балке, колоть ногу’) в значении ‘усердно учиться’.

В практическом даосизме также не приветствовались удобные мягкие подушки, на которых можно сладко спать. Адепты рассматривали сон в привычном нам понимании как преграду на пути самосовершенствования, считали необходимым избавление от сновидений для продвижения в практике [7, с. 197]. Так, в текстах по внутренней алхимии указывается, что практикующим в качестве подушки следует использовать свою руку, подложенную под голову [6, с. 36]. В сборнике «Чифэнсуй» (《赤鳳髓》) Чжоу Люйцзиня (周履靖) упоминаются даосы, спящие на камне, снегу. На изображениях, представленных в данном памятнике даосы спят на твердых подушках [22].

Помимо вышеуказанных способов, подушки применялись в *утилитарных целях*. Подушки с сандаловым деревом (枕檀) *отпугивали комаров и москитов*. В летнее время использовались *охлаждающие подушки* (涼枕), которые могли изготавливаться из керамики, бамбука, циновки, гипса (石膏枕) и иных материалов. Керамические подушки были полыми с отверстием сверху, через него наливали студеноую колодезную воду. Зимой они превращались в своего рода грелки благодаря добавлению горячей воды [24]. По одной из версий твердые керамические подушки могли помогать в сохранении сложных причесок [20].

В XVIII–XIX вв. во время курения опиума использовали керамические подушки-сейфы: с одной стороны, у них был выполнен узор, а с другой – отверстие, через которое внутрь помещали различные предметы, чаще всего кошелек, драгоценности. Подушку размещали таким образом, чтобы отверстие примыка-

¹ Энциклопедия «Высочайше одобренное обозрение [эпохи] Тайпин» (《太平御覽》) со ссылкой на «Ханьшу» (《漢書》): «Сунь Цзин, второе имя Вэньбао, любил учебу, трудился без отдыха и днем, и ночью. Когда он начинал засыпать от усталости, веревкой привязывал волосы к балке, впоследствии стал крупным ученым своего времени [36].

² В «Планах сражающихся царств» (《戰國策》) говорится: «Когда за чтением от усталости клонило ко сну, прокалывал шилом себе бедро, кровь текла до ступней» [41].

ло к стене. Сверху ложился человек и курил опиум, обезопасив таким образом свои вещи от кражи. Кроме того, прохлада керамики освежала в тёплом накуренном помещении [15].

Кроме представленных выше применений «твердых» подушек, были те, что использовались непосредственно для сна. В таких подушках интересен символизм их украшений и форм, отсылки к традиционным благопожелательными символам, их художественная ценность. Так, например, подушки с изображением (или в виде) уток мандаринок (鸳鸯枕) предназначались для супружеских пар, поскольку в китайской традиции эти птицы олицетворяют любовь и верность.

Группа китайских исследователей в статье, посвященной дизайну цыцжоуских керамических подушек династий Сун и Юань, определила основные мотивы, которыми декорировались данные предметы. Среди них, пионы, согласно авторам исследования, символизирующие богатство, лотосы – символ чистоты, хризантемы – элегантности и др. [17, с. 189–191]. Примечательно, что в данной работе отмечается, что бамбук, например, олицетворяет независимость, а рыбы – большое потомства [17, с. 189–191], хотя традиционно бамбук воспринимается в Китае как символ долголетия, стойкости, простоты, а рыбы – как символ богатства. В данном контексте интересно определить основные мотивы, изображавшиеся на подушках различных эпох, проследить эволюцию их культурных коннотаций.

Разнообразие китайских подушек не исчерпывается представленными выше типами. Можно также упомянуть подушки, украшавшиеся текстами, которые могут иметь определенную ценность.

Отдельный интерес вызывают приметы и верования, связанные с подушками. Например, в главе «Общие рассуждения» (《泛论训》) «Хуайнаньцзы» (《淮南子》) упоминается: если спать, положив голову на порог, то *гуй-шэнь* будут топтаться по ней¹ [26].

Таким образом, традиционные китайские подушки представляют собой крайне интересный предмет исследований. Помимо своего основного назначения – спальная принадлежность, они могли использоваться в различных целях. Рассматривать китайские подушки можно под разными углами: в исторической перспективе, с точки зрения материалов, техник производства и декорирования, назначения, художественной ценности и др. Изучение народных и религиозных верований, связанных с данными предметами, позволяет не только уточнить модель мира китайцев, но и проводить компаративные культурологические исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаева, Л. И. Китайская вышивка на подушках как предмет духовной культуры (часть 1) / Л. И. Исаева // Modern oriental studies. – 2021. – №3 (4). – С. 536–548.
2. Исаева, Л. И. Китайская вышивка на подушках как предмет духовной культуры (часть 2) / Л. И. Исаева // Modern oriental studies. – 2022. – № 4 (1). – С. 102–115.
3. Исаченкова, М. А. Формирование понятий 神 шэнь и 鬼 гуй в свете бинарных представлений древних китайцев / М.А. Исаченкова // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов. Гомель, ГГУ им Ф. Скорины, 2019. – С. 91–96.

¹ *Гуй-шэнь* обозначает души умерших либо различные сверхъестественные силы.

4. Комаровская, П. А. Китайский матерчатый тигр булаоху: традиции и современность / П. А. Комаровская // Великий смысл врат в Сокровенное: Религии, философия и культура Китая. К 60-летию С. В. Филонова: в 2 т. / ИВ РАН; отв. ред. И.В. Белая. – Москва, 2022. – Т. 2. Даосизм, ислам, традиционная культура. – С. 383–392.
5. Лобанова, А. Я. Историография даосской культуры сна / А.Я. Лобанова // Вести Института современных знания. – 2022. – № 90. – С. 100–105.
6. Лобанова, А. Я. Перевод текста Чэнь Туаня «Общие наставления по двенадцати этапам мастерства сна с горы Хуашань» с комментариями переводчика / А. Я. Лобанова // Беларусь – Китай : сб. науч. трудов. – Вып. 12 : Китай в современном мире. – Минск: РИВШ, 2017. – С. 36–42.
7. Лобанова, А. Я. Сравнительный анализ сна и сновидений в даосизме и тибетском буддизме / А. Я. Лобанова //Международная научная конференция, посвященная 65-й годовщине начала изучения языков Юго-Восточной Азии в нашей стране: сб. материалов, Санкт-Петербург, 15–16 сентября 2020 г. / С.-Пб. гос. ун-т, Восточный факультет; сост. Е. Н. Колпачкова. – СПб.: Изд-во АИК, 2020. – С. 194–207.
8. Лапина, З. Г. Сыма Гуан / З. Г. Лапина // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Ин-т Дальнего Востока; гл. ред. М. Л. Титаренко. – М.: Вост. лит., 2006. – Т. 1. Философия. – С. 400.
9. Трактат Желтого императора о внутреннем : в 2 т. / пер. Б. Виноградский. – М. : Профит Стайл, 2007. – 1 т.
10. Шицзин : Книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина. – М. : Худож. лит., 1987. – 351 с.
11. Юань, Кэ. Мифы древнего Китая / Юань Кэ; пер. с кит. Б. Л. Рифтина. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. – 527 с.
12. Beattie, K. A study of a Ming dynasty ceramic pillow [Electronic resource] / K. Beattie // Victoria and Albert Museum. – Mode of access: <http://www.vam.ac.uk/content/journals/research-journal/issue-no.-4-summer-2012/a-study-of-a-ming-dynasty-ceramic-pillow/>. – Date of access: 10.02.2023.
13. Bulkeley, K. Dreaming in the World's Religions / K. Bulkeley. – New York, London : New York University Press, 2008. – 332 p.
14. Chen, Lin. Dream Quest: The Mark Lam Collection of Chinese Ceramic Pillows / Chen Lin, Xun Meng. – Shanghai : Shanghai Bookstore Publishing House, 2008. –272 p.
15. Chinese opium pillow [Electronic resource] // Uno Langmann Limited. – Mode of access: <https://www.langmann.com/objets-d-art/chinese-opium-pillow>. – Date of access: 10.02.2023.
16. Jiang, QiQi. Tang sancai : PhD thesis / Jiang QiQi. – University of Oxford, 2009. – 471 p. – Mode of access: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:de5211ba-7110-4e58-ba7a-ec91c3f94d32>.
17. Long, Yanghuan. A Study on the Design of Cizhou Kiln Ceramic Pillows in Song and Yuan Dynasties in China / Long Yanghuan [et al.] // CONVERTER MAGAZINE. – 2021. – № 6. – P. 185–194. – Mode of access: <http://www.converter-magazine.info/index.php/converter/article/view/384/374>.
18. Luo, Hui. The ghost of Liaozhai: Pu Songling's ghostlore and its history of reception : PhD thesis / Luo Hui. – University of Toronto, 2009. – 270 p. – Mode of access: https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/17472/1/Luo_Hui_200903_PhD_thesis.pdf.
19. Paine, R.T. Chinese Ceramic Pillows From Collections in Boston and Vicinity. Far Eastern Ceramic Bulletin. Vol. VII, No. 3, Serial No. 31 / R.T. Paine. – Ann Arbor: Far Eastern Ceramic Group, 1955. – 42 p.
20. Smithrosser, E. The intriguing world of medieval Chinese ceramic pillows [Electronic resource] / E. Smithrosser // Medievalists.net. – Mode of access: <https://www.medievalists.net/2021/08/medieval-chinese-ceramic-pillows/>. – Date of access: 10.02.2023.
21. 陈, 东杰. 从马王堆一号汉墓出土香料与香具探析汉代用香习俗 / 陈东杰 // 南都学坛. – 2009. – № 1. – 第 81–90 页.
22. 赤凤髓 / (明)周履靖编集. – 上海: 上海古籍出版社, 1989. – 160 页.
23. 盖, 建民. 梦文化的多维之思——“梦与中西文化学术研讨会”综述 / 盖建民, 卢笑迎 // 哲学动态. – 2009. – № 5. – 第 107–108.

24. 古人纳凉用的凉枕凉簟凉床(组图) [Electronic resource] // 网易新闻. – Mode of access: <https://www.163.com/news/article/ASV949J700014AED.html>. – Date of access: 10.02.2023.
25. 洪, 石. 中国社会科学院考古研究所 / 洪石 // 考古学集刊. – 2010. – № 18. – 第 321–355 页.
26. 淮南子 [Electronic resource] // 中国哲学书电子化计划. – Mode of access: <https://ctext.org/huainanzi>. – Date of access: 10.02.2023.
27. 礼记 [Electronic resource] // 中国哲学书电子化计划. – Mode of access: <https://ctext.org/liji/zhs>. – Date of access: 10.02.2023.
28. 李, 时珍. 本草纲目 [Electronic resource] / 李时珍 // 中国哲学书电子化计划. – Mode of access: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=8&remap=gb>. – Date of access: 10.02.2023.
29. 禮記正義 [Electronic resource] / 戴聖編 // 中国哲学书电子化计划. – Mode of access: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&res=237159>. – Date of access: 10.02.2023.
30. 林, 保照. 枕林寻梦: 中国历代陶瓷枕精品: [中英文本] / 林保照, 孔超. – 上海书店出版社, 2008. – 272 页.
31. 刘, 海旺. 汉代出土香薰器具形制 [Electronic resource] / 刘海旺 // Chinese Cultural Studies Center. – Mode of access: www.chineseculturalstudiescenter.org/archi-ves/20150501-汉朝出土香薰器具形制-text.pdf. – Date of access: 10.02.2023.
32. 劉昫. 舊唐書 [Electronic resource] / 应劭 // 中国哲学书电子化计划. – Mode of access: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=456206>. – Date of access: 10.02.2023.
33. 丧葬礼俗 [Electronic resource] // 荣成市人民政府. – Mode of access: http://www.rongcheng.gov.cn/art/2014/3/27/art_40558_1109999.html. – Date of access: 10.02.2023.
34. 孙, 思邈. 备急千金要方 [Electronic resource] / 孙思邈 // 中国哲学书电子化计划. – Mode of access: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=444835&remap=gb>. – Date of access: 10.02.2023.
35. 太平广记. 卷第二百十八 医一 [Electronic resource] // 国学导航. – Mode of access: <http://www.guoxue123.com/zhibu/0401/01tpgj/220.htm>. – Date of access: 10.02.2023.
36. 太平御览 [Electronic resource] // 中国哲学书电子化计划. – Mode of access: <https://ctext.org/taiping-yulan/zhs>. – Date of access: 10.02.2023.
37. 陶, 弘景. 本草經集注 [Electronic resource] / 陶弘景 // 中国哲学书电子化计划. – Mode of access: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=987826>. – Date of access: 10.02.2023.
38. 【文物赏析】绮地“信期绣”香囊 [Electronic resource] // 湖南省文物考古研究所. – Mode of access: http://www.hnkg.com/show_news.aspx?id=1403. – Date of access: 10.02.2023.
39. 吴, 丹微. 瓷枕: 俗世的神与造神 / 吴丹微 // 文物天地. – 2019. – № 9. – 第 8–12 页.
40. 应, 劭. 风俗通义 [Electronic resource] / 应劭 // 中国哲学书电子化计划. – Mode of access: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=253667&remap=gb>. – Date of access: 10.02.2023.
41. 战国策 [Electronic resource] // 中国哲学书电子化计划. – Mode of access: <https://ctext.org/zhan-guo-ce/zhs>. – Date of access: 10.02.2023.
42. 赵, 赓. 试论汉代玉枕 / 赵赓 // 文物世界. – 2009. – № 6. – 第 15–24 页.
43. 中国陶枕: 杨永德收藏 / 大阪市立东洋陶瓷美术馆. – 大阪市: 大阪市立东洋陶瓷美术馆, 1984. – 246 页.
44. 周礼 [Electronic resource] // 中国哲学书电子化计划. – Mode of access: <https://ctext.org/rites-of-zhou/zhs>. – Date of access: 10.02.2023.
45. 朱, 心怡. 從〈父後七日〉看臺灣的喪葬習俗 / 朱心怡 // 止善. – 2011. – № 10. – 第 15–34 页.
46. 資治通鑑•卷第二百七十 [Electronic resource] // 传统文化与现代化研究中心. – Mode of access: http://www.guoxue.com/shibu/zztj/content/zztj_270.htm. – Date of access: 10.02.2023.
47. 子, 阳. 时间小故事 / 子阳. – 新加坡: 玲子传媒, 2016. – 136 页.

ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФОРТЕПИАННОЙ ТРАНСКРИПЦИИ КИТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Статья посвящена рассмотрению фортепианных транскрипций в музыкальном искусстве Китая второй половины XX века. Выделяются и характеризуются три периода, в каждом из них отмечаются жанрово-стилевые особенности фортепианных транскрипций китайских авторов.

Ключевые слова: фортепианное искусство, транскрипция, жанрово-стилевое своеобразие.

GENRE AND STYLE LDENTITY OF CHINESE PIANO TRANSCRIPTION IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

The article is devoted to the consideration of piano transcriptions in the musical art of China in the second half of the 20th century. Three periods are distinguished and characterized; in each of them the genre and style features of piano transcriptions of Chinese authors are noted.

Key words: piano art, transcription, genre and style.

Введение. Транскрипция является важнейшей частью китайского фортепианного искусства. В КНР фортепианная транскрипция возникла на фоне столкновения и слияния китайского и западного музыкального мышления в конце XIX – начале XX века и достигла расцвета во второй половине XX века. Изначально на появление и развитие китайских фортепианных транскрипций, несомненно, большое влияние оказала европейская музыка. Принципы композиторской техники, структура, гармония, исполнительский стиль – все это пришло в Китай с Запада, однако очевидно, что внутреннее наполнение, глубинное содержание, эстетическое мышление при создании транскрипций основывается на национальной музыкальной традиции. Постепенно в процессе становления фортепианных транскрипций композиторы интегрировали элементы китайской и западной музыкальных культур и в то же время привносили новшества во все аспекты творчества, добавляя «китайский стиль».

Жанру транскрипции посвящено немало специальных работ: данная проблематика интересовала многих исследователей. Советский пианист и музыковед Г. Коган, известный своей «Школой фортепианной транскрипции» в шести выпусках, в 1970 г. писал: «Понятие транскрипции применяется музыкантами в различных толкованиях. Транскрипцией в широком смысле именуют нередко всякую переделку музыкального произведения – от простого переложения для другого инструмента или облегченной аранжировки для мало продвинутых исполнителей до вольной парафразы или фантазии на темы данного сочинения. Транскрипция в узком и более точном смысле находится посередине между этими двумя крайними точками» [6, с. 63]; Б.Бородин в диссертации «Феномен фортепианной транскрипции: опыт комплексного исследования» (2006) считает наиболее обобщающим названием всех обозначений слово «транскрипция», которая характеризуется им как «сознательная трансформация музыкального текста» [2, с. 296]. Китайские исследователи Сы Цю, Ли Юнь, Ху Инсюе, Ван Ин в своих работах используют термин «аранжировка». В научной литературе (работы Н. Прокиной, Л. Казанцевой, А. Меркулова, Н. Иванчей, И. Оношко и др.)

предпринимаются попытки дать определение жанру транскрипции, разграничить понятия переложения, обработки, аранжировки и т.д. Упорядочить представления в этом направлении и снизить уровень многозначности понятий пока не удастся, вышеуказанные задачи по-прежнему требуют решения. В данной статье мы будем пользоваться общим понятием «транскрипция», которое имеет самостоятельное художественное значение и для которого свойственно любое изменение существующего оригинального текста или фольклорного образца, переводящее его в «новый формат», в иное инструментальное звучание.

Основная часть

Искусство китайской фортепианной транскрипций тесно связано с национальным развитием, духом эпохи и политикой. В мае 1956 года председатель Мао Цзэдун на Высшем государственном совете выдвинул лозунг «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ»¹, тем самым определив дальнейший путь эволюции для молодого государства. Благодаря этому, культура и искусство КНР получили новый виток развития, направленный на преодоление догматических норм и ограничений в литературе, музыке, изобразительном искусстве.

Развитие фортепианной транскрипции во второй половине XX века подчинено своей периодизации: каждый из трех этапов имеет жанрово-стилевые особенности. Остановимся подробнее на них и их характерных признаках.

1. Период с 1950 по 1965 г.

После провозглашения в 1949 году Китайской Народной Республики (КНР)² наступает важный период для становления новой китайской фортепианной музыки. Отметим, что в течение 15 лет с 1950 по 1965 год основной тенденцией развития фортепианной музыки является сочетание традиционных китайских мелодий со структурой западноевропейского стиля, ее системой гармонии и техниками композиции. В фортепианных транскрипциях данного периода, во-первых, ощущается влияние европейского романтизма, о чём свидетельствует тенденция синтеза мелодии народных песен с европейской гармонической системой (к примеру, «Ланьхуахуа» Ван Лисаня, 1953 г.). Во-вторых, транскрипции характеризуются фактурными сложностями и техническими трудностями, насыщенным полифоническим изложением темы, наличием разнообразного аккомпанемента: например, «Танец льва» («狮舞», 1959 г.) Хуан Жунцзана³ и сюита «Лю Саныцзе» («刘三姐组曲», 1962 г.) Цзинь Сана⁴. В-третьих, фортепианные транскрипции включают элементы местного народного творчества и региональные особенности китайских местностей. Приведем примеры транскрипции, в которых звучат мотивы и нашли отражение характерные черты разных местностей и

¹ «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» (百花齐放、百家争鸣) – лозунг, который был выдвинут императором Цинь Шихуанди, объединившим Китай примерно в 200 году до н. э. Мао Цзэдун всегда сопоставлял себя с Цинь Шихуанди, ратуя за единый и сильный Китай. Под этим лозунгом лидер правящей Коммунистической партии Китая Мао Цзэдун провозгласил в 1957 году широкую кампанию по усилению гласности и критики.

² КНР (Китайская Народная Республика, 中华人民共和国) – 1 октября 1949 года в Пекине была провозглашена Китайская Народная Республика.

³ Хуан Жунцзан (Huang Rongzan, 黄容赞, родился в 1920 г.) – китайский композитор, дирижер и педагог.

⁴ Цзинь Сан (Jin Xiang, 金响, дата рождения не известна) – китайский композитор.

регионов: Гуандун – «Вариация на тему летающих бабочек» («双飞蝴蝶主题变奏曲» 1953 г.), «Гром засухи» («旱天雷», 1953 г.) Чэнь Пэйсюня; Шаньдун – «Вариации» («变奏曲», 1958 г.) Лю Чжуана¹; Юньнань – «Две увертюры» («序曲二首», 1955 – 1956 гг.), «Пять на-родных песен Юньнани» ор.15 («云南民歌五首», 1962 г.) Чжу Цзяньэра и «Пять на-родных песен Юньнань» («云南民歌五首», 1958 г.) Ван Цзяньчжуна²; Монголия – «Семь монгольских мелодий» («内蒙古民歌主题小曲 7 首», 1952 г.) Сан Тонга; Сычуань – «Прелюдия» («序曲», 1953 – 1954 гг.) Ху Яньчжуна³ и «Картина Башу» («巴蜀之画», 1958 г.) Хуан Хувея⁴; Фуцзянь – «Сбор чая и порхающая бабочка» («采茶扑蝶», 1956 г.) Лю Фуаня⁵ и др.

Кроме того, следует упомянуть фортепианные транскрипции, которые создаются в этот период и имеют ярко выраженную дидактическую направленность. Например, «Вариации на тему народных песен северного Шэньси, посвященные подросткам» («陕北民歌主题变奏曲-献给青少年», 1960-ые гг.) Сунь Илин⁶, которая взяла за основу песню северного Шэньси «Все говорят, что мы хорошие» («人人都说咱们两个好»). В качестве примера можно также назвать созданную Сунь Ицяном⁷ транскрипцию «Dancing Grains» («谷粒飞舞», 1962 г.), в основе которой лежит народная песня провинции Чжэцзян. Инь Чэнцзун⁸ обратил к танцу народности И, проживающему в Юньнани, и его фортепианный вариант получил одноименное название «The Happy Yi People» («快乐的啰嗦», 1965 г.). Вышеперечисленные образцы включены в серию «The social artistic level grading Shanghai Music Institute» («上海音乐学院社会艺术水平考级»).

2. Период «Великой пролетарской культурной революции»⁹ (1966–1976 гг.)

Десять лет с 1966 по 1976 год прошли под влиянием «Великой пролетарской культурной революции» и стали для Китая национальной катастрофой в

¹ Лю Чжуан (Liu Zhuang, 刘庄, родилась в 1932 г.) – женщина-композитор.

² Ван Цзяньчжун (Wang Jianzhong, 王建中, 1933 – 2016) – китайский композитор и пианист.

³ Ху Яньчжун (Hu Yanzhong, 胡延仲, дата рождения не известна) – китайский композитор и педагог.

⁴ Хуан Хуве (Huang Hu wei, 黄虎威, 1932 – 2019) – китайский композитор.

⁵ Лю Фуань (Liu Fuan, 刘福安, родился в 1927 г.) – китайский композитор.

⁶ Сунь Илин (Sun Yilin, 孙亦林, дата рождения не известна) – женщина-композитор.

⁷ Сунь Ицянь (Sun Yiqiang, 孙以强, дата рождения не известна) – китайский и американский композитор, пианист и педагог.

⁸ Инь Чэнцзун (Yīn Chéngzōng, 殷承宗, родился в 1941 г.) – китайский пианист и композитор.

⁹ «Великая пролетарская культурная революция» (无产阶级文化大革命) – череда идейно-политических кампаний, которые проводились в Китае в 1966 – 1976 годах под личным руководством Председателя Мао Цзэдуна или от его имени. Под предлогом предотвращения возрождения капитализма в КНР и «борьбы с внутренним и внешним ревизионизмом» организаторы ставили перед собой цель дискредитировать и уничтожить политическую оппозицию Китая. Как результат, «Великая пролетарская культурная революция» имела ряд негативных последствий: широкомасштабные репрессии, гонения на интеллигенцию, распад коммунистической партии, общественных организаций, профсоюзов, пионерской организации и т. д. Кроме того, «Великая пролетарская революция» негативно отразилась на внешней политике Китая, нанесла огромный вред культуре и образованию страны.

сфере культуры. В этот период ошибочный политический курс принес в страну серьезные гражданские волнения: закрывались консерватории, расформировались творческие коллективы, подвергались критике деятели науки и искусства. Музыка также стала средством для активизации политической власти и манипуляции общественным мнением. Руководство страны считало, что фортепианное искусство противоречит китайской национализации.

В 1968 году Инь Чэнцзун, вернувшийся после учебы из-за границы, вдохновленный речами Мао Цзэдуна и его жены Цзян Цин¹, выбрал восемь арий из «образцовой революционной оперы»² «Красный фонарь» («红灯记») и адаптировал его оркестровую партию для фортепиано. В том же году данные оперные арии в сопровождении фортепиано были исполнены³ в Пекинском большом народном зале и в эфире национального радио. Это была первая масштабная пропаганда фортепианного искусства в период Великой культурной революции, исполненная на высоком профессиональном уровне, которая нашла выход для «легальности» создания фортепианной музыки в особых политических условиях.

Из-за ограниченности рамок «образцовой революционной оперы» и нежелания того, чтобы только фортепиано появлялось на сцене в качестве сопровождения, в 1969 году была создана утвержденная Цзян Цин «композиторская группа»⁴, приступившая к транскрипции кантаты «Желтая река» («黄河大合唱») Сиань Синхай⁵, на основе которой коллектив композиторов создает концерт для фортепиано с оркестром «Желтая река» («黄河», 1970 г.). Поскольку оригинальное содержание (прелюдия и восемь частей в сопровождении чтения стихов и оркестра) было высоко оценено и востребовано людьми в период создания, при создании транскрипции в конце четвертой части были добавлены основные темы песен «Дунфанхун» («东方红») и «Интернационал» («国际歌»). В транскрипции осуществляется диалог стиля первоисточника и стиля авторов транскрипции [7, с. 31]. В апреле 1970 года концерт для фортепиано и оркестра «Желтая река» был исполнен на «Китайской товарной ярмарке» в Гуанчжоу, чтобы произведение получило известность по всему миру.

В данный период (с 1966 по 1976 год) «образцовые революционные оперы» были практически единственным источником для создания фортепианных транскрипций. Помимо вышеназванных образцов, характерных для этого историче-

¹ Цзян Цин (Jiang Qing, 江青, наст. урожд. Ли Шумэн 李淑蒙, 1914 – 1991) – китайская актриса, ставшая в 1938 году женой Мао Цзэдуна и вошедшая в высшие эшелоны власти в Китае. Играла большую роль в руководстве Культурной революцией.

² «Образцовая революционная опера» – феномен «пролетарской» музыкально-театральной культуры, возникший в Китае в период «культурной революции». С одной стороны, использовались достижения традиционного китайского театра (например, театра цзинцзинцзюй – «пекинской оперы»). С другой стороны, для «образцовой революционной оперы» характерно обновление не только сюжетов, но и литературного языка либретто [3, с. 97-98].

³ Их исполняют Инь Чэнцзун на фортепиано и Цянь Хаолян, Лю Чаньюй и Гао Юцань в песнях.

⁴ «Композиторская группа» – в состав вошли композиторы Инь Чэнцзун, Чу Ванхуа, Шэн Хунли, Лю Чжуан, исполнители Ши Шучэн, Сюй Фейсин, дирижер Ли Делун.

⁵ Сиань Синхай (Xian Xinghai, 冼星海, 1905 – 1945) – китайский композитор.

ского этапа, также можно упомянуть фортепианную сюиту «Красный женский батальон» («红色娘子军», 1975 г.) Ду Минсиня¹, фортепианную пьесу «Северный ветер дует» («北风吹», 1976 г.) Инь Чэнцзун и другие.

Следует признать, что в период «Великой пролетарской культурной революции» также создаются фортепианные транскрипции, отражающие национальную специфику Китая. С одной стороны, композиторы делают фортепианные транскрипции, в основе которых музыка традиционных народных музыкальных инструментов (флейты, эрху, суона и т. д.). В качестве примеров приведем следующие транскрипции: Ли Инхай² «Китайская флейта и барабан в сумерках» («夕阳箫鼓», 1975 г.), Ван Цзяньчжун «Сотня птиц воспевают феникса» («百鸟朝凤», 1973 г.), Чжао Сяошэн³ «Северная флейта Хэбэй» («冀北笛音», 1976 г.) и другие. С другой стороны, создаются транскрипции мелодий народных песен или авторских песен, такие как Цуй Шигуан⁴ «На реке Сунгари» («松花江上», 1966 г.), Ли Жуйсин⁵ «Дунфанхун» («东方红», 1970-ые гг.), Чжоу Гуанжэнь «Вариации на тему народных песен северной провинции Шэньбэй» («陕北民歌主题变奏曲», 1970-ые гг.) и т. д. Эти транскрипции уже не имеют ярко выраженного революционного колорита или политической направленности, а возвращаются к описанию и изображению народного быта и природных пейзажей. Хотя в них по-прежнему присутствуют китайские музыкальные мелодии и типичные национальные интонации, они больше направлены на то, чтобы мотивировать людей на позитив, благие дела, а элементы музыкального текста используются для выражения эмоций.

Здесь также следует упомянуть, что в 1974 году Ван Цзяньчжун транскрибировал мелодии двух японских одноименных народных песен – «Sakura» («樱花») и «A Lullaby Of Itsuki» («五木摇篮曲»). Оба образца являются первыми успешными примерами попыток китайских композиторов обратиться к иностранным народным песням.

Кроме того, на некоторые народные произведения существует несколько фортепианных транскрипций. Так, на арию «Дует северный ветер» («北风吹») из балета «Седая девушка» («白毛女») обратили внимание транскрипторы Тан Люси⁶ (1976 г.) и Инь Чэнцзун (1976 г.). Одну и ту же древнюю пьесу для пипы «Песня Сюнян» («浔阳曲») транскрибировали Линь Лепей⁷ («Лунная ночь среди цветов на весенней реке» «春江花月夜», 1971 г.) и Ли Инхай («Китайская флейта и барабан в сумерках», 1975 г.).

¹ Ду Минсинь (Du Mingxin, 杜鸣心, родился в 1928 г.) – китайский композитор и педагог.

² Ли Инхай (Li Yinghai, 黎英海, 1927 – 2007) – китайский композитор, педагог, музыкальный теоретик.

³ Чжао Сяошэн (Zhao Xiaosheng, 赵晓生, родился в 1945 г.) – китайский композитор, пианист, музыкальный теоретик и педагог.

⁴ Цуй Шигуан (Cui Shiguang, 崔世光, родился в 1948 г.) – китайский композитор и пианист.

⁵ Ли Жуйсин (Li Ruixing, 李瑞星, дата рождения не известна) – китайский композитор.

⁶ Тан Люси (Tan Luxi, 谭露茜, дата рождения не известна) – китайская пианистка и педагог.

⁷ Линь Лепей (Lin Lepei, 林乐培, 1926 – 2023) – гонконгский композитор и педагог.

Нужно отметить, что с середины 1960-х до середины 1970-х годов китайским композиторам приходилось следовать художественной политике времени, что, в свою очередь, вызывало определенные трудности и ограничения при создании фортепианных транскрипций. Музыкальные транскрипции этого периода отличаются простотой формы и содержания, поскольку их первоисточник, как правило, является народной песней или инструментальной композицией.

Фортепианные транскрипции с середины 1960-х до середины 1970-х годов были нацелены на массовую культуру, провозглашенную в Китае. Произведения этого периода имеют ярко выраженный китайский колорит, но ограничены в тематике и содержании. Они были рассчитаны на эстетические запросы широкой публики, что порой негативно отражалось на качестве самих произведений. Все это ограничивало развитие фортепианной музыки – композиторского творчества и исполнительского искусства. Наследование культурных символов со временем становилось стилизованной рутинной, поскольку музыка не имеет границ и не может являться только этноцентричной.

3. Период «Политики реформ и открытости»¹ (1977 – 2000 гг.)

В 1978 году в Китае началась реализация программы, получившая название «Политика реформ и открытости». Как результат, участились обмены между Китаем и Западом не только в экономической, но и в культурной сферах. Например, китайские транскрипторы начали использовать западные современные и даже авангардные техники письма – атональную и додекафонную, пробовали создавать свои оригинальные композиционные приемы. К примеру, Чжао Сяошэн создал свою композиционную систему «Тайцзи» (太极). В этот период появилась идея использовать в музыкальном творчестве древнекитайскую поэзию. Так, Ван Лисань создает произведение для фортепиано «Мэнтянь» («梦天»), взяв за основу одноименное стихотворение поэта династии Тан Ли Хэ. «Мэнтянь» представляет собой самое раннее фортепианное произведение, созданное с использованием додекафонной техники. Таким образом, «китайский стиль» в музыке приобретает новые оттенки.

В период художественной диверсификации китайская фортепианная транскрипция имеет следующие характерные жанрово-стилевые черты.

1. Многочисленные транскрипции народной вокальной и танцевальной музыки этносов, в том числе и этнических меньшинств, проживающих в различных регионах Китая. Используя прием адаптации при создании транскрипций, авторы достигают более точного воплощения оригинальных интонаций, мелодии и ритма. Например, на основе уйгурской вокальной и танцевальной музыки

¹ «Политика реформ и открытости» (改革开放) – программа экономических реформ, начатых в Китайской Народной Республике в 1978, которые были нацелены на индустриализацию и модернизацию страны с последующим созданием так называемого китайского социализма. Процесс реформ проводится поэтапно, меры сначала апробируются в отдельных регионах или секторах экономики, и в случае успеха постепенно внедряются по всей стране. Целью проводимых реформ стало развитие малых городов, реформа государственных предприятий, внедрение иностранных инвестиций, повышение качества жизни жителей, открытость Китая внешнему миру. «Политика реформ и открытости» не завершена и продолжается по сей день.

Сунь Ицян адаптировал «Весенний танец» («春舞», 1978 г.), а Чу Ванхуа¹ – «Синьцзян Каприс» («新疆随想曲», 1978 г.), при этом композиторы особо подчеркивают синкопированный танцевальный ритм. Санг Тонг создал транскрипцию «Фэй Гэ» («飞歌», 1992 г.), обратившись к одноименной народной песне мяо² и выразил ее разнообразные объемные звуковые характеристики. Чу Ванхуа транскрибировал фортепианный цикл «Семь китайских народных песен» («中国民歌七首», 1979 – 1999 гг.), в состав которого вошли южные народные песни «Река Люян» («浏阳河»), «Лю Хай Рубит лес» («刘海砍樵») и северная народная песня «Лунный Новый год» («正月新春»).

2. Транскрипции народной инструментальной ансамблевой музыки характеризуются не только жанровыми, но и авторскими названиями. В оригинале часто используется музыка «Цзяннань сижу»³. Как правило, создаются с помощью приема адаптации, имеют точную передачу оригинала. В этот период хорошо известны два фортепианных транскрипций ансамблевой музыки. Первое – «Санлю» («三六», 1991 г.) Лю Чжуана, мелодия взята из одноименной традиционной цзяннаньской музыки, исполняемой на струнных и бамбуковых музыкальных инструментах. Второе – «БаБань» («八板», 1999 г.) Чен И⁴ написала на типичную мелодию⁵ «Старый БаБань» («老八板»).

3. Транскрипции традиционных для Китая театральных жанров – опер и балетов. Оперные транскрипции и балетная сюита, по существу, являются глубоко композиторской работой, направленной на создание самостоятельного произведения, по-своему интерпретирующего образы оригинала. Транскрипции создаются с помощью приема амплификации и предназначены для концертного исполнения. Например, Чжан Чао⁶ написал «Пи Хуан» («皮黄», 1994 – 1995 гг.), создав произведение на основе характеристик тона и стиля голоса Пи Хуана⁷ из Пекинской оперы. Хуан Аньлунь⁸ сделал фортепианную сюиту из балета «Мечта о Дунь Хуане» op.29 («敦煌梦», 1979 г.), взяв из него номера «Feather Fairies» («羽人舞»), «Celestial Musicians» («伎乐天») и «Persian dance» («波斯舞»). Хан

¹ Чу Ванхуа (Chu Wanghua, 储望华, родился в 1941 г.) – китайский композитор, пианист и исполнитель на эрху.

² Мяо, или хмонги (Miao, 苗) – группа народов в южном Китае, пятая по численности среди 56 этнических групп, официально признанных в Китайской Народной Республике.

³ Цзяннань сижу – традиционная китайская инструментальная музыка из региона Цзяннань. Для ее исполнения обычно используются щипковые, смычковые, бренчащие и ударные струнные инструменты; флейты, иногда губные гармошки; небольшие ударные инструменты.

⁴ Чен И (Chen yi, 陈怡, родилась в 1953 г.) – женщина-композитор.

⁵ Типовая мелодия (Qupai Ming, 曲牌名) – это мелодия, на которую ссылаются, обозначая мотив, широко известная как «пайзи» (Pai zi, 牌子), является нотной записью мелодии. Древние мелодии были очень длинными, а написанные мелодии были названиями некоторых тактов очень длинной мелодии.

⁶ Чжан Чао (Zhang Chao, 张朝, дата рождения не известна) – китайский композитор, пианист и педагог.

⁷ Пи Хуан (皮黄) – два основных пекинских лада, две мелодии в опере (西皮 и 二黄).

⁸ Хуан Аньлунь (Huang Anlun, 黄安伦, родился в 1949 г.) – современный китайский композитор.

Миншоу¹ транскрибировал арию «Воды Хунху» («洪湖水», 1977 г.), из оперы «Красногвардейцы на озере Хунху» («洪湖赤卫队»), его музыку написали Чжан Цзиньань², Оуян Цяньшу³ и др.

Заключение. Подводя итоги, можно выделить следующие характеристики развития китайских фортепианных транскрипций во второй половине XX века.

Во-первых, в этот период большинство транскрипций претерпело глобальные изменения: от миниатюрных сольных фортепианных транскрипций (после основания Китайской Народной Республики) до крупных фортепианных форм (концерта, сюиты и др.) и транскрипций разных зарубежных музыкальных тем (во время «Великой пролетарской культурной революции»); позже (в конце 1970-х годов) композиторы пришли к сочетанию национальных особенностей с европейскими. Во-вторых, почти все китайские фортепианные транскрипции имеют названия, которые генерируются из «типовых мелодий», заглавий стихотворений и т.д. Благодаря этому, легко угадывается источник, оригинальное произведение, определяется направление для творческой реализации композитора и исполнителя. В-третьих, в XX веке китайские транскрипторы изучили западную полифонию и передовые европейские творческие техники, перейдя от линейного мышления⁴ к полифоническому, от романтизма к авангарду, от локальных идей к глобальным, от индивидуального процесса транскрибирования к коллективному («композиторской группе»). В-четвертых, китайские фортепианные транскрипции представляют собой как бы микрокосм художественной истории второй половины XX века, который зависит от политической, экономической и социально-гуманитарной сфер. Все транскрипции трех периодов отражают атмосферу, политические ориентиры, общественное мнение, реалии того времени (как при обращении к «образцовой революционной опере»). Китайская фортепианная транскрипция – это уникальное музыкальное явление, которое возникло на основе сформировавшейся в Европе в течение трехсот лет теории и практики пианизма, развивающееся в сложных и противоречивых условиях и обладающее национальным колоритом.

¹ Хан Миншоу (Han Minxiu, 韩民秀, дата рождения не известна) – китайский композитор.

² Чжан Цзиньань (Zhang Jingan, 张敬安, дата рождения не известна) - китайский композитор.

³ Оуян Цяньшу (Ouyang Qianshu, 欧阳谦叔, 1926 – 2003) - китайский композитор.

⁴ При линейном мышлении мелодия является важным материалом для формирования музыкального образа, который может максимально раскрыть стилистические характеристики музыки. В традиционной китайской народной музыке преобладает монофоническая (одноголосная) музыка, акцентирующая внимание на взлетах и падениях мелодических линий и эмоциональной выразительности, а изюминкой является красота линий. При создании фортепианных транскрипций в Китае в середине 1960-х и 1970-х годов продвигается линейная эстетика, транскрипторы всесторонне исследуют эту особенность китайской народной музыки, отбирая знакомые массам песни, инструментальные произведения или древнюю китайскую народную музыку, красивые песни с простыми и плавными мелодическими линиями. Композитор полностью сохраняет в творчестве эти мелодии с характерными чертами народной музыки, благодаря чему произведения не только имеют национальный стиль, но и подходят для фортепианного исполнения, облегчая восприятие публикой, при этом выживая в особой политической среде того времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллина, Г. В., Сунь Я. Особенности китайской фортепианной музыки второй половины XX века / Г. В. Абдуллина, Я Сунь // – Режим доступа: www.gramota.net/materials/9/2018/11-2/31.html – Дата доступа: 10.01.2023.
2. Бородин, Б. Б. Феномен фортепианной транскрипции: опыт комплексного исследования: дис. ... докт. иск-я / Б. Б. Бородин // МКГ им. П. И. Чайковского. – М., 2006. – 434 с.
3. Бянь Мэн. Очерки становления и развития китайской фортепианной культуры : дис. ... кандидата искусствоведения : 17.00.02 / Мэн Бянь // Санкт-Петербургская гос. консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова. – Санкт-Петербург, 1994. – 142 с.
4. Жень Шуай. Образцовая революционная опера: к проблеме специфики либретто / Шуай Жень // – Режим доступа: lib.herzen.spb.ru – Дата доступа: 09.01.2023.
5. Классификация китайских фортепианных аранжировок // – Режим доступа: <https://www.wenmi.com/article/q04olz04gh2q.html> – Дата доступа: 13.01.2023.
6. Коган, Г. О транскрипции / Г. Коган // Коган Г. Избранные статьи. – М., 1972. – Вып. 2. – С. 63–68.
7. Оношко, И. Ю. Основы фортепианной транскрипции и импровизации: курс лекций / И. Ю. Оношко // Минск : Белорусская государственная академия музыки, 2020. – 273 с.
8. 郑远, 20 世纪下半叶中国钢琴音乐创作初探[D]福建师范大学硕士学位论文, 2006。 = Чэнь Юань. Предварительное исследование создания китайской фортепианной музыки во второй половине 20-го века: на соискание степени магистра искусствоведения / Юань Чэнь // Фуцзяньский педагогический университет – апрель, 2006.

УДК 78.05: 780.646(476+510)

А. О. ПОЛОСМАК А. О. POLOSMAK

ТРУБА В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЛАРУСИ И КИТАЯ: КОМПАРАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена сравнительному изучению истории натуральной трубы в военном, сакральном, придворном и городском быту Беларуси и Китая. Рассматриваются вопросы эволюции инструментария, его практического назначения, характерных функций и форм исполнительства. Раскрывая особенности интеграции трубы в музыкальные культуры двух стран, автор подтверждает наличие типологического сходства процессов, несмотря на отсутствие прямых контактов. В то же время в статье выделяются рельефные различия, связанные, в первую очередь, с интенсивностью влияния европейской модели музыкальной культуры.

Ключевые слова: натуральная труба, белорусская музыкальная культура до XX века, китайская музыкальная культура до XX века, исторические параллели.

TRUMPET IN THE MUSIC CULTURE OF BELARUS AND CHINA: A COMPARATIVE ASPECT

The article deals with a comparative study of the history of ethnic trumpet used in military, sacred, palace and urban life of Belarus and China. A gradual development of the instrument, its actual purpose, distinctive functions and performance manners are described. By exposing the integration principles of the trumpet within the music cultures of the two countries the author states a typological resemblance of the processes though no direct contacts have existed. At the same time, clear differences are underlined connected, first of all, with a strong influence of the European music culture mode.

Key words: ethnic trumpet, Belarusian musical culture before XX century, Chinese musical culture before XX century, historical similarities.

На фоне интенсивного развертывания кросскультурных исследований актуальным представляется изучение искусства игры на трубе, как на одном из древнейших и распространенных во всех пластах музыкальной культуры инструментов с богатым набором функций. Ввиду глобализации сегодня инструментарий, исполнительство, музыка и философия инструментализма практически идентичны, но в народе, где живы традиции игры на натуральных трубах, и в историко-культурном контексте прослеживаются значительные различия. Их сравнительное изучение, определяя роль универсальных и специфичных компонентов, раскрывает особенности интеграции трубы в музыкальные культуры Беларуси и Китая.

Актуальность настоящего исследования также обусловлена недостаточной изученностью китайского и белорусского искусства игры на трубе в сопоставительном плане и скудностью представленных в русскоязычной литературе и классических европейских трудах сведений о бытовании трубы в Китае. Введение в научный оборот источников на китайском языке с новыми ракурсами взглядов позволит расширить теоретическую базу. Это публикации Ван Сюпин, Ян Сэнь, Ван Линь, Чжоу Цзинбао и др. На европейских же языках доступны только краткие сведения из фундаментальных работ по истории исполнительства (С. Левин, Ю. Усов), инструментоведению (К. Закс, Н. Привалов), этнографии (Дж. Михайлов). При этом в Беларуси проблема устойчиво вызывает интерес у исследователей: этномузыкологов (И. Назина, А. Скоробогатченко), историков (О. Дадюмова, Б. Ничков, А. Фролов) и исполнителей (Д. Горбачук, В. Волков, Л. Коротеев, М. Шкулепа).

В обеих странах труба используется в народном, военном, сакральном, придворном и городском быту. Но для изучения данного феномена в традиционной музыке избранный ввиду принципиальной разности многонациональной китайской и регионально-вариативной белорусской культур путь работы с обобщенной моделью методологически некорректен, поэтому данный аспект будет рассмотрен в следующих статьях, как и вопросы искусства игры на хроматической трубе. Цель этой статьи состоит в сравнительной характеристике исторического бытования натуральной трубы в культурах Беларуси и Китая с помощью изучения в широком культурном контексте эволюции инструментария, сфер его применения, практического назначения, характерных функций, форм исполнительства и жанрового разнообразия.

Органолюб Керт Закс указывает на существование прообразов трубы еще в эпоху палеолита [14, с. 32–38]. Этнограф В. Беляев относит их появление на территории Беларуси ко времени развития охотничьего и затем скотоводческого хозяйства (то есть, в период перехода от палеолита к неолиту), отмечая, что этот инструмент «имел для белорусов особо важное значение в связи пребыванием их и их предков среди обширных лесных пространств, где звуковая сигнализация была единственным способом сообщения на больших расстояниях» [1, с. 10]. Тем не менее, фактических данных о бытовании первобытных амбужных инструментов в каменном веке на территории Беларуси научное сообщество не имеет.

Старейшей в Китае формой инструмента Закс называет трубу-раковину [14, с. 190]. Исследователь Ван Сюпин приводит сведения об обнаружении глиняно-

го рога, относящегося к группе неолитических археологических культур яншао (5-3 тыс. до н. э.), отмечая, что он появился лишь тогда, когда музыкальные инструменты, изготовленные из пустотелых рогов баранов и крупного рогатого скота, уже широко использовались, и повторял их по форме [20, б. с.]. Ци Шаохуа признал музыкальным инструментом найденный при раскопках на горе Яндун медный рог, относящийся к позднему бронзовому веку (XI–VIII вв. до н. э.), однако не все исследователи разделяют это мнение [16, с. 48]. Согласно иконографическим свидетельствам, во времена династии Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.) инструменты увеличиваются и, вероятно, изготавливаются из дерева. В это же время на территорию Китая вместе с буддизмом проникают трубы из кости. В течение последующих трехсот лет к материалам добавляется кожа. К династии Тан (VII–X вв.) – периоду расцвета древней китайской музыки – относятся первые записи об амбушюрных инструментах из меди и изображения труб из бамбука [21].

Эволюционирует и конфигурация: в период династических изменений между Хань и Тан к архаичным рогу и раковине добавляются трубы в форме высокого усеченного конуса и рога с загнутыми наружу краями раструба. В эпоху Тан появляются инструменты с постепенно расширяющимся к середине и сужающимся к концу корпусом и прямые с игровой трубкой почти цилиндрического сечения. В Западной Ся (XI–XIII вв.) уже фиксируются составные трубы из нескольких сегментов. Во времена династии Мин (XIV–XVII вв.) в конструкции выделяется явственно расходящийся раструб в форме конуса или цилиндра; игровая трубка при этом имеет почти цилиндрическое сечение и может быть как прямой, так и изогнутой в форме чубука [19, с. 107]. К концу правления данной династии в Макао появляется португальский духовой оркестр, привнося в Китай европейские натуральные трубы, однако они не получают распространения.

На территории Беларуси, существующей в русле общеевропейского культурного процесса, они появляются уже в XIV в. [13]. На тот момент это длинные прямые медные инструменты с коническим раструбом. К этому времени предки белорусов уже играют на рогах животных и трубах, повторяющих их по форме, и на прямых разновидностях в виде высокого усеченного конуса без выраженного раструба, общеупотребимых у славян. Как и в Китае до эпохи Тан, материал их изготовления вызывает оживленные дискуссии. Анализируя фрески Софийского собора, миниатюры Радзивилловской летописи и иные источники, исследователи выдвигают предположения о дереве («люди его тые, што за Велею осели, игривали на трубах дубасных»), бересте или меди (поскольку чаще всего трубы окрашены в желтый цвет) [7, с. 18, 19, 61–62; 11, с. 16–17, 20]. Вероятно, использовались все эти материалы. Впоследствии, на фоне мощного экспорта европейских ренессансных традиций, на территорию Беларуси перманентно приходят новые конструкции труб, эволюция которых активно происходит в Западной Европе. К XVI в. миниатюры на полях Радзивилловской летописи показывают медные трубы, согнутые в одно колено, а в источниках XVIII в. упоминаются уже «венские валторны и трубы» [11, с. 58].

При этом в Беларуси, по естественным причинам, полностью отсутствуют трубы-раковины, бамбуковые трубы, а рога имеют несколько меньшие размеры. Несмотря на то, что глина и кожа в целом используются при изготовлении духо-

вых инструментов, амбушюрных из этих материалов не зафиксировано. Также, несмотря на существование парных дудок, нет свидетельств о спаренных трубах, которые эпизодически встречаются на древних китайских фресках [21, с. 114].

Отметим, что и в Китае, и в Беларуси постепенно появляются различные по величине однородные трубы, однако в первом случае их упорядочивание останавливается на разделении на дискантовую и басовую, а во втором, вслед за европейской практикой, – организуется в соответствии с классификацией певческих голосов. В Тибете при этом также используются разновидности одного инструмента, основной тон которых отстоит друг от друга на квинту. Прослеживаются и другие различия: в Китае инструменты нередко раскрашиваются в разные цвета и украшаются росписью в виде геометрических или анималистических орнаментов, а в Беларуси – нет.

Наиболее сильны позиции трубы и в Беларуси, и в Китае в военной среде. Н. Привалов называет среди китайских музыкальных орудий раковину *хайло* «в числе военных труб старого времени» [10, с. 8]. Китайские источники описывают в этом качестве и другие разновидности инструмента. Древнейшая, рог (*нюцзяо*), используется в войсках еще в эпоху мифологизированных династий Ся и Шан (2–1 тыс. до н. э.) [22]. Со временем рост численности армий требует более звучных инструментов. В военном обиходе населяющие Китай народности постепенно начинают применять разные виды натуральных труб, даже с длинным буддистским *дунчен* изображен почетный караул на фреске Красного храма в Цапаранге.

Трубы объединяются в однородные составы, до нескольких десятков, или звучат вместе с гонгами и барабанами. Они используются для подачи сигналов непосредственно в бою (наступление, отступление, маневры), в военном быту (построение, подъем, отбой), для сопровождения маршевых переходов, «распространения страха в рядах врага» и поднятия боевого духа солдат, для воинских церемоний. Различные разновидности инструментов в разных комбинациях применяются в пехоте и коннице, со временем – в артиллерии и на флоте. При этом «военная подготовка и боевые действия в военных лагерях страны не были стандартизированы и унифицированы, и все регионы применяли их в соответствии со своими собственными традициями и пониманием военных командиров» [17, с. 72]. Так, несмотря на существование более звучных труб, *хайло* на протяжении столетий остается основным армейским инструментом. В уставе «Раковина восьми знамен», изданным Министерством военных действий династии Мин, задокументирована разветвленная система сигналов для этого музыкального орудия [17, с. 73]. Лишь в середине XVIII в. цинскими правителями вместе с общей реформой армии проводится инвентаризация и упорядочение музыкальных инструментов. Во 2-й пол. XIX в. китайские трубы постепенно заменяются в войсках на заимствованные из Европы хроматические амбушюрные инструменты.

Предкам белорусов трубы в качестве военного инструментария также были известны уже в древности. Об этом свидетельствует византийский историк Феофилакт Симокатта, описывая произошедшую в VI в. встречу императора Маврикия со славянами: «Гусли имеем при себе для того, что не обыкли носить»

с оружием; да нет совсем железа в земле нашей, чего ради мы живем в тишине и в мире, играем на гусях, поелику не умеем играть на трубах» [12, с. 55]. Наряду с литаврами, трубы – старейшие инструменты белорусского войска. «Немцы зброєю, а Литва хибкостю перамагала <...> под звук труб и бубнов», – гласит «Хроника Литовская и Жемойтская», описывая битву 1321 г. [8, с. 36].

Инструменты выполняют те же сигнальные, походно-маршевые и церемониальные функции, что и в Китае, также служат для устрашения врага и поднятия духа. О важности для воинов «розумети глас труб» говорит, к примеру, Ф. Скорина [11, с. 3]. Подробно о трубах в войсках ВКЛ и Речи Посполитой пишут О. Дадиомова и Д. Сосновский [2; 11]. Мы же отметим схожую с Китаем эволюцию составов воинских коллективов: постепенно увеличивается число инструментов в однородных группах, а ударно-духовые ансамбли расширяются за счет включения флейт, язычковых, новых видов ударных мембранофонов и идиофонов.

Вхождение Беларуси в состав Российской империи совпадает с «сокращением полковых хоров» Павлом I, однако в кавалерийских и артиллерийских подразделениях трубы не теряют актуальности из-за своей звучности, а в каждом пехотном полку, кроме гарнизонных, остаются, как минимум, по две валторны и в каждой роте – по горну [5, с. 403–404]. Реформа Павла вызвана тем, что к середине XVIII в. воинские музыкальные коллективы все чаще участвуют в светской жизни и все больше расширяются, в т.ч. за счет дополнения струнными инструментами [2, с. 48]. Почти в то же время в Китае происходит аналогичная реформа Цяньлуна, изгоняющая из армии «шелк и бамбук», ибо «воины должны совершенствоваться в стрельбе, а не упражняться и достигать совершенства в освоении светского репертуара» [17, с. 75].

Одним из немногих отличий бытования труб в армейской среде является устойчивость инструментария в Китае на протяжении многих столетий и изменчивость его вслед за европейскими тенденциями в Беларуси.

С самым зарождением государственности натуральные трубы переходят из военно-церемониальной музыки в быт правителей и высшей знати и постепенно становятся частью эстетики придворной музыки Китая с ее четко разработанной инструментальной семантикой и символом официального статуса. В церемониальных книгах каждой эпохи прописан регламент их применения и система сигналов. Так, в династии Хань парадный выезд императора сопровождают 8 труб, а хроника династии Суй (581–618 гг.) говорит уже о 120 трубах для императора, 36 для наследного принца и 20 для принца. После наступает стабилизация: энциклопедия истории Цин упоминает в императорском эскорте 36 труб трех видов вместе с 12 флейтами и большой группой ударных [23]. Торжественными трубными звуками сопровождаются и другие церемонии, к примеру, особо важные награждения чиновников.

Со сменой правящих династий и присоединением новых территорий придворная музыка обогащается инструментами разных народов, входящих в состав китайского государства. Например, монгольская династия Юань (XIII–XIV вв.) приносит в нее трубы буддистов. Процесс обучения ламой первого императора этой династии игре на *дунчен* изображен в храме Сакья в Тибете [20, Б. с.].

Трубы участвуют и в музыке светских придворных увеселений и банкетов. При династии Хань и в последующие триста лет династических изменений они «поют хвалу и рассказывают о войнах» в ансамблях ударно-духовой музыки, а во времена Тан звучат в числе десяти ансамблей *шипучи*, представляя музыку южных провинций с *хайло* и музыку Гаочана с характерной для него разновидностью медного рога [18, с. 55; 20, Б. с.]. К этому же времени относятся сведения об участии трубы в придворной музыкальной драме *юси*, следовательно, можно говорить о профессионализации исполнительства: трубачи для коллектива набираются из числа выпускников Консерватории грушевого сада.

Несмотря на то, что общее число придворных музыкантов достигает 1500 человек, амбушюрные инструменты участвуют преимущественно в малых ансамблевых формах. Причиной тому становится ярко выраженная индивидуальность каждой разновидности трубы, не способствующая, по мнению китайских исследователей, «общности для создания оркестра» [15, с. 14].

В ранний период существования Великого княжества литовского ансамбли с участием рогов и труб, как и в Китае, представляют собой военно-придворные музыкальные группы. Звучные амбушюрные инструменты находятся в них на переднем плане (составы включают также язычковые и флейтовые духовые, ударные). При дворах князей, королей и магнатов трубы выполняют церемониальные функции, сопровождая фанфарами официальные торжества (коронация [13, с. 23], именины монархов) и выезды, оглашая о прибытии послов. Позже они звучат во время заседания сейма и поветовых сеймиков [11, с. 53–54].

Со времен княжеских пиров с музыкально-театральным сопровождением скоморохов прослеживаются и рекреативные функции инструмента. В XVIII в. в высшем сословии Речи Посполитой становятся популярны янычарские капеллы, подражающие коллективам янычар Османской империи с медными трубами, изогнутыми в одно колено. Их репертуар включает приветственные, траурные, застольные, танцевальные произведения [3, с. 23–24]. Еще одним экзотическим увлечением шляхты становятся русские роговые оркестры. Во второй половине XVIII в. такие имеют Сапеги, Понятовские, Радзивиллы, Зорич и другие магнаты [4, с. 102].

Но активнее всего, благодаря связям с европейскими дворами и монашескими орденами, в культуру Беларуси проникают западные ансамблевые и оркестровые формы, жанры музыки и конструкции трубы, вплоть до хроматической в XIX в.: «всякое европейское усовершенствование немедленно переходит к нам» [10, с. 109]. Этим обусловлено отличие от Китая – уже в эпоху Ренессанса труба становится оркестровым инструментом. Ее укоренению способствует возникновение в Беларуси национальной симфонической и оперной музыки. Как сходство отметим, что придворные и магнатские капеллы в Беларуси также являются центрами музыкального обучения.

Натуральные трубы присутствуют и в городских музыкальных традициях. В Китае их активно задействуют военные и гражданские чиновники разного уровня, используя регламентированную систему сигналов для сопровождения официальных выходов, чтобы расчистить дорогу, подчеркнуть торжественность момента, оповестить о значимых событиях. Так, если кандидат успешно сдал

императорские экзамены, группу людей, пришедших сообщить об этом, возглавляют трубачи. А когда, к примеру, храмовая ярмарка выходит на улицу, они выстраиваются в линию вдоль главной дороги. Если в доме состоятельных горожан случается траурное событие, перед воротами устанавливается постамент с трубами, и скорбящие, приходя, трубят, выражая таким образом соболезнования. Как и в народной традиции, трубы звучат и в других семейно-обрядовых ритуалах (рождение ребенка, свадьба). В составе инструментальных ансамблей они сопровождают городские праздники и фестивали [19; 20; 24].

В провинциях Гуандун, Ляонин, Сычуань, Фуцзянь, Хубэй, Хунань, Хэбэй, Хэнань, Цинхай, Цзянси, Чжэцзян, Шаньдун, Шэньси, в Гонконге и Макао, в Нинся-Хуэйском и Синцзян-Уйгурском автономных районах трубы включаются и в оркестры национальных музыкальных драм *луаньданьси* и *лабаси*, *ханьцзюй*, *цзинцзюй*, *чаоцзюй*, *шаоцзюй*, *уцзюй*. Чаще всего эти представления отличаются выраженным торжественно-мужественным стилем. Трубы в каждой драме играют разную роль, звуча не только в военных сценах (*учан*), но порой и в гражданских (*вэньчан*), где в числе прочего используются для аккомпанемента пению, или выполняют колористическую функцию, придавая моменту (начало спектакля, сцена на поле брани, казнь) величественность и патетичность.

В обстановке камерного домашнего музицирования трубу можно видеть на акварельных иллюстрациях, сделанных в XIX в. Гуанчжоу, однако это скорее исключение, так как традиционно в Китае в данной сфере используются в основном струнные инструменты. Так же – и в Беларуси. В обеих странах совпадает и время начала демократизации музыкальной культуры – рубеж XVI–XVII вв. Впрочем, и до этого скоморохи широко используют инструмент в сходных с китайскими операми синкретических театрализованных формах: «литвяки медведей ученых по городам водят и на трубах при этом играют» [10, с. 67], а к этому времени трубач уже называется среди профессий горожан Беларуси [6, с. 134]. На городские торжества также приглашаются музыканты, работающие в костелах, воинских подразделениях, у магнатов и шляхты [4, с. 106]. Звук трубы сопровождает и траурные мероприятия знатных горожан [2, с. 47].

На фоне мощного импорта западных традиций профессиональные музыканты объединяются в цеха. Центрами профессионального духового искусства становятся и коллективы при учебных заведениях монашеских орденов. При этом церковь неоднозначно относится к инструменту. К примеру, известно, что торжества в честь канонизации Франческо Борджиа в Полоцке проходят в сопровождении труб и капеллы, а некоторое время спустя генерал ордена иезуитов направляет провинциалу литовскому требование не использовать трубы, барабаны и другую военную музыку [11, с. 58]. Тем не менее, и позже капеллы бурс иезуитов включают трубы – такие примеры приводит Т. Лихач. А в 1736 г. после мессы в иезуитском костеле Несвижа исполняется «Te deum» при звуках труб, барабанов и капеллы [11, с. 104]. О. Дадиомова пишет о том, как к участию в религиозных церемониях католических храмах привлекаются военные оркестры. Есть сведения о существовании немислимого без труб большого оркестра в униатском на то время Жировицком монастыре [9, с. 57]. Позже трубы входят в состав городских, магистратских духовых и симфонических оркестров.

В качестве примера использования инструмента как сигнального в городской среде Беларуси можно назвать «смертельную трубу», звук которой возвещает о готовящейся казни [6, с. 132]. В XIX в. натуральные трубы находят применение в городских службах: горнист, скача на лошади впереди пожарного обоза, предупреждает людей от попадания под колеса, кондуктор оповещает о прибытии дилижанса («раздался звук кондукторской трубы» [6, с. 138]). Однако спектр не так уж широк: в отличие от Китая, в городской культуре Беларуси эстетическая функция трубы все же преобладает над утилитарной.

Таким образом, в ходе исторического развития искусство игры на трубе в обеих странах распространяется по всей их территории, существует в идентичных сферах (в народном, военном, сакральном, придворном и городском быту) и имеет схожее практическое назначение (оповещение, культовые церемонии и обряды, военные сигналы и музыка, музыка для отдыха, действия в народной, придворной и городской музыкальной культуре). При этом в отсутствие прямых контактов проходят схожие типологические процессы с временными разбежками, обусловленными лишь общей стадией развития общества и типом культуры. Конструкции инструментов эволюционируют от архаических до изогнутых форм с выраженным раструбом, материалы – от натуральных к медным, функции – от сигнальной к эстетической, формы исполнительства – от сольных к ансамблевым, его типы – от любительского к профессиональному.

К самобытным китайским чертам следует отнести философски мотивированную апелляцию к материалам изготовления инструментов и сочетанию их индивидуализированных тембров, обуславливающую организацию коллективов (в противовес европейскому принципу тембрового единства), а также к семиотике цвета; четкую регламентированность утилитарных сигналов не только в военной, но и в других сферах; участие труб не только в похоронном, но и в других семейно-обрядовых ритуалах.

Рельефные различия формируются в связи с практикой ассимиляции европейских влияний, начавших при сопоставимом по времени начале проникновения укореняться в Беларуси значительно раньше, чем в Китае. Если китайский национальный инструментарий во всех изученных сферах последовательно проходит стадии естественной теории развития, то в Беларусь перманентно приходят из Западной Европы новые формы инструмента и исполнительства, обогащается жанровая панорама, отделяя академическое искусство от традиционного, вынося на передний план эстетическую функцию трубы и подготавливая базу для концертного музицирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев, В. М. Белорусская народная музыка / В. М. Беляев. – Ленинград : [б. и.], 1941. – 140 с.
2. Дадзіёмава, В. У. ...І гучны голас труб: музыка ў вайсковых фарміраваннях Беларусі XVIII стагоддзя / В. У. Дадзіёмава // Мастацтва Беларусі. – 1988. – № 1. – С. 45–48.
3. Дадзіёмава, В. У. Янычарскія капэлы / В. У. Дадзіёмава // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1988. – № 2. – С. 23–24.
4. Дадзіёмава, О. В. Музыкальная культура Беларуси X–XIX вв. / О. В. Дадзіёмава. – Минск : Ковчег, 2015. – 243 с.
5. Кривцова, Н. Г. Русская военная музыка в конце XVIII в. / Н. Г. Кривцова // История военного дела: исследования и источники. – 2019. – Специальный выпуск. II. Лекции по

- военной истории XVI–XIX вв. – Ч. III. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.milhist.info/2019/09/15/krivcova/>. – Дата доступа: 25.07.2020.
6. Назина, И. Д. Белорусские народные музыкальные инструменты: самозвучающие, ударные, духовые / И. Д. Назина. – Минск : Наука и техника, 1979. – 142 с.
 7. Писняк, Г. Н. Восточнославянская народная инструментальная музыка : конспект лекций : в 4 ч. / Г. Н. Писняк. – Могилев : МГУ, 2005. – Ч. 2. – 115 с.
 8. Полное собрание русских летописей. Том 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного / сост. и ред. тома: д.и.н. Н. Н. Улащик, подготовка текста хроники Быховца: В. А. Чемерицкий; Институт истории СССР АН СССР. – М. : Наука, 1975. – 235 с.
 9. Постернак, К. Музыкальные инструменты и православное церковное пение в XVII–XX веках / К. Постернак // Музыкальная академия. – 2017. – №4. – С. 56–61.
 10. Привалов, Н. И. Музыкальные духовые инструменты русского народа, в связи с соответствующими инструментами других стран: историко-этнографическое исследование / Н. И. Привалов. – С.-Петербург : Типография М. А. Александрова, 1907. – 109 с.
 11. Сасноўскі, З. Музычная культура рыцарскага саслоўя Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага / З. Сасноўскі. – Мінск : Кнігазбор, 2010. – 133 с.
 12. Стриттер, И. М. Известия византийских историков : Объясняющая российскую историю древних времен и преселения народов; Собраны и хронологическим порядком расположены Иваном Штриттером. – Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1770–1775. – Ч.1: О славянах. – 1770. – 135 с.
 13. Фралоў, А.В. Велікакняскія капэлы Гедымінавічаў (Альдоны, Вітаўта і Ягайлы) як цэнтры развіцця прафесійнага музычнага інструменталізму Беларусі / А.В. Фралоў // Весці Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі : навукова-тэарэтычны часопіс. – 2004. – №5. – С. 18–25.
 14. Sachs, Curt. Historia instrumentów muzycznych / Curt Sachs; Przełożył Stanisław Olędzki. – Kraków : Polskie Wydawnictwo Muzyczne, 1989. – 492 s.
 15. 黄绍中. 民族铜管乐器的探索. 乐器, 1979 (01): 14–16 (Хуан, Ш. Исследование национальных духовых инструментов / Шаочжун Хуан // Музыкальные инструменты. – 1979. – №1. – С. 14–16).
 16. 齐韶花. 烟墩山出土的角状器. 东方博物, 2017 (02): 48–53 (Ци, Ш. Орудия в форме рога, обнаруженные на горе Яндун / Шаохуа Ци // Музей Востока. – 2017. – № 2. – С. 48–53).
 17. 任方冰. 清代旗绿两营军事实践用乐考论. 中国音乐学, 2012 (01): 72–79 (Жэнь, Ф. Изучение практического применения музыки в восьминзнаменной армии и войсках зеленого знамени империи Цин / Фанбин Жэнь // Китайское музыковедение. – 2012. – № 1. – С. 72–79).
 18. 孙敏. 中原鼓吹乐的历史嬗变. 东方艺术, 2005 (08): 54–56 = Сунь, М. Историческая эволюция ударно-духовой музыки на Центральных равнинах / Минь Сунь // Искусство Востока. – 2005. – №8. – С. 54–56).
 19. 王霖. 弯号探源. 上海大学学报(社会科学版), 1990 (01): 107–108 = Ван, Л. Происхождение ваньхао [разновидность трубы, изогнутая в форме чубука] / Линь Ван // Журнал Шанхайского университета (издание по общественным наукам). – 1990. – № 1. – С. 107–108.
 20. 王秀萍. 中国民族乐器简编. 新华出版社, 2013: 194 = Ван, С. Энциклопедия китайских национальных музыкальных инструментов / Сюпин Ван. – Пекин : «Синьхуа», 2013. – 194 с.
 21. 杨森. 敦煌壁画中的“角”研究. 敦煌研究, 1991(04) 107–114 = Ян, С. Изображение трубы на фресках Дуньхуана / Сэнь Ян // Дуньхуаньские исследования. – 1991. – № 4. – С. 107–114.
 22. 欽定古今圖書集成. 經濟彙編 第一百二十四卷 (Императорское собрание старинных и современных книг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zh.m.wikisource.org/wiki/欽定古今圖書集成/經濟彙編/樂律典/第124卷>. – Дата доступа: 25.07.2022.
 23. 周菁葆. 丝绸之路上的铜角(上). 乐器, 2018 (02): 30–33 = Чжоу, Ц. Труба на Великом шелковом пути : ч. 1 / Цзинбао Чжоу // Музыкальные инструменты. – 2018. – №2. – С. 30–33.

24. 周菁葆. 丝绸之路上的铜角(下). 乐器, 2018 (04): 29–31 = Чжоу, Ц. Труба на Великом шелковом пути : ч. 2 / Цзинбао Чжоу // Музыкальные инструменты. – 2018. – №4. – С. 29–31.

УДК 792.97:782(510)

ФЭН СИНЬИ FENG XINYI

МУЗЫКА В ТРАДИЦИОННОМ ТЕАТРЕ КУКОЛ КИТАЯ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

В статье анализируется широкий круг литературы, содержащей сведения о музыкальном компоненте традиционного китайского театра кукол, определяется проблематика, наиболее и наименее разработанная в китайских и зарубежных исследованиях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Китай, кукольный театр, традиционный театр, куйлэйси, театральная музыка.

MUSIC IN CHINA'S TRADITIONAL PUPPET THEATER: HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE

The article analyzes a wide range of literature containing information about the musical component of the traditional Chinese puppet theater and identifies the issues that are most and least developed in Chinese and foreign studies.

Key words: China, puppet theatre, traditional theatre, kuileixi, theatrical music.

В Китае существует несколько сотен разновидностей традиционного кукольного театра *куйлэйси* – национальных, региональных, локальных, – а его история развития насчитывает, как минимум, 2000 лет. Это дает поистине богатейший материал для ученых, и потому про китайские кукольные театры написано множество научных трудов в самых разных направлениях. Однако, в то время как одни составляющие *куйлэйси* препарированы в мельчайших деталях, относительно других до сих пор существуют пробелы в знаниях.

Восточный театр нельзя представить без музыки. Здесь она не только аккомпанирует пению и создает общую атмосферу, но и характеризует личность каждого конкретного персонажа, его настроение, руководит скоростью его движений, оповещает о его выходе на сцену и уходе с нее, разграничивает эпизоды, заполняет паузы и выполняет еще множество других функций. В отношении кукольного театра это особенно актуально. Он может существовать без слов и даже без драматургии, но не мыслит своего существования без музыкальности, которой проникнуты речь, движения и все другие средства художественной выразительности. Ведь кукла, лишенная, в отличие от живого актера, мимики, полагается именно на эти средства.

В традиционном *куйлэйси* музыкальный компонент представлений имеет тесную связь с традиционным театром *сицзюй*. Р. Шапиро, описывая чаочжюуский театр стержневых кукол, отмечает: «фактически кукольная опера является китайской оперой в миниатюре <...>: музыкальный и литературный материал, костюмы, исполнительские приемы (пение, декламация, жесты, боевые искусства) полностью совпадают» [3, с. 381]. А один из основоположников китайского театроведения Оуян Юйцзянь утверждает, что «различие между китайскими локальными видами театра состоит главным образом в музыке» [цит. по: 1, с. 9]. Т.е. именно она является основным стилевым маркером *сицзюй*. При изучении

же и классификации *куйлэйси* на первый план выходят визуальные различия, в основном связанные со способом манипулирования куклами. И это лишь один из примеров того, что теоретики уделяют непростительно мало внимания музыкальному компоненту *куйлэйси*.

В данной работе мы проанализируем, что и в каком ключе писали о нем китайские и зарубежные исследователи, впервые введя в научный оборот на русском языке многочисленные китайские источники, и отметим наиболее и наименее разработанную проблематику. При этом мы сфокусируемся на музыке кукольных театров материкового Китая, оставив пока за скобками Тайвань и многочисленные диаспоры в разных странах мира.

Поскольку в традиционном театре всегда существовал (и до сих пор преобладает) только устный способ передачи знаний из поколения в поколение, от учителя к ученику, в древних письменных источниках можно обнаружить данные лишь о времени, месте, тематике постановок *куйлэйси*, имена знаменитых кукольников и т.п., а единственные сведения о музыке – это информация о составах инструментальных ансамблей, сопровождающих выступления, и названия арий, исполняемых персонажами. Ситуация не скоро меняется даже с развитием современного театроведения. Представители этой отрасли науки в основном уделяют внимание визуальному, а не звуковому компоненту кукольных представлений, лишь упоминая те или иные факты об их музыкальном сопровождении.

На русском языке такие данные впервые приводит знаменитый советский кукольник С. Образцов¹. Он отмечает факт различия местных форм традиционного кукольного театра в мелодиях и инструментовке, отмечает разницу в функциях китайского музыканта и обязательного для русского театра Петрушки шарманщика, удивляется огромному множеству пьес и народных мелодий, которое инструменталист помнит наизусть, описывает музыкальный компонент нескольких представлений и репетиционный процесс. Но все это – лишь наблюдения и личные впечатления кукловода-практика.

Подойти к проблеме с теоретической точки зрения первым попытался Жэнь Чжаосюэ в статье «Мнение о куклах и музыке», написанной в 1962 г. Она, по современным меркам, не претендует на глубину и, по сути, лишь также фиксирует впечатления автора от наблюдения за кукольными спектаклями «за последние годы <...> в более чем в десяти провинциях и городах» [5, с. 31]. Однако она ценна тем, что автор описывает традиционный театр в его почти первозданном виде, еще не подвергшийся реформам и современным веяниям.

Следующие статьи китайских авторов о музыке в *куйлэйси* появляются только четверть века спустя. Чень Мэй², Линь Чуньцин³, Ван Айцунь⁴ и Хэ

¹ Образцов, С. В. Театр китайского народа. М.: Искусство, 1957.

² 陈枚: 闽南傀儡戏音乐 = Мэй, Чень. Музыка театра марионеток в Миннане / Чень Мэй. 泉州木偶艺术, 1986.

³ 林春晴. 漫谈泉州提线木偶戏音乐 = Чуньцин, Линь. О музыке цюаньчжоуского театра марионеток [J] / Линь Чуньцин. 泉州木偶艺术, 1986.

⁴ 王爱群. 续论泉腔 = Айцунь, Ван. Продолжение изучения цюаньчжан / Ван Айцунь. 泉州地方戏曲(内部版), 1987.

Минсяо¹ – этномузыкологи и используют соответствующую методологию исследований: производят фиксацию материала и его музыковедческий анализ.

Первые трое пишут о театре марионеток Цюаньчжоу из провинции Фуцзянь – самой древней и репрезентативной региональной разновидности театра кукол в Китае, сформировавшей собственную уникальную театральную музыку – кукольную мелодию *куйлэй дяо*. Авторы прослеживают роль в ее формировании интонационных систем народной музыки и музыки, распространенных в этом регионе в разное время традиционных драм, а также обратные влияния, рассматривая особенности вокального и инструментального сопровождения.

Хэ Минсяо пишет о представлениях марионеток и кукол на стержне из провинции Сычуань. Отдельно отметим его попытку связать используемую музыку с жанром кукольных представлений, выделяя музыкальные различия в пьесах на историческую, мифологическую и современную тематику, в пьесах для детей и в пьесах-аллегориях.

Еще одна работа того же периода² имеет историко-теоретическую направленность и не имеет четкой региональной привязки. Помимо прочего, ее автор Дан Чжэнгань приводит сведения, где конкретно в спектаклях используется пение, и впервые сопоставляет *куйлэйси* и *сицзюй* в этом контексте.

На этом размещенные в Китайской национальной базе знаний (CNKI) работы по теме за XX в. и заканчиваются. Впрочем, западных исследований – еще меньше. Даже в фундаментальной монографии французского театроведа Ж. Пэмпано «Куклы в тени»³ касательно музыки приводится совсем немного сведений: характеристика обстоятельств исполнения арий, описания музыкального сопровождения представления кукловода-одиночки из провинции Фуцзянь и инструментов ансамбля гуандунских кукольников, данные о расположении музыкантов во время представления и об использовании магнитофонных записей. Также в работе прослеживается связь мелодического материала с событиями и состоянием героев.

Через 20 лет после Ж. Пэмпано этномузыколог Л. Ролт, также из Франции, публикует аннотацию к записям музыки театра марионеток Цюаньчжоу. Она подчеркивает ее коннотацию со свадебной музыкой и связь с магическими ритуалами, отмечая также, что «музыкальное сопровождение <...> выражает как поведение, так и мысли персонажей, <...> стимулирует эмоции зрителей, захватывает их внимание и переносит в параллельную Вселенную» [4].

Из русскоязычных работ некоторые научные сведения о музыке *куйлэйси* содержатся в монографии «Традиционный театр кукол Востока» этнотеатроведа И. Соломоник. Но за редкими исключениями автор лишь ретранслирует тезисы Ж. Пэмпано, либо исследователей китайской музыкальной культуры С. Зунг, М. Шнеерсона, Л. Эрлингтона и др., экстраполируя их на кукольный театр. Например, в отношении кантонских представлений она отмечает, что «музы-

¹ 何明孝 . 木偶戏音乐现状初探 = Минсяо, Хэ. Предварительное исследование статус-кво музыки для кукольных спектаклей) [J] / Хэ Минсяо. 四川戏剧, 1991 (6).

² 党正干. 线腔音乐形成初探 = Чжэнгань, Дан. Предварительное исследование формирования музыки марионеток / Дан Чжэнгань. 西岳艺苑, 1988 (3).

³ Pimpaneau, J. Des poupées à l'ombre. Paris, 1977.

кальное сопровождение кукольные переняли у [кантонской] музыкальной драмы» [2, с. 71].

Значительный всплеск интереса китайских исследователей к музыке театра кукол происходит уже в XXI в. О данном явлении появляются десятки научных работ. Однако в подавляющем большинстве случаев это работы музыковедческого, а не театроведческого профиля, изучающие «музыку в себе», а не как один из компонентов театрального синтеза в его тесном взаимодействии с другими. Такой подход свойственен как обзорным исследованиям, в которых, например, Линь Чуньчунь¹ и Сюй Цзыминь² рассматривают происхождение, эволюцию, художественную специфику и музыкальные характеристики театра марионеток Цюаньчжоу, так и сконцентрированным на узкой проблематике.

Так, Чэнь Чжицзе в трех своих работах³ и Линь Цзяньюй⁴ описывают инструменты, которые используются для музыкального сопровождения представлений марионеток Цюаньчжоу. Авторы отмечают, что в *куйлэй дяо* задействованы редкие древние инструменты, как, например, ножной «марионеточный» барабан, и рассказывают об их ролях в музыкальной партитуре и о техниках исполнения. В другой работе⁵ Линь Цзяньюй проводит мелодический и ладовый анализ типовых мелодий *цюйпай*, которых в *куйлэй дяо* насчитывается более трехсот. Чэнь Чжицзе в дополнение рассматривает вопросы взаимного влияния инструментального сопровождения кукольных спектаклей Цюаньчжоу и местной народной музыки, а также музыки традиционных драм *дачэнси*, *гаоцзяси* и *лиуаньси*.

Рассматривая тот же объект, но более углубленно, подобного же рода сравнительные исследования с музыкальным жанром *наньинь* и древней южной драмой *наньси* проводят в своих диссертациях Чжан Иньинь⁶ и Линь Цзинь⁷. Чэнь Синьфэн, исследуя происхождение и специфику хорового сопровождения

¹ 林纯纯. 泉州傀儡戏及其音乐特质 = Чуньчунь, Линь. Кукольный театр Цюаньчжоу и его музыкальные особенности [J] / Линь Чуньчунь. 新余学院学报, 2015 (20).

² 许子铭. 探究泉州傀儡戏的传统音乐 = Цзыминь, Сюй. Изучение традиционной музыки кукольного театра Цюаньчжоу [J] / Сюй Цзыминь. 戏剧之家, 2016 (24).

³ 陈志杰: 泉州傀儡戏打击乐器及演奏技法 = Чэнь Чжицзе. Ударные инструменты и техника исполнения кукольной драмы Цюаньчжоу [J] / Чэнь Чжицзе. 福建艺术, 2002 (06); 泉州“傀儡调”与闽南“鼓”, “吹”的关系 (Связь между «кукольной мелодией» из Цюаньчжоу и логуцзин из Миннань) [J]. 福建艺术, 2011 (06); 泉州“傀儡调”音乐的继承与保护 (Наследование и защита музыки «кукольной мелодии» в Цюаньчжоу) [J]. 大众文艺, 2013 (08).

⁴ 林建裕. 浅谈泉州傀儡戏的主要古乐器 = Цзяньюй, Линь. Основные древние музыкальные инструменты Цюаньчжоуской кукольной драмы [J] / Линь Цзяньюй. 大众文艺, 2012 (13).

⁵ 林建裕. 普天乐舞千秋岁太平歌唱万年欢——浅谈对泉州傀儡调曲牌内涵的理解 = Цзяньюй, Линь Цзяньюй. Тысяча лет мирной музыки и пения для десяти тысяч лет радости: понимание смысла кукольных мелодий Цюаньчжоу [J] / Линь Цзяньюй. 艺苑, 2013 (04).

⁶ 张盈盈. 福建南音泉州派, 厦门派“曲”之比较研究 = Иньинь, Чжан. Сравнительное исследование стиля наньинь Фуцзянь-Цюаньчжоу и стиля Сямынь “Цю” [D] / Чжан Иньинь. — 福建师范大学, 2004.

⁷ 林静. 泉州高甲戏音乐与乡土艺术音乐关系初探 = Цзинь, Линь. Предварительное исследование взаимосвязи между музыкой драмы Цюаньчжоу гаоцзя и музыкой народного искусства [D] / Линь Цзинь. 福建师范大学, 2007.

банцян, приходит к выводу, что «человеческий голос и инструментальная музыка объединяются, образуя двойственную структуру типовых мелодий *наньси* и *куйлэй дяо*» [7, с. 126].

В похожем ключе в основном рассматривается музыкальный компонент театра марионеток и из других регионов. Так, Сюй Инь в своей диссертации¹, пишет, что музыка кукольного представления *чжуаньцзы* из фуцзяньского уезда Пучэн имеет характерные черты народной музыки, используется интонационная система *гаоцян* и такие инструменты как сона, эрху, гонги и барабаны. Фу Ли и Тан Гуанхуа в совместной статье² отмечают, что музыкальные особенности и культурные коннотации театра марионеток из районов проживания субэтнической группы хакка, в частности, в уезде Шанхан, оставили сильный след в истории развития драматической культуры Фуцзяни.

Ци Чжэнь, ведя в диссертации³ этномузыкологический дискурс о музыкальном компоненте театра кукол на стержне *цзяцзява* из провинции Шаньдун, также сравнивает стиль его пения, музыку гонгов и барабанов и мелодии *цуйнай* с местной традиционной драмой *банцзы* на примере произведений из общего репертуара. На сходные методы (этномузыкологические) и контекст (традиции местных *сицзюй*) опираются Сян Сыюй при изучении кукольных спектаклей в округе Луншань провинции Хунань⁴, Ван Сяовань и Чэнь Сяофан, исследующие музыку кукольного театра на северо-востоке провинции Цзянси⁵, Ли Синь анализирующий музыкальный компонент представлений ее юго-восточной части⁶ и Хуан Вэньдин, рассматривающий спектакли марионеток в округе Хэнфэн, также в Цзянси⁷.

Хуан Данни и Чжуан Найчжэнь⁸ выявляют сходства и различия между кукольными театрами в Шанхане и в Цюаньчжоу, в том числе и в музыке, затрагивая как исторический контекст, так и современное состояние, и делая акцент

¹ 徐莹. 浦城提线木偶戏的音乐调查与文化功能研究 = Инь, Сюй. Изучение и исследование культурной функции кукольного представления Пучэн [D] / Сюй Инь. 新疆师范大学, 2012.

² 傅丽, 汤光华. 闽西提线木偶戏的音乐特色及文化意蕴 = Ли, Фу. Музыкальные характеристики и культурные последствия кукольного театра западной Фуцзянь / Фу Ли, Тан Гуанхуа [J]. 艺海, 2006 (06).

³ 亓珍. 贾家洼傀儡戏调查研究 = Чжэнь, Ци. Исследование кукольного театра *цзяцзява* [D] / Ци Чжэнь. – 陕西师范大学, 2013.

⁴ 向思宇. 湘西龙山县“木偶戏”考察研究 = Сыюй, Сян. Исследование кукольного театра в уезде Луншань [J] / Сян Сыюй. – 歌海, 2018 (06).

⁵ 汪晓万, 陈晓芳 (Чэнь Сяофан). 赣东北木偶戏音乐探析 = Сяовань, Ван. Исследование музыки кукольного театра в Северо-Восточном Китае [J] / Ван Сяовань, Чэнь Сяофан. – 上海戏剧, 2014 (12).

⁶ 李歆. 会昌县福瑞堂木偶戏音乐考察与研究 = Синь, Ли. Исследование и изучение музыки кукольных представлений *фуцзуйтан* уезда Хуйчан [D] / Ли Синь. 赣南师范大学, 2020.

⁷ 黄文婷. 江西横峰提线木偶戏田野调查与研究 = Вэньдин, Хуан. Полевое исследование и изучение кукольного театра границы Цзянси Хэнфэн [D] / Хуан Вэньдин. 浙江师范大学, 2016.

⁸ 黄丹妮, 庄乃祯. 论闽西上杭提线木偶戏与闽南泉州提线木偶戏的异同态 = Данни, Хуан О сходствах и различиях между кукольным театром Шанхан в Западной Фуцзяни и кукольным театром Цюаньчжоу в южной Фуцзяни [J] / Хуан Данни, Чжуан Найчжэнь. 剑南文学(经典教苑), 2013 (04).

на изучении певческого компонента. Чжоу Юньцзе проводит сравнительный анализ песенных и инструментальных характеристик театра марионеток *луантань* из округа Лишуй провинции Чжэцзян, с аналогичными в представлениях театра из округа Куньмин провинции Юньнань, а после – с местной драмой *уцзюй луантань*¹.

Цянь Линь² отмечает сосуществование в музыке театра марионеток уезда Шанхан двух интонационных систем: древней *гаоцян* и более поздней *луантань*, которая представляет собой мелодический стиль ханьской драмы, появившийся в этом регионе только в конце XIX в. Автор определяет взаимоотношение этих двух музыкальных пластов в певческих номерах спектаклей как одновременно независимое и взаимосвязанное. Анализируя вокальную музыку народного кукольного представления уезда Шицян в провинции Гуйчжоу, к выводу о сосуществовании двух интонационных систем приходит и Чжан Инхуа³. В данном случае это *гаоцян* и *пинтань* – стиль местных сказителей, заимствованный артистами театра марионеток. Тем же путем следуют Лу Чжоу при изучении традиционных кукольных представлений из округа Цзинси Гуанси-Чжуанского автономного района⁴ и Се Сяона при анализе элементов музыкальной композиции спектакля *наньчжуан* из провинции Хэнань⁵.

Лань Лянь в своей диссертации⁶ отмечает, что интонационная система *гаоцян* была очень популярна в районах расселения хакка до позднего периода династии Цин, а сегодня представляет собой «живое ископаемое», и подчеркивает важность сохранения ее как культурного наследия. Ма Чуньянь прослеживает трансформации музыкального компонента театра кукол на стержне *наньчжуан* в современном контексте и также замечает, что «музыка стала более разнообразной, но потеряла свою связь с культурной средой» [8, с. 74]. Схожие проблемы волнуют Ван Даньхуэй, затрагивающую вопрос функционирования вокальной музыки представлений кукол на стержне в уезде Янсянь провинции

¹ 周云杰：丽水乱弹提线木偶戏的戏曲音乐特征分析 = Юньцзе, Чжоу. Анализ характеристик музыки театра марионеток Лишуй луантань [J] / Чжоу Юньцзе. 艺术百家, 2016 (32); 处州乱弹与婺剧乱弹主曲调的比较分析 (Сравнительный анализ основных мелодий чучжоу луантань и уцзюй луантань). 音乐探索, 2018 (03); 处州乱弹提线木偶戏与菇民提线木偶戏声腔之比较 (Сравнение интонационных систем театров марионеток луантань из Чучжоу [Лишуй] и Куньмин) [J]. 丽水学院学报, 2019 (03).

² 钱琳. 闽西上杭傀儡戏高腔音乐初探 = Линь, Цянь. Предварительное исследование музыки гаоцян кукольной драмы в Шанхане, западная Фуцзянь [J] = Цянь Линь. 中国戏剧, 2020 (09).

³ 张应. 石阡民间木偶戏常用唱腔音乐探析 = Инхуа, Чжан. Анализ общей певческой музыки народного кукольного театра Шицян [J] / Чжан Инхуа. 贵州大学学报(艺术版), 2006 (03).

⁴ 陆洲. 靖西壮族提线木偶戏的音乐类型分析 = Чжоу, Лу. Анализ музыкального жанра представления струнных кукол из Цзинси, Чжуан / Лу Чжоу [J]. 歌海, 2010 (02).

⁵ 谢晓娜. 论南庄木偶戏音乐构成的唱腔要素及其结构功能 = Сяона, Се. О певческих элементах и структурных функциях музыки кукольного театра Наньчжуан / Се Сяона [J]. – 艺术品鉴, 2019 (21).

⁶ 蓝乐妍. 非物质文化遗产视域下的上杭傀儡戏研究 = Лянь, Лань. Исследование театра кукол Шанхан с точки зрения нематериального культурного наследия [D] / Лань Лянь. – 广西, 2013.

Шэньси¹, и Гао Шу, автора ряда работ² о театре перчаточных кукол из городского округа Чжанчжоу, Фуцзянь. Музыкальный аспект последний затрагивает с позиции антропологии и выделяет в отдельную проблему – реформы и сохранение традиции. Для нашего исследования также значимо, что он выделяет музыкальные символы и метафоры как часть диады «символическое искусство сюжетной музыки – действие кукольного типа». Еще одно музыкально-антропологическое исследование проводит Ван Цзычэн, вторая глава диссертации³ которого посвящена музыкальному компоненту представлений кукольников-одиночек из города Гаою провинции Цзянсу.

Фан Ин в диссертации⁴ подходит к изучению представления из округа Суйчан провинции Чжэцзян с точки зрения музыкальной социологии. Он говорит об исторических изменениях, организационной структуре трупп, экономических моментах, условиях выступления, повседневной жизни актеров и музыкантов, социальных функциях театра кукол и их освещении в СМИ.

Ли Я рассматривает тот же объект, но в первую очередь как ритуальную традицию, интегрированную в контекст народных праздников и храмовых представлений. Также это – единственный автор, концентрирующийся на взаимосвязи музыкального компонента и двигательного аспекта, говоря, что «исполнители создают пластическую и звуковую сеть ритуального театра» [6, с. 68]. Другие искусствоведы не уделяют должного внимания этим важным взаимосвязям.

Например, Е Миншэн рассматривает более десятка разновидностей кукольных спектаклей из провинции Фуцзянь на более чем 1200 страницах монографии⁵, но параллели с *муляньси* и другими местными разновидностями театра *сицзюй* – это единственное, что касается музыкальной специфики явления. Ян Фэйфэй⁶ предпринимает попытку рассмотреть музыкальный компонент параллельно со спецификой конструкции марионеток, но последовательно, в отдельных частях статьи, не связывая. Подобное в целом свойственно китайским исследователям.

Отдельно отметим статьи практиков – артистов театра Цюаньчжоу. Кукольник с 20-летним опытом Чень Луаньчжи погружает нас в искусство созда-

¹ 王丹慧. 陕南洋县杖头木偶戏的考察研究 = Даньхуэй, Ван. Исследование кукольного спектакля на стержне уезда Ян южного Шэньси [D] / Ван Даньхуэй. 西安音乐学院, 2020.

² 高舒: 八寸戏偶 五指乾坤 ——漳州布袋木偶戏研究 = Шу, Гао. Исследование кукольного театра Чжанчжоу / Гао Шу [D]. 南京航空航天大学, 2009; 消失的唱腔 – 漳州市木偶剧团剧目改革解读 = Исчезающие мелодии – объяснение репертуарной реформы кукольного театра Чжанчжоу [J]. 中国音乐学, 2011 (3). 北调南腔: 漳州布袋木偶戏的执守与嬗变 = Северный напев и южная мелодия: сохранение и преобразование кукольного театра Чжанчжоу) [M]. – 暨南大学出版社, 2016.

³ 王梓承. 一根扁担一台戏——江苏卸甲肩担木偶戏的音乐人类学研究 = Цзычэн, Ван. Один плечевой шест и одна драма – музыкально-антропологическое исследование кукольных представлений сецзяцзяньдань в Цзянсу [D] / Ван Цзычэн. – 扬州大学, 2021.

⁴ 方莹. 遂昌木偶戏的调查与研究 = Ин, Фан. Исследование и изучение кукольного театра Суйчан [D] / Фан Ин. 中国艺术研究院, 2007.

⁵ 叶明生. 福建傀儡戏史论 = Миншэн, Е. Об истории кукольного театра Фуцзянь / Е Миншэн. – 北京, 2004.

⁶ 杨菲菲. 浅谈泉州提线木偶的艺术特色 = Фэйфэй, Ян. Краткий разговор о художественных особенностях кукол Цюаньчжоу [J] / Ян Фэйфэй. – 艺苑, 2017 (03).

ния женских образов в представлениях марионеток, задействующее все средства выразительности, в т.ч. музыкальные¹, а инструменталист Хуан Чжунлин, принявший наследие *куйлэй дяо* от предыдущих поколений, анализирует 30-летние изменения в данной области².

Зарубежных исследований по теме в XXI в. практически не появляется. Единственное исключение – монография доктора Фан Пен Ли Чен из Университета штата Нью-Йорк в Олбани, посвященная театру марионеток из уезда Хэян провинции Шэньси³ – единственного места, где он сохранился в северном Китае. Основной акцент в работе сделан на драматургии, о музыке же приводятся совсем общие факты.

Таким образом, обзор источников, посвященных музыке *куйлэйси*, выявляет следующую ситуацию: несмотря на все богатство разновидностей китайского театра кукол, на протяжении многих десятилетий его музыка остается на периферии научного знания. Существуют лишь единичные публикации на французском, русском и английском языках. Китайские авторы обращаются к этой теме гораздо чаще, но многие вопросы все равно остаются непроработанными.

Сведения о музыкальном компоненте представлений *куйлэйси* мы находим в основном в работах этномузыкологов. Чаще всего они сконцентрированы на той или иной региональной разновидности кукольного театра и связях его музыкального компонента с таковым в местной разновидности *сицзюй* и с народной музыкой региона. Обобщающий характер носят лишь единичные работы, написанные уже более 30 лет назад.

Музыковеды также используют музыкально-антропологический, инструментоведческий, историко-теоретический, музыкально-социологический и интер-претологический подходы.

Подавляющее большинство публикаций посвящено кукольным театрам из провинции Фуцзянь. Они фигурируют в десятках работ, в то время как представлениям из провинций Чжэцзян и Цзянси посвящены по три работы, из провинций Хэнань и Шэньси – по две, из провинций Гуйчжоу, Хунань, Цзянсу, Шаньдун, Юньнань и Гуанси-Чжуанского автономного района – по одной. При этом работ сравнительного плана нам удалось обнаружить всего две.

О связях музыки *куйлэйси* с драматургией, характером сценического действия, техникой исполнения и другими объектами театроведения рассуждают лишь единичные авторы (Ж. Пэмпано, И. Соломоник, Ли Я, Хэ Минсяо, Чень Луаньчжи). При этом даже их работам местами свойственны недостаточность или вторичность данных и узость взгляда.

Таким образом, следующим этапом изучения музыки традиционного театра кукол Китая закономерно представляется появление работ, которые подняли бы дискурс на новый уровень обобщения, сделав выводы из различий и общно-

¹ 陈鑫治. 泉州提线木偶戏旦角表演今昔 = Луаньчжи, Чень. Настоящее и прошлое ампула дань в театре марионеток Цюаньчжоу [J] / Чень Луаньчжи. – 戏剧之家, 2015 (05).

² 黄仲凌. 泉州“傀儡调”音乐的特点及发展与创新 = Чжунлин, Хуан. Характеристика музыки Цюаньчжоу: «кукольная мелодия», ее развитие и инновации [J] / Хуан Чжунлин. 艺术评鉴, 2018 (24).

³ Chen, F. L. Marionette Plays from Northern China. New York, 2017.

сти региональных разновидностей *куйлэйси*, а также – исследований, рассматривающих взаимодействие музыкального компонента театрального синтеза с его другими слагаемыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаева, Т. Б. Пекинская опера цзинцзюй : музыка, актер и сцена китайского традиционного театра / Т. Б. Будаева; РАН; Институт востоковедения. – М.; СПб : Нестор-История, 2019. – 309 с.
2. Соломоник, И. Н. Традиционный театр кукол Востока : Основные виды театра объемных форм / И. Н. Соломоник. – М. : Наука; Вост. лит., 1992. – 311 с.
3. Шапиро, Р. Г. Южнокитайские традиции театра кукол и теней / Р. Г. Шапиро // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / РАН; Ин-т Дальнего Востока; гл. ред.: М. Л. Титаренко. – М. : Вост. лит., 2010. – Т. 6 (дополнительный) : Искусство. – С. 381–384.
4. Rault-Leyrat, L. Chine. Ka-lé. La Cérémonie du Bonheur, Musique des marionnettes à fils de Quanzhou (Fujian) [Ressource électronique]/ L. Rault-Leyrat // Cahiers d'ethnomusicologie. – 1997. – №10. – Mode d'accès: <http://journals.openedition.org/ethnomusicologie/935>. – Date d'accès : 06.01.2023.
5. 任兆学. 对木偶戏, 音乐的意见[J]. 人民音乐, 1962 (10): 31 = Жэнь, Ч. Мнение о куклах и музыке / Чжаосюэ Жэнь // Народная музыка. – 1962. – №10. – С. 31.
6. 李亚. 表演场域中的遂昌傀儡戏——以金坤木偶剧团为个案[D]. 上海音乐学院, 2012: 89 = Ли, Я. Кукольный спектакль из Суйчан на сцене — на примере кукольной труппы «Цзинкунь»: дисс. ... маг. искусств / Я Ли; Шанхайская консерватория. – Шанхай, 2012. – 89 л.
7. 陈新风. 论析泉州傀儡调里所保留的南戏“合(唱)”结构[J]. 音乐研究. 2020(03): 66–73 = Чэнь, С. Анализ структуры «хоп (пение)» южной оперы, сохранившейся в кукольных мелодиях Цюаньчжоу / Синьфэн Чэнь // Музыкальные исследования. – 2020. – №3. – С. 66–73.
8. 马春莲. 河南汝阳南庄木偶戏音乐调查与研究[J]. 四川戏剧, 2014(01): 71–74 = Ма, Ч. Исследование и изучение музыки кукольного театра наньчжуан в Хэнань / Чуньянь Ма // Сычуаньская драма. – 2014. – №1. – С. 71–74.

УДК 784.087.68 (510)

ХУ ЮНЬКУНЬ HU YUNKUN

ОРАТОРИЯ В ХОРОВОМ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОМ ИСКУССТВЕ КИТАЯ

В статье освещаются особенности жанра оратории как составной части композиторского творчества и хорового исполнительского искусства в Китае.

Ключевые слова: Китай, хоровое искусство, оратория, исполнение, китайские народные инструменты, китайская народная музыка.

ORATORIO IN THE CHORAL PERFORMING ARTS OF CHINA

The article highlights the features of the oratorio genre as an integral part of composing and choral performing arts in China.

Key words: China, choral art, oratorio, performance, Chinese folk instruments, Chinese folk music.

Введение. На протяжении XX–XXI столетий в музыкальном искусстве Китая все более заметной и притягательной для слушателей становится хоровая музыка. В творчестве многих видных китайских композиторов представлены хоровые сочинения разных масштабов, жанров, национально-культурных истоков. Наряду с жанрами дахэчан («большой хор»), цзянсяохэчан («симфониче-

ский хор») культивируются кантаты, оратории, хоровые фантазии, циклы и другие жанры, заимствованные из европейской хоровой музыки.

Так, например, к жанру *оратории* в разные десятилетия обращались многие китайские композиторы: Хуан Цзы («Песнь о вечном сожалении», 1932); Сянь Синхай («Желтая река», 1939); Ло Чжунжун и Ян Муюнь (симфоническая пекинская опера «Шацзябанг», 1962); композиторско-творческий коллектив Чен Гэна, Шэн Мао, Тан Хэ и Ю Цю («Великий поход», 1965); Ли Юйцю («Факел Дюгуилонга», 1986); Цюй Сяосун («Дапигуан», 1987); Цзинь Сян («Жертвоприношение Цзиньлин», 1997); Бао Юанькай («Ю Ван – покоритель вод», 2009); коллектив Лю Шимина, Чжу Вэньюя и др. («Ода Цюй Юаню», 2015); Ганлин («Мифы Китая», 2015) и др. В творчестве композиторов Китая жанр оратории получает особое претворение, с учетом эстетических вкусов и предпочтений китайской слушательской аудитории.

Как известно, оратория в европейском музыкальном искусстве имеет немалую историю – более 4 столетий. Жанр развивался и в церковной, и в светской музыке многих стран Европы, в тесном взаимодействии с кантатой, оперой, другими крупными жанрами хоровой музыки. Современная теория характеризует ораторию как крупное многочастное музыкальное произведение для хора, солистов и оркестра, созданное на драматический сюжет и предназначенное для концертного исполнения. Непревзойденные образцы ораториальных творений были созданы в свое время Г. Ф. Генделем, И. С. Бахом, Г. Шютцем, Й. Гайдном, Л. Бетховеном, Ф. Мендельсоном, Г. Берлиозом, А. Онеггером и др. Свою историю жанр оратории имеет также в русской и советской музыке.

В композиторском творчестве Китая первые образцы ораториальных сочинений появляются в 30-е годы XX в. («Песнь о вечном сожалении» Хуан Цзы и «Желтая река» Сянь Синхая). В последующие десятилетия (с 1930 по 2022 год) этот хоровой жанр плодотворно развивался и в настоящее время представлен немалым рядом ораториальных сочинений (около 120). Из них примерно 35 атрибутированы самими авторами именно как оратории¹.

Основная часть. Ораториальные сочинения композиторов Китая – образцы почти исключительно *светской* музыки, создаваемые на основе литературного текста (либретто) на *китайском* языке. Их тематика приоритетно национальна: отражает историю страны, военные события и освободительную борьбу народа, героизм побед и мирное строительство. В ряде ораторий воссоздан образный строй китайских мифов и легенд, картины природы, мир детства и др. В ораториях нередко отражен духовный мир выдающихся героев прошлого и настоящего; утверждаются идеологические ценности современного китайского общества. Таким образом, тематика и образно-семантический строй китайской оратории отчетливо ориентированы на *национальные* культурные, этические и эстетические ценности и идеалы. Можно утверждать, что на данном этапе своего развития жанр оратории пока не выходит за эти границы. Кратко охарактеризуем основные сферы общего семантического поля.

¹Данные собраны из научных статей, книг, газет, новостей культуры, бесед с китайскими музыкантами, т.к. официальной статистики нет.

1. Многовековая *история страны*, судьбоносные военные события и освободительная борьба народа. Такова, например, одна из первых китайских ораторий «Песнь о вечном сожалении» (1932) композитора Хуан Цзы на текст Вэй Ханьчжа-на, созданный на основе поэмы Бай Цзюйи (772–846)¹

2. *Героика побед* в военной и мирной жизни народа (оратория «Высоты героев», созданная композиторами Фей Кэ, Ван Чжо и Цао Кэ, посвященная военным событиям середины XX века).

3. *Мифопоэтика* китайских легенд, мифов, сказаний, как отражение мировоззренческой картины мира, природы, человека в сознании китайского народа. Примером такого рода ораторий является крупное многочастное сочинение композитора Ганлина «Мифы Китая» (2015) на тексты Чжэн Цзиси. В сочинении заметны признаки не только оратории, но и поэмы, симфонии, цзяосян дахэчанг. Сюжетно-содержательная основа оратории «собрана» из 5 древнекитайских мифов, отражающих представления китайцев о сотворении мира, о величии природы и космоса, о бесконечности преобразования мира и бесстрашии героев.

4. Тематика, связанная с *духовным миром человека* прямо либо опосредованно (размышления о войне, любви, религиозных убеждениях и т.д.). Одним из примеров является оратория композиторов Сюй Чжаньхуа и Ван Цуя «Зеленая гора, которую невозможно скрыть» (2005). В основе сюжета – радости и горести двух обычных семей в Японии и Китае после Второй мировой войны. Сочинение повествует не только о трагизме военного времени, но также утверждает неукротимую силу духа китайского народа, его стремление к доброте и согласию.

Расширение тематики и образного строя в жанре оратории особенно заметно в композиторском творчестве Китая последних 3 десятилетий. Здесь и тема мирного строительства в стране; образы детства; картины природы, преобразуемой современным человеком, и мн. др. Китайская оратория как жанр, заимствованный из традиций и творческого опыта европейских композиторов, целенаправленно приобретает отчетливый *национальный* характер, что отражается и в тематике (сюжет, образный строй, язык), и в музыкальном материале (интонационный строй; связь с фольклорными традициями и жанрами, ладами, тембрикой и др.). Творческий интерес композиторов и музыкантов-исполнителей к жанру оратории стремительно растет в границах XX века, а примерно с 90-х годов оратория становится устойчиво культивируемым жанром. В подтверждение этой ускоряющейся тенденции подчеркнем, что за все десятилетия века XX-го было создано около трети от общего числа таких сочинений, а в период первых двух десятилетий текущего столетия – все остальные (!).

Показательно, что такая же тенденция характеризует бытие жанра оратории и в музыкальной концертно-исполнительской практике современного Китая. Начиная в 80-х годов, после трудных времен «великой культурной революции» (в период 1966-1976 гг.) жанр оратории вновь активно возвращается на сцены концертных залов, филармоний, университетов. Оратория востребована новым временем и устремлениями общественной и культурной жизни, благодаря масштабности идейно-образного содержания, яркой концертности и обращенности

¹ В поэме повествуется о «восстании Аньши» (755–763 гг.), в период гражданской войны в Китае времен династии Тан.

к возвышенным образам и символам, разнообразию музыкальных форм. Она отвечает традициям больших (и даже грандиозных) национальных праздников. Исполнение ораторий в концертной программе праздников страны, региона, города, крупного культурного или университетского учреждения часто становится центром ряда праздничных мероприятий, привлекая как множество слушателей, так и музыкантов-исполнителей.

Однако место и роль оратории в музыкальной концертно-исполнительской жизни Китая такими были не всегда. В истории ее концертного бытования можно выделить 4 этапа: 1) начальный период (30-60-е гг. XX в.) «вхождения» жанра в концертную жизнь страны; 2) этап «ухода на второй план» концертной жизни (60-70-е гг. XX в.) во времена «культурной революции»; 3) этап «возвращения» жанра в сферу концертной жизни (80-90-е гг. XX в.); 4) современный этап активного развития оратории в период реформ и открытости (00-20-е гг. XX в.), совершенствования и поиска новаторских исполнительских интерпретаций. С позиций данной периодизации отметим важнейшее в исполнительской истории некоторых китайских ораторий.

Известно (в основном из воспоминаний музыкантов), что на начальном этапе «вхождения» в концертную жизнь композиторы и певцы-исполнители ориентировались на европейские каноны. Однако при этом концертные исполнения ораторий отличались простотой, а нередко допускалось исполнение только отдельных частей (например, избранных дирижером). Музыкальная подготовка и исполнительские навыки солистов и участников хора не всегда достигали необходимого уровня профессионализма. Оратории исполнялись в сопровождении рояля или небольшого инструментального ансамбля.

Так, например, исторически первая китайская оратория «Песнь о вечном сожалении» была создана композитором Хуан Цзы для использования в учебном процессе, для обучения студентов в Шанхайском музыкальном училище (ныне – Шанхайская консерватория музыки). В ходе концертной премьеры студентами были исполнены только отдельные части оратории в сопровождении симфонического оркестра. В исполнительском составе были солисты и хор, но отсутствовал чтец-декламатор. Причиной этого стала и относительная законченность партитуры самим композитором. Лишь спустя 40 лет замысел Хуан Цзы завершил его ученик Линь Шэнси (4, 7 и 9 части), включив их в текст партитуры, опубликованной лишь в 1978 году [4, с. 4]. Безусловно, аудиозапись этого премьерного исполнения не сохранилась, но можно предполагать, что оно было в целом очень скромным, ввиду ограниченности «ученических сил» исполнительского коллектива.

И насколько высокопрофессионально исполняется «Песнь о вечном сожалении» современными музыкантами!

Дважды оратория была исполнена в Гонконге под управлением дирижера Янь Лянкуня (1999 и 2002)¹, и обе интерпретации оставили большое впечатление на слушательскую аудиторию. В 2022 году оратория была также исполнена хором Национального центра исполнительских искусств в Пекине под руковод-

¹ В 1999 году «Песнь вечного сожаления» прозвучала в исполнении хора «Миньи»; в 2002 году – хором «Духовной музыки» и Гонгконгской симфонией.

ством У Линфэнь, сумевшей создать особенное, романтически ориентированное прочтение этой ораториальной партитуры. Два из трех исполнений поддерживало звучание рояля (согласно авторской версии текста оратории), что дополнительно привносило «ноту» камерности в общую трактовку. В сопровождении же оркестра хоровые эпизоды оратории проникались драматической силой, наполнялись объемными, плотными звуковыми красками¹.

В целом, эти исполнительские интерпретации оратории «Песнь о вечном сожалении» имеют особенности, обусловленные творческим «прочтением» партитуры дирижером. Так, оратория в трактовке Лян Янькуня – драматическая, даже трагическая концепция. Звучание оратории полно контрастов, драматической экспрессии и силы, однако при всем этом в интерпретации царит разумность, логика в выборе исполнительских средств выразительности, строгое чувство меры. Трактовка У Линфэнь более деликатная, с включением тонкой нюансировки, подчеркивающей эмоциональность многих эпизодов оратории. Звучание исполнительских партий (хор, солисты, фортепиано) эпизодически становится кристально-прозрачным, простым и ясным для восприятия (что соответствует изначальному замыслу композитора создать ораторию для преподавания музыки в Китае).

Оба дирижера искусно применяют некоторые небольшие отступления от темповых указаний композитора, но исключительно для достижения большей ансамблевой сплоченности хора и сопровождения либо для акцентуации отдельных эпизодов. Тонко варьируется громкость и ее нюансы в исполнении крупных разделов, небольших эпизодов и фраз. В кульминации 1 части (тт. 60-69) Ян Лян-кунь замедляет темп, акцентирует мощь и величие военной силы благодаря богатым краскам симфонического оркестра. Пение хора в этом эпизоде (без повторений текста) также оставляет впечатление силы и единства. У Линфэнь также замедляет темп в кульминации, однако в ее интерпретации этот момент сильнее контрастирует с предшествующим военно-маршевым эпизодом. Именно сила контраста и делает саму кульминацию убедительной, логично завершающей первую часть оратории...

Сопоставляя трактовки этих замечательных современных дирижеров, отметим не только их различия, но и родственные качества: высокий уровень исполнительского мастерства всего коллектива (хор, оркестр, солисты, чтец); безукоризненное чувство меры в выборе исполнительских средств выразительности; осознанное исполнение партитуры в целом и в деталях всеми участниками исполнительского коллектива.

Исполнительская история «Желтой реки» Сянь Синхая не менее показательна в контексте развития хорового исполнительского искусства в Китае. В апреле 1939 года преподаватели и студенты Яньаньской академии искусств имени Лу Синя впервые исполнили это ораториальное сочинение. Социально-культурные условия того времени были непростыми. Так, в составе хора было только около 100 человек. Оркестровое сопровождение обеспечивал временно созданный оркестр. По сути дела, это был не симфонический оркестр, а скорее

¹ Исполнение в Гонконге (2002) хором «Духовной музыки» и Гонгонской симфонической под управлением Янь Лянкуня.

ансамбль из нескольких скрипок, национальных инструментов эрху, саньсяна, бамбуковой флейты, губной гармошки и нескольких самодельных ударных инструментов (!). Крайне просто были одеты и исполнители, и даже композитор Сянь Синхай, который сам же и дирижировал коллективом. Он предстал на сцене в облике... крестьянина, одетого в шорты и соломенные сандалии. В ходе премьеры прозвучало только 7 частей оратории; а, например, яркая мелодекламация чтеца (3-я часть) не исполнялась вообще. Впоследствии, продолжая работу над сочинением, композитор вспоминал: «В 1942 году я написал фортепианный аккомпанемент для «Желтой реки», но поскольку третья часть так и не была исполнена¹, я написал аккомпанемент только для 7-ми частей» [1, с. 3].

Позднее, в 1955 году Художественная труппа Политуправления Народно-освободительной армии Китая исполнила «Желтую реку» под руководством дирижера Ши Лэмэна. Эту исполнительскую интерпретацию снимала Центральная студия документальных фильмов и новостей. Как и на премьере, было исполнено только 7 частей, без третьей части с мелодекламацией. Что характерно для данной исполнительской интерпретации?

В сравнении с современными трактовками, общий темп исполнения малооправданно ускорен. В ряде эпизодов дирижер вольно трактует темповые нюансы, указанные композитором. Несмотря на то, что в исполнении участвовал оркестр из 60 музыкантов, его звучание маловыразительное, фоновое, в духе простого аккомпанемента к партиям солистов и хора². И все же отметим интересный прием в исполнении 1 части (тт. 125-127) – переход поющего хора на оригинальный стиль пения в фольклорно-песенном жанре «хаоцзы» (глубокое, мощное, подчеркнуто ритмичное пение хором). В исполнении 2 части участвует (в качестве солиста) певец-тенор Сен Бин, голос которого звучит ярко, высоко, с большим количеством акцентов³. Исполнение чтеца Линь Чжунхуа (между частями оратории) вполне удовлетворительно: устойчивый тон чтения оттеняется небольшими контрастными моментами (за счет нюансов в скорости речи и эмоций). Техника дирижера (пластика жестов) довольно сдержанна, однако жестовые указания не всегда четкие. Возможно, поэтому в ряде эпизодов разных частей оратории хор поет неоправданно громко, а оркестровое сопровождение довольно однопланово в отношении нюансировки и фразировки. В 4 части дирижер подчеркивает драматизм за счет усиления «веса» ударных, а также несколько замедляет темп (*Larghetto* вместо указанного в партитуре *Andante*). В 5 части оратории звучит дуэт двух солистов-теноров с примерно близкими тембрами⁴. В 6 части голос солистки Цзяо Юньюй оставляет яркое впечатление красотой

¹ Из контекста рассуждения очевидно, что композитор имеет в виду премьерное исполнение «Желтой реки» 1939 года.

² Добавим, что для данного исполнения были привлечены лучшие музыканты двух оркестров – Литературно-художественного оркестра Политического управления Народно-освободительной армии Китая и Оркестра Центральной студии документальных фильмов и новостей.

³ В более поздних исполнительских интерпретациях сольную вокальную партию обычно поручают певцу-баритону.

⁴ В более поздних исполнительских трактовках этот дуэт обычно исполняют баритон и тенор.

тембра (яркое лирическое сопрано), но впоследствии эту партию чаще исполняет драматическое сопрано. В заключительной, 8 части оратории, активизируется оркестр, который «укрупняет» звучание отдельных партий смешанного хора и способствует мощному, даже пронзительному звучанию всего хорового состава.

С 1960-х по начало 1980-х годов, в связи с «Великой пролетарской культурной революцией» (с 1966 по 1976 гг.), многие музыкальные произведения были запрещены. В этот период творческий опыт европейской классической музыки отвергался как влияние капитализма; древнекитайские и фольклорные корни национальной музыкальной культуры и искусства были объявлены проявлениями феодализма. Музыка Советского союза и стран Европы была под запретом, ввиду «ревизионистских» влияний. Оратория как заимствованный музыкальный жанр также оказалась фактически под запретом, несмотря на национально ориентированные идеи, сюжетную основу и образный строй. В число исключенных из концертной жизни попали даже такие ораториальные произведения, как «Желтая река» Сянь Синхая; «Песнь о вечном сожалении» Хуан Цзы; «Великий поход», созданный композиторским коллективом Чен Гэна, Шэн Мао, Юй Цю и др.

Однако в немногочисленном ряду из 8-ми опер, официально разрешенных к исполнению в эти годы, оказались два сочинения ораториального плана. Оперы «Шацзябанг» и «Перехитрить гору Вэйху» были названы официальной пропагандой сочинениями на тему «революции и восстания» и исполнялись Пекинской оперой. По поводу оперы «Шацзябанг» профессор Юй Цихун из Нанкинского университета искусств замечает в своей монографии «Музыкальная история республики»: «Революционная симфония «Шацзябанг» – это на самом деле оратория в сопровождении симфонического оркестра, а не сценическая опера» [5, с. 121]. В этом ораториальном произведении, созданном композиторским коллективом (Ло Чжунжун, Ян Муюн и др.), отражены исторические события периода антияпонской войны.

В 1972 году «Шацзябанг» был записан в исполнении Центрального симфонического оркестра (дирижер Ли Делун; солисты – Цао Ляньшэн, Лян Мэйчжэнь и Линь Цзюй). В пении солистов ощутимы традиции китайской Пекинской оперы; трактовка же хоровых эпизодов ориентирована на европейское вокально-певческое искусство. На ораториальные корни «Шацзябанг» указывают эпизоды мелодекламации внутри частей, а элементы «шендуань» (танцевальные движения и формы) – на традиции Пекинской оперы. Тембровое разнообразие симфонического оркестра и смешанного хора сочетается с характерностью звучания пипы цзинху и ударной группы пекинской оперы.

Итак, даже в период «культурной революции» жанр оратории полностью не исчезает из музыкальной и концертной жизни Китая. Например, в 1976 году оратория «Великий поход» появилась на экранах кинозалов и ТВ как *ораториальный фильм* (режиссеры – Ван Пин и Хуан Баошань).

Однако подлинный расцвет этого жанра в музыке Китая начинается с 1980-х годов. В последующие десятилетия (вплоть до настоящего времени) стремительно расширяется круг ораториальных сочинений в композиторском творчестве Китая, обновляются формы их концертного бытования. При всем этом

премьерные исполнения ораторий нового времени не заслоняют растущее внимание слуша-тельской аудитории и к «классике» жанра – ораториям «Желтая река», «Песнь о вечном сожалении», «Великий поход» и др.

Так, неизменным успехом пользуется оратория Сянь Синхая «Желтая река», почти ежегодно исполняемая на различных концертных площадках Китая. Неудивительно, что это отражается как в растущем разнообразии исполнительских трактовок сочинения, так и в поиске новаторских решений самой формы концерта, соответствующей социокультурным и эстетическим запросам китайской слуша-тельской аудитории.

Поразительны масштабы исполнительских коллективов, нередко привлекаемых для исполнения некоторых китайских ораторий, прежде всего «Желтой реки» Сянь Синхая. Это сочинение неоднократно исполнялось на концертных площадках Китая и за рубежом. А в 1995 году это произведение прозвучало на стадионе «Тяньхэ» Гуанчжоу под руководством дирижера Янь Лянкуня при участии 8 симфонических оркестров (500 человек) и 200 хоров (15 000 человек). Гигантский исполнительский состав потребовал немалых усилий от дирижера и организаторов при подготовке этого исполнения. Такое решение делает его уникальным выступлением и, одновременно, фактически выводит за рамки концерта. Весьма грандиозным было исполнение «Желтой реки» силами многотысячного коллектива в 1985 году в Гонконге. Ян Лянкунь дирижировал Гонконгским симфоническим оркестром и 28 хорами из Гонконга и Макао на стадионе «Хун Хом». А в 1995 году, в ознаменование 50-летия победы в антияпонской войне хор, составленный из десятков тысяч студентов, обучающихся в разных университетах Пекина, исполнил «Желтую реку» на стадионе столицы Китая.

Подчеркнем, что в концертной жизни современного Китая ораториальные сочинения отмечены поразительным *разнообразием условий исполнения* (в отличие от европейской традиции исполнять оратории преимущественно в филармонических залах). Оратории китайских композиторов звучат не только в «классическом» варианте в концертных залах филармоний, но также на сценах оперных и драматических театров, университетских залов, даже на стадионах и других открытых концертных площадках. Напр., оратория «Ю Ван – покоритель вод» исполнялась в Пекинском Национальном большом театре; «Сунь Ятсен и Сун Цинлин» – в Большом театре «Чжицзинь» в Нанкине; «Мохуацзяо» – в Национальном центре исполнительских искусств в Пекине. Ряд ораторий исполнялся в театре «Синхэ» Шеньянского педагогического университета; в Большом театре Чжуншаньского центра культуры и искусства; на стадионе Хэнаньского технологического университета и т.д.¹

В процессе многих исполнений для обогащения концертно-сценического ряда применяются специальные приемы и эффекты. В их числе стилизованные костюмы исполнителей, особое освещение, мультимедийное оборудование для создания фона и видеоряда, элементы сценических декораций, несложные танцевальные движения и др. Все это сближает ораторию с оперой. В ходе испол-

¹ В отношении качества звучания театры и стадионы, оборудованные электроакустической аппаратурой, все же уступают концертному филармоническому залу с хорошей акустикой.

нения ораторий на исторические и военные темы исполнители (хор, солисты) нередко одеты в костюмы. Еще в 1965 году художественно-творческая труппа «Товарищи по оружию» представила ораторию «Великий поход» на концертной сцене, добавив элементы танцевальных форм, костюмы, особое сценическое освещение и некоторые декорации. Впоследствии похожая версия «Великого похода» была запечатлена в музыкальном фильме 1975 года, снятом киностудией «Байи». С позиций зрелищности киноверсия оратории еще более впечатляла разнообразием танцевальных элементов, декораций, костюмов, перемещениями групп хористов в пространстве и др.

Неслучайно в наши дни (2021 год) творческий коллектив Шанхайской консерватории осуществил в своей интерпретации «Великого похода» своеобразную реконструкцию жанрового статуса оратории как *концертного* жанра. В частности, исполнительский коллектив исключил танцевальные элементы, декорации, сценические эффекты. В концертных костюмах солистов и хора использовались только *элементы* военной формы (а не форма Красной армии Китая, как это было в более ранних исполнениях оратории). Характеризуя эту новую интерпретацию оратории, Ляо Чанъюн, декан Шанхайской консерватории, отметил: «... сценические действия исполнителей были сокращены, по сравнению с предыдущим выступлением, новаторским является метод коммуникации со слушателем, поддерживаемый цифровыми мультимедийными технологиями. <...> ... как и смена одежды, эти технологические инновации есть продолжение новой (современной) интерпретации оратории “Великий поход”» [2, с. 10]. В обновленном виде предстала также оратория «Зеленая гора, которую невозможно скрыть» в исполнении Шэньянской консерватории музыки в 2005 году (за счет индивидуальных костюмов исполнителей, особых эффектов сценического освещения). Пан Чжаохэ, декан Шэньянской консерватории, так прокомментировал исполнение оратории: «Это исполнение не полностью соответствует всем принципам оратории, но создает прорыв к новым формам концертного воплощения» [3, с. 8].

Заключение. Итак, после 2000 года в Китае заметно возрастает внимание композиторов и исполнителей к жанру оратории. Свидетельствуют об этом не только многочисленные, исполнительски совершенные концертные воплощения ораториальных сочинений китайских композиторов, но и существующие видео- и аудиозаписи. Благодаря этому не только сохраняются и приумножаются композиторско-творческий опыт и достижения музыкантов-исполнителей, но также пропагандируется сам жанр оратории как один из важнейших в хоровой музыке. Для широкой слушательской аудитории это создает возможности почувствовать качественный рост исполнительства в современном китайском хоровом искусстве, оценить неповторимость исполнительской интерпретации ораториального сочинения. Как жанр, привнесенный из европейского музыкального искусства, оратория в музыке современного Китая уверенно приобретает национальное своеобразие содержания и исполнительского воплощения, расширяет сферу коммуникативных связей классически ориентированной музыки с широкой слушательской аудиторией.

ЛИТЕРАТУРА

1. 李焕之, «我与《黄河》的不解之缘». – 北京: 人民音乐, 1999 第 3 期. – 第 2 – 第 7 页. = Ли, Хуанжи. Моя неразрывная связь с «Желтой рекой» / Хуанжи Ли // Народная музыка (Пекин). – 1999. – Вып. 3. – С. 2–7.
2. 廖昌永, «新时代版‘长征组歌’及其音乐传播学意义». – 上海: 上海音乐学院学报, 2021 第 2 期. – 第 6 – 第 19 页. = Ляо, Чанъюн. Новая редакция «Великий поход» и ее значение в музыкальной коммуникации / Чанъюн Ляо // Труды Шанхайской консерватории музыки (Шанхай). – 2021. – Вып. 2. – С. 6–19.
3. 潘兆和, «解析清唱剧‘遮不住的青山’的音乐创作». – 沈阳: 沈阳音乐学院学报, 2008 第 2 期. – 第 7 – 第 11 页. = Пан, Чжаохэ. Анализ оратории «Зеленая гора, которую невозможно скрыть» / Чжаохэ Пан // Вестник Шэньянской консерватории. – 2008. – Вып. 2. – С. 7–11.
4. 黄自, 林声翕, 韦翰章 «长恨歌总谱». – 香港: 永强印刷公司, 1978. – 51 页. = Хуан, Цзы, Линь Шэнси, Вэй Ханьчжан (текст). «Песнь о вечном сожалении»: Партитура (ноты) / Цзы Хуан, Шэнси Линь, Ханьчжан Вэй // Полиграфическая компания Вин Кеунг (Гон-конг). – 1978. – 51 с.
5. 居其宏, «共和国音乐史». – 北京: 中央音乐学院出版社, 2010. – 346 页. = Юй, Цихун. Музыкальная история республики / Цихун Юй. – Пекин: Изд-во Центральной консерватории, 2010. – 346 с.

УДК 738.1(510)+75.058(510)

ЧЖАН ЦЗИН ZHANG JING

СЕМАНТИКА И СИМВОЛИКА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ МОТИВОВ В ФАРФОРЕ СУСАНЦАЙ («ЧЁРНОЕ СЕМЕЙСТВО»)

Статья раскрывает семантику и символику изобразительных мотивов цветов и птиц в декоративной росписи и пластических изображениях искусства фарфора, изготовленного в императорских гончарнях Цзиндэчжэнь в XV–XVIII веках в технике сусанцай («чёрное семейство») на примере двух знаменитых произведений – вазы из музея Виктории и Альберта в Лондоне и курильницы из Музея китайской керамики в Цзиндэчжэне.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Цзиндэчжэнь, фарфор сусанцай, символика жанра хуаняо.

SEMANTICS AND SYMBOLISM OF PICTORIAL MOTIFS IN SUSANCAI ("BLACK FAMILY") PORCELAIN

The article reveals the semantics and symbolism of figurative motifs of flowers and birds in decorative painting and plastic art of porcelain made in the imperial potteries of Jingdezhen in the XV–XVIII centuries in the technique of susancai ("black family") on the example of two famous works - a vase from the Victoria and Albert Museum in London and a smoker from the Museum of Chinese Ceramics in Jingdezhen.

Key words: Jingdezhen, susancai porcelain, huaniao symbolism.

Фарфор из Цзиндэчжэнь – всемирно известного центра керамического искусства – имеет широкое типологическое разнообразие и богатейший спектр декоративных узоров. Роспись на фарфоре – это важнейшее художественное средство украшения керамики, неотъемлемый компонент керамического производства. Стилистика росписи, характерные декоративные приемы и техники имеют разные проявления в разные периоды, что стало базисом искусствоведческого анализа и прочной основой для идентификации и атрибуции фарфоровых шедевров. На заре становления европейского фарфороведения, в «Китайской керамике» Эрнеста Грандидье, были выделены темы и семантико-символические направле-

ния росписи: «Жертвенный фарфор. Тематика религиозных персонажей. Символы и знаки. Подарочный фарфор. Гражданская тематика. Повествовательная тематика. Драматическая тематика. Историческая тематика» [1, с. 78–133].

Декоративная роспись фарфора Цзиндэчжэнь опирается на изображение мотивов и предметов, которые люди любят в повседневной жизни. В украшении фарфора такие изображения часто опираются на омонимы и метафоры, что формирует благопожелательную символику этого искусства. В классическом труде, посвященном этому явлению – книге британского архитектора и дизайнера Оуэна Джонса «Примеры китайского орнамента» – говорится: «В этом стиле китайцы достигли высшей степени изображения природных объектов. Однако ни в одном из наших примеров они не пытались выразить рельеф ни светом, ни тенью, хотя во многих примерах это рекомендуется передавать как цветом, так и формой. Действительно, мы считаем, что главная ценность публикации орнамента этого стиля заключается в его характере, наводящем на размышления. Это показывает, насколько необязательно довольствоваться стандартными формами; и что многие природные объекты могут быть условно изображены в орнаменте ... Повторюсь, несмотря на то что китайцы в этом стиле достигли самого предела таких возможных изображений, и что более умеренное выявление рельефа было бы более художественным» [2, с. 7–8].

Интересное подтверждение мнению корифеев даёт анализ семантики и символики декоративных росписей фарфора «чёрного семейства» (кит. 素三彩, sùsāncǎi), одного из наиболее характерных типов фарфора Цзиндэчжэнь. Подробный исторический очерк и методы декорирования этого типа фарфора ранее были описаны мной в статье «Вопросы атрибуции и изучения традиционных типов фарфора Цзиндэчжэнь на примере сусанцай (“чёрного семейства”)» [3]. Этот тип фарфора впервые появился в районе Цзиндэчжэнь в период Чэнхуа (1465–1487). Технология производства сусанцай была усовершенствована в период Чжэндэ (1506–1521). Однако особую популярность сусанцай обрел в период Канси (1661–1722). Император Канси, широко применявший в государственной идеологии философию Конфуция и Мэн-цзы, уделял особое внимание ритуалу, и фарфор сусанцай, использовавшийся в ритуале поминовения предков, стал формой декоративного искусства, обладавшей особым, идеологическим значением.

Фарфор сусанцай использует черный, красный, желтый и другие цвета в качестве фонового цвета фарфора, а также украшен богатыми узорами и множеством декоративных мотивов с различным значением. Изделия с многоцветной росписью на черном фоне считаются наиболее ценными, европейские фарфороведы называют такие предметы «*famille noire*» («чёрное семейство») [4]. Черный цвет фона сочетается с узорами и орнаментами, тем самым придавая простую и элегантную красоту.

Замечательным примером чернофонных сусанцай является четырехгранная фарфоровая ваза из коллекции Музея Виктории и Альберта (асс. No. С.1304-1910) с цветочным декором на черном фоне. На сайте музея есть следующий комментарий: «*Famille noire* особенно ценились западными коллекционерами, и за подобные вазы с черной глазурью платили очень высокие цены» [5]. По-китайски этот шедевр фарфорового искусства следует называть 墨地素三彩四季

花鸟瓷方瓶 (букв. четырехгранная фарфоровая ваза с трехцветной росписью на черном фоне, изображающей цветы и птиц четырех времен года). По своей форме подобные четырехгранные вазы восходят к древним бронзовым ритуальным сосудам для вина. Ваза не имеет надписей и клейм, однако химико-физическая и формально-стилистическая экспертиза позволяет датировать этот предмет эпохой правления цинского императора Канси (1662–1722).

Император Канси уделял особое внимание древним конфуцианским ритуалам, и фарфор сусанцай, использовавшийся в ритуале поминовения предков, стал формой декоративного искусства, обладавшей особым, идеологическим значением. Производство ритуального фарфора с характерной росписью по черной глазури было очень интенсивным. Верхушка общества не жалела средств, чтобы изготовить лучший жертвенный фарфор, что способствовало прогрессу технологии изготовления фарфора и развитию всей фарфоровой промышленности.

Особый интерес представляет декоративная роспись вазы из лондонского музея. Ее поверхность украшена сложным декором, по всем углам четырех граней, а также на горлышке представляющим собой так называемый «шитый узор из парчи» (锦纹, jǐn wén), вспомогательный компонент расписного украшения, своеобразную «рамку» для изображаемых на вазе мотивов – четырех малых (на горлышке) и четырех крупных, по одному на каждой стороне предмета. Мастер украсил вазу композициями в жанре «цветы и птицы», связанными с символикой четырех времен года: магнолия – весна, лотос – лето, хризантема – осень, слива – зима.

Визуальным центром композиции, символизирующей весну, является цветок магнолии, расцветающей ранней весной и олицетворяющей чистоту и элегантность. Внизу композицию дополняют птичка и цветок пиона на ленте. Этот традиционный мотив, «пион на ленте» (绶带牡丹, shòudài mǔdān), имеет в Цзиндэчжэне весьма широкое распространение. Символическое значение пиона в традиционной китайской культуре связано с богатством, процветанием и достоинством. Птица на ленте означает долголетие, таким образом, «пион на ленте» – это символическое пожелание богатства и долголетия.

«Летняя» сторона вазы украшена листом и цветком лотоса в окружении тростника, а в нижней части расположились две цапли. Такие изображения, как правило, следует соотносить с поздравлением государственных чиновников, успешно совершающих карьеру, поскольку цапля 鹭 – это слово, созвучное обозначению успешного продвижения по службе и благополучия, а лотос 莲 (lián) звучит так же, как наречие 连 (lián) – «постоянно, непрерывно, друг за другом».

Осень китайское искусство неизменно связывает с цветком хризантемы. Он изображен на третьей грани вазы вместе с сосновыми ветками. Это традиционный мотив, именуемый устойчивым выражением (чэньюй) 松菊延年 (sōng jú yán nián), «сосна и хризантема продлевают жизнь». Мотив сосна + хризантема постоянно встречается в цзиндэчжэньском фарфоре. Для китайцев это образительное сочетание является неизменным олицетворением долголетия. Это важный компонент благопожелательной культуры в отношении пожилых людей, его использование освящено многовековой традицией и подкреплено множеством выдающихся примеров в искусстве.

На четвёртой, «зимней» стороне вазы декоративная композиция изображает цветущую сливу и двух сорок. Это традиционное сочетание в Китае называют, используя поговорку 喜上眉梢 (xǐ shàng méi shāo). Буквальное значение этого выражения – «выглядеть веселым до кончиков бровей», то есть – сиять от счастья. Древние верили, что сороки приносят удачу, поэтому сороку называли счастливой птицей. В нижней части картины мы видим также побеги бамбука и ветви сосны. Это традиционные компоненты цветочной композиции слива + бамбук + сосна – «три друга холодной поры». Вечнозеленая сосна, нестигаемый бамбук, зацветающая в февральские холода слива – символическое обозначение благородного характера, чистоты помыслов и нестигаемого духа истинного конфуцианца [6, с. 70].

Изысканный декор этой замечательной вазы – замечательное свидетельство профессионализма мастеров фарфора Цзиндэжэня. Тан Ин, знаток керамики, живший в эпоху Цин, писал в своём трактате «Иллюстрированное пояснение об обжиге и выплавке»: «Художник, который рисует фарфоровые узоры и орнаменты, если он научится рисовать контурные рисунки, он не учится технике раскрашивания. Художники, которые раскрашивают узоры на фарфоре, если они изучат технику раскрашивания, они не изучают рисовать контурные рисунки. Поэтому художники сосредотачиваются только на одной технике, и для них нет отвлекающих факторов» [7, с. 10]. Это свидетельство гордости цзиндэжэньских художников за их профессию. Этот дух художественного творчества – важнейшая культурная ценность, которую должны унаследовать современные мастера фарфора Цзиндэжэня.

Исследуемая нами тема – символика изобразительных мотивов в фарфоре Цзиндэжэня – требует также обратить внимание помимо росписи и на пластические примеры. Благопожелательные значения, которые китайская традиционная культура закрепила за изображениями различных растений и животных, широко представлены в фигурных сосудах различного назначения. Сюй Чжихэн, знаток китайского фарфора, в своей книге «Иньлючжай о фарфоре» отмечал, что «художники династии Мин использовали технику фахуа (роспись цветными глазурями по барельефу) при изготовлении фарфоровых курильниц, среди которых самыми изысканными были предметы в форме животных» [8, с. 154].

Замечательный пример такого рода хранится в Цзиндэжэньском музее китайской керамики — это курильница в форме утки времен династии Мин, обнаруженная в 1987 году во время раскопок на месте императорской гончарни в городе Цзиндэжэнь [9]. Это простая ароматическая курильница из двух частей: в нижнюю часть помещают ароматическое курение, верхняя служит крышечкой. В брюшке и клюве утки есть отверстия, через которые воздух проникает внутрь и ароматный дым выходит наружу.

Мастер использовал низкотемпературную свинцовую глазурь для украшения фарфорового изделия, оперение птицы изображено в рельефе, а основание украшено отверстиями в форме цветов бегонии. В нижней части основания имеется надпись 明成化, обозначающая правление цинского императора Чэнхуа (1447–1487). Несмотря на то, что изделие, очевидно, было забраковано или разбилось в процессе изготовления, так что его фрагменты были закопаны близ

гончарни, сегодня эта курильница представляет несомненный интерес для искусствоведов и культурологов.

Фарфор в форме утки имеет в Китае особое значение. Левая часть иероглифа 鴨 (yā), «утка», отдельно читается как jiǎ (甲) и обозначает «первый» (имеется в виду самый успешный среди чиновников, сдававших государственный экзамен в традиционном Китае), украшение в виде утки стало символом пожелания успеха на экзамене. Знаток фарфора Си Вэньцзюнь писал в книге «Фарфоровые изделия высшего качества, изготовленные Императорской гончарней династии Цин»: «На шестом году правления Цяньлуна Тан Ин отдал дань уважения императору Цяньлуну, в том числе фарфору в форме утки, который сейчас находится в Дворцовом музее» [10, с. 128]. Этот фарфор в форме утки представляет наилучшие пожелания Тан Ина кандидатам, сдающим экзамены на государственную службу. Он пожелал всем талантам добиться хороших результатов на экзамене и достойно служить стране.

Под влиянием традиционной культуры, местных условий и обычаев, религии и исторического прошлого декоративное искусство фарфора Цзиндэчжэня сформировало разнообразные культурные смыслы. Эти фарфоровые украшения отражают простое стремление людей к лучшей жизни. Художники Цзиндэчжэня сохраняют культурные коннотации традиционного декорирования фарфора, а также отражают добрые пожелания в своих фарфоровых работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grandidier, E. La céramique chinoise / E. Grandidier. – Paris, 1894. – 228 с.
2. Jones, O. Examples of Chinese Ornament / O. Jones. – London: S. & T. Gilbert, 1867. – 216 с.
3. Чжан Цзин. Вопросы атрибуции и изучения традиционных типов фарфора Цзиньдэчжэня на примере сусанцай («чёрного семейства») / Чжан Цзин // Вести Института современных знаний. – 2022. – № 2. С.63–67.
4. Knittler, K. The collecting of Famille Noire porcelain in the West: the problem with authenticity of large scale Famille Noire vases / K. Knittler // Beyond Boundaries, East and west cross-cultural encounters. – Cambridge Scholars Publishing, 2011. – Pp. 218–237.
5. Vase; 1662–1722 [Electronic resource]: V&A – the world's leading museum of art, design and performance. – Mode of access: <http://collections.vam.ac.uk/item/O14530/vase-unknown/>. – Date of access: 26.01.2023.
6. Qianshen Bai. Image as Word: A Study of Rebus Play in Song Painting (960-1279) / Qianshen Bai // Metropolitan Museum Journal. Vol. 34 (1999). – Pp. 57–72.
7. 唐英。陶冶图说。– 北京：中国书店，1993 年。– 32 页。= Тан Ин. Иллюстрированное пояснение об обжиге и выплавке / Тан Ин. – Пекин: Китайский книжный магазин, 1993. – 32 с.
8. 许之衡。饮流斋说瓷。– 合肥：黄山书社，2015 年。– 206 页。= Сюй Ч. Инъючжай о фарфоре / Чжихэн Сюй. – Хэфэй: Издательство Хуаншань, 2015. – 206 с.
9. 素三彩鸭形香熏 [电子文献]。– 天津文艺广播 – 访问方式：https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA4NDEzNjkxMA==&mid=2650347603&idx=1&sn=e1cac035b7f4d59d038db06155c5b88e&chksm=87e67ef2b091f7e46ddcf7d5307eeadcce33e855d47fcbbbb4fe774d218a7b4e396abcde24ff6&scene=27. -访问日期：2023 年 1 月 26 日。= Аромалампа в форме утки Мин Чэнхуа раскрашенная [неглазурованного фарфора] тремя красками (зелёной, жёлтой, коричневой, дин. Мин — Цин) [Электронный ресурс]: Радио искусства и культуры Тяньцзиня. – Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA4NDEzNjkxMA==&mid=2650347603&idx=1&sn=e1cac035b7f4d59d038db06155c5b88e&chksm=87e67ef2b091f7e46ddcf7d5307eeadcce33e855d47fcbbbb4fe774d218a7b4e396abcde24ff6&scene=27. – Дата доступа: 26.01. 2023.

10. 奚文骏. 清代御窑厂贡瓷烧造刍议//收藏。 – 2018 年 11 期。 – 126 – 129 页。 = Си Вэньцзюнь. Фарфоровые изделия высшего качества, изготовленные Императорскими гончарнями династии Цин / Вэньцзюнь Си. // коллекционирование. – 2018. – С. 126 – 129.

УДК 75.04(510)

А. Г. ШИМЕЛЕВИЧ A. G. SHYMELEVICH

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СЮЖЕТА КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ
ГУВАНЬТУ / 古玩圖 («ИЗОБРАЖЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ»)
ПОД ВЛИЯНИЕМ НАТЮРМОРТА ЗАПАДНОГО ТИПА**

Статья посвящена интересному явлению традиционной китайской культуры – изобразительному сюжету «любование древностями», который автор представляет как своеобразный источник художественных идей, послуживших распространению в Китае натюрморта западного типа. Рассмотрены два ярких примера данного явления – картина Ду Цзиня «Любование древностями» (эпоха Мин) и свиток с изображением коллекций древностей императора Юнчжэна из династии Цин. Картины «любования древностями» раскрывают важные истоки трансформации жанров, а свитки-инвентари коллекций императора Юнчжэна также свидетельствуют об освоении искусством Китая западного формально-пластического изобразительного языка.

Ключевые слова: натюрморт, гуваньту, «любование древностями», китайская традиционная живопись, Ду Цзинь, Юнчжэн.

**THE TRANSFORMATION OF THE SUBJECT OF CHINESE
GUWANTU PAINTING (古玩圖 / "DEPICTION OF ANTIQUITIES")
INFLUENCED BY WESTERN-TYPE STILL LIFE**

The article is devoted to an interesting phenomenon in traditional Chinese culture, the pictorial subject of "admiration of antiquities", which the author represents as a peculiar source of artistic ideas that contributed to the spread of western-type still life in China. Two striking examples of this phenomenon are discussed: Du Jin's painting "Admiring Antiquities" (Ming era) and a scroll depicting the collections of antiquities of Emperor Yongzheng of the Qing dynasty. The paintings of the "admiration of antiquities" reveal important origins of the transformation of genres, and the scrolls-inventory of the collections of Emperor Yongzheng also testify to the mastery of the Western formal-plastic pictorial language by Chinese art.

Key words: still life, guvantu, "admiration of antiquities", Chinese traditional painting, Du Jin, Yongzheng.

В структуре живописных жанров особое место занимает натюрморт. Изображение т.н. «мертвой природы», а точнее, фрагментов предметной среды (таковы формы натюрморта, в отличие от пейзажа, где объектом изображения является целостная среда/пространство) в европейском искусстве получило несколько направлений развития: натюрморт как символическое послание (зашифрованное в предметных мотивах отображение религиозных, политических, научных воззрений), предметные композиции с «эффектом присутствия» (натюрморты типа «Завтраки» и «Сервированные столы»), а также произведения этого жанра, представляющие сложную профессиональную задачу для художников и особый интерес для тонких знатоков живописи – тональные натюрморты, оптические «обманки» разного рода.

Объектом изображения в натюрморте западного типа чаще всего являются цветы, фрукты, небольшие предметы обихода, атрибуты различных занятий и

ритуалов. Китайская художественная традиция со свойственным для нее глубоким пониманием взаимосвязей между визуальным и умозрительным также постоянно обращается к подобной тематике. Искусствоведы зачастую проводят параллель между натюрмортом и жанром хуа-няо 花鳥 («цветы-птицы»), картинами растений и мелких животных (птиц, насекомых, рыб и т.п.).

Как отмечала Н. А. Виноградова, в произведениях жанра «цветы-птицы» «нашла свое выражение философская идея „великое в малом“, отражающая буддийско-даосские представления о том, что в каждой, даже ничтожной и неприметной, части природы заключена душа вселенной» [3, с. 72]. Это небольшие свитки с изображением, казалось бы, незначительных проявлений жизни, не оказывающих существенного влияния на судьбу людей и тем более не имеющих никакого значения для истории. Однако они отражают «целую систему емких многозначных образов, намеков и метафор» [там же].

При всей очевидности принципиальных различий в технике исполнения, стилистике пластической формы и семантике мотивов, натюрморт западного типа близок китайской живописи в силу того, что обе традиции опираются на важнейший принцип изобразительного искусства – пристальное наблюдение и интерес к точной детализации. И если между европейским цветочным натюрмортом и китайской картиной хуа-няо нельзя ставить знак равенства, о чём совершенно справедливо говорят китайские искусствоведы, убежденные, что это явления, антагонистичные «по духу, по форме и по смыслу» [3], то, тем не менее, мы находим множество параллелей в изображении деталей, мелочей предметного мира в западной традиции при ее сопоставлении бытоописательными картинами жэнь-у (人物).

Удивительным примером этого может служить картина «Любование древностями 玩古圖» минского придворного живописца Ду Цзиня (杜堇, ок. 1465–1509). Этот вертикальный свиток (тушь и краски на шелке, 126,1 x 187 см) находится в коллекции Национального дворцового музея в Тайбэе [4]. Замечательная картина отражает духовные и эстетические устремления высших чиновников – знатоков истории, ценителей красоты, творческих и тонких личностей. А в аспекте точного воспроизведения деталей предметного мира – это ещё и совокупность интереснейших мотивов, демонстрирующая зрителю богатство и разнообразие ритуальных объектов, произведений фарфора и художественного металла, древностей и диковин, так высоко ценившихся при императорском дворе.

Как поясняет китайский искусствовед Се Цзыин, Ду Цзинь специализировался на портретной, а также пейзажной и цветочной живописи. Его сохранившиеся работы, однако, в основном представляют собой повествовательные сюжеты, демонстрируя, что он не только писал в монохромной манере «баймяо» (白描) тонкими линиями, но и следовал красочному и изысканному стилю Академии живописи Южной Сун [5]. Работы Ду Цзиня оказали большое влияние на живопись середины и конца династии Мин, включая Тан Иня (唐寅, 1470–1523), который, очевидно, находился под его влиянием.

Картина «Любование древностями» отражает увлечение чиновников-интеллектуалов древней живописью, каллиграфией, прикладным искусством. На картине изображен уголок сада над берегом реки. Один из двух ученых чиновников

сидит перед большой декоративной ширмой и рассматривает древние бронзовые изделия, стоящие перед ним на длинном столе, в то время как другой внимательно изучает один из экспонатов. Справа внизу фигура служанки с веером, играющей с бабочками, слева другая девушка подходит к хозяину с большим живописным свитком и доской для игры в го. В правом верхнем углу расположились две дамы, одна из которых разворачивает цитру, а другая готовит благовония. Все предметы, изображенные на картине, отличаются изысканностью и пышностью, что свидетельствует о значительном богатстве и вкусе хозяина дома. Однако не это главное: в надписи в левом верхнем углу картины художник поясняет: «Любование древностями было распространено и раньше, их изучали за их высокую духовную ценность. Почитая и изучая древности, мы постигаем ритуал и гармонию. День без ритуала и музыки – и человечество погибнет. Сохранить древности – вот к чему я стремился» [5].

Как известно, традиция коллекционирования процветала в императорском Китае при всех династиях. Особый смысл сохранению и изучению древностей придавали первые правители Цинского дома. Интересное наблюдение высказала М. Неглинская: «В конце XVII в., при Канси 康熙 (1662–1722), натюрморт был адаптирован на китайской почве как сюжет гу/гу вань/бай гу 古/古玩/百古 («древности/антиквариат/сто древних») в росписи фарфора, таким образом, проблема популяризации нового жанра была доверена ремеслу, и он быстро распространился в разных видах прикладного искусства. Подчинив мятежный Юг, где располагалась керамическая столица Китая (Цзиндэчжэнь), Канси повёл себя согласно конфуцианскому этическому императиву – проявил заботу о восстановлении фарфорового производства и отредактировал сюжетный репертуар изделий. Стратегия императора способствовала культурной реабилитации маньчжуров («варваров северо-востока») в глазах китайской интеллектуальной элиты» [2, с. 438].

М. А. Неглинская поясняет, что «сюжет “древности” подразумевает неопределённое множество старинных редкостей и различных бытовых предметов. При своей очевидной новизне этот сюжет цинского искусства означает апелляцию иноземной династии к китайскому культурному архетипу» [там же]. Именно эти ценнейшие во всех отношениях коллекции стали в начале следующего царствования, при императоре Юнчжэне (1723–1735) предметом изображения на свитках-инвентарях, один из которых сохранился в Британском музее [6]. Датированный 1728 годом, он представляет собой полотно шёлка длиной около 20 м и высотой 62,5 см.

Как свидетельствует информация на сайте Британского музея, на полях картины указано, что это свиток № 6, но, к сожалению, мы не можем судить о том, сколько всего было частей в этом масштабном проекте (и каково было количество «древностей» в императорском собрании). Известен еще только один подобный свиток, который находится в Музее Виктории и Альберта, датированный 1729 годом и обозначенный 下 (хиа «низ») и номером 8. Это может означать, что в свитке под номером 8 было две (или три?). Таким образом, специалисты полагают, что свитков было не менее 14, и если бы все они иллюстрировали одинаковое количество предметов, то всего их могло бы быть порядка 3 500.

Таким образом, это, очевидно, выборочный живописный каталог антикварных предметов из императорской коллекции, возможно, документирующий содержимое конкретных дворцовых комнат. Около 250 различных предметов ритуальной утвари, драгоценных сосудов из камня, бронзы, фарфора или лака, тушечниц и безделушек, диковин и шедевров художественного мастерства, датируемых от неолита до собственно эпохи Цин, расположены на резных деревянных подставках, а некоторые имеют специально изготовленные чехлы. В конце свитка изображен императорский трон – символическое подтверждение причастности императора Юнчжэна ритуалу «любования древностями».

Картина не имеет пространственного фона, каждый предмет обособлен от всех остальных и изображен отдельно на условной пустой поверхности. Масштаб изображения – почти в натуральную величину, об этом можно судить по некоторым из древностей, сохранившихся до наших дней. Например, диаметр ритуальных дисков би (璧) приблизительно равен длине человеческой ладони – и на картине они занимают чуть меньше трети высоты свитка.

Визуальная реалистичность такова, что непроизвольно возникает желание сравнить нарисованные древности с подлинными музейными экспонатами. К сожалению, это невозможно, поскольку цинские императорские коллекции были разрознены и утрачены. Тем не менее, кураторы Британского музея обратили внимание на то, что, например, «керамическая чаша из гончарни Ру, изображенная на этом свитке, аналогична представленной в экспозиции зала 52, но без надписи» [6]. При внимательном изучении предметов со свитка можно найти и другие параллели. В коллекции Национального исторического музея в Тайбее хранится золотой скипетр жу'и (如意), аналогичный по форме и близкий по декору одному из самых красочных предметов на свитке [7].

Несмотря на то, что композиция как таковая на картине отсутствует, расположение мелких и крупных предметов, их упорядоченное чередование создает некий ощутимый ритм. В связи с этим нельзя не вспомнить об искусных приемах композиции, сложившихся в искусстве ручных свитков – картин, рассчитанных на поэтапное разглядывание, но не имеющих четкого деления на визуальные части или сектора. Начав разглядывать изображенные раритеты, зритель не может отвернуться от свитка, он переходит от предмета к предмету подобно путешественнику, находящемуся в бесконечном движении в пространстве череды горных вершин. Древности изображены на свитке настолько детально, что можно идентифицировать реальные физические предметы, почувствовать текстуру поверхности нефрита, фарфора, бронзы и так далее. Художники использовали характерные изобразительные приемы – штриховку, светотень, линейную перспективу, заимствованные из европейской живописи, но прочно вписывающиеся в традиции цинского двора, где плодотворно работали как китайские, так и иностранные художники, формируя новый стиль живописи, «сочетание китайского и западного», и открывая новую перспективу китайского придворного искусства ранней эпохи Цин. Разумеется, рассмотренные нами свитки лишь отдаленно похожи на появившиеся гораздо позже натюрморты китайских художников «в западной манере» – 静物画. И, тем не менее, именно картины «любования древностями» раскрывают важные истоки трансформации жанров, а свитки-инвентари коллекций императора Юнчжэна также свидетель-

ствуют об освоении искусством Китая западного формально-пластического изобразительного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова Н. А. Китай, Корея, Япония : образ мира в искусстве: [сб. науч. ст.] / Н. А. Виноградова; РАН, НИИ теории и истории изобр. искусств. – М. : Прогресс-Традиция, 2010. – 287 с.
2. Неглинская, М. А. Рецепция европейского жанра натюрморт в китайском искусстве эпохи Цин / М. А. Неглинская // Общество и государство в Китае: Т. XLII. – Ч. 3 / Редакция: А. И. Кобзев и др. – М.: Институт востоковедения Российской академии наук, 2012. – С. 434–439.
3. 李静. 从创作理念看中国花鸟画与西方静物画之差异[J].青岛职业技术学院学报. – 2016. – 29(01). – 第 54 – 57 页. = Ли Цзин. Различия между китайской живописью цветов и птиц и западной живописью натюрмортов с точки зрения творческой концепции / Ли Цзин. – Журнал Циндаоского профессионально-технического колледжа. – 2016. – 29(01). – С. 54–57.
4. Enjoying Antiquities [Electronic resource]: China Online Museum - welCOMe to the real COM! – Mode of access: <http://www.chinaonlinemuseum.com/painting-du-jin-enjoying-antiquities.php> – Date of access: 30.01.2023.
5. 謝子瑩. 好古玩物——談明代杜堇《玩古圖》[J].美術教育研究, 2017. – 第 1 期. – 第 28 – 29 页 = Се Цзыин. Обсуждение "Любования древностями" Ду Суми эпохи династии Мин / Се Цзыин // Исследования в области образования в сфере изобразительного искусства, 2017, (Том 1). – С. 28–29.
6. 古玩圖 (Guwan tu 'Pictures of Ancient Playthings') [Electronic resource]: British Museum. – Mode of access: https://www.britishmuseum.org/collection/object/A_PDF-X-01. – Date of access: 30.01.2023.
7. 清 金製鑲寶石八仙如意 [电子资源]: 國立歷史博物館 – 访问方式: <https://catalog.digitalarchives.tw/item/00/33/0e/1b.html>. – 来访日期: 30.01.2023. = Жу'и из золота и драгоценных камней с изображением Восьми Бессмертных, династия Цин [Электронный ресурс]: Национальный исторический музей. – Режим доступа: <https://catalog.digitalarchives.tw/item/00/33/0e/1b.html>. – Дата доступа: 30.01.2023.

ИЗ ОПЫТА ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ВЫСТАВОК СОВРЕМЕННЫХ МАСТЕРОВ КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ЖИВОПИСИ В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ 2022 Г. – НАЧАЛЕ 2023 Г.

В статье впервые дается характеристика новым презентациям китайской традиционной живописи в Беларуси после завершения периода эпидемиологической изоляции в начале 20-х гг. XXI в. Выявляются творческие инициативы молодых китайских искусствоведов Лю Хэйцзюня и Чжан Юйнина, которые организовали в Минске и Гомеле выставки, посвященные белорусской архитектуре, изображенной в современной традиционной живописи «гохуа», а также изображениям исторических памятников и мемориальных мест города Лояня, древней столицы Китая.

Приводятся примеры произведений «гохуа» на выставке «Беларусь–Китай. Сотрудничество и дружба» в залах Национального художественного музея Республики Беларусь. Выявлены наиболее значимые произведения традиционной живописи таких мастеров, как Янь Фэйхун, Сяо Юй, Чжан Цзыцянь и др., которые подарили свои произведения музею в знак особой признательности и для укрепления творческих связей.

Возобновление практики проведения китайских выставок получило большой и позитивный общественный резонанс, что позволяет автору статьи делать выводы о больших возможностях дальнейших презентаций «гохуа» в Беларуси.

Ключевые слова: традиционная китайская живопись, выставки современных произведений, новые творческие инициативы.

FROM THE EXPERIENCE OF RENEWING EXHIBITIONS OF MODERN CHINESE TRADITIONAL PAINTING IN BELARUS AT THE END OF 2022 – BEGINNING OF 2023

The article for the first time characterizes the new presentations of Chinese traditional painting in Belarus after the end of the period of epidemiological isolation in the early 2020s. The creative initiatives of young Chinese art critics Liu Heijun and Zhang Yuning are revealed, who organized exhibitions in Minsk and Gomel dedicated to Belarusian architecture depicted in modern traditional painting "guohua", as well as images of historical monuments and memorial sites of the city of Luoyang, the ancient capital of China. Examples of "guohua" works at the exhibition "Belarus-China. Cooperation and friendship" in the halls of the National Art Museum of the Republic of Belarus. The most significant works of traditional painting by such masters as Yan Feihong, Xiao Yu, Zhang Ziqian and others have been identified, who donated their works to the museum as a token of special appreciation and to strengthen creative ties. The resumption of the practice of holding Chinese exhibitions received a great and positive public response, which allows the author of the article to draw conclusions about the great opportunities for further presentations of "guohua" in Belarus.

Key words: traditional Chinese painting, exhibitions of contemporary works, new creative initiatives.

Традиционная китайская живопись «гохуа» создается тушью и минеральными красителями на тонкой рисовой бумаге. Она существует уже не одно тысячелетие и в настоящее время не теряет своего художественного значения на своей исторической родине. Более того, растет ее признание в разных странах мира. Пожалуй, самым известным за пределами КНР мастером «гохуа» был во второй половине XX в. Ци Байши, удостоенный в 1956 г. Международной премии Мира. В Беларуси его творчество было достаточно известно, благодаря многочисленным публикациям 50-х–80-х гг., среди которых наиболее значительной является монография И. Завадской [1]. Благодаря установлению дипло-

матических отношений между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой и широкой программе Дней культуры, в конце 90-х гг. XX в. в Минске был проведен ряд ретроспективных выставок «гохуа». Экспонировались произведения художников-классиков разных средневековых периодов Тан, Сун, Юань, Мин, Цин (VII – начало XX вв.) в жанрах «горы и воды», «цветы и птицы», «люди и вещи». Среди представленных авторов, живописцев, каллиграфов, литераторов – Чжоу Фанцзань, Хуэй Чун, Лю Сюньнянь, Ван Мэн, Линь Лян, Ли Фаньин, Ли Шань, Жэнь Баоянь и др.

Были также экспонированы произведения китайских живописцев XX в. Все они внесли большой вклад в национальное искусство не только как художники, но и как педагоги, теоретики искусства, организаторы и руководители художественных организаций и т.п. Среди них – Ван Сюэтао, Пань Тяньшоу, Фу Баоши, Хэ Сяннин, Чэнь И, Ци Байши, Сюй Бэйхун, Ли Кэжань, подтверждением чему были их фитоморфные и зооморфные, бытовые мотивы, символические композиции, посвященные скачущим лошадям и др. [2]. После таких этапных экспозиций наступает очень плодотворный период знакомства белорусских зрителей с неповторимым дальневосточным искусством. На протяжении 00-х–10-х гг. XXI в. столичном Минске и других областных центрах Беларуси было организовано большое количество выставок китайской традиционной живописи. Это явление было высоко и положительно оценено в статьях белорусских и китайских искусствоведов [3,4]. Отмечалось, что такие регулярные выставки давали прекрасное представление о характере традиционной живописи дальневосточной страны на примерах современных произведений ведущих авторов [5]. Помимо всего, китайские художники проводили мастер-классы по живописи и каллиграфии непосредственно во время открытия выставок. В прошедшие десятилетия в Минске активно выставлялись китайские художники традиционной живописи – Ао Тэ, Цуй Цзинчжэ, Яо Шихуа, Яо Чжихуа, Янь Фэйхун, Сяо Юй, Ли Цзо и др. Их выставки были посвящены двадцатилетию дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой, семидесятилетию победы над нацизмом, стратегическому партнерству наших стран под девизом «Один пояс – один путь» и другим важным юбилеям и событиям [6].

В конце прошлого десятилетия наступает большой выставочный перерыв в связи с «ковидным периодом» вынужденной изоляции. Многие ограничения, к счастью, остались уже позади. Но живая потребность в очередных встречах с китайской живописью породила новые, корпоративные и индивидуальные формы активности в организации и проведении выставок «гохуа» в Беларуси вначале 20-х гг. XXI в. Несмотря на свою значимость, они еще не получили своего должного освещения в популярных и научных изданиях. Этим обусловлена актуальность данной публикации, в которой дана искусствоведческая оценка первых примеров возобновления китайских живописных экспозиции конца 2022–начала 2023 гг.

Молодой китайский искусствовед Лю Хэйцзюнь подготовил и провел в музее Белорусской государственной академии искусств свою персональную выставку «Минск в китайской традиционной живописи» (октябрь, 2022). Эта тема была связана с его диссертационным исследованием «Изображение архитектуры в традиционном искусстве Китая». В авторских разработках пейзажных мотивов в живописи «гохуа», которые являются приложениями к научному исследованию

дованию, он утверждает, что изображения такие новые для китайской живописи минские мотивы значительно расширяют инновационные возможности традиционной живописи [7, с.132–133].

В своих вертикальных и горизонтальных свитках Лю Хэйцзюнь сознательно обращается к следующему творческому эксперименту: сохраняя традиционный принцип изображения архитектурных памятников в окружении природной среды, он вводит вместо традиционных восточных построек минские архитектурные памятники XIX – начала XXI вв.

Среди них – здание главного корпуса Белорусской государственной академии искусств, Храм Симона и Елены в зимнее время и др. Также в поле живописных экспериментов включаются фрагменты улицы Кирова, перекресток Проспекта Независимости и ул. Козлова. В форме развернутого веера изображен осенний фрагмент Проспекта Независимости и т.д. Автор во избежание излишней документальности пользуется оригинальным обобщающим приемом: рядом со зданиями помещает разного характера зеленые насаждения.

Нельзя отрицать, что белорусская столица во многих местах «утопает в зелени». Художник подметил эту характерную черту и усилил ее значение для своих минских мотивов. Также он часто создает своеобразные образные «туманности». Это – светлые, незаполненные рисунком плоскости, напоминающие по своим очертаниям облака, которые «опускаются» с неба на минские дворiki, улицы, бульвары. Они передают ощущение возвышенной духовной атмосферы города, сохраняющего свой достаточно уравновешенный ритм жизни. После грандиозных мегаполисов Китая такие минские особенности воспринимаются китайским художником очень привлекательными и вдохновляющими.

Можно отметить, что данная экспозиция впервые в китайской традиционной живописи за всю ее историю посвящена Минску. Поэтому следует обратить на это творческое открытие заслуженное внимание. Не исключено, что этот пример подхватят и другие молодые китайские художники, которые в настоящее время обучаются в белорусских учреждениях образования.

Новым выставочным открытием в Минске также стала выставка традиционной живописи, посвященная древней китайской столице, городу Лоян в провинции Хэнань. Ее автором является известный живописец Чжан Синькэ, Член ассоциации художников Китая в городе Лоян, вице-президент Лоянского института искусства каллиграфии и живописи. Он постоянно изображает на своих свитках достопримечательности города, которые, к счастью, не были разрушены или сильно повреждены во время так называемой «культурной революции». Среди них совершенно неизвестные раньше белорусским зрителям архитектурные раритеты.

Например, пейзаж «Башня цветущей сакуры» изображает одно из восьми живописных мест в Лояне, где река Чаншуй протекает у горы Ман в глубоком ущелье, по берегам которого высажены красные вишневые деревья. Башня цветущей сакуры расположена на берегу, где сливаются реки Чаншуй и Ло, где в древние времена собирались великие поэты и художники.

Пейзаж «Гора Лаоцзюнь» связана с местом, которое часто посещал Лаоцзы, основатель даосизма. Эту гору трудно не заметить. Она расположена на высоте 2217 метров, является одной из самых высоких национальных туристических до-

стопримечательностей Китая и находится на юге Лояна. В период Чуньцю (770–476 гг. до н. э.) Лаоцзы, основатель даосизма, на этой горе написал множество классических книг по даосизму, поэтому ее также называют «местом рождения даосизма». Вначале правления династии Северная Вэй (386–534 гг.) здесь начали строить здания в память о Лаоцзы. Во времена династии Тан (618 год) знаменитый император Ли Шимин перестроил здания и дал им общее название «Гора Лаоцзюнь», после чего гора официально стала священным местом для даосов.

Важное мемориальное значение имеет также пейзаж «Дворец Шан Ян». Во времена династий Суй и Тан (581–907 гг.) императорский дворец в Лояне был разделен на две части. В западной части был дворец Шан Ян, расположенный на берегу реки Ло, общей площадью около 8 кв. км. Здесь родились и работали многие императоры. Его фасад обращен в сторону восходящего солнца. Древние китайские поэты написали множество стихов, восхваляющих этот архитектурный комплекс как «рай, населенный бессмертными».

Не менее познавательными являются пейзажи «Ворота императорского дворца», «Храм белой лошади» и др. Чжан Синькэ, пожалуй, самый известный пейзажист в Лояне, который безгранично посвящает свое творчество родному городу. Но такие произведения требуют более широкого осмысления, даже за пределами Китая. Искусствовед Чжан Юйнин, по своей личной инициативе организовал содержательную выставку этих произведений своего отца в музее Белорусской государственной академии искусств в декабре 2022 г. Здесь было важно такое транспортабельное качество традиционной живописи, как ее перевозка без особого труда на любое расстояние в плотно завернутых свитках. Так произошло первое знакомство с архитектурными мотивами Лояна, которые значительно обогащают современные познания о китайской истории и культуре.

В феврале 2023 г. эта выставка с большим успехом экспонировалась в выставочном зале Гомельской картинной галереи им. Г.Х. Ващенко.

Многочисленные зрители шли на ее открытие, как на праздник. Активное участие в открытии принимали также студенты Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, где с 2017 г. при поддержке Нанкинского университета науки и технологии открыт Институт Конфуция. Это свидетельствует о том, что в Беларуси многие знатоки и ценители китайской традиционной живописи ждут продолжения ее выставочных презентаций 2010-х гг. Так и произошло в феврале-марте 2023 г. Была организована выставка под названием «Беларусь–Китай. Сотрудничество и дружба» в залах Национального художественного музея Республики Беларусь. Ее важной особенностью является тот факт, что она укомплектована из произведений, подаренных китайскими художниками этому ведущему учреждению культуры в Беларуси, начиная с 50-х гг. XX в.

Среди двадцати выставленных произведений-подарков наибольшее впечатление производила монументальная композиция Янь Фэйхуна, который постоянно изображает в движении могучих коней. В своей работе «Возвращение домой» (2007) он изобразил широкой кистью трех скачущих лошадей, силуэты которых почти сливаются в едином динамическом порыве. Вертикальный живописный свиток экспонируется на красном фоне обрамления, которое еще больше подчеркивает «пламенность» художественного замысла. Кони на пол-

ном скаку очень выразительно характеризуют, вероятно, начало нового столетия, в котором будут происходить постоянные и большие изменения.

Сяо Юй, благодаря своей выставке в НХМРБ, стал очень популярным в Минске художником [8]. Можно даже сказать, что не менее популярным, чем в Китае. Его экспозиция в НХМРБ успешно проходила в 2012 г. в связи с очередным празднованием белорусско-китайских дипломатических и культурных связей. Не исключено, что его выставки вновь смогут в дальнейшем увидеть белорусские зрители. Впечатляющая по своему решению композиция «Неповторимость в каждом цветке лотоса» (2012) отличается своей свободой и символизмом. Размеры этого живописного свитка – один метр по вертикали и три метра по горизонтали. На белом свитке изображены обширные водные заросли цветов с большими тёмно-зелеными листьями. Среди них возвышается на тонком стебле розовый лотос, который вносит в общую динамику изображения организующее и гармоническое начало. Здесь условно как бы сопоставляются два мира: материальный и духовный. Духовное начало более возвышенное, именно от него зависит характер всех земных явлений. Это произведение художника не случайно находилось в центре всей экспозиции, потому что оно очень органично объединяло все остальные живописные и каллиграфические экспонаты. Среди них надо отметить произведения традиционной живописи Чжана Хунсу «Весенний сад» (1989), Чжана Цзыцяня «Тыква-горлянка» (2003), Нин Юаня «Жизнь в местности, богатой озерами и реками» (2001), Ми Вэньцзе «Весна души» (1993) и др. Каждое из произведений отличается тонким ощущением связи с природой, подчеркнуто лаконичным и виртуозным авторским стилем. Эти качества традиционной китайской живописи в современном исполнении очень высоко ценят белорусские зрители.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что в 20-х гг. XXI в. экспозиционная целенаправленность и многообразие китайских живописных проектов в Беларуси будут возрастать. Их можно последовательно планировать как на государственном, так и на общественном уровне в силу того, что расширяются культурные и творческие связи между разными организациями и художественными объединениями и союзами. Китайское искусство традиционной живописи за прошедшие десятилетия стало очень близким и востребованным в Беларуси. Это – очень прогрессивное культурное явление, которое трудно переоценить. Поэтому необходимо поддерживать каждый новый шаг его выставочного продвижения в Минске и других городах нашей страны, и продолжать активно исследовать его традиции и инновации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Завадская, Е. В. Ци Бай-ши. / Е. В. Завадская. – М.: Искусство, 1982. – 287 с.
2. Традиционная китайская живопись. Каталог выставки в Национальном художественном музее Республики Беларусь 17.09. – 12.10. 1998. – Минск: Unipack, 1998. – 12 с.
3. Шарангович, Н.В. Белорусско-китайские взаимосвязи в изобразительном искусстве 1990-х – 2000-х гг. / Н.В. Шарангович // Пути Поднебесной. Сборник научных трудов. Выпуск I, Часть II. – Минск: БГУ, 2006. – С.328–333
4. Ся, Лэй, Формы презентации искусства Китая и Беларуси в процессе двухстороннего сотрудничества / Лэй Ся. – Минск: Издатель А.Н. Вараксин, 2018. – 259 с.
5. Чжан, Юйнин. Белорусско-китайское сотрудничество в области изобразительного искусства во второй половине XX века – первой половине 2010-х гг. / Юйнин Чжан // Ве-

- сти института современных знаний. Научно-теоретический журнал. – 2017. – №1. – С.44–48.
6. Чжан, Юйнін. Новыя аспекты творчага дыялогу культур. З вопыту правядзення выстаў кітайскіх жывапісцаў на пачатку 2010-х гг. / Юйнін Чжан / Роднае слова. – 2018. – №12. – С.84–87.
7. Лю, Хэйцзюнь. Изображение архитектуры в традиционном искусстве Китая / Хэйцзюнь Ли. – Мн: БГАИ, 2022. – 192 с.
8. Очарование Востока. 21–27 марта 2012 г. // Сайт НХМРБ Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://artmuseum.by/ru/vyst/proshedshie-vyistavki>. – Дата доступа: 12.09. 2022.

КИТАЙ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

ИНИЦИАТИВА «ПОЯСА И ПУТИ» И ПОНЯТИЕ «ЖЭНЬ» В КОНФУЦИАНСТВЕ

Китайская инициатива «Один пояс – один путь» является широкомасштабным, долгосрочным проектом, который тесно связан с традиционными культурными особенностями дипломатии великой державы с китайской спецификой. В данной статье проанализирована суть конфуцианского понятия «жэнь» (кит. 仁) и его взаимосвязь с осуществлением инициативы «Пояса и пути».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Один пояс – один путь; «жэнь»; конфуцианство; дипломатия

"ONE BELT ONE ROAD" AND THE CONCEPT OF "REN" IN CONFUCIANISM

The Chinese initiative "One Belt One Road" is a large-scale, long-term project that is closely related to the traditional cultural features of the diplomacy of a great power with Chinese specifics. This article analyzes the essence of the Confucian concept of "Ren" (仁) and its relationship with the implementation of the Belt and Road Initiative.

Key words: Belt and Road Initiative; "Ren"; Confucianism; diplomacy.

В настоящее время общество переживает глубокую трансформацию. Быстрое развитие технологий и экономическая глобализация требуют более инклюзивного и сбалансированного развития и преодоления разрыва между богатством и бедностью. Инициатива «Пояс и путь», выдвинутая Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., является широкомасштабным, долгосрочным проектом, основанным на принципе равенства, взаимной выгоды для всех. Она отражает богатые традиционные культурные особенности дипломатии великой державы с китайской спецификой и уникальные характеристики времени.

Две тысячи лет назад, древний шелковый путь открыл в мире новую страницу в истории развития и сотрудничества человечества. В 2017 г. Председатель КНР Си Цзиньпин отметил: «Дух Великого шелкового пути – это ценнейшее наследие человеческой цивилизации. Оно содержит в себе такие понятия, как мир и сотрудничество, открытость и инклюзивность, взаимное обучение, взаимная выгода и всеобщий выигрыш» [1].

Современная китайская внешняя политика осуществляется с учетом исторических традиций, важным элементом которых является конфуцианство. Как сказал Председатель КНР Си Цзиньпин: «Для того, чтобы понять современный Китай, современных китайцев, необходимо углубленно изучать ядро китайской традиционной культуры, иметь представление о культурном контексте, в котором развивается китайская нация. Постулаты традиционного китайского мировоззрения и культуры стали неотъемлемой чертой китайской нации, ее отличительным признаком, который сложился в процессе исторического развития» [2].

Понятие «жэнь» (кит. 仁) является ключевым элементом в конфуцианстве. Сам иероглиф не был создан Конфуцием, но закрепился в конфуцианстве в качестве морального принципа. В целом он рассматривался как высший моральный стандарт, отражающий наилучшие добродетели.

Сутью «жэнь» (кит. 仁) является человеколюбие. Это означает, что каждый человек должен любить других так же, как он любит себя утверждать ценность других и способствовать их счастью, чтобы в обществе установились равные, бескорыстные и братские отношения и была достигнута истинная социальная гармония.

Однако любовь к другим должна быть основана на принципах. С одной стороны, это «Чжун» (кит. 忠), который подразумевает верность, преданность, лояльность, честность; с другой стороны, это «Шу», (кит. 恕) которое означает великодушие, сострадание, снисхождение, заботу о людях, готовность поставить себя на место другого человека. «Если ты сам хочешь твердо стоять на ногах, то сделай, чтобы и другой человек крепко стоял на ногах. Если ты сам хочешь, чтобы твои дела шли хорошо, то сделай, чтобы и у другого человека они шли хорошо» [3, с. 180].

С момента начала проведения реформы и политики открытости в Китае прошло 40 лет. Китай стал второй крупнейшей экономикой в мире. В структуре и объеме его национальной экономики происходят очевидные изменения и сдвиги. Китайский народ, заботясь о будущем и судьбе человечества, всегда рад и готов поделиться достижениями и опытом с другими странами мира, двигаться вперед со всеми прогрессивными силами мира.

Инициатива «Пояс и путь» представляет собой проект, нацеленный на совместное развитие, следующий основным принципам равенства, взаимной выгоды и беспроигрышности. В ее основе лежит принцип совместного строительства и общего использования, выгоды и пользы для различных государств мира. Возможность развития получают не только Китай, но и государства, расположенные вдоль маршрута «Пояса и пути». В речи на II форуме «Пояса и пути» Председатель КНР Си Цзиньпин: «От Евразии до Африки, Америки и Океании, совместное строительство «Пояса и пути» открыло новое пространство для роста мировой экономики, создало новую платформу для международной торговли и инвестиционной деятельности, расширило новую практическую деятельность по совершенствованию глобального экономического управления, внесло новый вклад в увеличение благосостояния народов различных стран. «Пояс и путь» стал общим путем к возможностям и процветанию» [4].

Можно сказать, что рассматриваемая инициатива соответствует понятию «жэнь», которое выходит за рамки отдельного государства. Она представляет собой открытую и инклюзивную платформу для сотрудничества и взаимодействия и не может рассматриваться в качестве способа экспорта китайской социальной системы и модели развития в другие страны мира. Несмотря на то, что «Пояс и путь» обусловлен экономическими соображениями, он продолжает историческую традицию организации научных, технологических и культурных обменов. Никакая культура не должна подвергаться дискриминации либо подавлению. История учит нас поступать с другими так, как мы хотели бы, чтобы они поступали с нами.

В контексте экономической глобализации, культурной диверсификации и социальной информатизации «Пояс и путь» является важной инициативой по углублению открытости Китая внешнему миру и продвижению взаимовыгодно-

го сотрудничества со странами, расположенными вдоль маршрута. Он связывает компоненты древней восточной цивилизации, традиционной китайской культуры благожелательности и добродетели с современностью, способствуя продвижению традиционной китайской культуры и углублению экономических и культурных обменов с родственными странами.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Один пояс – один путь». Основные тезисы речи Си Цзиньпина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/20170519/239391693.html>. – Дата доступа: 11.04.2022.
2. Выступление Си Цзиньпина на открытии Международного симпозиума по случаю 2565-й годовщины со дня рождения Конфуция и 5-го Конгресса Международной ассоциации по изучению Конфуция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0925/c64094-25729647-2.html>. – Дата доступа: 25.11.2021.
3. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л.С. Переломова (отв. ред.), П.С. Попова.; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост, 2004. – 432 с.
4. Си Цзиньпин присутствовал и выступил с программной речью на открытии 2-го Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках "Пояса и пути" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus/rus/ztbd/yidai-yilu/t1659867.htm>. – Дата доступа: 11.04.2022.

УДК 338.1

Е. О. ЗАКЛЯЗЬМИНСКАЯ Е. О. ZAKLIAZMINSKAIA

РЕЦЕССИЯ В ЭКОНОМИКЕ КИТАЯ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Исследование ставит своей задачей проследить причины рецессии в экономике Китая в последние годы, эффективность мер, вводимых властями страны, в целях преодоления негативных последствий, а также перспективы выхода из глубокого кризиса, связанного с рисками попадания в «ловушку среднего дохода».

Ключевые слова: Китай, Россия, США, мировая экономика, рецессия, кризис, гегемония, политика сдерживания, ловушка среднего дохода.

RECESSION IN THE CHINESE ECONOMY: CAUSES AND CONSEQUENCES OF THE GLOBAL ECONOMY

The study aims to trace the causes of the recession in the Chinese economy in recent years, the effectiveness of measures to overcome the negative consequences in the national economy introduced by the country's authorities, as well as the prospects for overcoming the deep crisis associated with the risks of falling into the "middle income trap".

Key words: China, Russia, USA, world economy, recession, crisis, hegemony, containment policy, middle income trap.

Общая характеристика экономики Китая накануне XX съезда КПК

К реализации первой столетней цели в 2020 г. Китаем было достигнуто ряд экономических успехов: страна победила абсолютную бедность, держала лидерские позиции в рейтинге стран по ВВП (по ППС), по номинальному значению ВВП находилась на втором месте после США, а местными экономистами было подсчитано, что к 2027–2028 гг. Китаю удастся опередить США и по этому показателю.

Первый год пандемии COVID-19 (2020 г.) Китай закончил 2,3% приростом объемов реального ВВП. В 2021 г. в стране уже был зафиксирован восстановительный рост в 8,1%. Более того, в мае 2020 г. Си Цзиньпин озвучил новую экономическую стратегию, которая получила название «двойная циркуляция» и должна была стремительно переориентировать страну на внутренний рынок.

Однако новые риски и угрозы 2020–2022 гг. способствовали смене вектора внимания властей на решение текущих задач стабилизации экономики. На 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.) Китай впервые отказался от установления целевого индикатора по темпам прироста ВВП. Программа 14-го пятилетнего плана социально-экономического развития предполагает поддержание темпов прироста «в разумных пределах» и их ежегодное установление в зависимости «от текущей ситуации».

В частности, на 2022 г. правительство заложило показатель в 5,5% по темпам прироста ВВП, однако внутренние и внешние вызовы привели к срывам запланированных индикаторов. Экономика страны в 2022 г. выросла всего на 3%.

Темпы прироста ВВП Китая в первом полугодии 2022 г. составили всего 2,5%. Новыми рисками и угрозами экономическому развитию страны стали не только специальная военная операция России в Украине и общий кризис региональной безопасности в Европе, но и продолжение политики «нулевой терпимости» к коронавирусу в Китае, приводящей к снижению экономической активности в стране, и новый виток ухудшения отношений со странами Запада. Локдаун в Шанхае во 2 квартале 2022 г. привел к сокращению темпов прироста ВВП Китая до минимальных значений (0,4%). В третьем квартале 2022 г. наблюдался рост объемов ВВП в 3,9%, однако макроэкономические показатели по-прежнему находились значительно ниже прогнозных.

Всемирный банк осенью 2022 г. скорректировал прогнозы по темпам прироста экономики Китая в сторону ухудшения. По подсчетам организации, темпы прироста экономики КНР составят всего 2,8%, тогда как темпы прироста экономики АТР достигнут 5,3% [3]. Накануне исторического XX съезда КПК власти страны болезненно оценивали подобные сбои в реализации программы социально-экономического развития, особенно в связи с особой ситуацией в политической жизни страны, когда впервые в современной истории страны возможен сценарий, при котором действующий лидер будет переизбран на третий срок.

На фоне сложностей в экономической жизни Китая накануне съезда успехи воспринимались особенно позитивно: рост объемов внешней торговли в первом полугодии 2022 г. на 9,4% (преимущественно за счет увеличения китайского экспорта на 13,2%) и стабильный уровень цен в стране в запланированных пределах (индекс потребительских цен 2022 г. не должен превышать 3%) на фоне турбулентной внешней среды и исторических максимумов мирового роста цен на продовольствие демонстрируют «успешность» китайского пути.

Прогнозные оценки темпов прироста экономики Китая, к сожалению, не отличаются оптимизмом. Под воздействием новых рисков, важнейшими из которых стали визит Нэнси Пелоси на Тайвань в августе 2022 г., противоречивая политика США по отношению к острову и санкционное давление на инновационные отрасли Китая (прежде всего полупроводниковую промышленность),

стране не удастся поддерживать «доковидные» темпы прироста национальной экономики. Дальнейшая эскалация конфликта Китая со странами Запада, инициативы ряда развитых стран, нацеленные на создание подобия «восточного НАТО», т.е. серии военных блоков в Азиатско-тихоокеанском пространстве, приведут к дальнейшим сложностям в экономике Китая.

Новые вызовы экономическому развитию внутри страны

Основным вызовом экономическому развитию внутри страны стало продолжение политики «нулевой терпимости» к коронавирусу. Когда большинство стран мира отказались от строгих ограничительных мер, из-за длительной изоляции китайского населения от мира и недостаточного формирования коллективного иммунитета от коронавируса, страна продолжала жесткие ограничительные меры вплоть до января 2023 г.

Весной 2022 г. двухмесячный локдаун был введен в Шанхае, который обычно замыкает десятку лидеров территориальных единиц Китая по размеру ВРП. Во втором квартале 2022 г. ВРП Шанхая сократился на 13,7% [5]. Особо стоит отметить тот факт, что глава городского комитета КПК в Шанхае, Ли Цян не только не был снят с поста за распространение коронавируса в крупнейшем после Чунцина городе страны, но и стал вторым лицом государства после Си Цзиньпина после XX съезда КПК. В Шанхае проживает около 24,5 млн человек. Соответственно результативность работы Ли Цяна была оценена высоко, экономический ущерб от политики «нулевой терпимости» отошел на второй план, выведя вперед политическую лояльность и спасение человеческих жизней. Наиболее популярными словами XX съезда стали «народ», «развитие» и «новый» [9]. Акценты были сдвинуты с экономического строительства на национальное процветание и новые политические и идеологические задачи развития Китая. Председатель КНР подчеркнул, что «страна – это народ, а народ – это страна» (цзяншань цю ши жэньминь, жэньминь цю ши цзяншань, 江山就是人民, 人民就是江山) [10]. Однако уже к концу года экономическая повестка начала возвращаться на повестку дня.

Весь 2022 год страну сотрясали локдауны. Нормальная жизнь и производство было парализовано во многих городах и районах страны. Политика «нулевой терпимости» проводилась ценой падения темпов экономического роста.

Темпы прироста экономики за первые три квартала увеличились на 3%. Среди них сельское хозяйство выросло на 3,8%, обрабатывающая промышленность на 3,2%, а сфера услуг – на 2,3% [12]. Для оценки текущего состояния экономики требуется проанализировать рост или же сокращение некоторых секторов национальной экономики.

В сельском хозяйстве в 2022 г. не наблюдалось неожиданностей. Китай поступательно стремился к росту урожая, но в целом ситуация на внутреннем продовольственном рынке была стабильной: зерна хватало, уровень импорта находился в разумных пределах. Зависимость от внешних рынков наблюдалась лишь в поставках соевых бобов, кукурузы и пальмового масла.

В промышленности можно выделить приоритетные направления. Добавленная стоимость горнодобывающей отрасли и высокотехнологического сектора в первые три квартала 2022 г. увеличилась на 8,5% в годовом исчислении.

Больше всего выросли объемы производства электромобилей и солнечных батарей (соответственно на 112,5% и 33,7% [12]), поскольку Китай решительно нацелен на реализацию «зеленой» повестки и достижение пиков выбора CO₂ в атмосферу к 2030 г.

В сфере услуг наибольший рост отмечался в программном обеспечении и ИКТ (соответственно на 8,8% и 5,5%). Китай значительно зависит от западного промышленного софта и американских операционных систем (в первую очередь Windows). Также в намерениях Пекина стать лидером по развитию искусственного интеллекта к 2030 г. Данные инициативы и желание снизить зависимость от внешних рынков определяют приоритеты развития сферы услуг в стране.

Экономическая стратегия «двойной циркуляции» была нацелена на развитие внутреннего рынка. Однако на данном пути Китай пока не показал необходимых результатов: розничные продажи фактически не росли, увеличившись всего на 0,7% в первые 3 квартала 2022 г. [12]. Причем рост был обеспечен увеличением расходов на продукты питания и напитки (соответственно на 9,1% и 6,9%). Таким образом, спрос на непродовольственные товары в Китае последние годы сокращается и новой экономической модели «двойной циркуляции» пока не удастся решить возложенные на нее задачи.

Инвестиционная активность в стране также превышает темпы роста экономики. Инвестиции в основной капитал за первые три квартала 2022 г. увеличились на 5,9%. Причем рост инвестиций в инфраструктуру составил 8,6%, в производство – 10,1%, что в целом характерно для Китая. Из отличительных моментов стоит отметить драматическое падение инвестиций в сектор недвижимости, который составил 8%, подчеркивая кризисные явления в секторе.

Среди приоритетных направлений приложения капитала отмечается рост инвестиций в высокотехнологичный сектор (на 20,2%). Китай нацелен на снижение зависимости от иностранных поставщиков в наиболее критических для развития промышленности и национальной экономики направлениях. Отмечается рост инвестиций в производство электроники и медицинского оборудования (на 28,8% и 26,5% соответственно). Рост капиталовложений в производство электроники обуславливается высокой долей электротехнической продукции в совокупном экспорте КНР (59% экспорта страны), а в медицинское оборудование – желанием Пекина снизить зависимость от импортных поставок. Западные компании General Electric, Philips и Siemens монополизировали рынок медицинского оборудования в Китае (компьютерные томографы (КТ), магнитно-резонансные томографы (МРТ), аппараты УЗИ и пр.) и страна стремится снизить зависимость от Запада.

Отмечался значительный рост инвестиций в трансфер научно-технических достижений в реальную экономику и в НИОКР (на 22,1% и 18,7% соответственно), а также в социальную сферу на фоне не заканчивающихся локдаунов и претворения политики «нулевой терпимости» к коронавирусу. В частности, инвестиции на здравоохранение увеличились на 31,2%.

Срез инвестиционной активности в стране показывает последние тренды экономического развития и основные опасения властей. Китай стремится сни-

зитель зависимость от зарубежных технологий и увеличивает инвестиции в уязвимые отрасли обрабатывающей промышленности (микроэлектронику, медицинское оборудование и пр.), существует стремление совершенствовать систему здравоохранения, увеличивать расходы на НИОКР и на трансфер уже готовых решений в реальную экономику.

Экономический рост Китая в прошлом во многом зависел от инвестиций в недвижимость и инфраструктуру. Последние годы инфраструктурное строительство в стране ведется поступательными темпами, а инвестиции в девелоперские проекты значительно сокращаются. Сложности на рынке недвижимости являются одними из ключевых факторов снижения стабильности экономики Китая в последние годы. По разным оценкам, вклад сектора недвижимости в ВВП страны составляет от 25 до 30%. Поэтому раздувание «пузыря» на рынке недвижимости угрожает стабильности национальной экономики. Проблемы в секторе начались еще с началом пандемии в 2020 г. со сложностями у крупных китайских застройщиков Country Garden и Evergrande. Первые отметили драматические падения прибыли, а вторые не смогли вовремя погасить долларовый оффшорный долг. На рынке недвижимости началось «сдувание» спекулятивного «пузыря», падение спроса и цен на недвижимость, начало массовых невыплат ипотечных кредитов, нехватки ликвидности у застройщиков для финансирования своих проектов, которые привели к росту количества недостроенных объектов.

Еще в 2016 г. председатель КНР Си Цзиньпин говорил: «дома предназначены для проживания, а не для спекуляций» (фанцзы шиюн лай чжудэ, бу шиюн лай чаодэ, 房子是用来住的、不是用来炒的!) и выдвинул инициативы по снижению спекулятивного спроса и сдерживанию роста «пузыря» на рынке недвижимости [8]. Однако ситуация в секторе лишь обострялась. Кризис на рынке недвижимости не пропадает с повестки дня работы правительства. В частности, в августе 2022 г. Ли Кэцян на симпозиуме для руководителей крупнейших по ВРП провинций страны снова акцентировал внимание на необходимости поддержания спроса на жилье [13].

Но статистика неутешительна: с января по июнь 2022 г. инвестиции Китая в строительную отрасль упали на 5,4% в годовом исчислении. Торговая площадь коммерческой недвижимости уменьшилась на 22,2%, а жилой - на 26,6%. Продажи коммерческой недвижимости упали на 28,9%, жилой – на 31,8%. Все эти факторы негативно влияют на темпы экономического роста в стране, но, к сожалению, являются скорее косвенным свидетельством о приближении масштабного экономического кризиса и возможной рецессии и о необходимости срочного поиска новой модели экономического роста, которой пока не смогла стать «двойная циркуляция».

Социально-экономические показатели развития страны тоже не внушают оптимизма. Безработица растет: хотя официальная статистика говорит о том, что уровень безработицы в Китае за первые три квартала 2022 г. составил всего 5,6% [14], по-прежнему существуют сложности с трудоустройством молодежи. В сентябре 2022 г. уровень безработицы среди населения Китая в возрасте от 16 до 24 лет составил 17,9%. Таким образом фактически каждый пятый молодой человек в Китае не имеет работы [14].

На фоне стремительного скатывания в рецессию неожиданно выглядит поступательный рост реальных располагаемых доходов, который составил более 5% за первые 3 квартала 2022 г. [4]. Снижение экономической активности и темпов прироста ВВП при росте заработных плат оказывают дополнительное давление на экономическую систему страны.

Среди внутренних вызовов большую озабоченность представляет напряженная ситуация на рынке недвижимости, высокий уровень безработицы в среде молодежи и вялый спрос на потребительскую продукцию со стороны населения, осложняющий дальнейшие меры властей по стимулированию экономической активности.

Новые вызовы экономическому развитию Китая за рубежом

Накануне XX съезда случился новый виток ухудшения отношений Китая со странами Запада, который был связан с недовольством ряда стран из-за сокращения разрыва между их научно-техническим развитием и развитием Китая.

В декабре 2021 г. США включили большинство конкурентоспособных китайских компаний в санкционные списки. Ограничения коснулись компаний, занимающихся производством полупроводниковой продукции, телекоммуникационного оборудования, высокоскоростных железных дорог, атомной энергетики, космонавтики, искусственного интеллекта и пр. [2] США стремятся не допустить конкуренции и попыток сместить их с позиций мирового инновационного лидера.

В 2022 г. по инициативе США был создан альянс «Полупроводники Америки» (Semiconductors in America Coalition), в который вошли крупнейшие мировые производители полупроводниковой продукции. Деятельность альянса нацелена в том числе и на контроль за поставками полупроводников в Китай.

В дальнейшем был создан более конкретный антикитайский альянс – Chip 4, в который вошли США, Тайвань, Южная Корея и Япония, и основная задача которого также сводилась к контролю за поставками полупроводников в Китай.

В октябре 2022 г. в США был принят документ, нацеленный на дальнейшие ограничения развития китайской полупроводниковой промышленности. Производство полупроводников и микрочипов в Китае пока не может покрыть потребности внутреннего рынка, поэтому стране приходится масштабно импортировать полупроводниковую продукцию из-за рубежа. Любое давление извне отразится на инновационном потенциале Китая и на возможности сохранения прежних объемов экспорта электротехнической продукции.

Украинский кризис и СВО России не привели к изменениям позиций Китая в отношении с ключевыми партнерами по диалогу. Китай по-прежнему придерживается так называемых «пяти принципов мирного сосуществования», учитывая, как интересы Украины (поддержание суверенитета государства), так и сохраняя конструктивные отношения стратегического партнерства с Россией (придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела других государств).

Китай продолжает налаживать связи со странами-соседями. В октябре 2022 г. Си Цзиньпин впервые с начала пандемии в январе 2020 г. выехал за рубеж для участия в Саммите ШОС в Самарканде. Основная задача поездки заключалась в консолидации сторонников антизападного блока. Председатель КНР напомнил о «сообществе единой судьбы ШОС» (Шанхай хэцзо цзучжи миньюнь гунтунти,

上海合作组织命运共同体), но вспомогательными целями были и экономические задачи: увеличение доли взаиморасчетов в национальных валютах, намерения снизить роль доллара в мировой торговле. Си подчеркнул, что страна нацелена на взаимовыгодное сотрудничество, в соответствии с принципами «совместного обсуждения, строительства и использования результатов». Косвенно он подтвердил неготовность Китая поддерживать санкции Запада, выступив против поддержания принципов, нацеленных на частную выгоду в ущерб другим странам.

Турбулентная внешняя среда привела не к падению, а наоборот к росту объемов внешней торговли за первые три квартала 2022 г. на 8,7%. Обострившаяся геополитическая обстановка не отразилась на торговых отношениях: зафиксирован рост торговли со странами «Пояса и пути» на 20,7%, с АСЕАН – на 15,2%, с ЕС – на 9% и даже с США – на 8% [11].

Российско-китайское сотрудничество накануне XX съезда КПК уже под воздействием всех ограничительных механизмов развивалось стабильно. Уже за первые 9 месяцев 2022 г. двусторонний товарооборот вырос на 32,5%, достигнув показателей 2021 г. Объемы двусторонней торговли составили 136 млрд долл. (в 2021 г. российско-китайский товарооборот достиг 140,7 млрд долл.). Рост российского экспорта в Китай составил 51,6% и достиг 84 млрд долл. Рост китайского экспорта в Россию был значительно скромнее, составив 10,3%, увеличившись до 52 млрд долл. Россия нарастила экспорт сырьевых товаров: нефти, природного газа, СПГ и угля, заменив нишу, образовавшуюся после запрета поставок угля из Австралии, после создания военного антикитайского блока AUKUS, где Австралия должна была играть ведущую роль. Ряд китайских компаний, опасаящихся «вторичных санкций» Запада, которые находятся в значительной зависимости от западных комплектующих, ушли с российского рынка. В частности, Россию покинули компании Lenovo, Xiaomi, производящие мобильные телефоны, которые зависят от импортных микрочипов для своего производства. Нашу страну покинул и китайский автомобильный бренд Lifan, который также зависит от поставок зарубежных микрочипов, электронных систем управления, топливных форсунок, датчиков кислорода и пр.

Основной внешний вызов развития экономики Китая – угроза сбоя в поставках полупроводниковой промышленности. Снижения спроса на китайскую продукцию в мире не наблюдается. Геополитическая повестка пока не оказывает влияние на геоэкономические амбиции Пекина.

Перспективы развития экономики КНР

Китайская экономика находится в состоянии падения в глубокую рецессию. Стоит разобраться в чём её основные причины: в политике «нулевой терпимости» к коронавирусу, в эскалации конфликтов по линии Запад – не-Запад, в украинском конфликте и провокациях на Тайване, либо же в закономерных этапах развития экономики страны и попадания в «ловушку среднего дохода», предотвращению которой не помогла даже реализация нового подхода к экономическому развитию в рамках «новой нормальности».

Увеличение объемов экспортной торговли уже не способствует стремительному экономическому росту, внутренний рынок по-прежнему недостаточно развит, о чём свидетельствует низкая доля расходов на конечное потребление в

ВВП. Рынок недвижимости находится в кризисе, а умеренный рост расходов в основные фонды в инфраструктурные проекты уже не может решить текущие структурные дисбалансы экономики страны.

Ряд инициатив властей Китая («нулевая терпимость», экологическая повестка, «двойное сокращение» и пр.) привели к осложнению ситуации на внутреннем рынке. Высокий уровень безработицы в среде молодого населения, рост заработных плат, снижение демографического дивиденда из-за сокращения трудоспособного населения и запоздалая реакция на социальные проблемы со стороны властей приведут к длительному исправлению экономической обстановки в стране.

Кроме того, складывается ситуация, при которой новая команда руководителей Китая нацелена на приоритетное решение политических задач, и существуют высокие риски углубления экономических проблем.

Выводы

Макроэкономические показатели показывают, что экономика Китая вошла в рецессию и страна действительно рискует оказаться в «ловушке среднего дохода».

В настоящее время экономика Китая составляет 18,5% от мировой [10]. Любые сложности в экономике страны окажут влияние на мировую экономику. Фу Линхуэй, начальник отдела общей статистики национальной экономики КНР, комментирует события в экономике Китая следующим образом: «Риск стагфляции в мировой экономике растет, политика ведущих экономик имеет тенденцию к ужесточению, а внешняя нестабильность и неопределенность значительно увеличились. Влияние пандемии в Китае не устранено полностью. Сокращение спроса и шоки в предложении переплетаются, структурные противоречия и циклические проблемы накладываются друг на друга, рыночные субъекты все еще относительно сложны в своих взаимодействиях, а основа для устойчивого восстановления экономики нестабильна» [6]. Сложности экономического планирования и развития страны признаются на руководящем уровне.

Низкие темпы роста ВВП Китая в 2022 г. (3%) свидетельствуют о реальном нарастании кризисных явлений в экономике страны и то, каким образом Китаю удастся преодолеть негативные последствия, во многом зависит не только от внутренней ситуации и действий местных властей, но и от складывающейся геополитической и геоэкономической обстановки в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заклязьминская, Е. О. Научно-технический потенциал Китая в условиях технологических санкций США / Е.О. Заклязьминская. – Вестник РАН. – 2022. – №9. – С. 885–892. – Режим доступа: <https://new.ras.ru/upload/iblock/5bc/n6moa3x7t1iqgnfyura3aljiv7ozvv00.pdf>. – Дата доступа: 30.10.2022.
2. Китай впервые за 30 лет рискует отстать по росту ВВП от остальной Восточной Азии // Ведомости. 27.09.2022. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/09/27/942768-kitai-vpervie-za-30-let-riskuet-otstat-po-rostu-vvp-ot-ostalnoi-vostochnoi-azii>. – Дата доступа: 30.10.2022.
3. 2022 年前三季度居民收入和消费支出情况 = Доходы и потребительские расходы жителей за первые три квартала 2022 года. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202210/t20221024_1889501.html. – Дата доступа: 22.10.2022.

4. 中国二季度 GDP 衰退至 0.4% 封城重创上海 GDP 为-13.7% = ВВП Китая снизился до 0,4% во втором квартале, а закрытие города ударило по ВВП Шанхая до -13,7%. – Режим доступа: <https://www.rfa.org/mandarin/yataibaodao/hcm-07152022011538.html>. – Дата доступа: 29.10.2022.
5. 中国经济仍将释放巨大增长潜力” – 打开上半年中国经济发展“成绩单” = Экономика Китая по-прежнему будет раскрывать огромный потенциал роста», — открывая «табель успеваемости» экономического развития Китая в первом полугодии. – Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2022-07/21/content_5701918.htm. – Дата доступа: 06.11.2022.
6. 中國經濟多不正常？第 2 季 GDP 正成長後的 4 大問號 = Насколько ненормальна китайская экономика? 4 больших знака вопроса после роста ВВП во втором квартале. – Режим доступа: <https://www.cw.com.tw/article/5122020>. – Дата доступа: 30.10.2022.
7. 习近平发话了：房子是用来住的、不是用来炒的！ = Си Цзиньпин заявил: дома предназначены для проживания, а не для спекуляций! – Режим доступа: <https://www.sc.gov.cn/10462/12771/2016/12/16/10407900.shtml>. – Дата доступа: 01.11.2022.
8. 二十大双语热词狂飙 分析：对内宣传习近平思想 对外输出习的中国梦 = Анализ 20 лучших двуязычных горячих слов: продвижение мысли Си Цзиньпина внутри страны и экспорт китайской мечты Си. – Режим доступа: <https://www.voachi-nese.com/a/analysis-of-the-bilingual-hot-words-of-20th-national-congress-report-20221029/6811018.html>. – Дата доступа: 29.10.2022.
1. 二十大报告（实录全文） = Доклад 20-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (полная стенограмма). – Режим доступа: <https://news.ifeng.com/c/8K9l4qcZtaw>. – Дата доступа: 22.10.2022.
9. 今年前三季度我国进出口同比增长 9.9% = За первые три квартала этого года импорт и экспорт моей страны увеличились на 9,9% в годовом исчислении. – Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2022-10/24/content_5721107.htm. – Дата доступа: 24.10.2022.
10. 前三季度国民经济恢复向好 = Национальная экономика хорошо восстановилась в первые три квартала. – Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2022-10/24/content_5721069.htm. – Дата доступа: 20.10.2022.
11. 李克强主持召开经济大省政府主要负责人经济形势座谈会 = Ли Кэцян председательствовал на симпозиуме по экономическому положению основных руководителей провинциальных правительств с крупной экономикой. – Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2022-08/16/content_5705604.htm. – Дата доступа: 01.11.2022.
12. 王萍萍：三季度就业形势总体稳定 = Ван Пинпин: ситуация с занятостью в третьем квартале была в целом стабильной. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/tjsj/sjjd/202210/t20221024_1889474.html. – Дата доступа: 20.10.2022.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИЯМИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В КИТАЙСКИХ ВУЗАХ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА

Статья представляет попытку осмысления некоторых теоретико-методологических оснований инновационной деятельности в вузах КНР при подготовке предпринимателей. Обучение такого рода специалистов рассматривается как один из способов внедрения инноваций и решения серьезных социальных проблем, в частности, безработицы. Впервые в русскоязычном научном дискурсе приведены подходы китайских ученых и педагогов, которые представляют управление подготовкой предпринимателей в контексте инноваций как систему, они могут рассматриваться как существенный вклад в развитие социального управления в Китае.

Ключевые слова: Китай; инновации; высшее образование; подготовка предпринимателей; социальное управление.

SOCIAL MANAGEMENT OF INNOVATION IN ENTREPRENEURSHIP TRAINING IN CHINESE UNIVERSITIES: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FRAMEWORK

The article represents an attempt to comprehend some theoretical and methodological foundations of innovative activities in higher education institutions of China in the training of entrepreneurs. The training of such specialists is considered as one of the ways to implement innovations and solve serious social problems, in particular unemployment. For the first time in Russian-speaking research discourse the approaches of Chinese scientists and educators are given, which represent the management of entrepreneurial training as a system in the context of innovation, they can be regarded as a significant contribution to the development of social management in China.

Key words: China; innovation; higher education; entrepreneurship training; social management.

Социальное управление в значительном числе китайских подходов понимается как совместная деятельность по упорядочиванию социальной жизни. Шэн Мэйцзюань в работе «Трансформация китайского общества и инновации в методах социального управления» [1] полагает, что в число субъектов такой совместной деятельности должны входить общественные акторы всех уровней и сфер: государственные органы, третий сектор, некоммерческие и посреднические организации, граждане по отдельности. Такое утверждение делает вузы активным участником формирования системы социального управления, в том числе такой важной сферой как инновации в предпринимательской деятельности: китайское правительство возлагает надежды на развитие частного предпринимательства как на решение довольно большого числа социальных проблем, в частности, безработицы.

Процессы так называемой «новой индустриализации» проходят в КНР довольно успешно: мы наблюдаем переход от строительства инфраструктуры и поддержки промышленности к созданию инфраструктуры нового типа, формированию социальной инфраструктуры, 5G, большим данным, облачным вычислениям, умному производству и т.п. Вместе с тем попытка интенсифицировать

развитие этой сферы на уровне подготовки предпринимателей в вузах сталкивается со множеством трудностей, в том числе с ригидностью многих образовательных учреждений, их недостаточной способностью отвечать на вызовы времени, отсутствием связи с практической деятельностью и т.п. [2]. Преодоление этих проблем некоторые китайские исследователи и педагоги видят в системном подходе к инновациям в подготовке предпринимателей.

Рассматриваемый системный подход предполагает наличие четырех взаимосвязанных компонентов:

- 1) видение образования: производственно-внедренческая стратегия материализации знаний;
- 2) образовательный процесс: эндогенно-экзогенная стратегия целенаправленного предложения;
- 3) качество образования: стадияльно-динамическая стратегия ценностного прогресса;
- 4) модель образования: когнитивно-деятельностный подход [2].

Видение образования через производственно-внедренческую стратегию материализации знаний предполагает такие важные составляющие как формирование компетенций в парадигме экономики знаний (человеческий капитал, интеллектуальный капитал, высококвалифицированные талантливые кадры и т.п.); продвижение принципа «массового предпринимательства и повсеместных инноваций»; внедрение наработок университета в предпринимательскую среду, формирования концепции «внедрение знаний как функция предпринимательства»; расширение возможностей креативного подхода (повышение роли духа творчества, технологической смекалки, предпринимательской дерзости и т.п.) [3].

Образовательный процесс, в основу которого положена эндогенно-экзогенная стратегия целенаправленного предложения, должен включать следующие компоненты:

- теоретические основы подготовки – новая экономика предложения и новая структуралистская экономика;
- экзогенная переменная – потенциал предложения в инновационной и предпринимательской среде;
- эндогенная переменная – потенциал предложения в системе формирования инновационно-предпринимательских знаний (новые подходы, технологии, методы управления, инновационная политика, гуманитарная среда и т.п.);
- особый упор в образовательном процессе на целенаправленное предложение (гибкость, практикоориентированность, человеческий капитал, планирование карьеры и т.п.) [2].

Качество образования может быть обеспечено путем применения стадияльно-динамической стратегии ценностного прогресса. Её базовая предпосылка: «внедрение инноваций – это социальная ценность». В рамках этой концепции качество образования реализуется в трех измерениях:

- функциональное измерение: обеспечение качественного образования в сфере инновационно-предпринимательской деятельности;
- компетентностное измерение: подготовка специалистов с необходимыми профессиональными компетенциями;

- рыночное измерение: соответствие подготовки кадров требованиям рынка.

Ценностный компонент имеет две параллельных цепочки развития: в стадийном аспекте инновации как ценности разворачиваются в виде цепочки «потребности – удовлетворение – углубление», в динамическом аспекте – в виде цепочки «основа – модернизация – перспективы» [2].

Наконец, базовой моделью образования рассматривается когнитивно-деятельностный подход, включающий три подсистемы: когнитивную, измерительно-оценочную и деятельностьную [4].

Деятельностная часть – одна из существенных проблем не только в системе подготовки предпринимателей, но в системы социального управления, поскольку низовой уровень этой системы в Китае довольно часто сталкивается с безынициативностью и низкой мотивацией: исследователи отмечают, что долгий опыт жесткого администрирования китайского общества не способствовал формированию активного гражданского общества. Вместе с тем, рост экономики и темпы урбанизации определяют необходимость формирования новых моделей социальных отношений, в которых как вузовская общественность, так и предпринимательские круги должны будут занять ответственную и проактивную позицию, что само по себе является для Китая серьезной инновацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. 盛美娟. 中国社会转型与社会管理方式创新研究 // 兰州学刊. – 2008. – 第 12 期. – 第 77 – 第 80 页.
2. 苏克治, 宋丹, 赵哲. 大学创新创业教育的逻辑构成、现实困阻与长效机制 // 现代教育管理. – 2022. – 第 3 期. – 第 40 – 第 47 页.
3. 刘海宁, 刘畅, 方园. 高校工科毕业生创业驱动影响因素研究: 基于定性比较分析的方法 // 现代教育管理. – 2021. – 第 3 期. – 第 36 – 第 43 页.
4. 赵哲, 宋丹, 宋芳. 研究生创业教育: 态势研判、价值意蕴和长效机制 // 研究生教育研究. – 2016. – 第 3 期. – 第 44 – 第 48 页.

КИТАЙСКИЙ МИР

В статье раскрывается сущность китайской цивилизации как единственной в истории человечества светской цивилизации. Показывается принципиальная несовместимость гуманной китайской цивилизации и фарисейской буржуазной западной цивилизацией. Делается вывод, что китайский мир включает в себе смысл истории человечества.

Ключевые слова: китайская цивилизация, западный мир, общий интерес, мировая история, демократия, судьба человечества, социализм.

CHINESE WORLD

The article reveals the essence of the Chinese civilization as the only secular civilization in the history of humanity. It shows the fundamental incompatibility of the humane Chinese civilization and the pharisaic bourgeois Western civilization. The conclusion is that the Chinese world contains the sense of the history of humanity.

Key words: Chinese civilization, Western world, common interest, world history, democracy, the fate of humanity, socialism.

Ориентация на человечество

Великое возрождение китайской нации является возрождением великой нравственной цивилизации, которая непрерывно существует на протяжении многих тысячелетий. По глубине, ширине охвата и динамике нынешнее возрождение китайской нации является беспрецедентным за всю историю человечества. Китай, будучи социалистической страной с древней цивилизацией, никогда не был страной, которая стремилась расширить свою территорию за счет захвата чужих земель. Китай все время являлся страной, сосредоточенной на своем внутреннем мире, с приоритетом социально-нравственных, а не политико-военных интересов. Китайская цивилизация никогда не пыталась демонстрировать свое превосходство над другими цивилизациями, она всегда выступала за мирные и дружественные отношения. Китайская мечта ставит своей целью объединить Китай и все другие страны на планете в единый гармоничный мир, такая китайская мечта в конечном итоге является мечтой всей человеческой цивилизации. Китай, как отмечает профессор Ван Ивэй, «представляет собой возрождение восточной цивилизации, а также единственной в истории человечества светской цивилизации» [1, с. 19].

В настоящее время Китай является общепризнанным лидером мирового экономического развития. Он обеспечивал в 2016 году «примерно 14,8% глобального ВВП и около 30% мирового роста» [2, с. 51]. Сегодня эти проценты еще больше. Если обратиться к докладу МВФ за 2020 год, то по паритету покупательной способности (ППС) ВВП КНР составил 24,14 трлн долл., что на 15% больше американского. А по прогнозу на 2026 год это преимущество должно стать еще более ощутимым: китайские 38,19 против американских 27,659 трлн долл. – разница 37,92% [3]. Для иллюстрации: Китай выплавляет сегодня 1 миллиард 65 миллионов стали в год. Это больше половины всего объема, производимого человечеством. И почти в 15 раз больше, чем нынешнее производство в США. Сталь сегодня это новая инфраструктура завтра. Это новые дома, новые

заводы, новые железные дороги, новые вооружения. Китай – огромная «фабрика» мира, товары которой проникли во все уголки нашей планеты.

При этом не стоит забывать, что реальный сектор в экономике США составляет 22%, а в экономике КНР – 57%. Вдобавок, в состав американского ВВП входит и «приписная рента» (стоимость виртуальной аренды жилья собственниками «у самих себя»), и «гедонистический индекс» (якобы совокупность потребительских качеств новых товаров стоит больше цены их продажи), и легализация ряда ранее криминальных видов экономической активности (азартные игры, оборот «легких» наркотиков и прекурсоров), и эмиссия «вертолетных денег», а также многие другие коэффициенты, повышающие его номинальный объем. Вклад таких «химических добавок» в общий американский «пирог» оценивается в коридоре 15–20%.

Развитие современного мира предполагает наличие принципиально новых отношений между государствами и народами. Сегодня очевидно, что западная модель, которая так упорно преподносилась поверхностно мыслящими экспертами и политиками в качестве универсальной, канула в Лету. И это вполне закономерно. Нельзя же все время обманывать, лицемерить, бесстыдствовать, извращаться и своскорыстные олигархические интересы выдавать за общечеловеческие. Раньше или позже все-таки должен был наступить момент истины, когда для всего человечества стало ясно: западная социально-экономическая и политическая система, как андерсеновский король, оказалась голой, то есть не содержащей в себе ни демократии, ни свободы, ни справедливости, ни ума.

Поэтому не случайно современный мир обращает свои взоры на Китай как реальную альтернативу человеческому развитию в противоположность западному обману и фарисейству. И дело здесь не только в том, что Китай является ведущей экономикой мира. Проблема обстоит гораздо глубже. Китай предлагает человечеству новую систему ценностей. Эта новая система ценностей основывается на принципах, которые свойственны человеческой природе, а именно: открытость, доброта, равенство, справедливость, счастье. Именно такая ценностная парадигма позволяет создать новый тип международных отношений, основанный на общей заинтересованности всех стран и народов. Речь идет не просто о взаимовыгодном экономическом сотрудничестве между государствами, а о новой концепции и новой модели развития, ориентированной на весь человеческий мир.

Историческое проклятие Запада

Западное мышление всегда подходило к прогрессу в контексте противостояния западной цивилизации с другими народами и странами. Взять хотя бы бесчеловечную колониальную политику Запада, оправдывавшая грабеж незападных народов под ханжеским предлогом приобщения их к своей цивилизации. Не прогресс вообще, как любят утверждать западные идеологи, а западный прогресс потому и не состоялся, что он основывался на такой логике и практической политике, которая разрывала человеческое сообщество на враждующие образования, принципом сожительства которых была непрерывная война всех против всех. Обусловлена такая философия и поведение ложной трактовкой греховности человеческой природы. В самом деле, если человек по своей при-

роде греховен, зол, агрессивен, то люди будут всегда находиться в состоянии вражды друг с другом, и здесь открывается большое поприще для появления всевозможных расистских, ксенофобских, фарисейских, европоцентристских концепций, что Запад в соответствии со своим религиозным ханжеством с удовольствием навязывал и навязывает другим народам. Образно говоря, Запад пытается в глазах всего человечества выставить себя таким космическим Богом и навязать собственные греховные помыслы и действия другим народам, которые по причине приписываемой им природной греховности должны безропотно повиноваться Западу и постоянно каяться, чтобы заслужить его милость и прощение. Кстати, от этой греховной трактовки природы человека вытекает и ловушка древнегреческого историка Фукидида, а также инквизиции и индульгенции католической религии. Отсюда западные ультиматумы, санкции, интервенции против неудобных стран и правительств, неприличные претензии выставить свой образ жизни в качестве обязательного для всего человечества, ритуальная фразеология о демократическом, свободном и открытом западном обществе, жрецы которого сами сознают, что говорят не о живом создании, а о покойнике. Как остроумно заметил Бернард Шоу, статуя Свободы в США находится на том месте, где эта свобода похоронена.

В этом и заключается историческое проклятие Запада, который свою греховную, мертвящую сущность хочет сделать сущностью всего человечества.

Развитие мира через общий интерес

В чем принципиальное отличие китайского подхода к современному развитию от западной геополитики? В том, что Китай мыслит прогресс как общее дело всех стран мирового сообщества. Логика здесь такова: существует Китай и другие такие же страны, которые одинаково стремятся к справедливости и счастью, – вот единственно человеческое выражение принципа общего дела, а, следовательно, и принципа прогресса. Китай и другие такие же по природе страны, – что это такое, в самом деле, как не чувство симпатии, ведущее к объединению стран одного и того же человеческого сообщества. Как все люди по своей природе одинаковы (все люди одинаково выражают радость и горе, все люди одинаково хотят быть счастливыми, и никто не хочет быть несчастным), так и все народы по своей природе одинаковы. Что это, как не разумный, хорошо понятый общий интерес, который учит нас тому, что подлинные интересы одних народов не противоречат интересам других народов. Отсюда следует, что когда государство не противопоставляет свой интерес интересам другого государства, то каждое из них словно забывает о своих собственных выгодах, перестает мыслить в логике игры с нулевой суммой, чтобы выработать сознание общего дела, общего интереса для всех государств, что и является условием достижения реальной выгоды и настоящего счастья.

В мае 2017 года по инициативе Председателя КНР и Генерального секретаря Коммунистической партии Китая в Пекине был проведен Форум по международному сотрудничеству на высшем уровне в рамках мегапроекта «Один пояс – один путь». Во встрече участвовали лидеры 29 стран и полномочные представители более 100 государств. Число стран, подписавших различные документы об участии в «поясе и пути», достигло 68. На Форуме было объявлено, что Ки-

тай дополнительно выделит на проекты ЭПШП 70 млрд. долларов. Кроме того, около 9 млрд. долларов будет предоставлено в течение пяти лет международным организациям вдоль «пояса и пути». За это же время Китай планирует инвестировать в других странах до 800 млрд. долларов, причем основная часть этих инвестиций будет как раз направлена в государства, которые участвуют в мегапроекте ЭПШП. Китай также планирует за это время импортировать товаров из других стран на 8 трл. долларов, привлечь 600 млрд. инвестиций и обеспечить 700 миллионов поездок своих туристов за рубеж.

Поступательному развитию китайского мегапроекта ЭПШП пытаются всячески противодействовать ряд западных стран во главе с США и их лжеэксперты в незападных странах. Например, профессор Центра политических исследований в Нью-Дели и одновременно сотрудник Академии Роберта Боша в Берлине Брахма Челлани, оправдывая недовольство США китайским проектом «Один пояс – один путь», пытается поставить знак равенства между империалистической политикой западных стран и китайской инициативой «Один пояс – один путь» [4], не понимая принципиального различия между западным империализмом, разделявшим мир на якобы цивилизованный Запад и варварский Восток и тем самым оправдывавшим свою грабительскую политику в отношении незападных стран (как это, к примеру, делала Англия в Индии) и китайским мегапроектом, направленным на построение Сообщества единой судьбы человечества в интересах всех стран и всех народов нашей планеты. Западные эксперты особенно усердствуют в распространении провокационных комментариев на тему конкуренции Китая и России в Центральной Азии. Западные средства массовой информации хотят убедить общественное мнение в странах вдоль ЭПШП в несовместимости интересов Китая и других государств, в частности, Китая и России. На что китайские эксперты справедливо отвечают, что подобные провокационные суждения не имеют ничего общего с действительностью.

В этом контексте важно отметить и то обстоятельство, которое в настоящее время способствует укреплению всестороннего стратегического партнерства Китая и России. Эта непрекращающаяся торговая война США с Китаем и антироссийские санкции США и Евросоюза. Антироссийская политика США и Евросоюза, а также торговая война США против Китая объективно усиливают китайско-российское взаимодействие в современном мире. Можно утверждать, что сегодня Россия и Китай как никогда раньше нуждаются в поддержке друг друга, если бы не было бы китайской опоры во внешнеполитической стратегии России, то Россию Западу действительно удалось бы изолировать и ослабить на международной арене. Точно так же без поддержки России Китаю гораздо сложнее было бы продвигать свой мегапроект ЭПШП и противостоять антикитайской политике США.

Как отмечают ведущие российские и китайские эксперты, «китайско-российские отношения в настоящее время находятся на историческом пике. Нам надо придерживаться принципов совместных консультаций, совместного строительства и совместного использования в рамках пояса и пути, расширить региональные и географические преимущества Центральной Азии и России в объединении всей Евразии, что принесет реальное благополучие народам региона» [5, с. 43].

Выступая на праздновании столетнего юбилея Компартии Китая 1 июля 2021 года, председатель КНР и генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин много времени уделил решимости китайцев противостоять давлению извне. Пекин, по его словам, не позволит никому диктовать себе условия. Тот же, кто несмотря на все предупреждения будет пытаться это сделать, натолкнется на «великую стальную стену, выкованную миллиардом и четырьмястами миллионами человек». Солидную часть своего выступления Си Цзиньпин посвятил непростым отношениям с Западом. Он заявил, что Китай не потерпит «лицемерных нравов учений тех, кто считает себя вправе читать нам (китайцам) лекции» [6].

Чем обусловлен стремительный взлет Поднебесной в современном мире? Ментальностью китайской нации. Мы зачастую не задумываемся, как надо проводить реформы, а лишь воспроизводим логику мышления и практику поведения западной элиты. В чём она выражается? В сугубо формальном решении возникающих проблем. К примеру, взять вопрос о демократии. Как подходят к нему буржуазные идеологи? Чисто формально. Издаётся закон – и все. Вроде бы правильно, но за этой правильностью скрывается политический абсурд и явное несоответствие истине. Дело в том, что в буржуазной голове может быть много правильного, что вместе с тем неистинно. Ведь в вопросе о демократии недостаточно ограничиваться формализмом: альтернативностью выборов, политической конкуренцией, институционализированными процедурами открытого и соревновательного политического участия, избираемыми на соревновательной основе главными исполнительными руководителями. Важно видеть и понимать сущность всей политической системы, смысл всей государственной политики. В этом плане можно сказать, что с точки зрения формальной, законодательной современная западная политическая система, безусловно, демократична, поскольку предоставляет гражданам возможность решать дела в государстве по большинству, то есть демократически. Такое утверждение будет правильным. Но, по сути своей, западная политическая система не предполагает превращение этой возможности в действительность. Это означает, что такая система в действительности – антидемократична. Вот и выходит – формально (в возможности) Запад демократичен, а фактически (в действительности) – олигархичен. Такова истина западной буржуазной системы.

От «Чимерики» к Великой Поднебесной

Феноменальное развитие Китая приковывает к нему взоры всего мира. Всем понятно, что речь идет о новой эпохе в истории мировой цивилизации. Китай предложил мировому сообществу планетарную идею – создание Сообщества единой судьбы человечества. Можно с уверенностью сказать, что человечество вступает в китайский век.

В конце октября 2022 года в Пекине завершился эпохальный XX съезд Коммунистической партии Китая (КПК). Эпохальным он является потому, что на нем были приняты ключевые политические решения о дальнейшей стратегии развития Китая.

Историческая справка. В ноябре 2012 года на XVIII съезде КПК китайские власти торжественно провозгласили две исторические задачи, которые должен выполнить Китай – «две столетние цели». Во-первых, к 2020 году – столетию

создания КПК – должен построить «среднезажиточное общество во всех отношениях», а к 2049 году – столетнему юбилею образования КНР – коммунистическая партия обещает превратить Китай в процветающее, сильное, демократическое, цивилизованное и гармоничное модернизированное социалистическое государство.

Таким образом, XX съезд КПК по определению не мог не быть эпохальным событием, поскольку именно на нем высшая партийная элита констатировала достижение первой цели эпохи и протранслировала новую стратегическую установку, согласно которой Китай отправляется «в новый поход к всестороннему строительству модернизированного социалистического государства».

На XX съезде КПК произошел публичный отказ от глобалистского проекта «Чимерика» (Chimerica – China + America) и переход к национальному проекту «Великой Поднебесной». Дело в том, что, хотя проект «Чимерика», с одной стороны, обеспечил Китаю феноменальный экономический рост, превратив его по сути в первую экономику мира, но в то же время, с другой стороны, сделал эту экономику критически зависимой от США.

Кроме того, общественная либерализация, проводившаяся в Китае в парадигме «Чимерики», то есть на фоне выстраивания тесных партнерских отношений с США, позволила Вашингтону беспрепятственно воздействовать при помощи своей мягкой силы на китайское общество.

Все это породило в Китае понимание того, что в условиях развязанной США новой «холодной войны», а также все более жестких действий по сдерживанию развития КНР, проект «Чимерика» начинает коренным образом противоречить национальным интересам Поднебесной, а значит должен быть отброшен.

Китайский лидер Си Цзиньпин в этой связи выдвинул на первое место тезис о необходимости обеспечения суверенитета и территориальной целостности страны. При этом на XX съезде лидером КНР было откровенно заявлено, что главную угрозу Китай видит во вмешательстве внешних сил.

С трибуны XX съезда КПК Си Цзиньпин объявил, что важнейшей стратегической задачей для Китая сейчас является ускоренная модернизация вооруженных сил, а также повышение их боевой готовности. Эту задачу лидер Китая потребовал решить к 2027 году.

Еще более жестко Си Цзиньпин высказался по поводу Тайваня, заявив, что «воссоединение КНР и Тайваня является неизбежным и Пекин оставляет за собой право применить силу для предотвращения вмешательства внешних сил» [7, с. 4].

Наряду с этим председатель КНР особо подчеркнул успехи китайской модернизации, а также заявил, что китайский опыт может быть использован другими развивающимися странами.

По сути, на XX съезде КПК Пекин сделал заявку на формирование альтернативного Западу центра силы, призвав развивающиеся страны объединиться с Китаем для противодействия гегемонии Запада.

Фактически по итогу XX съезда КПК Си Цзиньпин усилил свои позиции во власти до небывалой после Мао Цзэдуна степени. Здесь важно подчеркнуть, что отец Си Цзиньпина – Си Чжунсюнь – являлся одним из виднейших китайских революционеров первого поколения. Как представляется, немаловажной дета-

лью его биографии является то, что родился политик на территории китайской провинции Шэньси и после образования КНР он некоторое время занимал руководящие должности в автономном регионе Северо-Западный Китай со столицей в Сиане (ныне административный центр провинции Шэньси), после чего был переведен на работу в Пекин.

Сиань же является колыбелью китайской государственности, поскольку был столицей империи Цинь. Именно в окрестностях этого города расположен мавзолей императора Шихуанди с его всемирно известной в настоящее время Терракотовой армией. Значимость Цинь Шихуанди для Китая заключается в том, что именно он впервые попытался поставить интересы всей Поднебесной над интересами отдельных регионов и этнических субстратов, остановив «войну всех против всех» периода «Воюющих царств».

Сиань также некоторое время был столицей, сменившей Цинь империи Хань, которая и заложила тысячелетние основы китайской государственной традиции (здесь нельзя не отметить важную деталь: династический цвет правившей в империи Хань династии Лю – красный).

Именно в провинцию Шэньси во время «культурной революции» был сослан на перевоспитание юный Си Цзиньпин после того, как его отца арестовали.

Даже если предположить, что эти эпизоды китайской истории в реальности не оказали какого-либо существенного влияния на формирование личности будущего председателя КНР, в любом случае можно констатировать, что Си Цзиньпин к концу своего десятилетнего правления стал олицетворением именно тех сил, которые стремятся к максимальному укреплению национального суверенитета КНР, в том числе путем усиления вертикали власти и парализации центробежных тенденций.

Перспективы дальнейшего усиления позиций центральной власти в стране, в том числе самого председателя КНР, достаточно рельефно отражаются в решениях XX съезда КПК.

Так, в последний день работы съезд принял резолюцию о включении в текст устава КПК положений, которые признают ключевую роль Си Цзиньпина в ЦК КПК и партии в целом, а также руководящую роль идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху.

Радикальные перестановки в высшей политической элите КНР есть следствие непрерывно усугубляющейся внешнеполитической обстановки, на фоне которой ни о какой «Чимерике» говорить уже не приходится. Такая переконфигурация китайской элиты не смогла бы произойти, не соответствуя она вызовам времени.

США последовательно наращивают потенциал сдерживания Китая в непосредственной близости от его границ. Все более откровенная милитаризация Японии, затачиваемая на конфронтацию с Китаем, создание США военного альянса AUKUS и передача под его прикрытием американских атомных подлодок Австралии, а главное все более явное желание Вашингтона на применение «украинского сценария» на Тайване потребовало от Пекина стратегического ответа.

Си Цзиньпин на XX съезде КПК сделал сильный ход, добившись консолидации высшей партийной элиты вокруг своей личности и обеспечив стабиль-

ность социально-политической ситуации в стране минимум на ближайшие десятилетия.

Показательно и то, что Китай заявил себя в качестве лидера развивающихся стран, стремящихся сбросить гегемонию США и изжить позорную зависимость от Запада. Разумеется, в Китае понимают, что покончить с «Концом истории» в американской редакции возможно лишь на пути сотрудничества с развивающимися странами, в том числе и с Россией.

Для России же усиление позиций Си Цзиньпина и отказ от проекта «Чимерики» в пользу проекта Великой Поднебесной имеет важное значение, поскольку сторонники «Чимерики» критически относились к углублению отношений с Россией и нередко вставляли палки в колёса российско-китайских экономических связей.

Надо признать, что проект Великой Поднебесной отвечает интересам и России, поскольку для утратившего иллюзии подружиться с США Китая, да еще и официально заявляющего о намерении противодействовать американской гегемонии, Россия становится одним из ключевых союзников.

Важно понять, что только Китаю сегодня под силу быть лидером мирового прогресса, что только Китай способен продуцировать действительно новые идеи, а не пробавляться протухшей фарисейской закваской западных политиков. И Китай это красноречиво демонстрирует в своей разнообразной деятельности, начиная от экономических и кончая гуманитарными проектами. Выступая с программной речью на площади Тяньаньмэнь, посвященной 100-летию со дня основания Компартии Китая, председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что «сегодня перед миром стоит нация, которая бурно развивается и неудержимыми шагами идет по пути к своему великому возрождению. Мы убеждены, что под твердым руководством КПК и благодаря тесному сплочению многонационального народа страны цель полного построения модернизированной социалистической державы обязательно будет достигнута, а китайская мечта о великом возрождении китайской нации непременно сбудется» [8].

Агрессивная политика США и НАТО на международной арене после окончания «холодной войны» не только обнажила фарисейскую и антигуманную сущность западной политики, но генетически укрепила иммунитет истории против вируса западной «демократии», еще более осязательно подтвердила истинность социалистического вектора развития человечества. Ибо только социалистический путь развития является гарантией подлинно демократического многополярного мироустройства. И поскольку экономически, технологически, демографически центр мирового развития переместился в Азию, постольку Китай объективно становится во главе человеческой истории в XXI веке, который с полным правом можно назвать китайским миром. «В общем, не будет преувеличением сказать, что мировая история в современную эпоху творится прежде всего в Китае» [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Ивэй. Сближение Китая и России даст тройной стратегический эффект / Ивэй Ван // Китай. – 2014. – № 3. – С. 19.
2. Тавровский, Ю. Первый юбилей / Ю. Тавровский // Китай. – 2018. - № 9. – С. 50–51.

3. Щукин, О. «Путинский запас» России развенчал расчеты ростовщиков МВФ / О. Щукин – Режим доступа: riafan.ru. – Дата доступа: 5.07.2021.
4. Челлани, Брахма. Как Китай подгребают под себя весь мир. Ошеломляющие факты / Брахма Челлани. – Режим доступа: [https:// telescop-by.org/2018/12/05](https://telescop-by.org/2018/12/05). –Дата доступа: 06.12. 2018.
5. Сю Вэньхун. Пятилетка «пояса и пути» / Вэньхун Сю // Китай. – 2018. – № 9. – С. 42-43.
6. Сергей Мануков. В Пекине не намерены выслушивать «лицемерные нравоучения» Запада. – Режим доступа: expert.ru/2021/07/1. – Дата доступа: 2.07.2021.
7. Итоги XX съезда Компартии Китая // Коммунист Беларуси. – Режим доступа: <http://www.comparty.by/newspaper>. – Дата доступа: 04.10. 2022.
8. Зюганов, Г. А.: Компартия Китая добилась пяти выдающихся побед / Г. А. Зюганов – Режим доступа: kprf.ru/party-live/cknews/203772. – Дата доступа: 8.07.2021.
9. «Китайский социализм вершит мировую историю». Интервью с Ю.В. Афониным в газете «Правда». – Режим доступа: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/160656.html>. – Дата доступа: 07.12.2016.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПРОЕКТ "ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ"

На сегодняшний день проект «Один пояс – один путь» является крупнейшим не только в Азиатском регионе, но и во всем мире. Данная инициатива китайского правительства охватывает не только исторические регионы Шелкового пути, но и интегрирует в себя новые территории, такие как Европа и Африка, соединяя огромное пространство через всю Евразию и далее. Центральная Азия в этом проекте играет ключевую роль, как начало пути, ворота для отправки китайских грузов, товаров и технологий на запад. Тем не менее, существует ряд проблем, или лучше сказать ряд вопросов, требующих решения для достижения наиболее эффективной интеграции стран региона в данный проект.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, ШОС, экономическое сотрудничество, экономика, Центральная Азия, один пояс один путь, Шелковый путь.

INTEGRATION PROBLEMS OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE "ONE BELT, ONE ROAD" PROJECT

Today, the “One Belt, One Road” project is the largest not only in the Asian region, but also in the whole world. This initiative of the Chinese government covers not only the historical regions of the Silk Road, but also integrates new territories such as Europe and Africa, connecting a huge space across Eurasia and beyond.

Central Asia plays a key role in this project, as the beginning of the road, the gateway for sending Chinese goods, goods and technologies to the west. However, there are a number of problems, or rather a number of issues that need to be addressed in order to achieve the most effective integration of the countries of the region into this project.

Key words: People's Republic of China, SCO, economic cooperation, economy, Central Asia, One Belt One Road, Silk Road.

Китай в Центральной Азии

На сегодня Пекин расширяет свое влияние в регионе Центральной Азии, действуя через национальные структуры и налаживая связи с местной политической элитой, и приспосабливаясь к реалиям на местах, адаптируя и принимая на вооружение местные традиции стран Центральной Азии, нормы и практики. Одним из таких способов является реализация глобального проекта “Один пояс – один путь”.

На данный момент позицию одного из ключевых игроков в мировой политике сохраняет Китай, подчеркивая свое положение экономическим, военным и демографическим потенциалом. Энергетический голод Китая стал еще больше под натиском интенсивного экономического развития страны. Что внесло изменения в активном участии Китая в мировом энергетическом рынке, при условии пересечения интересов стран-импортеров и экспортеров и стран-транзитов. Посредством чего продвигает свою энергетическую политику на Ближний Восток и в Сибирь, развивая свои стратегические интересы в Центральной Азии.

Включение региона Средней Азии в проект «один пояс – один путь» является ключевым при построении цепочки перемещений товаров и ресурсов, особенно в энергетической сфере. Китай давно играет лидирующую роль как глав-

ный внешнеторговый партнер стран Центральной Азии, с присущей такому не равнозначному союзу структурой экспорта и импорта.

Китайский капитал увеличивает свое участие в энергетических проектах в регионе практически во всех сферах, но особенно конечно же добыче и разведке углеводородного сырья. На сегодня всего можно выделить четыре основных направления по интеграции стран участников проекта, это энергетическая политика, экономическое сотрудничество, региональная безопасность и гуманитарное сотрудничество.

В первую очередь при интеграции стран Центральной Азии в проект речь идет о расширении и углублении сотрудничества в энергетической сфере, далее расширение торговли и расширение многоуровневого интеграционного взаимодействия. Кроме углеводородов, можно сказать и о сотрудничестве в сфере других энергоресурсов, таких как гидроэнергия и альтернативные источники энергии. В обмен на энергоресурсы страны ЦА получают доступ к китайским высоким технологиям, предполагается строительство совместных предприятий на территории этих стран.

Проект «один пояс – один путь» предполагает продвижение взаимосвязей между Азиатским, Европейским и Африканским континентами, а также развитие инфраструктуры на прилегающим к ним морям для установления и укрепления партнерских отношений между странами, включенными в проект.

Таким образом участие Центральноазиатских стран позволит расширить торгово-экономические связи с основным торговым партнером Китая, Европой благодаря созданию нового торгового маршрута через регион, сокращая сроки доставки грузов по железной дороге из Китая, через Синьцзян-Уйгурский АР в Восточную Европу до 11 дней.

Чтобы добиться поставленных целей, китайской стороне необходимо решить целый ряд задач. Это развитие инфраструктурной взаимосвязи стран, обеспечение беспрепятственной торговли в рамках проекта, финансовая интеграция и политическая координация.

Государственная поддержка и финансирование первое, на что опирается китайская дипломатия, чтобы обеспечить своим госкомпаниям возможность проведения успешных переговоров, в т.ч. и по ценовой политике. Потребность Китая в энергии выросла в три раза больше, чем в среднем по миру, что конечно же заостряет вопрос энергоснабжения в стране, делая его ключевой проблемой национальной безопасности. Трубопроводные месторождения Каспия и Центральной Азии находятся в приоритете, и диверсификация остается одним из надежных способов для стратегии энергобезопасности КНР [1].

С учетом общей границы длиной более 3300 километров Китай и страны ЦА являются близкими и давними соседями. Китай окружают с запада такие страны как Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, через них далее находятся Туркменистан и Узбекистан, играющие немаловажную роль для Китая.

Постоянное укрепление сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии в области строительства инфраструктуры выгодно не только для двустороннего, но и для многостороннего сотрудничества, в которой выигрывают все стороны включая страны Центральной Азии. В программной речи на цере-

монии открытия саммита международного сотрудничества «Пояс и путь» было указано, что связь объектов является основой для сотрудничества и развития.

Движимые инициативой сотрудничества «Пояс и путь», страны Центральной Азии одна за другой осуществляют сотрудничество в области инфраструктуры с Китаем. Казахстан и Китай совместно выпустили “План стыковки и сотрудничества по строительству Экономического пояса Шелкового пути” и “Дороги света: Новая экономическая политика”, Узбекистан и Китай подписали “Меморандум о взаимопонимании по укреплению сотрудничества в области строительства инфраструктуры”, и “Соглашение о сотрудничестве по строительству малых и средних гидроэлектростанций в Республике Узбекистан”, “Правительственное соглашение о международных автомобильных перевозках” и другие документы, направленные на постоянное содействие предприятиям из Китая и стран Центральной Азии в осуществлении сотрудничества в области инфраструктуры и гидроэнергетики на основе рыночных принципов. Судя по стратегическому выбору, основам развития и сотрудничеству между Китаем и странами Центральной Азии в области инфраструктуры может быть еще более углублено и укреплено в будущем, и традиционное мышление игры с нулевой суммой будет привнесено в мир совместное развитие [3].

Существует сильная взаимодополняемость между Китаем и странами ЦА в области сотрудничества по наращиванию потенциала в новых областях. В последние годы страны Центральной Азии последовательно выдвигают требования к развитию новых отраслей. Например, Узбекистан и Туркменистан предложили в своих национальных стратегиях сосредоточиться на развитии солнечной энергетики, связи и электронной информационной промышленности. Промышленные масштабы и технический уровень Китая в новых областях, таких как солнечная фотоэлектрическая энергия, связь и электронная информация, являются ведущими в мире. Появилось большое количество транснациональных компаний, и они занимают лидирующие позиции на мировом рынке во многих странах.

Исходя из данных по транспортировке энергоресурсов, географическая близость стран облегчает транспортировки энергоресурсов как по трубопроводам, так и по сухопутным путям. Что также экономит время и финансовые затраты на перемещение. В этих условиях определяется коммерческая выгода сотрудничества.

Проблемы интеграции стран Центральной Азии в проект

На пути к успешной интеграции в проект “Один пояс – один Путь” страны Центральной Азии сталкиваются с рядом проблем, требующих скоро решения. Одна из них – это транспортная и энергетическая инфраструктура стран Центральной Азии, находящаяся в плачевном состоянии. В настоящее время страны сформулировали стратегии развития и активно выступают за реформирование транспортного сектора, а также постоянно при помощи Китая наращивают строительство инфраструктуры, включая строительство новых дорог, модернизацию и вспомогательные объекты обслуживания, строительство железнодорожных сетей, новое строительство и строительство тепловых электростанций, гидроэлектростанций и насосных станций. Проходит модернизация телекоммуникационных сетей и сетей водоснабжения [4].

Следующая проблема находится в факторе многонациональности региона и наличии религиозного экстремизма, что ставит под угрозу безопасность всего региона и соседей в целом. Отслеживается четкое влияние на геополитическую структуру некоторых государств региона в ходе частых пограничных конфликтов и межнациональных проблем из-за раздела ресурсов между группами национальностей.

С распространением различных экстремистских и террористических сил в Центральной Азии нависает угроза глобальной нестабильности. Под натиском неустойчивой социально-экономической обстановки оказывается влияние на сотрудничество стран Центральной Азии с Китаем, также и из-за уйгурского фактора.

Следующая проблема – это серьезный социально-экономический разрыв в большинстве стран ЦА, который с годами только нарастает, чему способствует несбалансированное распределение ресурсов и богатства. Взаимодействие Китая со странами ЦА позволит данному региону проводить развитие энергетики, а также найти дополнительные каналы и пути совершенствования экономики. Посредством транснационального сотрудничества у стран ЦА также есть дополнительная возможность в получении прибыли. Второстепенные трубопроводы, построенные рабочими, уже принесли экономические выгоды этим странам. Энергетическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии, а также сотрудничество в области транспортной инфраструктуры позволяют достичь более высокого темпа роста экономики, а также страны ЦА получают доступ к капиталу и передовым ресурсам и достигают цели в плане диверсификации экспорта энергоносителей.

Как цель для стран Центральной Азии ставится выработка свода правил сотрудничества, где основой ложится соблюдение экологических стандартов и разумного баланса природоохранных мер и экономических выгод и т.д. То есть сотрудничество стран в Центральной Азии может благоприятствовать активному развитию энергетических возможностей. Именно поэтому все больше и больше новых сотрудничающих стран вовлекается в развитие диалога между странами (проект ЭПШП).

Периодически вопросы по решению проблем водно-энергетического характера становились точкой соприкосновения интересов. Решение таких вопросов способствует укреплению доверия между сотрудничающими странами, а также укрепить интеграцию. Без прогресса по решению проблем в данной тематике или поспешность решений неизбежно приводит к возникновению разрушающего катализатора. Так страны ЦА остаются приверженцами «многовекторной» внешней политики, что выстраивает движимые противоречия между государствами.

Кроме всего перечисленного к проблемам, требующим решения, следует отнести внутрирегиональные распри между странами, приграничные и этнические конфликты, такие как в Киргизии и на границе с Таджикистаном. Необходимо создание между странами взаимовыгодной концепции и открытой позиции, создание внутри этих стран благоприятных условий для инвестиций. Далее, должны быть решены проблемы в сфере торговли, решены вопросы трудовых лицензий и организационные проблемы сотрудничества при взаимодействии с зарубежными компаниями, требуют решения проблемы управления. Необходимо создание площа-

док для обмена информацией и расширение сотрудничества в других сферах, особенно гуманитарной.

Кроме того, не стоит забывать роль США и других стран, таких как Турция, например, в противостоянии Китаю в данном регионе, ведь усиление Китая в ЦА является прямой угрозой национальным интересам Америки.

Остается важным сделать целью экономического пояса Шелкового пути регулирование группы конфликтов, прошлых и даже новых, разрядка напряженности, совершенствование диалога и налаживание отношений между странами на маршруте путей, без способствования развитию конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов – Текст: электронный // Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о создании Объединенной электроэнергетической системы. [Сайт]. – Режим доступа: – <https://docs.cntd.ru/document/901775480>. – Дата доступа: 18.05.2022.
2. Аникин В. И. О роли и возможностях России, ЕАЭС, Китая в реализации проекта «Большого евразийского партнерства» // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2019. – №2-2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-vozmozhnostyah-rossii-eaes-kitaya-v-realizatsii-proekta-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva>. – Дата доступа: 29.07.2022.
3. 李俊霞：从哈萨克斯坦暴乱透视其能源经济问题。 – Режим доступа: <http://obor.nea.gov.cn/detail/17670.html>. – Дата доступа: 28.06.2022.
4. “一带一路”倡议下，中国与中亚国家经贸合作现状及展望。 – Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1736777531173665808&wfr=spider&for=pc>. – Дата доступа: 28.06.2022.

УДК К142М6-2

А. Ч. МОКРЕЦКИЙ А. СН. МОКРЕТСКИЙ

БЕЗОПАСНОСТЬ + РАЗВИТИЕ: О ДВУХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВАХ СИ ЦЗИНЬПИНА

Китай за последние два года накануне XX съезда КПК (октябрь 2022) и после его проведения обобщает и систематизирует ранее выдвинутые внешнеполитические идеи. Формула «безопасность + развитие» расширенно интерпретируется как «развитие – основа безопасности, а безопасность – условие для развития», в дальнейшем воплотившись в двух глобальных инициативах Си Цзиньпина: глобальной инициативе развития и глобальной инициативе безопасности.

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, внешняя политика, дипломатия, безопасность, развитие, глобальные инициативы.

SECURITY + DEVELOPMENT: ABOUT TWO GLOBAL INITIATIVES OF XI JINPING

Over the past two years, on the eve of the XX Congress of the CPC (October 2022) and after its holding, China has been generalizing and systematizing previously put forward foreign policy ideas. The formula "security + development" is broadly interpreted as "development is the basis of security, and security is a condition for development", further embodied in two global initiatives of Xi Jinping: the global development initiative and the global security initiative.

Key words: China, Xi Jinping, foreign policy, diplomacy, security, development, global initiatives.

Статья посвящена изучению двух глобальных инициатив председателя КНР, товарища Си Цзиньпина – глобальной инициативе развития (Global Devel-

orment Initiative /全球发展倡议) и глобальной инициативе безопасности (Global Security Initiative / 全球安全倡议). Рассмотрим его выступление в Шанхае 21 мая 2014 г. В то время Китай проводил 4-й саммит Соперничества по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) на «домашней» площадке. Темой форума, в котором приняли участие представители 47 государств, международных и региональных организаций, была «Укреплять диалог, доверие и взаимодействие, вместе строить новую Азию мира, стабильности и сотрудничества».

В продолжительной речи Си Цзиньпин выдвинул тезис о новой концепции безопасности в Азии, состоящей из 9 иероглифов: «общая/совместная» (共同), «комплексная» (综合), «кооперационная/во взаимодействии» (合作) и «устойчивая» (可持续). Этот тезис позднее трансформировался в новую концепцию безопасности, которую китайские руководители продвигали на всех международных площадках, начиная с неформальных встреч лидеров стран АТЭС и заканчивая трибуной ГА ООН в Нью-Йорке.

Разъясняя идею об «устойчивой» безопасности, Си отметил, что под ней (т.е. «устойчивостью») понимает необходимость уделять важное внимание и в равной степени как безопасности, так и развитию в целях достижения продолжительной безопасности. Для усиления эффекта «важности» председатель КНР вспомнил политического деятеля и историка периода династии Тан, составителя «Истории династии Суй» Вэй Чжэна (魏征 580–643 гг.): «кто стремится к тому, чтобы дерево росло в высоту, должен укрепить его корень; кто желает, чтобы поток струился далеко, должен углубить/расчистить его источник» (“求木之长者，必固其根本；欲流之远者，必浚其源泉”) [1]. И далее, возвращаясь к саммиту СВМДА, выдвигается тезис об обоюдной важности безопасности и развития, который воплощается в формуле «безопасность + развитие», где «развитие – основа безопасности, а безопасность – условие для развития».

Спустя 7 лет, выдвинутые в Шанхае идеи углубляются и закрепляются уже в новой форме «глобальных инициатив»: «глобальной инициативе развития» (76-я сессия ГА ООН, сентябрь 2021 г.) и «глобальной инициативе безопасности» (Боаосский азиатский форум, апрель 2022 г.).

Выступая на 76-й сессии ГА ООН, генсек КПК Си Цзиньпин отметил необходимость восстановления мировой экономики и стремления к «мощному, «зелёному» и здоровому глобальному развитию». В ответ на серьёзные последствия, вызванные пандемией, а также на необходимость совместного продвижения нового этапа сбалансированного, скоординированного и инклюзивного развития китайский лидер выдвинул «глобальную инициативу развития». Сама инициатива включает в себя шесть аспектов: приоритет в развитии; народоцентричность (или центральное место народа); всеобщее благо и инклюзивность; внедрение инноваций; гармоничное сосуществование человека и природы (экологическая повестка) и практическая реализация (так называемая политика «реальных дел») [2].

Остановимся подробнее на вышеназванных аспектах:

Приоритет в развитии. Суть заключается в том, что развитие занимает ведущее место в глобальной политике, укрепляется координация ведущих экономик мира, сохраняются глобальные партнёрские связи, продвигается структура

многостороннего сотрудничества (т.е. речь идет о многостороннем подходе в международных отношениях и мировой политике) – в целях реализации «Повестки дня на период до 2030 года».

Народоцентричность. Развитие гарантирует улучшение жизни людей, соблюдение прав человека; реализуется формула «развитие для народа, оно опирается на народ, результатами / «плодами» развития пользуется народ»; осуществляется всестороннее развитие, непрерывно улучшаются народные «чувства» «счастья», «доступности» и «безопасности».

Всеобщее благо и инклюзивность. Основное внимание акцентируется на реализации основных потребностей развивающихся государств путём смягчения обязательств, предоставления различных видов помощи в особенности наименее развитым и нуждающимся государствам, решении вопросов несбалансированного развития и т.д.

Внедрение инноваций. Использование исторических возможностей, предоставленных новыми этапами научно-технологической и промышленной революции; внедрение инноваций в производство; создание открытой, честной, справедливой и недискриминационной научно-технологической среды; поиск новых драйверов роста постпандемийной экономики, реализация ускоренного развития.

Гармоничное сосуществование человека и природы. Оптимизация глобального экологического управления, активное противодействие изменениям климата, формирование сообщества единой судьбы человека и природы; переход к зелёному, низкоуглеродному развитию.

Политика «реальных дел». В рамках реализации ооновской «Повестки дня на период до 2030 года» приоритетное внимание уделяется реальной политике в решении таких проблем как ликвидация бедности, продовольственная безопасность, борьба с инфекционными заболеваниями и вакцины/вакцинация, изменения климата и зелёное развитие, индустриализация, цифровая экономика, строительство инфраструктуры и др. Кроме того, Пекин в том числе ради достижения цели создания единой судьбы человечества заявил, что в следующие 3 года предоставит 3 млрд долл. международной помощи, которая в основном будет направлена развивающимся странам для борьбы с инфекционными заболеваниями (прежде всего COVID-19) и восстановлению социально-экономического развития.

Выступая на Боаоском азиатском форуме в апреле 2022 г., Си Цзиньпин подчеркнул необходимость совместной защиты международного мира и спокойствия [3]. Обращаясь к древнекитайскому трактату «Гуань-цзы», Си напомнил, что «управляемое государство всегда процветает, в то время как анархичное государство постоянно пребывает в бедности» или «государство, в котором порядок, процветает; государство, в котором беспорядок, бедно». (治国常富, 而乱国常贫). Далее китайский лидер отмечает, что мышление времён Холодной войны разрушает рамки глобального мира, гегемонизм и политика силы вредят миру во всем мире, блоковое противостояние усиливает вызовы безопасности в XXI веке.

Перечислив основные вызовы современности, Си Цзиньпин выдвинул «глобальную инициативу безопасности», которая основывается на китайском проекте безопасности, о котором мы говорили в начале выступления (безопасность из девяти иероглифов). Придерживаясь китайского проекта безопасности, Си призывает к совместной защите международного мира и безопасности.

Вторым компонентом глобальной инициативы безопасности называется соблюдение пяти принципов мирного сосуществования, в том числе уважение суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела других государств и т.д.

К третьему пункту относится ооноцентричная картина мира: соблюдение основных целей и принципов Устава ООН; отказ от мышления Холодной войны, противодействие унилатерализму и др.

Далее следует уважение разумных озабоченностей безопасности всех государств мира, соблюдение принципа неделимости безопасности; создание сбалансированных, эффективных и устойчивых механизмов безопасности.

Важным компонентом инициативы становится принцип разрешения межгосударственных трений и споров путём диалога и консультаций и мирными средствами; поддержка всех усилий, способствующих мирному урегулированию кризисов, отказ от двойных стандартов, противодействие злоупотреблению введения односторонних санкций и использования «длинноруких законов» (т.е. законов, распространяющихся на граждан вне пределов государства, издавшего закон, экстерриториальных законов).

Последним, но не менее важным пунктом называется одновременное планирование и защита традиционной и нетрадиционной безопасности, совместное решение глобальных проблем, как региональные конфликты, терроризм, изменения климата, кибер-безопасность, биологическая безопасность и т.д.

Таким образом, Китай за последние два года накануне XX съезда КПК и после его проведения обобщает и систематизирует ранее выдвинутые дипломатические идеи. Формула «безопасность + развитие» расширенно интерпретируется как «развитие – основа безопасности, а безопасность – условие для развития».

Безусловно, названные в докладе персонализированные «глобальные инициативы» (под руководством действующего председателя КНР Си Цзиньпина) преследуют сугубо китайские национальные интересы. Вопрос заключается в том, насколько на первый взгляд миролюбивые и утопичные идеи о создании сообщества единой судьбы человечества и др. соотносятся с национальными интересами других государств мира, насколько Китай готов бороться за реализацию этих идей в том числе в рамках осуществления китайской мечты о великом возрождении китайской нации. Этот вопрос остается риторическим и требует дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. 习近平在亚信第四次峰会作主旨发言(全文) = Выступление Си Цзиньпина на 4-м саммите СВМДА (полный текст) // China News Service, 21 мая 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2014/05-21/6195322.shtml>. – Дата доступа: 01.03.2023.
2. 习近平在第七十六届联合国大会一般性辩论上的讲话 (全文) = Выступление Си Цзиньпина на 76-й сессии ГА ООН (полный текст) // Официальный сайт Министерства иностранных дел КНР, 22 сентября 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202109/t20210922_9584017.shtml. – Дата доступа: 01.03.2023.
3. 习近平在博鳌亚洲论坛 2022 年年会开幕式上的主旨演讲 (全文) = Выступление Си Цзиньпина на открытии Боаоского саммита в 2022 (полный текст) // Официальный сайт Министерства иностранных дел КНР, 21 апреля 2022. [Электронный ресурс]. – Режим

УДК 316.3

Л. И. НОВИКОВ L. I. NOVIKOV

РАЗВИТИЕ ИДЕИ РАЦИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

Древний Китай занимает в истории человечества особое место в том числе и потому, что здесь сложились предпосылки научного управления обществом, начала государственного мышления, основы нравственности и культуры китайского общества. В статье исследуется становление китайской бюрократии, по степени своей сложности и организованности, превосходящей все иные бюрократии древнего мира, а также вклад древних мыслителей в совершенствование управления обществом. В борьбе таких философских школ, как конфуцианство, легизм, моизм, даосизм дискутировались пути преобразования сложившейся административной системы. В этих условиях интеллектуальная элита китайского общества, издавна проявлявшая особый интерес к вопросам организации эффективного управления, начала дискуссию о путях преобразования сложившейся административной системы. Активизировалась борьба таких философских школ, как конфуцианство, легизм, моизм, даосизм и др. Обращается внимание на вклад в развитие идей рационального управления обществом представителей школы «фа» – легистов, законников. Они предложили программу административных реформ, рассматривали законы как исходящие от власти административные предписания, опирающиеся на поощрения и наказания. При этом законы должны быть понятными для всех, награды – щедрыми, а наказания – суровыми и неотвратимыми. Легисты изложили в систематической форме принципы и приемы, обеспечивающие правителю эффективный контроль над административным аппаратом, то, что стали называть «искусством управления» (шу). Их совокупность позволяла правителю держать своих служилых людей под строгим и всесторонним контролем. Легисты рассматривали государство как машину, движимую волей правителя, опирающуюся на бюрократию: чиновник должен уподобиться механизму, действовать только по приказу, не иметь какого-либо собственного суждения. С подачи легистов в Китае была внедрена экзаменационная система, чтобы подбор чиновников производился по строго объективным критериям. Введение экзаменов, в конечном счете, подорвало влияние родовой знати и открыло доступ к государственным постам простолюдинам. В дальнейшем унификация образования на экзаменационной основе обеспечила неизменность сложившейся системы управления на протяжении жизни многих поколений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: даосизм, «дао» – путь и «дэ» – добродетель, конфуцианство, концепция "четырёх модернизаций", легизм, маоизм, моизм, программа «четырёх модернизаций», программа «опоры на собственные силы», социализм с китайской спецификой, «сяо кан», теория социалистической модернизации.

THE IDEA OF SOCIETY RATIONAL MANAGEMENT DEVELOPMENT IN ANCIENT CHINA

Ancient China occupies a special place in the history of mankind, among other things, because the prerequisites for the scientific management of society, the beginning of state thinking, and the foundations of morality and culture of Chinese society were formed here.

The article examines the formation of the Chinese bureaucracy, which, in terms of its complexity and organization, surpasses all other bureaucracies of the ancient world, as well as the contribution of ancient thinkers to improving the management of society. In the struggle of such philosophical schools as Confucianism, Legalism, Mohism, Taoism, ways of transforming the existing administrative system were discussed.

Under these conditions, the intellectual elite of Chinese society, which has long shown a special interest in the organization of effective management, began a discussion about ways to transform the existing administrative system. The struggle of such philosophical schools as

Confucianism, Legalism, Mohism, Taoism, etc., became more active. Attention is drawn to the contribution to the development of the ideas of rational management of society by representatives of the "fa" school – legalists, lawyers. They proposed a program of administrative reforms and viewed laws as administrative prescriptions coming from the authorities, based on rewards and punishments. At the same time, laws should be clear to everyone, rewards should be generous, and punishments should be severe and inevitable. The Legists set out in a systematic form the principles and techniques that provide the ruler with effective control over the administrative apparatus, what came to be called the "art of government" (shu). Their totality allowed the ruler to keep his servants under strict and comprehensive control. Legists considered the state as a machine driven by the will of the ruler, based on bureaucracy: the official must become like a mechanism, act only on orders, not have any judgment of his own. At the suggestion of the legalists, an examination system was introduced in China so that the selection of officials was carried out according to strictly objective criteria. The introduction of examinations ultimately undermined the influence of the tribal nobility and opened access to government posts to commoners. In the future, the unification of education on an examination basis ensured the invariability of the existing management system throughout the life of many generations.

Key words: Taoism, "dao" – the way and "de" – virtue, Confucianism, the concept of "four modernizations", Legalism, Maoism, Mohism, the "four modernizations" program, the "self-reliance" program, socialism with Chinese characteristics, "xiao kang", the theory of socialist modernization.

Китай в истории человечества занимает особое место. Здесь возникла одна из древнейших и развитых цивилизаций. В этой стране раньше, чем где бы то ни было, сформировалась бюрократия, по степени своей сложности и организованности превосходящая все иные бюрократии древнего мира. Ее значение для развития Китая трудно переоценить. Здесь сложились предпосылки научного управления обществом, начала государственного мышления, основы нравственности и культуры китайского общества.

Формирование китайской бюрократии началось во второй половине периода Чунцю (Весна и Осень, VIII–V века до н. э.) и продолжилось в период Чжаньго (Воюющие царства, V–III века до н. э.). Китай тогда пребывал в состоянии политической раздробленности и непрекращающихся конфликтов между различными царствами, что во многом напоминало феодальную Европу после падения Римской империи. В каждом из царств утвердилась система уделов, которая по традиции управлялась родовой знатью. Правители царств стремились к административной централизации своих территорий, что вело к замене уделов уездами во главе с назначаемыми правителями чиновниками из образованных китайцев – специалистов в области управления. В дальнейшем это сословие стало формулировать основы научного управления обществом, которые бы помогли в преодолении политической раздробленности страны и создании единого государства из сложившихся к тому времени таких влиятельных царств, как Цинь, Чу, Чжао и других. В этих условиях интеллектуальная элита китайского общества, издавна проявляющая особый интерес к вопросам организации эффективного управления, начала дискуссию о путях преобразования сложившейся административной системы. Активизировалась борьба таких философских школ, как конфуцианство, легизм, моизм, даосизм и др.

Взгляды основателя даосизма Лаоцзы изложены в произведении «Даодэцзин» («Книга о Дао и Дэ»). Основные положения его учения заключались в рассмотрении дао как независимого от небесного владыки естественного хода вещей и

естественной закономерности, определяющего законы неба, природы и общества, олицетворяющего высшую добродетель и естественную справедливость. Все недостатки культуры, социально-политическое неравенство людей, бедственное положение народа Лаоцзы приписывает отклонению от подлинного Дао, в отношении которого все равны. Существенная роль в даосизме отводится принципу недеяния, воздержанию от активных действий, осуждению антинародного активизма властителей и богатых, как призыв воздержаться от притеснений народа и оставить его в покое. Культура, законодательство считались в даосизме неестественным – отклонением от Дао и ложным путём. Следование Дао означает отказ от культуры и возвращение к естественности.

Основатель моизма Моцзы развивал идеи естественного равенства всех людей, принадлежности народу верховной власти, почитания мудрости как основы управления, использования властью нравственных форм воздействия на людей, а не только насилия и наказания, учета интересов простого народа в процессе управления государством. В поисках единого образца справедливости Моцзы выдвинул идею договорного происхождения государства и управления. И всё же наиболее плодотворно идеи рационального управления обществом сформулированы в конфуцианстве и легизме.

Основы конфуцианства заложены древнекитайским мыслителем Конфуцием – Кун Фу-цзы (551–479 годы до н. э.), который в период Ханьской империи (206 год до н. э. – 220 год н. э.) был объявлен Учителем нации и возведен в ранг святого. Государство в его понимании – это большая патриархальная семья, где каждому человеку предписано строго определенное место. В соответствии с конфуцианской концепцией исправления имён «государь должен быть государем, слуга – слугой, сын – сыном, отец – отцом» [8, с. 90]. Мыслитель считал, что, лишь следуя моральным образцам древних правителей и мыслителей можно правильно решать современные проблемы. Мудрое управление правителей прошлого привело по мнению Конфуция, к обществу, представляющему собой строго упорядоченную систему. Потому рекомендовал правителям своего времени лишь поддерживать существующий порядок. Как считал переводчик книги Конфуция «Лунь юй» («Суждения и беседы») на русский язык китаевед Л. С. Переломов, Конфуций был «первым в истории китайской философии и политической мысли, кто не только воссоздал культ древности, но и ориентировал свою модель государства как бы в прошлое» [9, с. 88].

Конфуцианский образ «цзюньцзы» – идеал правителя и государственного деятеля занимает одно из центральных мест в учении Конфуция. Образ благородного мужа – «цзюньцзы» обладает лучшими качествами. Свое право на управление он утверждает не только своими нравственными качествами, но и образованностью и знанием культуры предков, гуманностью и стремлением к знаниям, преклонением перед волей Неба и мудрецами древности, знание ритуалов «ли», пониманием, что есть справедливость и честность, чувство долга, преданность и почтительность по отношению к вышестоящим. Конфуций рекомендует чиновникам быть образцом для других [8, с. 94]; привлекать к службе людей добродетельных и способных; руководить ими в соответствии с их талантами; быть требовательным в первую очередь к себе, а уже потом к другим [8, с. 97]. Конфуцианский образ «цзюньцзы», несмотря на свою абстрактность, в

дальнейшем стал своеобразным эталоном, на который должны были равняться все чиновники. Конфуций был первым мыслителем в истории Китая, который провозгласил принцип равных возможностей для человека независимо от происхождения, получившего необходимое воспитание и образование, стать «цзюньцзы» и сделать карьеру чиновника. И при этом Конфуций сетовал, что среди его учеников мало чиновников.

Представители школы «фа», основатель которой Гунсунь Ян (Шан Ян), автор трактата «Шан цзунь шу» («Книга правителя области Шан»), по-другому подходили к вопросам рационального управления обществом. Они предложили иную программу административных реформ. В синологической традиции сторонниками легизма принято называть представителей школы «фа», то есть закона. Они рассматривали законы как исходящие от власти административные предписания, опирающиеся на поощрения и наказания. Законы, по их мнению, должны быть единственными регуляторами человеческих отношений и заменять собой мораль, религию и культуру. Крупнейшие представители легизма – это Шэнь Бухай (400–337 годы до н. э.), Шан Ян (390–338 годы до н. э.) и Хань Фэй-цзы (288–223 годы до н. э.). Кстати, последний стал политическим наставником императора Цинь Шихуанди.

Легисты противопоставили конфуцианскому добродетельному «цзюньцзы» унифицированные законы. «Всякий, кто ослушается приказа царя, нарушит государственный запрет либо выступит против порядков правителя, должен быть казнен, и к нему нельзя проявлять ни малейшего снисхождения, независимо от того, будь он первым советником царя, полководцем, сановником... или простолюдином», – утверждал Шан Ян [7, с. 206]. При этом законы должны быть равными и понятными для всех, награды – щедрыми, а наказания – суровыми и неотвратимыми. Легисты были сторонниками все сильного государства. По мнению Шан Яна, «когда народ слаб – государство сильное, когда государство сильное – народ слаб. Поэтому государство, идущее истинным путем, стремится ослабить народ» [7, с. 219]. Для этого вполне могут использоваться такие средства, как запугивание, унификация мышления и концентрация усилий на войне. Китайский мыслитель также считал, что слабый народ нуждается в государственном покровительстве: «Когда люди живут в унижении, они дорожат рангами знатности; когда они слабы, чтут чиновничьи должности; когда бедны, ценят награды» [7, с. 221].

Шэнь Бухай (385–337 годы до н. э.) известен как первый советник правителя царства Хань с 351 по 337 год до н. э., как автор политического трактата, в котором впервые изложил в систематической форме принципы и приемы, обеспечивающие правителю эффективный контроль над административным аппаратом, то есть то, что стали называть «искусством управления» (шу). Еще в древности, наряду со своим современником, советником правителя царства Цинь Шан Яном, он приобрел репутацию основоположника школы так называемых «законников», или легистов (фа цзя). Вместе с Шан Яном его с полным основанием можно считать основоположником традиции «реальной политики» в Китае. Шэнь Бухай в особенности известен как теоретик «искусства» (шу) управления, то есть совокупности принципов и правил, позволяющих правителю держать

своих служилых людей под строгим и всесторонним контролем. На рубеже н.э. историк Лю Сян охарактеризовал наследие Шэнь Бухая в следующих словах: «В писаниях Шэнь-цзы говорится о том, что повелитель людей должен применять не наказания, а искусство, опираться на господство для того, чтобы надзирать за чиновниками и спрашивать с них. Его требования к служилым людям были очень строги» [12, с. 66].

Книга Шэнь Бухая, если таковая существовала, давно утрачена, но отдельные его суждения и эпизоды жизни сохранялись в ряде древних трактатов (в частности, «Хань Фэйцзы», «Люйши чуньцю» и др.), а также в старинных энциклопедиях и исторических трудах. В XIX веке китайские ученые Янь Кэцзюнь и Ма Гохань заново собрали воедино материалы об учении и жизни Шэнь Бухая.

Легисты рассматривали государство не как большую семью, а как машину, движимую волей правителя, опирающуюся на бюрократию. Как утверждал Хань Фэйцзы, чиновник должен уподобиться механизму, действовать только по приказу, не иметь какого-либо собственного суждения о преданности или не-преданности. Подобно Конфуцию, легисты были противниками наследования должностей и выступали за принцип равных возможностей, когда пригодность кандидата на должность должна определяться не происхождением, а его способностями и заслугами.

Предтечей китайской экзаменационной системы является Шэнь Бухай. По его мнению, подбор чиновников должен производиться по строго объективным критериям. Однако единого понимания того, кому предоставлять чиновничьи должности, среди легистов первоначально не было. Шан Ян, например, считал, что должности и ранги знатности следует давать лишь за военную службу [7, с. 203]. Не соглашаясь с ним, Хань Фэйцзы замечал: «Выполнение служебных обязанностей требует знания и способностей, боевые заслуги – результат храбрости и силы» [4, с. 477]. Легисты разработали целую систему мер, нацеленных на борьбу со злоупотреблениями со стороны бюрократии. Так, например, Шэнь Бухай предлагал относиться к чиновникам как к потенциальным «ворам и разбойникам» и расставлять для них различные сети и ловушки. Шан Ян рекомендовал использовать круговую поруку, слежки и доносы. По его мнению, наказание за совершенное преступление должен нести не только сам чиновник, но и его начальник, а также чиновники-сослуживцы, не сообщившие своевременно о замышляемом преступлении. Кроме того, от наказаний нельзя уберечься никакими заслугами, родством или личной протекцией, и они должны распространяться на всех родственников чиновника.

Наиболее изощренные средства контроля над бюрократией разработал Хань Фэйцзы. Он, в частности, предлагал раскалывать чиновников на враждующие группировки и тайно поддерживать то одну, то другую, утверждая атмосферу подозрительности и взаимного недоверия, поощрять доносы и слежку, использовать в качестве заложников их жен и детей. На основе идей легистов в ряде царств Китая были проведены административные реформы. Однако наиболее последовательными они оказались в царстве Цинь, где легизм был объявлен государственной идеологией.

В дальнейшем это привело к превращению его в одно из сильнейших государств Китая и позволило его правителю Ин Чжэну (Цинь Шихуанди) создать могучую империю Цинь (221–207 год до н. э.). Используя идеи легистов, Цинь Шихуанди ввел единое законодательство и выстроил единообразную систему управления: волости — уезды — области. Государственный цензорат контролировал всех должностных лиц и следил за их благонадежностью. Дифференцированная система рангов, разработанная еще Шан Яном, определяла объем прав и привилегий каждого чиновника, величину его жалованья, форму одежды, размер жилья, количество находящихся в услужении рабов и пр. Были созданы условия для постоянного обновления чиновничества за счет притока свежих сил из числа простолюдинов. Все чиновники находились в прямой зависимости от милости и расположения властелина, который мог лишить ранга знатности, следовательно, и средств к существованию, любого из них. В административном аппарате установился принцип круговой поруки: вышестоящие чиновники несли персональную ответственность за нижестоящих. Система слежки и доносов действовала на всех уровнях государственного управления. Жестокое законодательство карало чиновников за совершаемые ими преступления вплоть до уничтожения всех родственников по линии отца, матери и жены. За менее тяжкие преступления наносились физические увечья или же назначалось государственное рабство.

С помощью «кэцзюй» в начале эпохи Хань произошло слияние легизма и конфуцианства в рамках так называемого «ортодоксального конфуцианства», которое в дальнейшем стало официальной идеологией империи. Одной из причин возвышения конфуцианства явилось то, что провозглашаемые им принципы безоговорочного подчинения подданных императору как нельзя лучше отвечали интересам деспотического государства. Стабильное управление большой страной требовало не просто насилия, а религиозно-идеологического освящения императорской власти. С решением этой задачи могло справиться лишь конфуцианство. По мнению российского исследователя Л. П. Делюсина, конфуцианские идеи были выражены в столь общей форме, что власть могла придать им любой нужный ей в данный момент смысл [3, с. 6–7].

После издания в 140 году до н. э. императорского указа, запрещающего принимать на государственную службу сторонников легизма, период его соперничества с конфуцианством формально завершился. Однако, несмотря на официальный запрет легизма, циньская бюрократия, основанная преимущественно на легистских принципах, осталась прежней. Как отмечал российский китаевед А. А. Бокщанин, в стране сохранилась сложная и рациональная для своего времени государственная администрация, обеспечивающая детальное распределение обязанностей между различными учреждениями, их подразделениями и чиновниками. Существовала также административная иерархия, при которой нижестоящие чиновники регулярно отчитывались перед вышестоящими, а все дела, проходившие через администрацию, вплоть до самых мелких, полагалось документально оформлять: учетом и контролем стремились охватить всё [1, с. 285]. С канонизацией конфуцианства в обществе утвердилось негативное отношение к законам как обезличенным правилам.

Основными регулирующими нормами стали этические. По мнению специалиста по древнекитайской истории и философии В. А. Рубина, «роль морали видели в установлении норм поведения, а роль закона — в том, чтобы карать за

их нарушение» [10, с. 100]. В подобных условиях наиболее высоко ценились не профессиональные, а моральные качества чиновников. Уже в 125 году до н.э. для отбора наиболее подготовленных чиновников были введены специальные экзамены – «кэцзюй», для чего по всей стране была развернута широкая сеть государственных и частных школ. Содержание экзаменов обычно сводилось к проверке знания конфуцианской классической литературы, поэзии, истории и политики. Считалось, что только те, кто знают классические тексты и познали волю Неба, могут правильно обустроить мир. Как отмечал российский синолог Д. Н. Воскресенский, «человека, сдавшего экзамены, высоко ценили в обществе, ему обычно обеспечивалось прочное место на государственной службе, что давало, как правило, значительные привилегии...» [3, с. 332].

Если в западной культуре в Средние века преобладали такие ценности, как «рыцарская честь», «религиозный аскетизм» и пр., то в китайской – идеи «учения» и «экзаменов». В Китае экзамены были ориентированы на идеологическое воспитание чиновников в духе верности императорской власти и конфуцианскому учению, воплощавшему в себе, как считалось, мудрость предков. Высокопоставленные китайские чиновники, которых европейцы называли «мандаринами» (от португальского *mandarin* – министр), были совершенно не сведущи в практических вопросах управления. Вот как характеризовал их немецкий социолог М. Вебер: «Мандарин – это прежде всего гуманитарно и литературно образованный человек... нисколько не подготовленный к делам управления, незнакомый с юриспруденцией, но хороший каллиграф, пишущий стихи, знающий всю литературу Китая за тысячу лет и умеющий ее толковать. Он не придает никакого значения политическим обязанностям. Такой чиновник не управляет самостоятельно: все дела находятся в руках канцелярских служащих... Государство с подобными чиновниками представляет собой нечто совершенно отличное от западного государства. В нем все основывается на религиозно магической вере, что при нормальных условиях добродетель императрицы и ее чиновников, т.е. совершенство их литературного образования, вполне способны все держать в порядке. Если же наступает засуха или другое бедствие, то издается эдикт об увеличении строгости при испытании в искусстве писания стихов или об ускорении делопроизводства, ибо в противном случае духи приходят в смятение» [2, с. 212].

Несмотря на то, что экзамены были далеко не единственным способом замещения должностей, которые можно было купить, получить по рекомендации или приобрести путем использования права «тени», их введение в конечном счете подорвало влияние родовой знати и открыло доступ к государственным постам представителям «ши». В дальнейшем унификация образования на экзаменационной основе обеспечила культурно идеологическое единство бюрократии в масштабах всей империи и обусловила неизменность сложившейся системы управления на протяжении жизни многих поколений. Сами они находились под надзором различных контрольных инстанций, включая цензорат, секретную полицию и т. п. Во избежание кумовства и установления личных связей чиновники не могли занимать должности в родных краях. Было запрещено иметь земельную собственность во вверенных им для управления губерниях или уездах, принимать подарки и вступать в брак с местными женщинами. Для предотвращения «врастания» в местную почву каждые три года чиновники переводились

на новое место службы. За совершаемые ими проступки была предусмотрена жестокая система наказаний, которая распространялась на всех их родственников по линии отца, матери и др. В отличие от европейских стран, гражданская служба в Китае считалась значительно более престижной, нежели служба в армии. Во многом это было связано с утвердившимся в стране феноменом власти – собственности, при котором лишь обладание должностью давало людям богатство, привилегии, почет, авторитет, уважение и т. п. Благополучие, не связанное с чиновничьей должностью, ценилось мало. В период Ханьской империи в Китае были созданы все необходимые условия, чтобы на основе хорошо отлаженной, детально продуманной системы управления обеспечивалась стабильность и равновесность общества и неизменно воспроизводился механизм его стабильности и консервативной устойчивости. Указывая на особенности развития обществ подобного типа, английский историк А. Тойнби писал: «Равновесие сил здесь столь точно выверено, что вся энергия общества уходит на поддержание ранее достигнутого положения» [11, с. 305].

В отличие от европейских стран, которым начиная с XVII века было присуще линейное и поступательное развитие, Китай на протяжении столетий развивался циклично, при этом решительно подавлялось все, что могло бы разрушить издавна существовавшие устои, подорвать влияние бюрократии и могущество государства. В результате – вплоть до начала XX века почти в неизменном виде сохранилась государственная и общественная система, созданная еще в III веке до н. э. Она постоянно воспроизводила самое себя, несмотря на многочисленные потрясения, связанные с внешними завоеваниями, внутренними междоусобицами, крестьянскими восстаниями и пр. К началу XX века конфуцианско-легистская система управления пришла в полный упадок: резко снизилась ее эффективность и усилилась коррупция. Начались поиски новой модели государственного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокщанин, А. А. Очерк истории государственных институтов китайской империи / А. А. Бокщанин // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. – М.: Наука, 1993. – С. 273–332.
2. Вебер, М. История хозяйства: Очерк всеобщей социальной и экономической истории / М. Вебер; под ред. И. М. Гревса. – Петроград: Наука и школа, 1923. – 240 с.
3. Воскресенский, Д.Н. Человек в системе государственных экзаменов (тема и литературный герой в китайской прозе XVII–XVIII вв.) / Д.Н. Воскресенский // История и культура Китая: сборник памяти академика В.П. Васильева / Отв. ред. Л.С. Васильев. – М.: Наука. 1974. – С. 325–361.
4. Го Мо-жо. Философы древнего Китая: «Десять критических статей»: пер. с кит. / Го Мо-жо; общ. ред. и послесл. Н.Т. Федоренко. – М.: Иностранная литература, 1961. – 738 с.
5. Делюсин, Л. П. Предисловие / Л. П. Делюсин // Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики; отв. ред. Л. мП. Делюсин. – М.: Наука, 1982. – С. 3–10.
6. История политических и правовых учений. Древний мир / Отв. ред. В. мС. Нерсисянц. – М.: Наука, 1985. – 350 с.
7. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу); пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Л. С. Переломова. – М.: Наука, 1968. – 352 с.
8. Конфуций. Жизнь. Учение. Мысли. Изречения. Афоризмы / Авт.-сост. В. В. Юрчук. – Минск: Современное слово, 1998. – 384 с.
9. Переломов, Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая / Л. С. Переломов. – М.: Наука, 1981. – 334 с.

10. Рубин, В.А. Традиции китайской политической мысли / В.А. Рубин // Вопросы философии. – 1970. – № 5. – С. 88–100.
11. Тойнби, А. Дж. Постигание истории: сборник / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. Е. Д. Жарко-ва; сост. А.П. Огурцов; вступ. ст. В.И. Уколовой; закл. ст. Е.Б. Рашковского. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
12. Цит. по: Creel H. G. Shen Pu-hai. A Chinese Political Philosopher of the Fourth Century A. D. Chicago: University of Chicago Press, 1974. – P. 66.

УДК 811

С. Е. ОЛЕЙНИК S. E. ALEINIK

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: УГЛУБЛЕННОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В контексте укрепления белорусско-китайских отношений анализируется разработка и реализация образовательных программ, направленных на подготовку специалистов в области китаеведения на уровне углубленного высшего образования (магистратура) в Республике Беларусь. Освещаются особенности и перспективы открытия магистерской образовательной программы «Экспертно-аналитическое китаеведение» в Минском государственном лингвистическом университете.

Ключевые слова: углубленное высшее образование, Республика Беларусь, образовательная программа, экспертно-аналитическое китаеведение

THE CHINESE LANGUAGE IN HIGHER EDUCATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS: EXTENSIVE HIGHER EDUCATION

The research analyzes the development and implementation of educational programs aimed at training Sinology experts at extensive higher education level (master's degree) in the Republic of Belarus within the context of strengthening Belarusian-Chinese relations. A comprehensive vision of the features and prospects of opening the master's educational program "Expert-Analytical Sinology" at Minsk State Linguistic University is provided.

Key words: extensive higher education, Republic of Belarus, educational program, Expert-Analytical Sinology.

В последние годы китайский язык активно занимает свою нишу в образовательном пространстве Беларуси, что обусловлено усилением экономических и культурных связей между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой, между которыми установились «всепогодное и всестороннее партнерство».

На всех уровнях образования республики наблюдается расширение программ по изучению китайского языка. С 1993 года китайский язык представлен в системе общего высшего образования страны. В настоящее время в Минском государственном университете успешно функционирует факультет китайского языка и культуры, в Белорусском государственном университете на филологическом факультете ведется набор на китайскую филологию и в качестве одного из восточных языков изучается на факультете международных отношений, открывается подготовка специалистов с китайским языком в отдельные учреждения высшего образования в регионах.

В рамках системы среднего образования китайский язык введен как учебный предмет в белорусских школах, в результате чего открываются новые классы с профилирующим китайским языком в учреждениях общего среднего обра-

зования не только в столице, но и в регионах. В колледжах предлагаются курсы изучения китайского языка институтами Конфуция при УВО или ведется изучение в качестве второго иностранного языка, например, в Лингвогуманитарном колледже МГЛУ.

Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2035 года в качестве важнейших целевых ориентиров и задач предусматривает расширение политических, экономических и культурных контактов с Китайской Народной Республикой, участие в международной экономической инициативе «Один пояс – один путь», формирование совместных исследовательских и научно-практических центров с китайской стороной. Для решения данного комплекса задач постоянно возрастает потребность в специалистах, имеющих углубленную научную, теоретическую и практическую подготовку в области китаеведения, обладающих фундаментальными знаниями политико-экономических, социальных, культурно-конфессиональных и прочих особенностей Поднебесной и одновременно обладающих компетенциями, необходимыми для осуществления сложных видов межъязыкового посредничества. Необходимость в такой более углубленной и всесторонней подготовки специалистов-китаеведов реализуется на уровне углубленного высшего образования (магистратуры), но вместе с тем анализ сформировавшегося в Беларуси рынка труда показывает, что его потребности на данный момент не в полной мере удовлетворяются системой высшего образования. Так, только в Белорусском государственном университете ведется подготовка по специальности «Востоковедение» (профилизация «Деловая коммуникация со странами Азия»). В рамках данной магистерской программы основное внимание сосредоточено на изучении инструментария ведения переговоров со странами Востока (по первым восточным языкам, к числу которых относится китайский язык) с учетом знаний о социо-экономических особенностях страны изучаемого восточного языка и изучении дополнительного восточного языка (хинди).

В Минском государственном лингвистическом университете возможна подготовка по специальности «Перевод и переводоведение (с указанием языков)» с парой языков китайский/английский. Образовательная программа построена на основе учебных программ ООН и направлена на формирование профессиональных компетенций в редактировании, реферировании и переводе-сопровождении международных переговоров и конференций.

Следует отметить, что в свете приоритетов белорусской внешней политики на наращивание сотрудничества с Китайской Народной Республикой существует потребность в специалистах, не только владеющих на профессиональном уровне китайским языком, но и способных использовать углубленные теоретические и практические знания в области китаеведения как для аналитической и научно-исследовательской деятельности и работы в научном коллективе, так и осуществлять научно-экспертное обеспечение стратегического и организационного планирования, определения направлений развития деятельности в различных учреждениях, ведомств, представительств Республики Беларусь, организаций и предприятий, ведущих внешнеэкономическую деятельность с КНР. Запрос на такой набор компетенций свойственен для научно-исследовательских

институтов и центров, учреждений образования, организаций, занимающихся инновационной деятельностью, экспертных и аналитических центров государственных органов и организаций. Наличие востребованности в таких специализациях на рынке труда Республики Беларусь позволяет сделать вывод о целесообразности осуществления подготовки по образовательной программе магистратуры «Экспертно-аналитическое китаеведение», которая в первую очередь направлена на изучение всего спектра культурных и социальных аспектов Китая в рамках профилирующего восточного языка и подготовку экспертов, способных анализировать современные политические и экономические процессы в регионе в контексте развития международной среды и с учетом трендов мировой политики и интересов внешней политики Республики Беларусь.

Основная цель программы заключается в формировании у студентов компетенций, необходимых для проведения качественных исследований и аналитической работы в области китаеведения. В рамках образовательной программы магистранты получают навыки критического анализа, стратегического планирования и принятия обоснованных решений в контексте международных отношений и внешней политики.

Образовательная программа «Экспертно-аналитическое китаеведение» включает в себя изучение геополитики и геостратегии КНР, систему международных отношений и внешнеэкономических отношений в дальневосточном регионе, культурно-цивилизационные аспекты Китая и его социокультурную модернизацию, этнопсихологию китайцев и основы современного делового этикета, а также языковое обучение в профессиональной деятельности. Особое внимание уделяется развитию аналитических навыков, изучению методов сбора, обработки и интерпретации данных, методик информационно-аналитического обеспечения международной деятельности и современную внешнеполитическую стратегию Республики Беларусь. Программа предполагает активное использование кейс-методов и симуляций реальных политических ситуаций.

В МГЛУ уже более 30 лет реализуются образовательные программы, в рамках которых китайский язык изучаются в качестве первого и второго иностранного языка: «Современные иностранные языки (по направлениям)» и «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций», с 2023 года – «Современные иностранные языки», «Переводческое дело» и «Лингвистическое обеспечение межкультурной коммуникации». Значительное количество студентов выбирают изучение китайского языка, так в качестве первого иностранного языка изучают более 500 студентов и около 100 студентов в качестве второго иностранного. Среди выпускников данных образовательных программ существует значительный запрос на магистерские программы, предоставляющие дополнительные компетенции для последующей научной и управленческой деятельности, что в настоящее время в неполной мере удовлетворяется образовательными возможностями учреждениями образования страны. В этой связи открытие подготовки по специальности «Экспертно-аналитическое китаеведение» будет также направлено на удовлетворение потребностей выпускников МГЛУ в прохождении полного цикла подготовки в областях лингвистики и востоковедения, включающего уровень углубленного высшего образования.

Качественное обучение магистрантов может быть гарантировано благодаря сложившейся в Минском государственном лингвистическом университете эффективной системе и накопленному опыту подготовки научных кадров в магистратуре и аспирантуре, опыту языковой подготовки по иностранным языкам, наличию в университете высококвалифицированный научно-педагогический кол-лектив, включающий профессоров, доцентов и специалистов-практиков, обеспечивающих подготовку студентов по китайскому языку и информационно-аналитическому обеспечению межкультурной коммуникации.

МГЛУ располагает всеми необходимыми материально-техническими и информационными ресурсами для осуществления обучения на уровне, полностью соответствующем современным мировым стандартам. Вуз является членом международных ассоциаций лингвистических университетов GAFSU, сотрудничает в сферах образования, науки и культуры, по вопросам обмена научным и образовательным опытом, стажировок студентов и преподавателей в рамках следующих договоров и соглашений с Государственной канцелярией КНР по международному распространению китайского языка / Штаб-квартирой институтов Конфуция, с 18 университетами КНР. Университет обладает опытом создания и реализации совместных образовательных программ, следовательно, образовательная программа «Экспертно-аналитическое китаеведение» предусматривает сотрудничество с ведущими экспертами и практиками в рассматриваемой области, что обеспечивает актуальность и прикладную направленность обучения. Магистранты смогут участвовать в совместных исследовательских проектах и стажировках, получая неоценимый опыт уже во время обучения.

Учебный процесс в магистратуре направлен на формирование у студентов углубленного уровня знаний, умений и навыков для осуществления исследовательской, научно-педагогической, организационно-управленческой и профессиональной и инновационной деятельностью. В связи с этим особое значение приобретают научно-инновационная составляющая магистерской подготовки. Неотъемлемой частью академического пути магистрантов, их профессионального развития, расширения научных горизонтов и поддержки в их исследовательской деятельности выступают различные научные мероприятия, участвуя в которых обучающиеся находятся курсе последних инновационных исследований и разработок в области китаеведения, обеспечивается обмен идеями и способствует будущему сотрудничеству и карьере. В МГЛУ представлены такие возможности: ежегодно проводится Международная научная конференция «Китайская цивилизация в диалоге культур», а с 2023 года заложены основы для проведения Международного молодежного синологического форума. В первом научном форуме планирует принять участие около 100 аспирантов, магистрантов и студентов из Беларуси, России и Китая. Все это создает уникальные для Беларуси конкурентные преимущества и основы для подготовки выпускников магистратуры к профессиональной деятельности путем использования передового международного опыта.

Таким образом, открытие новых магистерских образовательных программ по китайскому языку и китаеведению представляется своевременным и стратегически значимым шагом. Расширение представленности таких образователь-

ных программ на уровне углубленного высшего образования Республики Беларусь станет мостом, соединяющим белорусскую и китайские культуры и народы, позволит готовить высококвалифицированных специалистов, обладающих глубокими знаниями о Китае, его культуре, истории и современных тенденциях развития, которые смогут занять позиции экспертов, аналитиков, консультантов и исследователей и способствовать комплексному пониманию Китая как одного из ведущих мировых игроков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова, Н. П. Китайский язык в системе образования Республики Беларусь / Н. П. Баранова // «Вышэйшая школа»: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. – 2019. – № 6. – С. 31–34.
2. Тозик, А. А. Китайский язык в Беларуси: история, результаты, перспективы. Вместо введения / А. А. Тозик // Китайский язык в образовательном пространстве Республики Беларусь: монография / под ред. А. А. Тозика, Ю. В. Молотковой, А. М. Букатой. – Минск: «Восточная культура», 2022. – С. 5–14.
3. Совместное заявление Беларуси и Китая о дальнейшем развитии отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства в новую эпоху. – Режим доступа: <https://china.mfa.gov.by/ru/embassy/news/fb2937bef6398e2d>. – Дата доступа: 06.03.2023.
4. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/Natsionalnaja-stra-tegija-ustojchivogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2035-goda.pdf>. – Дата доступа: 06.03.2023.

УДК:327

С. Ф. СВИЛАС S. F. SVILAS

ЭВОЛЮЦИЯ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1992–2022 гг.

В статье рассматривается эволюция отношений между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой в постсоветский период. Выделены этапы взаимодействия, раскрыто их основное содержание. Прослеживается развитие договорно-правовой базы, политического диалога, сотрудничества в экономической, образовательной и культурной сферах. Выявлено место Беларуси в реализации инициативы «Пояс и путь», подчеркнуто значение совместного проекта «Великий камень». Отмечена роль личной дипломатии глав обоих государств, показано сотрудничество Минска и Пекина во время пандемии Covid-19. Автор оценивает результаты, потенциал и перспективы партнерства двух государств на двухсторонней и многосторонней основе.

Ключевые слова: Беларусь; Китай; стратегическое партнерство; личная дипломатия; инициатива «Пояс и путь»; Covid-19; индустриальный парк «Великий камень».

THE EVOLUTION OF BELARUSIAN-CHINESE RELATIONS IN 1992–2022

The author examines the evolution of relations between the Republic of Belarus and the People's Republic of China in the post-Soviet period. The stages of interaction are highlighted, their content is disclosed in the article. The author traces the development of the contractual and legal framework, political dialogue, and cooperation in the economic, educational and cultural spheres. The role of Belarus in the implementation of the «One Belt One Road» initiative was revealed and emphasized the importance of the Great Stone Industrial Park. The author notes the role of personal diplomacy of the heads of both states, shows cooperation between Minsk and Beijing during the Covid-19 pandemic. The author evaluates the results, potential and prospects of partnership between the two states on a bilateral and multilateral basis.

Key words: China; strategic partnership; personal diplomacy; One Belt One Road Initiative; Covid-19; Great Stone Industrial Park.

Развитие отношений с КНР является одним из приоритетов внешней политики Республики Беларусь. Началом истории китайского вектора внешней политики независимой Беларуси стал визит в Минск дипломатов посольства КНР в СССР (октябрь 1991 г.) с целью изучения ситуации в Беларуси в связи с провозглашением ею суверенитета и заявлением руководства о политической и экономической независимости. Обе стороны выразили стремление к динамичному развитию связей и констатировали большой потенциал сотрудничества [10, с. 35].

Спустя два дня после обретения Беларусью статуса суверенного государства, 27 декабря 1991 г., правительство КНР заявило о признании независимости Республики Беларусь [18]. Установление дипломатических отношений с КНР произошло во время визита Председателя Совета Министров В. Ф. Кебича. Беларусь стала первым государством СНГ, направившим официальную правительственную делегацию в Китай до официального установления дипломатических отношений между странами. В ходе визита, 20 января 1992 г., были подписаны соглашения об установлении дипломатических отношений и о торгово-экономическом сотрудничестве [6, с. 57]. Посольство Беларуси в КНР было первоначально открыто в офисном помещении дипломатического комплекса «Тайюань» (март 1993). В нынешней резиденции, находящейся в посольском квартале Пекина, Посольство располагается с апреля 1997 года. Торжественное её открытие состоялось в апреле 1997 г. в рамках официального визита в Китай Президента Беларуси А. Г. Лукашенко [18]. Подчеркнем, что президент совершил первый официальный визит за пределами СНГ именно в КНР (январь 1995 г.) [22].

Белорусско-китайские отношения официально определяются сторонами как «отношения доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества». Данный статус зафиксирован в «Совместной декларации Республики Беларусь и Китайской Народной Республики», которую подписали Президент Беларуси А. Г. Лукашенко и Председатель КНР Си Цзиньпин в Пекине 29 сентября 2016 г. [9].

Выделяя пять этапов в развитии белорусско-китайских отношений, остановимся сначала на первых четырех. На первом этапе (январь 1992 — март 2001 гг.) их уровень характеризовался как «отношения дружбы и сотрудничества», что нашло отражение в статье 1 «Соглашения между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой об установлении дипломатических отношений». На новый уровень (апрель 2001—ноябрь 2005 гг.), «дружбы и всестороннего сотрудничества», Минск и Пекин вышли с подписанием «Совместной декларации Республики Беларусь и Китайской Народной Республики» от 23 апреля 2001 года. Третий этап (декабрь 2005 — июнь 2013 гг.) начался 5 декабря 2005 г., с подписания «Совместной декларации Республики Беларусь и Китайской Народной Республики» во время государственного визита в КНР А. Г. Лукашенко, где стороны объявили о переходе к всестороннему развитию и стратегическому сотрудничеству [5]. 16 июля 2013 г. в Пекине Главы двух государств подписали «Совместную декларацию Республики Беларусь и Китайской Народной Респуб-

лики об установлении всестороннего стратегического партнерства», ознаменовавшую следующий уровень сотрудничества (июль 2013 – август 2016 гг.) [23].

Динамизм развития белорусско-китайских отношений эксперты объясняют общностью принципов внутренней и внешней политики Беларуси и Китая; совпадением взглядов на важнейшие проблемы мировой повестки дня; равноправием партнеров. Обе стороны строго придерживаются принципов верховенства права в международных отношениях, справедливого мироустройства, территориальной целостности, нерушимости и неприкосновенности государственных границ, самостоятельного выбора пути развития государств [11].

Краеугольный камень сотрудничества – развитие торгово-экономических отношений, наращивание двустороннего товарооборота и экспорта белорусских товаров на китайский рынок. Ключевым механизмом развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества стала Белорусско-Китайская комиссия по торгово-экономическому развитию (создана в сентябре 1994 г.) [18]. За 5 лет (1995–1999 гг.) товарооборот между Беларусью и Китаем увеличился в 4,8 раза, достигнув в 1999 г. 200 млн долл. США [15].

Мощный стимул двусторонние торговые отношения получили на рубеже 2000-х гг. благодаря взаимным визитам на высшем и высоком уровнях. В июле 2001 г. Президент Беларуси А. Г. Лукашенко и Председатель КНР Цзян Цзэминь согласовали задачу по увеличению объема двустороннего товарооборота до 500 млн долл. США [11].

Стратегией белорусско-китайского экономического взаимодействия в начале 2000-х гг. стала Программа активизации торгово-экономического сотрудничества с КНР на 2004–2008 гг., принятая в марте 2004 г.) [18]. В Китае были открыты представительства ведущих белорусских предприятий: «МЗКТ», «БелАЗ», «Интеграл», «Гомсельмаш», «БМЗ», «Белнефтехим». Главный экспортный товар, калийные удобрения, Беларусь продвигала через Международную калийную компанию [10, с. 154]. Важную роль в активизации торгово-экономических связей Беларуси и Китая сыграло участие белорусских предприятий и организаций в международных выставках и ярмарках, проводимых в Китае.

Выполнение задачи по наращиванию товарооборота осложнилось в связи с вспышкой атипичной пневмонии в Китае (2003 г.). Тогда товарооборот снизился, но в 2005 г. он достиг 715 млн. долл. США [11]. Руководители двух стран поставили цель довести его к 2010 г. до 2 млрд долл. США, однако в 2006 г. впервые образовалось отрицательное торговое сальдо, причем в последующие годы данный дисбаланс продолжил расти. Это серьезная проблема в торгово-экономических отношениях Беларуси и Китая [26, с. 82]. Среди причин эксперты называют динамичное развитие экономики Китая и его внешней торговли в условиях реализации политики реформ и открытости; быстрый рост в структуре экономики страны доли малых и средних частных предприятий; повышение качества китайских товаров до общемировых стандартов; рост китайских инвестиций в Беларусь.

В 2008 г. объем белорусско-китайского товарооборота достиг более 2,2 млрд долл. США. Таким образом, задача по достижению товарооборота в 2 млрд долл. к 2010 г. была выполнена с опережением на два года, но в 2009 г.

развитие двухсторонних торгово-экономических отношений замедлилось в связи с последствиями мирового финансово-экономического кризиса [18].

Была продолжена организация визитов на высшем и высоком уровнях, практика заседаний БКК по торгово-экономическому сотрудничеству. В 2008–2010 гг. состоялись визиты в КНР Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и председателя Палаты представителей Национального собрания В. П. Андрейченко. Беларусь посетили заместитель Председателя КНР Си Цзиньпин и премьер Госсовета Вэнь Цзябао [10, с. 161].

Качественно новое состояние белорусско-китайские отношения приобрели в июле 2013 г. по результатам визита в Пекин Президента Беларуси А. Г. Лукашенко (было подписано более 30 документов о развитии двухстороннего сотрудничества в различных сферах на общую сумму около 1,5 млрд долл. США). В итоговой Декларации стороны зафиксировали беспрецедентно высокий уровень отношений – всестороннее стратегическое партнерство [23]. По итогам 2013 года белорусско-китайский товарооборот впервые преодолел планку в 3 млрд долл. США, однако основу белорусского экспорта в Китай составляли калийные удобрения; поставки сложнотехнической продукции значительно сократились [16].

Важнейшее место во взаимодействии двух стран занимает культурная составляющая. «Мягкая сила» давно используется Пекином для интеграции с целью углубления сотрудничества на двухсторонней и многосторонней основе.

Обучение китайских граждан в учебных заведениях Беларуси началось с 1985 г., в 1993–1994 гг. приступили к учебе 164 гражданина КНР, а в 1994–1995 гг. их число увеличилось на 50% (высокое качество образования, доступные цены за обучение и проживание) [25]. Договорно-правовую базу сотрудничества в сфере образования составили Соглашение о сотрудничестве между Министерством образования Республики Беларусь и Госкомитетом по делам образования КНР (1993) [18]; Соглашение о взаимном признании дипломов об ученых степенях (2000). К началу 2001 г. десять ВУЗов Беларуси поддерживали сотрудничество с 17 университетами Китая. В 2002 г. в Беларуси обучалось уже около тысячи китайских студентов [11].

В 2003 г. на базе БГУ был открыт Республиканский центр китаеведения «Иероглиф». В 2005 г. руководство БГУ выступило с инициативой создания первого в Беларуси Центра китаеведения имени Конфуция, а спустя шесть лет был открыт Институт Конфуция на базе МГЛУ [21]. Признанием заслуг Министерства образования, БГУ и Института Конфуция в распространении китайского языка и культуры стало решение Госканцелярии КНР о проведении в Минске в сентябре 2013 г. Европейского форума институтов Конфуция. В нем приняли участие представители 69 институтов Конфуция из 18 стран [11].

Развитие белорусско-китайского сотрудничества в сфере туризма сдерживалось неразвитостью договорно-правовой базы, которую составляли межправительственное Соглашение о взаимных безвизовых групповых туристических поездках (1993 г.) и межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области туризма (2005 г.). Среди трудностей выделим отсутствие белорусского туристического продукта на рынке Китая, визовый режим, отсутствие прямого авиарейса [11].

Взаимодействие Республики Беларусь и КНР в культурной сфере базируется на принципах взаимного уважения национальных культур и сохранения

идентичности. Правовая база двустороннего сотрудничества в сфере культуры – Межправительственное соглашение о культурном сотрудничестве (Пекин, ноябрь 1992 г.); соглашение между Национальной библиотекой Беларуси и Столичной библиотекой Пекина (2013 г.) [18].

Республика Беларусь является одной из опорных площадок инициативы «Один пояс – один путь». Она реализует проект Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень». На основе передового опыта Китая и Сингапура в развитии специальных комплексных зон создана уникальная платформа, где бизнес и государство благоприятствуют условиям для комфортной работы и жизни людей.

Председатель Си Цзиньпин впервые посетил Беларусь в мае 2015 г. [19], а в сентябре 2016 г. состоялся визит Президента Беларуси А. Г. Лукашенко в Китай, во время которого лидеры двух стран выступили с совместным заявлением об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства, основанного на взаимном доверии и взаимовыгодном сотрудничестве. С этого времени начинается значительная активизация и трансформация белорусско-китайского сотрудничества [9].

Беларусь находится в географическом центре Европы и является значимым партнером в строительстве «Одного пояса, одного пути». Она стала одним из первых государств, поддержавших идею возрождения Великого Шелкового пути. В сентябре 2016 г. было подписано межправительственное соглашение «Комплекс мер по совместному продвижению строительства «Одного пояса, одного пути» (сентябрь 2016 г.) [24, с. 38]. Президент Беларуси А. Г. Лукашенко дважды принимал участие в Форуме международного сотрудничества «Один пояс – один путь» (2017 и 2019 гг.). Республика является членом Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (с 2018 г.) [7].

Основа для стремительного сближения двух стран – не только экономический фактор (взаимная выгода и взаимодополняемость), но и культурные связи между народами. Белорусы переживают «синоманию» и «бум изучения китайского языка». Две страны открыли прямые рейсы гражданской авиации (2015 г.). Беларусь состоит в ряде Международных союзов «Одного пояса, одного пути»: театров, музеев, библиотек; участвует в Международном фестивале Экономического пояса Шелкового пути, Культурном ЭКСПО, Шанхайском фестивале искусств, других мероприятиях, связанных с тематикой Экономического пояса Шелкового пути. Центральные белорусские телеканалы (БТ, ОНТ, СТВ) входят в состав Медиа-ассоциации «Один пояс – один путь» [3; 1, с. 8, 13; 2, с. 7].

С 2014 г. темпы взаимодействия стали более существенными, причём его политическое, экономическое и культурное направления развивались одновременно.

Взаимная помощь друг другу во время вспышки пандемии коронавируса (2020 г.) отразила высокий уровень всестороннего стратегического партнерства. Общий экспорт белорусских товаров в 187 стран мира сократился на 11,9%, импорт – на 17,4%. Торговля с Китаем сильно контрастировала и показывала уверенный рост. Сальдо оставалось по-прежнему отрицательным, но разрыв сократился на 6%. По итогам 2020 г. Китай стал вторым торговым партнером Белору-

си после России, сместив с данной позиции Украину. Китай стабильно входит в тройку главных торговых партнеров Беларуси (доля 7,5%) и в десятку стран-импортеров белорусской продукции (доля 2,7%) [27].

Укреплялись тенденции по сбалансированию структуры белорусского экспорта в Китай: снижалась традиционно высокая доля калия, росли доли сельхозпродукции и деревообработки. Немаловажную роль в указанных процессах сыграл запуск «Светлогорского ЦКК». За 2020 год в Китае были аккредитованы 12 новых белорусских производителей продукции говядины, птицы, сухого и питьевого молока, молочных кормовых продуктов. Беларусь впервые была получена квота китайского правительства на поставки сахара с льготным тарифом. Развитие белорусско-китайской торговли происходило на фоне общего сокращения объемов мировой торговли и китайского импорта. Активное участие Беларуси в инициативе ОПОП создало дополнительные логистические преимущества для белорусских производителей в рамках контейнерных железнодорожных маршрутов Китай-Европа на фоне негативного влияния пандемии на иные виды перевозок [15]. Китай преодолел экономические и торговые вызовы в 2020 г., став единственной крупной мировой экономикой, продемонстрировавшей рост внешней торговли.

Культурная составляющая «Пояса и Пути»: в Беларуси созданы Шесть институтов Конфуция и Китайский культурный центр в Минске; в 2018 г. вступило в силу соглашение о взаимном безвизовом режиме между двумя государствами. Все шесть областей и столица Беларуси установили побратимские отношения с китайскими провинциями и городами [18].

Белорусско-китайские отношения в борьбе с коронавирусом определяются как образцовые. Беларусь первой в мире направила в Китай самолет с гуманитарной помощью (январь 2020 г.), а помощь Беларуси поступила из более чем 20 провинций КНР, городов центрального подчинения, автономных районов Китая. В июне 2020 г. между Президентом Беларуси А. Г. Лукашенко и Председателем КНР Си Цзиньпином состоялся телефонный разговор с целью укрепления взаимодействия в условиях пандемии COVID-19. Для доставки средств медицинского назначения были задействованы авиа- и железнодорожные маршруты в рамках ОПОП, в частности, грузовой поезд Китай-Европа [18; 13; 14].

Сотрудничество в борьбе с пандемией укрепило благоприятный имидж Беларуси и Китая в глазах друг друга. Сфера медицины и охраны здоровья стала тогда ключевой. Отметим, что постановлением Минздрава Беларуси методы традиционной китайской медицины были рекомендованы для использования в медицинских учреждениях (2007 г.). В 2015 г. в соответствии с Директивой № 5 Президента Республики Беларусь стали создаваться Центры ТКМ, в 2022 г. их число возросло до семи [17]. В 2021 г. в индустриальный парк «Великий камень» вступил новый резидент – китайское предприятие «Новоэра Биотех». Первым его результатом стали капсулы «Циньби», предназначенные для профилактики и лечения последствий COVID-19 [12; 20].

Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» (строится с 2015 г.) – это особая экономическая зона, площадка для реализации тесного сотрудничества в контексте ОПОП, ключевой элемент участия Беларуси в Эко-

номическом поясе Шелкового пути, первый объект такого масштаба, построенный Китаем в евразийском регионе. Он создан по образу Китайско-Сингапурского индустриального парка в Сучжоу (1994), является одним из индустриальных парков, построенных Китаем в рамках инициативы «один пояс – один путь», но занимает ключевое место в этом списке. Уникальность Парка заключается в его расположении на пересечении крупнейших трансевразийских транзитных маршрутов. По оценке Председателя КНР Си Цзиньпина, Парк «Великий камень» – «жемчужина» Нового Шелкового пути [4].

Таким образом, отношения Республики Беларусь и КНР в 1992–2022 гг. прошли несколько этапов: «дружбы и сотрудничества» (с января 1992 г.); «дружбы и всестороннего сотрудничества» (с апреля 2001 г.); «всестороннего развития и стратегического сотрудничества» (с декабря 2005 г.); «всестороннего развития и стратегического партнерства» (с июля 2013 г.); доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества (с сентября 2016 г.). По итогам встречи президента Беларуси А. Г. Лукашенко и Председателя КНР Си Цзиньпина в Самарканде на платформе саммита ШОС (сентябрь 2022 г.) была принята совместная декларация об установлении отношений «всепогодного и всестороннего стратегического партнерства» [8]. Тем самым лидеры двух стран констатировали подъем сотрудничества на более высокий уровень, что отвечает интересам народов Беларуси и Китая, а также подчеркнули необходимость наполнить его новым содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорусско-китайский культурный и образовательный диалог: история, современное состояние, перспективы: сборник научных статей / [под научной редакцией Н. Н. Хмельницкого]. – Минск : Республиканский институт высшей школы, 2016. – 154 с.
2. Белорусско-китайский культурный и образовательный диалог: история и современное состояние : сб. науч. ст. / редкол.: Ван Дацзюнь [и др.]. – Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2017. – 167 с.
3. В Китай по приглашению Си Цзиньпина прибыли на оздоровление 200 белорусских детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cctv.cntv.cn/2014/08/18/VIDE1408371479733332.shtml>. – Дата доступа: 13.02.2023.
4. Индустриальный парк Великий камень [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://industrialpark.by>. – Дата доступа: 10.02.2023.
5. Китай и Беларусь подписали Совместную декларацию [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/200512/t20051206_858111.html. – Дата доступа: 02.02.2023.
6. Кравченко, П. К. Беларусь на переломе : дипломатический прорыв в мир. Выступления, статьи, интервью, беседы, дипломатические документы и переписка : учеб.-метод. пособие / П. К. Кравченко. – Минск : БИП-С Плюс, 2009. – 636 с.
7. Лукашенко в Пекине принимает участие в международном форуме «Пояс и путь» [Электронный ресурс] — Режим доступа: — <https://www.belta.by/president/view/luhashenko-v-pekinge-prinimaet-uchastie-v-mezhdunarodnom-forume-pojas-i-put-345523-2019/>. – Дата доступа: 13.04.2022.
8. Лукашенко и Си Цзиньпин встретились в Самарканде. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/luhashenko-i-si-tszinpin-vstretilis-v-samarkande-523894-2022/> Дата доступа: 25.02.2023.
9. Лукашенко прибыл с государственным визитом в Китай [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/luhashenko-pribyl-s-gosudarstvennym-vizitom-v-kitaj-212270-2016/>. – Дата доступа: 13.04.2022.

10. Мацель, В. М. Беларусь – Китай: 30 лет по пути дружбы и взаимовыгодного сотрудничества / В. М. Мацель – Минск : Акад.упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2021. – 384 с.
11. Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.gov.by>. – Дата доступа: 20.02.2023.
12. Новый резидент «Великого камня» будет реализовывать проект в области традиционной китайской медицины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://industrial-park.by/novosti/2021/novyy-rezident-velikogo-kamnya-budet-realizovyvat-proekt-v-oblasti-tradicionnoj-kitajskoj-mediciny/>. – Дата доступа: 20.02.2023.
13. Около 20 т медицинских изделий – Беларусь направила гуманитарную помощь в Китай [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/okolo-20-t-meditsinskih-izdelij-belarus-napravila-gumanitarnuju-pomosch-v-kitaj-377636-2020/>. – Дата доступа: 18.02.2023.
14. Онлайн-трансляция Заседания Совета глав государств-членов ШОС [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sco-russia2020.ru/video/20201110/1080265/Onlayn-translyatsiya-Zasedaniya-Soveta-glav-gosudarstv-chlenov-ShOS.html> Дата доступа: 10.04.2022.
15. Оперативные данные внешней торговли товарами [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vnesh-nyaya-torgovlya/operativnye-dannye/> Дата доступа: 10.04.2022.
16. Переговоры с Председателем КНР Си Цзиньпином [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-predlagaet-vyrabotat-no-vuju-dorozhnyu-kartu-belorusko-kitajskogo-sotrudnichestva-6556>. – Дата доступа: 20.03.2022.
17. Подписана Директива о развитии двусторонних отношений с Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/podpisana-direktiva-o-razvitii-dvustoronnih-otnosheniy-s-kitayskoy-narodnoy-respublikoy>. – Дата доступа: 20.03.2022.
18. Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://china.mfa.gov.by/be/> Дата доступа: 18.02.2023.
19. Председатель КНР Си Цзиньпин прибыл с государственным визитом в Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/predsdatel-knr-si-tszinpin-pribyl-s-gosudarstvennym-vizitom-v-belarus-2572-2015/>. – Дата доступа: 13.04.2021.
20. Резидент «Великого камня» разработал препарат для профилактики и лечения последствий COVID-19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bel-ta.by/economics/view/rezident-velikogo-kamnja-razrabotal-preparat-dlja-profilaktiki-i-lechenija-posledstvij-covid-19-468175-2021/>. – Дата доступа: 20.03.2022.
21. Республиканский институт китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rci.bsu.by>. – Дата доступа: 20.02.2023.
22. Сила тигра и нестигаемая, как железо, дружба. Посол о 30-летнем пути сотрудничества Беларуси и КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bel-ta.by/interview/view/view/sila-tigra-i-nesigibaemaja-kak-zhelezo-druzhba-posol-o-30-letnem-puti-sotrudnichestva-belarusi-i-knr-8057/>. – Дата доступа: 20.02.2023.
23. Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Беларусь об установлении всестороннего стратегического партнёрства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/ceka/rus/gyzg/zgyw/t1059350.htm>. – Дата доступа: 02.02.2023.
24. Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая». – Пекин : Изд-во литературы на иностранных языках, май 2017. – 74 с.
25. Сотрудничество в сфере образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/humanitarian/education/>. – Дата доступа: 20.02.2022.
26. Тихомиров А. В. Китай как приоритет внешней политики Республики Беларусь (1992–2019 гг.) / А. В. Тихомиров // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. – Вып. 7. – Минск, 2019. – С.71–89.
27. Торгово-экономическое сотрудничество [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/trade/>. – Дата доступа: 13.04.2022.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ КИТАЯ

Региональное развитие выступает одним из ключевых объектов государственной экономической политики. В 2020 году Китай предложил скоординированную стратегию регионального развития, одну из основных национальных стратегий новой эры. В докладе рассматриваются особенности регионального экономического развития Китая на примере двух типичных региональных экономических поясов: Экономический пояс реки Янцзы и Зона большого залива Гуандун-Гонконг-Макао.

Ключевые слова: регион, региональное развитие, региональная экономика, региональная политика, Экономический пояс реки Янцзы, Зона большого залива Гуандун-Гонконг-Макао, согласованное развитие.

ECONOMIC DEVELOPMENT OF CHINESE REGIONS

Regional development is one of the key objects of the state economic policy. In 2020 China proposed a coordinated regional development strategy, one of the main national strategies of the new era. The report examines the features of China's regional economic development on the example of two typical regional economic belts: The Yangtze River Economic Belt and the Guangdong-Hong Kong-Macau Great Bay Area.

Key words: region, regional development, regional economy, regional policy, Yangtze River Economic Belt, Guangdong-Hong Kong-Macau Great Bay Area, coordinated development.

В современных условиях хозяйствования региональное развитие выступает одним из ключевых объектов государственной экономической политики. В 2020 году Китай предложил скоординированную стратегию регионального развития, одну из основных национальных стратегий новой эры. Данная стратегия предусматривает [3]:

- повышение сбалансированности и координации регионального развития;
- углубленную реализацию основных региональных стратегий и региональных стратегий скоординированного развития;
- содействие скоординированному развитию Пекина, Тяньцзиня и Хэбэя, развитию экономического пояса реки Янцзы, строительству районов заливов Гуандун, Гонконг и Макао, комплексному развитию дельты реки Янцзы, охране окружающей среды и качественному развитию бассейна реки Хуанхэ, строительству нового района Сюньань с высокими стандартами и качеством, а также строительству субцентра Пекина;
- содействие развитию западного региона для формирования новой модели, содействие возрождению северо-востока для совершения новых экономических прорывов, содействие качественному развитию центрального региона, поощрение восточного региона к ускорению модернизации;
- поддержку ускоренного развития старых революционных районов, этнических районов и приграничных районов;
- развитие морской экономики и построение сильного морского государства.

Крупные экономические зоны должны в полной мере использовать свои преимущества и повышать свою роль в развитии страны. Районы с экономическими трудностями должны использовать национальную политику поддержки, использовать свой собственный потенциал и стремиться содействовать экономическому восстановлению и развитию.

В первую десятку экономических зон Китая входят: Комплексная экономическая зона Северо-Востока, Комплексная экономическая зона Северного побережья, Комплексная экономическая зона Восточного побережья, Комплексная экономическая зона юго-восточного побережья, Комплексная экономическая зона Верхнего и Среднего Хуанхэ, Комплексная экономическая зона Верхнего и Среднего течения реки Янцзы, Комплексная экономическая зона Верхнего и Среднего Жемчужной реки, Комплексная экономическая зона Внутренняя Монголия, Комплексная экономическая зона Синьцзян и Комплексная экономическая зона Цинхай-Тибетского нагорья [1, стр. 11].

В качестве примера рассмотрим результаты развития двух важнейших регионов Китая, – Экономического пояса реки Янцзы, и Зоны Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао.

Экономический пояс реки Янцзы проходит через сердце Китая и имеет обширное экономическое заплежье, которое не только объединяет три основные зоны на востоке, в центре и на западе, но также пересекается тысячами линий железных дорог в направлениях Север-Юг и Запад-Восток, которые достигают морского побережья.

Прежде всего, этот регион обладает чрезвычайно большими запасами пресной воды, а также богатыми запасы разнообразных минеральных ресурсов. Кроме того, в регионе находится много известных туристических ресурсов и богатые сельскохозяйственные ресурсы с большим потенциалом развития.

Экономический пояс реки Янцзы охватывает 40 городов и является одним из самых важных промышленных коридоров в Китае, где сосредоточена большая часть современных отраслей промышленности Китая, таких как сталелитейная, автомобильная, электронная и нефтехимическая, сконцентрировано большое количество энергоемких, крупномасштабных и высокотехнологичных производств. Экономическая зона реки Янцзы является наиболее развитой зоной во всём бассейне реки Янцзы и самой густонаселенной экономической зоной в стране, за исключением открытых прибрежных районов. Её стратегическое значение для экономического развития Китая не имеет аналогов среди других экономических зон. В отличие от прибрежных и других экономических зон, экономическая зона реки Янцзы имеет обширные внутренние районы и пространство для развития и обладает наибольшим потенциалом экономического роста в Китае на ближайшие 15 лет [2, стр. 18].

Зона Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао относится к кластеру городов, образованному городами Гуанчжоу, Фошань, Чжаоцин, Шэньчжэнь, Дунгуань, Хуэйчжоу, Чжухай, Чжуншань, Цзянмэнь и двумя особыми административными районами Гонконг и Макао, и является четвертой по величине областью залива в мире после области залива Нью-Йорка в Соединенных Штатах, области Кингс-Бей в Соединенных Штатах и области Токийского залива в Японии. Дан-

ная зона является важной территорией для Китая, чтобы построить кластер городов мирового класса и участвовать в глобальной мировой конкуренции [4].

Развитие Зоны Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао представляет собой углубление сотрудничества в соответствии с концепцией «одна страна, две системы (два специальных административных района), три таможенных зоны и четыре основных города». Данная концепция предусматривает продвижение институциональной реформы для максимального обеспечения беспрепятственного потока людей, логистики, капитала и информации. В районе Большого залива есть не только два особых административных района и свободных порта в Гонконге и Макао в рамках политики «одна страна, две системы», но и две особые экономические зоны в Шэньчжэне и Чжухае, три экспериментальные зоны свободной торговли в Наньша, Шэкоу и Хэнцин в Цяньхае, а также четыре основных города Гонконг, Макао, Гуанчжоу и Шэньчжэнь.

Города Гонконг, Макао, Гуанчжоу и Шэньчжэнь позиционируются как центральные города, каждый из которых играет свою роль в разделении труда.

Гонконг в основном должен укрепить и повысить свой статус международного судоходного и торгового центра и международного авиационного узла, содействовать развитию финансов, торговли, логистики и профессиональных услуг высокого класса и с высокой добавленной стоимостью, энергично развивать инновационные и высокотехнологичные отрасли, а также создать международный сервисный центр по правовым вопросам и разрешению споров в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Макао должен стать мировым центром туризма и отдыха, сервисной платформой для торговли и коммерческого сотрудничества между Китаем и португалоязычными странами, а также содействовать умеренному и диверсифицированному экономическому развитию.

Гуанчжоу в полной мере реализует свою ведущую роль в качестве национального центрального города и укрепит свои функции в качестве центра международной торговли, универсального транспортного узла и центра науки, технологий, образования и культуры.

Шэньчжэнь в основном играет ведущую роль в качестве особой экономической зоны, национального экономического центра и национального инновационного города и стремится стать инновационной и творческой столицей с мировым влиянием.

В таблице показана доля регионов Экономический пояс реки Янцзы и Зона Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао в экономике Китая.

Т а б л и ц а

Доля регионов Экономический пояс реки Янцзы
и Зона Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао в экономике Китая, % [6]

Показатель	Экономический пояс реки Янцзы, %	Зона Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао, %
Региональный ВВП	46,4	8,7
Местные фискальные доходы	44,8	11,0

Розничная реализация товаров социального назначения	48,5	7,7
Постоянное население	43,0	5,6
Авторизованные патенты	43,5	18,6
Внешнеторговый импорт и экспорт	45,7	20,5
Иностранные инвестиции	82,2	15,7

Как видно из таблицы, как Экономический пояс реки Янцзы, так и Зона Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао играют важную роль в экономическом развитии Китая. При этом Экономический пояс реки Янцзы обладает очевидным экономическим потенциалом, а Зона Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао имеет большое пространство для развития, что в совокупности составляет новую модель регионального экономического развития Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сяо Хаохуэй. Словарь наук о принятии решений: Народное издательство, Пекин: Ми-санта, 1995 – 11 с.
2. Институт инвестиционных исследований China Construction Bank Investment Co.; – М., 2019. – Гл. 1. – С. 18.
3. Связь между национальными стратегическими регионами: Дельта реки Янцзы и зона Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао, Институт экономики промышленности реки Янцзы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://k.sina.com.cn/article_6162941440_16f5706000200120h9.html – Дата доступа: 18.01.2023.
4. Гуандун, Гонконг, Макао и Большая зона залива: Создание экономической платформы мирового класса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iask.sina.com.cn/b/OkBGdoOCjIz.html>. – Дата доступа: 18.01.2023.
5. Знакомство с районом Большого залива Гуандун, Гонконга и Макао, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tengzhuan.com/>. – Дата доступа: 18.01.2023.
6. Район Большого залива открыт и диверсифицирован, а в Гуандуне находится больше всего предприятий, связанных с робототехникой, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://k.sina.com.cn/article_6162941440_16f5706000200120h9.html. – Дата доступа: 18.01.2023.

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО КНР В XXI ВЕКЕ

В данной статье рассматриваются возможности противостояния угрозам глобального наращивания военной мощи и нового витка гонки вооружений, повышения ядерного потенциала государствами, которые не декларируют своё ядерное оружие, угрозам кибербезопасности, сепаратизма, международного терроризма, в рамках военно-стратегического партнерства КНР в XXI веке.

К л ю ч е в ы е с л о в а: КНР, геополитика, регион, регионализм, военно-стратегическое партнерство.

**MILITARY-STRATEGIC PARTNERSHIP OF THE PRC
IN THE 21st CENTURY**

This article discusses the possibilities of countering the threats of a global build-up of military power and a new round of the arms race, increasing the nuclear potential of states that do not declare their nuclear weapons, threats to cyber security, separatism, international terrorism, within the framework of China's military-strategic partnership in the 21st century.

Key words: China, geopolitics, region, regionalism, military-strategic partnership.

Китайская Народная Республика (КНР) передовое по сегодняшним экономическим меркам государство, оказывающее большое влияние как на всю мировую экономику в целом, так и на региональную в частности. Основные черты присущие экономике Китая: ориентация на экспорт, активный контроль со стороны государства, высокая доля инвестиций. КНР обладает широкими амбициями в экономической сфере, к столетию образования Коммунистической партии Китая (КПК) ее председателем Си Цзиньпином было озвучено то, что страна окончательно поборолa бедность и создала общество среднего достатка. Китай так же является одной из ведущих экономических сил в регионе, оказывающей большое воздействие на формирование всего экономического климата Азии. Китай также имеет собственные экономические интересы относительно региона, регионального развития и различных интеграционных процессов, происходящих в Азии [14].

На региональном Уровне КНР является одной из доминирующих сил, оказывающей влияние на ближайших соседей, и проводит политику, направленную на всестороннее продвижение интересов КНР в регионе. Китай заключает выгодные для себя сделки и соглашения, обеспечивая плацдарм действий в будущем.

Главными геополитическими проблемами Китая на сегодняшний день являются: большая роль США, проявления сепаратизма в западных регионах, Тайваньский вопрос. Правительство страны, по собственным уверениям будет бороться любыми проявлениями возможностей и действий в геополитическом плане, но без претензий на гегемонию, что подчёркивается в конституции КНР [2]. Одной из тенденций геополитики в XXI в. является создание многополярного мира, в котором КНР стремится стать одной из ведущих держав. По идее Китай уже занимает ведущие места во многих аспектах деятельности в глобальной и региональной геополитике. Но всё же есть аспекты, в которых КНР продолжает отставать от многих государств мира, в том числе соседей по региону.

В целом можно выделить три направления разворачивания геополитической повестки Китайской Народной Республики. Во-первых, это страны, объединенные Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) или все северозападные государства, включая центрально-азиатские республики и Россию. Далее можно назвать юго-запад – это Индия, с которой Китай имеет неулаженные территориальные споры, а также опасения по поводу владения Индией ядерным оружием. Пакистан, который так же является ядерной державой, и Афганистан, где уже больше полувека не стихают конфликты. Юго-восточное направление, в которое включен Индокитай, небольшие государства, обладающие высоким экономическим потенциалом, способные стать существенным плацдармом для распространения влияния КНР. А также Восточное: Япония, Южная Корея, государства с которыми Китай связан теснейшими экономическими отношениями [15].

Сегодня, в Китае сохраняется политическая и экономическая стабильность, этническое единство. Но страна все еще переживает важный период, который предоставит много возможностей для развития. Тем не менее, Китай также сталкивается с разнообразными и сложными угрозами и проблемами безопасности.

В белой книге КНР подчеркивается борьба с нарастающими движениями сепаратизма, которые влияют на национальную безопасность. В основном угроза сепаратизма исходит от организаций и государств, поддерживающих «независимость Тайваня», это вносит раздор и создаёт преграды в создании единого Китая. Международный терроризм является непосредственной угрозой национальной безопасности. Кроме того, отмечается, что США односторонне наращивают военную мощь, что создает угрозу международной безопасности, а также провоцирует мир на новые витки гонки вооружений, которые могут привести к новым конфликтам, из-за которых пострадает не только КНР, но и весь мир [1].

Сейчас ситуация с безопасностью в Азиатско-Тихоокеанском становится все более запутанной и нестабильной. Региональные конфликты затягиваются и не находят решения. На Корейском полуострове периодически возникает напряженность. Ситуация с безопасностью в Афганистане остается серьезной. В некоторых странах сохраняется политическая нестабильность. Очевидны этнические и религиозные разногласия. Периодически вспыхивают споры о территориальных и морских правах и интересах. Развертывается террористическая, сепаратистская и экстремистская деятельность. В стратегическом ландшафте Азиатско-Тихоокеанского региона происходят глубокие изменения. Соответствующие крупные державы увеличивают свои стратегические инвестиции [3].

С момента распада Советского Союза лидеры КНР последовательно характеризовали китайскую военную стратегию как претерпевающую интенсивные изменения и рассматривали международный порядок как переходящий к многополярной системе. Несмотря на то, что Китай извлекает огромную выгоду из общего мира и процветания нынешней международной системы, власти КНР рассматривают основные аспекты этой системы как несовместимые с общей стратегией и предлагают новое видение для мирового и регионального порядка, основанного на концепции «Сообщества единой судьбы». На региональном уровне в «Белой книге по обороне» КНР на 2019 г. утверждается, что страны

«Азиатско-Тихоокеанского региона», осознают, что они являются членами» китайского «сообщества единой судьбы» и что урегулирование споров путем диалога является «предпочтительным вариантом политики» [5].

Военная дипломатия Китая способствует достижению внешнеполитических целей по развитию стратегических партнерств и пересмотру аспектов международной системы. Китайская Народная Республика стремится построить «новую модель» партнерства в сфере безопасности, основанную на принципах внешней политики КНР. Китайская «новая конфигурация внешних военных отношений» направлена на углубление глобальной партнерской сети за счет расширения военного сотрудничества.

Если говорить о военно-стратегическом партнёрстве КНР с отдельными странами региона, то можно сказать, что традиционно крепкие отношения они имеют с Камбоджой, Лаосом и Мьянмой. Плотный диалог налажен с Индонезией, так как Индонезия – это крупнейшее государство региона, которое за последнее время идёт на всеобщий подъём. Малайзия тоже постепенно всё больше и больше открывается для диалога с Китаем. В то время как Филиппины, которые долгое время находились под юрисдикцией США не желают перенимать Китайскую повестку, а тем более становится марионеткой в политических играх Китая, Сингапур не даёт Китаю поводов и возможностей для выстраивания продуктивных отношений. Самым сложным предстаёт понимание того, почему у Китая плохо налаживаются военно-стратегические отношения с Вьетнамом, исторически Вьетнам отверг Маоистскую теорию развития и поддержал так называемый «Ревизионизм» советского коммунизма. Приведенные три государства, Филиппины, Сингапур и Вьетнам, хоть и являются важными экономическими партнёрами в регионе, всё-таки с глубоким подозрением относятся к постоянно растущей военной мощи и военным притязаниям Китая.

В Юго-восточной Азии реализуется сотрудничество, как на межправительственных уровнях, так и в рамках международных организаций, таких как АСЕАН. Хотя Китай формально и не входит в состав АСЕАН, но имеет непрерывный диалог, в области Военно-Стратегического сотрудничества, принимаются соглашения, договоры и коммюнике. К примеру, «План действий по реализации Стратегического партнерства АСЕАН и Китая в интересах мира и процветания (2021 – 2025 гг.)». Данный план действий направлен на реализацию Совместной декларации АСЕАН – Китай Стратегическое партнерство во имя мира и процветания, и итогов 24-го Саммита АСЕАН – Китай, посвященного 30-й годовщине диалоговых отношений АСЕАН – Китай, в целях укрепления отношений между АСЕАН и Китаем. Отношения диалога между АСЕАН и Китаем, направленные на укрепление и повышение уровня стратегического партнерства, дружественных отношений, взаимовыгодного сотрудничества и добрососедства. Данная программа действий основывается на значительных достижениях, достигнутых в отношениях и Стратегической концепции партнерства АСЕАН и Китая до 2030 г. Сотрудничество в областях, представляющих взаимный интерес, приносят ощутимую пользу, а также вносят вклад в продвижение мира, стабильности, процветания и устойчивости в регионе [4].

Руководствуясь принципами открытого и прагматичного сотрудничества, Китай активно участвует в многосторонних диалогах, включая Региональный форум АСЕАН, диалог Шангри-Ла, Джакартский международный оборонный диалог и Западно-Тихоокеанский военно-морской симпозиум, регулярно проводит неформальные встречи министров обороны Китая и АСЕАН, предлагает и конструктивно продвигает инициативы по укреплению регионального оборонного сотрудничества.

Следующим беспокойным направлением военно-стратегического партнёрства КНР в регионе можно назвать Индию. Китайско-Индийские отношения с момента своего установления тяжёлые. Периодически перерастающие в локальные конфликты, связанные с небольшими участками земли, есть курьёзные случаи массовых драк Китайских и Индийских военнослужащих на границах. Индия замечая Китайские амбиции в становлении гегемоном, раз за разом официально отказывается от сотрудничества с КНР в различных аспектах, к примеру, Индия бойкотирует инициативу «Один пояс – один путь», поскольку в рамках этой инициативы, Китай намерен создать дорожный коридор с Пакистаном, который должен пролегать через провинцию Кашмир, которая является спорной территорией. Китай вразрез с интересами и желаниями крупного Соседа шёл на сотрудничество с Пакистаном, что по мнению Индийского руководства указывает на его отказ признавать Индийские интересы. В 1993 и в 1996 гг., были подписаны договоры о статус-кво в спорных районах. Также Индия высказывает опасения о возможном переоборудовании морских портов Мальдив и Шри-Ланки в военные, данные порты находятся в Аренде у КНР. С 1962 г, по наши дни, Китай так и не заключил договора о нормальном разграничении территорий с Индией, лишь в 2013 г. была проведена встреча, во время Которой КНР и Индия заключили некоторые торговые и политические соглашения, в целом ситуация вокруг приграничных территорий до сих пор остаётся спорной [6]. В целом важнейшими нормативно-правовыми актами заключенным между Индией и Китаем, являются декларация о всестороннем сотрудничестве, в котором Индия признавала право Китая на некоторые территории в Гималаях, в свою очередь благодаря этому Китай признал Сикким частью Индии. Большая часть совместных соглашений, деклараций и договоров между Индией и Китаем носят характер уступок, поскольку оба государства являются обладателями ядерного оружия, ни одно из государств не может позволить другому использовать его против себя, особенно учитывая конфликтный потенциал Китайско-Индийских отношений.

Китайско-Пакистанское военно-стратегическое партнёрство в первую очередь направлено на сдерживание Индии и Индийско-Американских отношений. Пакистан поддерживает стратегически тесные отношения с Китаем, а оборонные связи между двумя странами часто рассматривались лидерами обеих стран как проверенные временем. Будь то танки и полевые орудия, эсминцы и фрегаты или авиационная промышленность, китайская поддержка была неоценимой и оказалась источником силы и опоры для Пакистана. Китай и Пакистан расположены на территории, которая имеет огромное географическое значение. Отношения между Китаем и Пакистаном представляют собой модель дружественных отношений между двумя противоположными идеологическими установками.

Китайско-пакистанские отношения начались в 1950 г., когда Пакистан одним из первых разорвал отношения с Тайванем и признал КНР, в результате чего был заключен целый ряд соглашений. Китай всегда поддерживал Пакистан в трудную минуту, будь то война или стихийное бедствие. Китай – единственная страна, которая предоставила передачу технологий, льготные кредиты и даже техническую экспертизу без каких-либо условий со своей стороны, Пакистан поддержал Китай и сохранил свои отношения, несмотря на давление Запада. Эти отношения между двумя азиатскими странами, объединенными общей границей, имеют важное значение в мировых геостратегических альянсах. Политика установления хороших отношений между вооруженными силами была взята лидерами для того, чтобы противостоять балансу сил в Азии. В последние годы эти отношения еще более углубились благодаря заключению оборонных соглашений между Пакистаном и Китаем. Китай является постоянным источником военного оборудования для пакистанской армии, а также помог Пакистану создать заводы по производству ядерного оружия, предоставил технологическую помощь в модернизации оборудования. В последние 20 лет страны участвуют в совместных проектах по совершенствованию систем вооружения и военной техники. Армии имеют график проведения совместных военных учений. Китай предложил Пакистану военную помощь для борьбы с террористической деятельностью на своей территории. Хотя двусторонние военные связи между Пакистаном и Китаем остаются прочными, две страны стремятся расширить параметры своего сотрудничества для решения новых проблем безопасности. В области военно-стратегического партнёрства КНР и Пакистана, можно выделить договоры 2003 и 2005 гг., о дружбе, сотрудничестве и добрососедских отношениях. Данные договоры носят закрепляющий добрососедские отношения государств характер, подчеркивают, что Китай и Пакистан являются важными региональными партнёрами [8].

Военно-стратегическое партнёрство Китая с Японией и Кореей. Китай подчёркивает, что Япония всё-таки отказалась от военных способов сопровождения своей внешней политики. Так же выражает обеспокоенность нарастающим влиянием США на Японию и Корею. А именно, Развёртывание США ракетных систем в Республике Корея серьезно подорвало региональный стратегический баланс и стратегические интересы безопасности стран региона. В мае 2018 г., оборонные ведомства Китая и Японии подписали меморандум о взаимопонимании по-морскому и воздушному взаимодействию и ввели его в действие в июне. Основной целью заключаемых совместных актов КНР и Японии является разрешение территориального спора, а именно споры вокруг островов Дяоюйдао (Сенкаку), которые Китай считает частью единого и неделимого Китая. Китай и Япония постоянно проводят переговоры и встречи на высшем уровне с целью решения вопросов по южно-китайскому морю, но в целом данные переговоры и совещания не приносят большой пользы. Тем не менее, Китай и Япония два сильнейших экономических полюса региона, которым необходимо достигнуть консенсуса в отношениях и поставить крест в нерешённых вопросах [13].

Южная Корея долгое время не признавала КНР, а только лишь Тайвань, а КНР в свою очередь долгое время признавал только КНДР, но не Южную Ко-

рею. Основные направления военно-стратегического партнёрства Китая с Кореей как Южной, так и Северной: это поддержание безъядерного статуса полуострова, постоянное стремление к мирному объединению полуострова, так как Корея является одним из рычагов напряжённости в регионе. Южная Корея проводит последовательный диалог с КНР о сохранении безопасности и понижении напряжённости в регионе, однако, данные диалоги не заходят слишком далеко, дело не доходит до подписания реальных договоров. Совместно с Японией, Китай и Корея имеют договорённости в области ядерной безопасности. Военно-стратегическое партнёрство с Кореей носит для Китая характер снижения влияния США, а также поддержания КНДР в нелёгком пути, Китай стремится к объединению Кореи, скорее всего, больше чем некоторые другие государства.

Следует отдельно выделить военно-стратегическое партнёрство России и КНР. Россия и Китай последнее время всё чаще и чаще называют друг друга важнейшими военно-стратегическими партнёрами, о чём можно судить не только по постоянно проводимым военным встречам и учениям, но и по международным актам, которые заключают в этой сфере Россия и Китай. Особенно в последнее время, когда обе страны нарастили конфликтный потенциал и обросли санкциями со стороны запада, как никогда Россия и Китай нуждаются друг в друге [9].

Важным международным актом, подчеркивающим особенность отношений России и Китая, является «Российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» принятый в 2001 г., Китай и Россия поддерживают добрососедские отношения, отказываются от использования ядерного оружия против друг друга, налаживают контакт в военной сфере [7]. Следует также упомянуть, что данный договор хоть и содержит в себе слова об отсутствии намерения у Китая и России сотрудничать против других государств, но в договоре отмечается, что США всё-таки являются угрозой миру. В 2005 г., Китай и Россия провели окончательную демаркацию границы, точнее Россия в надежде получить важного союзника пошла на уступки в приграничных территориях, вокруг которых были споры. В 1993 г. было принято соглашение между оборонными ведомствами, что заложило прочный фундамент для военно-стратегического сотрудничества между странами. Россия и Китай проводят в жизнь соглашения о поставках вооружения. С момента создания ШОС, Россия и Китай являются основными инициаторами проведения антитеррористических учений. Китай и Россия вышли на уровень военно-стратегического партнёрства, при котором, проводятся совместные военные парады и шествия по всему миру.

Основной отправной точкой в отношениях Китая с Центральноазиатскими республиками является противодействие действиям Террористических группировок, об этом говорит ряд принятых Китаем и Центральноазиатскими республиками международных актов: «Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по борьбе с терроризмом» [10], «Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических учений на территориях государств-членов Шанхайской организации сотрудничества» [12], «Соглашение о сотрудничестве в области выявления и перекрытия каналов, используемых лицами, причастными к террористической, сепаратистской и экстремист-

ской деятельности, для въезда в государства-члены Шанхайской организации сотрудничества»[12], понятно почему, большинство населения центральной Азии исповедует ислам, Китай обеспокоен возможным проникновением радикальных взглядов и в без того тяжело контролируемый СУАР. Китай создаёт свои военные базы, в странах сопредельных ему, Таджикистан и Афганистан, что вполне логично, китайское правительство, максимально старается распространить своё влияние на государства центральной Азии всё с той же целью недопущения распространения радикальных взглядов, а также пресечение нарко-трафика, который активно идёт именно из центральной Азии. В целом за последние 30 лет влияние Китая на регион выросло колоссально, особенно вследствие распада СССР. Инвестиции, договоры, соглашения, всё это создаёт для Китая платформу для будущего доминирования. Ещё одна важная форма взаимодействия Китая и Центральной Азии, является обмен опытом. Китай заключает соглашения со странами центральной Азии о предоставлении военного образования для офицеров на территории Китая. Вооруженные силы Китая создали механизмы обмена с соседними странами на трех уровнях: министерство обороны страны, командование театра военных действий и пограничные войска. Они проводят регулярные дружественные взаимные визиты, рабочие встречи, совместное патрулирование и совместные учения, совместно с Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном они работают над выполнением договора о пограничном разоружении [11].

Таким образом, ключевым фактором военно-стратегического партнёрства КНР в системе глобального регионализма является то, как китайские лидеры воспринимают относительные угрозы и возможности, стоящие перед всесторонним развитием страны. В связи с непрекращающимся ростом международной напряжённости, ростом напряжённости в Азиатском регионе. Военно-стратегическое партнёрство Китая в современную эпоху выходит на новый уровень. В военно-стратегической сфере теперь задействованы не только военные проекты, законы, директивы, теперь военно-стратегическое партнёрство является комплексным понятием, включающим в себя всевозможные аспекты международного взаимодействия. Глобализация порождает всё большую унификацию мира, унификация же сама происходит по западной модели, из-за чего акторы, которые выпадают за пределы восприятия участниками глобализации, сталкиваются с необходимостью наращивания региональных сил. В то же самое время, КНР стремится создать регион, вокруг себя, создающий стратегическое пространство для маневрирования в глобальной сфере, Китай конвертирует экономическую, военную, политическую мощь в возможность продвижения собственных интересов в регионе. В целом, обобщая все доступные знания о военно-стратегическом партнёрстве КНР, в основном можно говорить про военное сотрудничество в рамках ШОС, которое направлено на поддержание стабильности в регионе и сопредельных с Центральной Азией провинциях Китая. Основным способом присутствия КНР в центральной Азии является экономика. Центральная Азия стала ресурсным тылом КНР, поскольку основное направление внешней политики направлено за море, сторону так нелюбимой руководством КНР Америки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абылгазиев, И. И. Отношения Китая и Ирана в условиях меняющегося миропорядка [Электронный ресурс] / И. И. Абылгазиев, Е.С. Васецова // Век глобализации. – 2020. – № 1(33). – С. 93 –101. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42680057>. – Дата доступа: 01.04.2021.
2. Балакин, В. И. Потенциал российско-китайского взаимодействия в противостоянии новым вызовам со стороны / В.И. Балакин // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2017. – Т. 22, № 22. – С. 109–120.
3. Ван, Ц, Любина, Д.Е. Транстихоокеанское партнерство и позиция Китайской Народной Республики / Ц. Ван, Д.Е. Любина // Управленческое консультирование. – 2020. – № 9(141). – С. 42 –53.
4. Васильев, Л. Е. Некоторые аспекты политики Китая в Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] / Л. Е. Васильев // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2020. – Т. 25. – № 25. – С. 212 – 225. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43793314>. – Дата доступа: 01.05.2021.
5. Верченко, А. Л. Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» / А. Л. Верченко // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2020. – № 1. – С. 6 –18.
6. Голам, Т. Б, Евневич, В. В, Худайкулова, А. В. Стратегическое соперничество Индии и Китая в бассейне Индийского океана в XXI веке [Электронный ресурс] / Т. Б. Голам, В. В. Евневич, А. В. Худайкулова // Конфликтология nota bene. – 2019. – № 4. – С. 1–13. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43574916>. – Дата доступа: 26.01.2023.
7. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс] // Kremlin.ru. – 2001. – Режим доступа: [Kremlin.ru/supplement/3418](https://kremlin.ru/supplement/3418). – Дата доступа: 27.04.2021.
8. Замараева, Н. А. Китайско-пакистанские отношения: двусторонние и региональные вызовы [Электронный ресурс] / Н. А. Замараева // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2020. – Т. 25. – № 25. – С. 226 – 242. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43793315> – Дата доступа: 25.01.2023.
9. Клименко, А. Ф. Некоторые вопросы развития российско-китайского партнерства в сфере безопасности в современных условиях [Электронный ресурс] / А. Ф. Клименко // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2020. – Т. 25. – № 25. – С. 51–65. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43793304>. – Дата доступа: 27.01.2023.
10. Конвенция Шанхайской Организации Сотрудничества против терроризма [Электронный ресурс] // docs.cntd.ru. – 2010. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902339374>. – Дата доступа: 20.05.2021.
11. Михайленко, В. И. Внешние триггеры интеграционных процессов в центральной Азии [Электронный ресурс] / В. И. Михайленко, Р. Сухроб // История и современное мировоззрение. – 2021. – Т. 3. – № 1. – С. 59 –70. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44842628>. – Дата доступа: 01.05.2021.
12. Соглашение о сотрудничестве в области выявления и перекрытия каналов проникновения на территории государств – членов ШОС лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности» [Электронный ресурс] – 2009. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902320010>. – Дата доступа: 20.05.2021.
13. Тушков, А. А. Военно-морское присутствие США в Индо-Тихоокеанском регионе в контексте глобальной внешнеполитической стратегии [Электронный ресурс] / А. А. Тушков // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 2 (104). Ч. 2. – С. 168–174. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-morskoe-prisutstvie-ssha-v-indo-tihookeanskom-regione-v-kontekste-globalnoy-vneshnepoliticheskoy-strategii>. – Дата доступа: 27.01.2023.
14. Цзюньцзин, Ц. Влияние Китайско-Американских торговых отношений на внешнюю политику КНР в отношении США / Ц. Цзюньцзин // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2021. – Т. 5. – № 1. – С. 65 –73.
15. Чжэньпэн, Л. Интересы Китая в Центральной Азии [Электронный ресурс] / Л. Чжэньпэн // The Newman in Foreign Policy. – 2017. – № 39(83). – С. 11–18. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30739891>. – Дата доступа: 10.05.2021.

О РАЗВИТИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» В КИТАЕ (2013–2022 ГГ.)

В статье рассматривается инициатива КНР «Один пояс – один путь» как объект научных исследований. Охарактеризована их база, прослежен процесс её расширения, отмечены результаты и перспективы исследований в контексте 10-летия Инициативы. Подчеркнута роль КПК, Госсовета, отдельных министерств и ведомств КНР по координации работы в указанной области.

Ключевые слова: Китай; научное исследование; китайско-украинское сотрудничество; инициатива «Один пояс – один путь»; гуманитарное сотрудничество.

ON THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC RESEARCH OF THE BELT ONE ROAD INITIATIVE IN CHINA (201–2022)

The article considers the initiative of the People's Republic of China "One Belt One Road" as an object of scientific research. Their base is characterized, the process of its expansion is traced, the results and prospects of research in the context of the 10th anniversary of the Initiative are noted. The role of the CPC, the State Council, individual ministries and departments of the PRC in coordinating work in this area was emphasized.

Key words: China; Scientific research; Chinese-Ukrainian cooperation; the One Belt One Road initiative; humanitarian cooperation.

Осенью 2013 года в ходе визита в Казахстан и Индонезию Председатель Си Цзиньпин впервые выступил с инициативой совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Она привлекла к себе широкое внимание академического сообщества и быстро стала объектом научных исследований: был создан ряд академических исследовательских институтов, возникло большое количество мозговых центров, результаты исследований появлялись один за другим.

В 2023 году исполняется 10 лет инициативе «Один пояс – один путь». Она превратилась в самостоятельную научную тему, многие научно-исследовательские учреждения и университеты создали специальные структуры по её изучению. 31 января 2015 года в Пекинском университете международных исследований открылся первый в Китае исследовательский институт стратегии «Пояса и пути». Являясь аналитическим центром нового типа, этот институт стремится содействовать культурному обмену, развивать языковые таланты и создавать широкую платформу для международного сотрудничества между странами, расположенными вдоль «Пояса и пути» [3].

28 марта 2015 года Государственным комитетом по развитию и реформам, Министерством иностранных дел и Министерством торговли КНР был опубликован документ «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию “Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века”» [7], что получило поддержку всех слоев общества. В Китае сложилась ситуация, когда вся страна участвует в строительстве «Пояса и пути». Ведущие университеты и научно-исследовательские организации Китая создали специальные структуры: Китайский институт международных исследований (март 2015 г.), Академия общественных наук КНР (апрель 2015 г.), Пекинский университет (май 2015 г.), Университет Цинхуа (ноябрь 2016 г.), Фуданьский университет (ноябрь

2017 г.), Китайский народный университет (январь 2018 г.) и другие [8, с. 81]. Университеты объединили свои преимущества для создания *Региональных научно-исследовательских центров ОПОП*. По состоянию на 2023 год Государственный комитет по делам национальностей в три очереди утвердил 60 Региональных исследовательских центров ОПОП, созданных 46 университетами в Китае [2]. Посредством организации и активного участия в академических семинарах, они вносят значительный вклад в подготовку международных экспертов.

В июле 2016 года в Пекине был опубликован совместный «Отчет о строительстве и развитии “Один пояс – один путь”» (Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, Исследовательский центр «Один пояс – один путь» Китайской академии общественных наук и Издательство литературы по общественным наукам) с официальными документами об инициативе [5]. К концу 2022 года издано 6 сборников таких документов, на основе которых появились 87 публикаций, охватывающих годовые отчеты о разработке, состоянии сотрудничества в экономической, политической, гуманитарной, военной и других областях, сопряжение усилий местных администраций, научно-исследовательских учреждений и предприятий Китая с инициативой «Пояс и путь» [6].

Одновременно с созданием организаций росло число проектов и академических исследований, связанных с «Поясом и путем». Если взять в качестве примера Китайский национальный фонд социальных наук, то с 2014 по 2022 год Национальным бюро планирования философии и социальных наук КНР было одобрено 910 проектов по 15 дисциплинам. Темы исследований в основном сосредоточены на следующих аспектах: концепция инициативы ОПОП; ответы и обращения стран мира к инициативе; геополитика и геоэкономика, глобальное управление и культурное сотрудничество на фоне инициативы ОПОП; страновые и региональные исследования по маршруту; вызовы и возможности Китая в строительстве ОПОП [5].

Т а б л и ц а 1

**Число проектов Китайского национального фонда социальных наук
в 2014-2022 гг. [1].**

Год	2014г.	2015г.	2016г.	2017г.	2018г.	2019г.	2020г.	2021г.	2022г.	Об- щий итог
Число	30	72	77	181	188	168	82	63	49	910

В 2014 году было одобрено 30 академических исследовательских проектов, это число достигло своего пика в 2018 году. С 2020 года международные обмены были ограничены из-за глобальной пандемии, а исследовательский энтузиазм остыл. 8 февраля 2023 г. в Пекине с успехом прошел научный семинар, посвященный 10-летию строительства «Пояса и пути» и организованный Китайским народным университетом. В семинаре приняли участие десятки экспертов и ученых из Национальной комиссии по развитию и реформам Китая, Университета Цинхуа, Пекинского университета и другие учреждения. На встрече они поделились опытом и рассмотрели результаты исследований Инициативы, а также обменялись мнениями о перспективах научной работы в этой области [9].

Украина как важный стратегический партнер Китая активно откликнулась на предложение инициативы «Один пояс – один путь». Появилось множество проектов сотрудничества в контексте совместного строительства инициативы «Пояс и путь» (совместные высшие учебные заведения, бакалаврские, магистерские и аспирантские программы, Китайско-украинский университетский альянс и многое другое).

В сентябре 2020 года в Гуанчжоу была открыта совместная лаборатория по передовым технологиям «один пояс – один путь», которая расширила масштабы международного сотрудничества, а также предоставила платформу Китаю, Украине, другим дружественным странам «Пояса и пути» для обмена достижениями и опытом инновационного развития [4]. После 18-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (ноябрь 2012 г.) инициатива «Один пояс – один путь» стала символом мягкой силы Китая. Поскольку в начале 2023 года Китай полностью отменил многие меры по профилактике и борьбе с эпидемиями, которые действовали с 2020 года, празднование 10-летия ОПОП станет возможностью для реализации международного сотрудничества в более широком масштабе, на более высоком и глубоком уровне. Академические исследования на базе университетов, научно-исследовательских институтов и аналитических центров в стране и за рубежом обеспечивают более благоприятную интеллектуальную поддержку совместного строительства инициативы «один пояс – один путь».

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальное бюро планирования философии и социальных наук КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nopss.gov.cn/GB/219469/index.html>. – Дата доступа: 12.02.2023.
2. Объявление о перечне третьей очереди национальных и региональных исследовательских центров «Один пояс – один путь» Государственного комитета по делам национальностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://skc.nbu.edu.cn/in-fo/1095/22049.htm>. – Дата доступа: 12.02.2023.
3. О Китайском исследовательском институте стратегии «Пояса и пути» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://obor.bisu.edu.cn/col/col16643/index.html>. – Дата доступа: 12.02.2023.
4. Открыта совместная лаборатория Китая и Украины по соединению материалов и передовому производству «Один пояс – один путь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://static.nfapp.southcn.com/content/202009/29/c4106321.html> – Дата доступа: 08.04.2023.
5. Отчет о строительстве и развитии «Один пояс – один путь» (2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pishu.cn/zxxz/xwdt/378487.shtml> – Дата доступа: 12.02.2023.
6. Отчет о строительстве и развитии «Один пояс – один путь» (2021) / Сунь Чжуанчжи [и др.]. – Пекин : Изд. литературы по общественным наукам, 2021. – 341 с.
7. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию «Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/201504/t20150415_766831.html – Дата доступа: 12.02.2023.
8. Чжао Хуэйжун. Состояние, проблемы и перспективы академических исследований «Пояса и пути» // Журнал исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии. – 2017. – № 2. – С. 74–83.
9. 10-летие разработки «Один пояс – один путь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bj.xinhuanet.com/2023-02/10/c_1129352570.htm – Дата доступа: 13.02.2023.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГЕОПОЛИТИКИ КИТАЯ. ШОС.

В статье рассмотрены новые геополитические тенденции, в рамках которых развивается Китай. В 2009 году произошла смена модели развития КНР с акцента на ведущей роли приморских провинций на развитие всей национальной территории Китая и повышение емкости его внутреннего рынка. Это повлекло за собою рост заинтересованности КНР в импорте сырья из континентальных регионов Евразии, а также зон политических рисков в Африке и Латинской Америке. С другой стороны, рост уровня жизни в КНР привел к смещению из Китая в ряд стран, прежде всего в регионе Индийского океана, промышленного производства на базе относительно невысоких технологий. Тем самым Китай получил второй стимул к наращиванию отношений в континентальной части Евразии и в зоне Индийского океана. Оба процесса проходят в целом успешно. Они предопределили начавшееся глубокое сотрудничество близких Китаю государств между собой. Оптимальной формой для международного сотрудничества на базе данных геополитических тенденций выступила прежде всего Шанхайская Организация Сотрудничества.

Ключевые слова: Китай, геополитика, ШОС, БРИКС.

NEW TRENDS IN CHINA'S GEOPOLITICS. SCO.

The article considers new geopolitical trends within which China is developing. In 2009, there was a change in the development model of the PRC from an emphasis on the leading role of coastal provinces to the development of the entire national territory of China and an increase in the capacity of its domestic market. This led to an increase in China's interest in importing raw materials from the continental regions of Eurasia, as well as political risk zones in Africa and Latin America. On the other hand, the rising standard of living in the PRC has led to a shift from China to a number of countries, primarily in the Indian Ocean region, of industrial production based on relatively low technologies. Thus, China received a second incentive to build up relations in the continental part of Eurasia and in the Indian Ocean zone. Both processes are generally successful. They predetermined the beginning of deep cooperation between states close to China. The best form for international cooperation based on the data of geopolitical trends was, first of all, the Shanghai Cooperation Organization.

Key words: China, geopolitics, BRICS.

Долгосрочные геополитические тенденции, в рамках которых приходится определять свою стратегию развития Китаю, в основном связаны с экономикой.

1. После 2009 года в КНР взят ясный курс на превращение всей национальной территории в основной драйвер развития экономики страны. В отличие от предыдущих 30 лет, когда ставка делалась на экспортоориентированность приморских провинций. Емкость внутреннего рынка, то есть потребления, также стал одним из главных приоритетов экономической политики страны. Этот курс реализуется успешно. И вместе с ним возрастает значение высокотехнологичных отраслей экономики. Китай переходит к прямой конкуренции с ведущими экономиками планеты вместо прежнего курса на встраивание в них в качестве «мировой мастерской».

Ответные программы стратегического развития ведущих на планете стран и сообществ стран напоминают новый китайский курс: новая индустриализация в США, попытка стимулировать рост науки технологий и глобальной конкурентоспособности в ЕС, меры по стимулированию индустрии на новой технологической основе в Японии. Превращение национальной территории КНР в основной источник экономического развития в условиях нарастания глобальной кон-

курении с ведущими экономическими центрами планеты привело к росту потребностей Китая в экспорте сырья из тех регионов, где его добыча по тем или иным причинам особенно рискованна: из Африки, российской Сибири и Дальнего Востока, Центральной Азии, ряда стран Латинской Америки.

Создание инфраструктуры для экономического взаимодействия с этими странами, а также просто со странами по всему периметру своих границ стало одним из особых новых приоритетов внешней политики КНР. Морской и сухопутный Новый Великий Шелковый Путь, Китайско-Пакистанский Экономический Коридор, сеть новых транспортных коридоров в Юго-Восточной Азии – наиболее важные из этих программ КНР. Попытки КНР осесть в зоне Панамского канала, суэцкого канала, закрепиться в Южно-Китайском море вблизи от Малаккского пролива – также от этого. Все эти проекты оживились именно после 2009 года.

Сближение КНР с Россией, активизация Китая в Африке и Латинской америке, на Ближнем Востоке вызвано этим же.

2. Переход КНР к увеличению емкости внутреннего рынка и росту потребления населения привел к ликвидации дешевой рабочей силы в приморских провинциях КНР. И к перспективе ликвидации дешевой рабочей силы в центральных и западных провинциях.

Тем самым резко ослаблено одной из ключевых конкурентных преимуществ Китая в ходе 30 лет реформ – дешевая рабочая сила для работы на индустриальных экспортоориентированных производствах. Иностранный капитал, а также ки-тайский капитал, который использовал дешевый труд китайских рабочих с относительно низкой квалификацией, начал уходить в ряд стран, где созданы условия для догоняющего развития, напоминающие те, которые были созданы в приморских провинциях КНР с 1979 года.

Сочетание факторов, вызвавших успешное догоняющее развитие КНР хорошо известно:

- дешевая рабочая сила, готовая работать в индустриальном производстве,
- жесткая политическая власть в стране, гарантирующая инвесторам политическую нестабильность,
- открытые для экспортных производств рынки развитой части планеты, прежде всего ЕС, США, Японии,
- приморское расположение зон ускоренного развития для минимизации транспортных издержек,
- наличие капитала, заинтересованного в инвестировании в индустриальное производство.

После 2009 года усилилось смещение индустриального развития относительно невысокого технологического уровня в страны, где есть такое сочетание факторов. Ими стали прежде всего:

- Мексика, Перу, Колумбия, некоторые страны Латинской Америки;
- страны АСЕАН. И прежде всего Индонезия. Мьянма, Камбоджа;
- страны южной Азии: Бангладеш, Шри Ланка, некоторые приморские регионы Индии, Пакистан;
- ряд стран Африки, расположенных на побережье или вблизи побережья Индийского океана: Кения, Танзания, Эритрея, Эфиопия, Уганда;

– пытаются воспользоваться новой выгодной экономической конъюнктурой и некоторые страны Центральной Азии. Прежде всего казахстан, Киргизия, таджикистан. Не все эти страны в состоянии обеспечить политическую устойчивость на своей территории и время от времени выпадают из сети догоняющего индустриального развития. но в целом китайская модель развития 1979-2009 сместилась к ним. Иностранном капиталом, который готов к инвестициям в индустриальный сектор этих государств, выступает во многом китайский капитал. Точно так, как в приморские специальные экономические зоны после 1979 года пришел прежде всего капитал хуацяо из Юго-Восточной Азии, Тайваня и Гонконга, так и сейчас этот обогащенный опытом работы по данной экономической модели идет в страны прежде всего по побережью Индийского океана.

Вместе с ними в эти страны приходит и капитал собственно континентального Китая, нарастивший свою мощь в рамках данной модели развития. Идет в эти страны и капитал из стран ЕС. Японии, ряда государств Персидского залива, Индии, Тайваня, Южной Кореи, который в ином случае оседал бы скорее в прибрежных провинциях КНР.

Таким образом у КНР появился второй важный стимул к наращиванию своего присутствия вне национальных границ, помимо возросшей потребности в импорте сырья. Это – защита интересов китайского капитала и аффилированных с ним бизнес-групп в странах, куда сместилось из прибрежных провинций КНР относительно не высокотехнологичное индустриальное производство.

Наиболее важным в этом плане для КНР стал регион Индийского океана. Здесь у КНР переплетается все:

- интерес к сырью,
- транзиту товаров в страны ЕС,
- обеспечение возможностей для своих инвестиций в индустриальное производство.

В регионе Индийского океана на базе благоприятной экономической конъюнктуры идет формирование потенциально сильных конкурентов КНР, что усиливает интерес Китая к региону.

3. В рамках описанных двух экономических тенденций, которые порождают новые геополитические процессы, важные для Китая, уже определились несколько ключевых новых экономических проектов. они создают костяк новой геополитики Китая в регионе Индийского океана и Евразии. Это, прежде всего, “Большая сделка” КНР и Ирана 2021 года, в результате которой КНР получила возможность инвестировать в индустриализацию Ирана более 200 млрд долларов. А также КНР становится стабильным важным покупателем больших объемов иранской нефти.

– Похожая “большая сделка” России и Ирана 2022 года. В рамках этой сделки Россия и Иран резко форсируют экономическое взаимодействие, включая развитие транспортного коридора Север-Юг, который имеет выход на Новый Великий Шелковый Путь.

– Китайско-Пакистанский Экономический коридор с объемом потенциальных инвестиций в транспортную инфраструктуру и в индустриальное производство свыше 100 млрд долларов.

– Транспортные коридоры КНР и инвестиции в индустрию и энергетику в Мьянме.

– Успешное стимулирование Китаем примирения и сближения между собой Ирана и Саудовской Аравии, Египта, Турции.

Эти сделки, выстраиваются на прочном понятном долгосрочном экономическом фундаменте и создают новый костяк всей системы международных отношений между ключевыми странами. Так, Иран и Саудовская Аравия объявили о начале процесса примирения под эгидой КНР после многих десятилетий региональной конфронтации. Началось сближение Ирана и Пакистана. Афганистан после прихода к власти талибов оказался окружен координирующими между собой политику относительно него странами, которые имеют особо тесные отношения с Китаем. И Афганистан был удержан от глубокого политического кризиса, который был возможен в ходе изгнания оттуда войск США силами Талибана. Произошел еще ряд подобных процессов между разными странами региона, которые являются международным проявлением новой экономической и геополитической картины, складывающейся в регионе Индийского океана.

Новая система заинтересованностей стран друг в друге в этом регионе диктует необходимость углубления сотрудничества между ними. Тем более, что перспективы ускоренного развития КНР и связанных с КНР стран вызывают естественное противодействие со стороны США и ряда их союзников.

Особое значение для Китая приобретает развитие сухопутных коридоров к Индийскому океану и к ЕС в обход Малаккского пролива. А также – развитие сотрудничества Китая и его ключевых партнеров в Евразии в области региональной безопасности.

Естественной формой для сближения стран, которые все более связываются с КНР в экономической сфере, выступило сотрудничество в рамках ШОС. Также происходит усиление значения БРИКС вплоть до переговоров по созданию единой валюты БРИКС.

Происходит важнейшее расширение ШОС за счет стран Ближнего Востока. К ШОС проявляют интерес все новые государства региона Индийского океана.

ШОС на этом этапе не превращается в альтернативный Западу блок. Но ШОС приобретает элементы такого блока в ходе наращивания внутреннего сотрудничества между странами, входящими в него. И это является одной из главных геополитических тенденций, в рамках которых сейчас развивается внешняя политика КНР и сама КНР.

В том же направлении, но медленнее в силу большего охвата разных стран, чем ШОС, развивается и БРИКС.

Таким образом, глубокий сдвиг в экономической политике КНР, происшедший в 2009 году, является естественным этапом в развитии Китая по пути экономических реформ, начатых в 1979 году. Этот сдвиг стимулировал развитие в Евразии и регионе Индийского океана новых политических и экономических тенденций, которые допустимо называть геополитическими. Совокупность новых геополитических тенденций создала долгосрочную рамку необходимых и возможных шагов Китая и сблизившихся с ним стран по пути углубления регионального и двустороннего сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулинцев, Ю. В. Стратегия развития ШОС и концепция «Экономический пояс Шелкового пути»: интеграционный потенциал культурно-гуманитарного сотрудничества / Ю. В. Кулинцев / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – Выпуск XXIV : ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. – М.: ИДВРАН, 2019. – Режим доступа: https://www.ifesras.ru/images/abook_file/kitmir_2019.pdf. – Дата доступа: 26.07.2023.
2. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства: монография / под ред. С. Г. Лузянина, Е.И. Сафроновой. М.: ИДВ РАН, 2015. – Режим доступа: https://vk.com/doc358527_437036230?hash=LKDHGY8iwqo5Kb5LkOoLm4y56zY1nDZCGauqHZehpjg&dl=34CL00XtkAeX6Pf2vdUg3TQ9Zr68izSzFPzzWmWzBAz. – Дата доступа: 26.07.2023.
3. Быков, А. И. Экономическое сотрудничество в рамках ШОС: основные направления и перспективы развития: монография / А.И.Быков. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 232 с.
4. Алимов, Р. К. Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы / Р. К. Алимов. – М.: Весь Мир, 2017. – 336 с.
5. Кокошина, З. А. Шанхайская организация сотрудничества и интересы национальной безопасности России / З.А. Кокошина. – М: URSS. 2016. – 104 с.

УДК378:654.197

ШИ ЦИНЬЮАНЬ SHI QINYUAN

МЕДИЙНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В РАМКАХ ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»

В статье рассматривается медийное обеспечение партнерских отношений Республики Беларусь и Китайской Народной Республики на примере информационных агентств Синьхуа и БелТА, формирование образов государств в текстах ведущих информационных агентств двух государств в рамках проекта «Один пояс – один путь». Используется контент-анализ текстов за 2020–2021гг., посвященных взаимодействию и сотрудничеству обоих государств в данной области.

Ключевые слова: медиа, новости, международное сотрудничество, мега-проект «Один пояс – один путь», информационное агентство, Синьхуа, БелТА.

MEDIA SUPPORT OF CHINA AND BELARUS PARTNERSHIP IN THE FRAMEWORK OF THE "ONE BELT ONE ROAD" POLICY

The article deals with the issue of media support for partnership relations between the Republic of Belarus and the People's Republic of China within the framework of the One Belt One Road project. The author uses a comparative content analysis to identify the features of the coverage of the project by the news agencies BelTA and Xinhua.

Key words: mass media, news, presentation of the topic, international cooperation, «One Belt One Road» initiative, national news agencies, Xinhua, BelTA.

Образ государства формируется благодаря представлениям, которые складываются под воздействием внутренних и внешних факторов. Чжао Вэй считает, что помимо проявления жесткой силы, государство использует так называемую «мягкую силу», формируя представления о себе посредством социальных, культурных связей. Одним из инструментов функционирования такой силы являются СМИ [10, с. 17]. Основой функционирования системы медиа любого государства выступают национальные информационные агентства. Как отмечает В. В. Ворошилов, «информационные агентства – это традиционные СМИ, которые предоставляют довольно обширный спектр услуг по сбору, созданию, предоставлению и обработке информации. Они являются источниками новостного материала для других средств массовой информации» [2, с. 73].

Инициатива создания морского и сухопутного Шелкового пути, предложенная Си Цзиньпином в 2013 г., стала мощным инфоповодом, который подхватили информационные агентства разных стран. «Один пояс – один путь» в условиях современности является одним из главных связывающих/связующих факторов для Европы и Азии.

Проблематика проекта широко представлена в различных исследованиях, среди которых обращают на себя внимание работы как экономико-политической (А. А. Пименова, В. А. Сокол, А. Ф. Чернова и др.), так и социальной направленности (Кашевич А. Г., Ли На, Ли Шуцзе и др.).

Одним из первых государств, которое оказало всестороннюю поддержку инициативе «Один пояс – один путь», была Республика Беларусь. С момента начала сотрудничества между государствами было подписано более 70 соглашений. Эмпирической базой для нашего исследования послужили материалы, опубликованные данными агентствами с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2021 г. Информационным агентством БелТА за указанный период было опубликовано 17 сообщений (5 в 2020 г. и 12 в 2021 г.), информационным агентством Синьхуа – 30 (все опубликованы в 2021 г.). В 2020–2021 гг. значительным фактором, оказавшим влияние на развитие инициативы, стала пандемия Covid-19, получившая широкое освещение в СМИ наших государств.

Белорусское медиа в обозначенный период сосредоточило внимание на строительстве индустриального парка «Великий камень» (4 сообщения): «Парк инновационного периода: как строят "Великий камень"» (04.06.2020)», «Минэкономики прокомментировало указ о развитии "Великого камня"» (04.07.2021). Кроме того, освещалась тема вакцинации от Covid-19: «В Беларусь из Китая доставили 1,1 млн доз вакцины против COVID-19» (14.12.2020).

В свою очередь, китайское информационное агентство в данный период посвятило сотрудничеству Китая и Беларуси, к примеру, следующие публикации: «Эксклюзив: Беларусь уделяет серьезное внимание совместному с Китаем развитию научно-технических разработок и реализации инновационных стартапов – белорусский эксперт» (05.09.2021), «Эксклюзив: Китай и Беларусь поддерживают неизменную дружбу – Н. Иванова» (05.01.2021), «Беларусь открыла генеральное консульство в Чунцине» (15.01.2021). В то же время в связи с эпидемией Covid-19 актуальной была тема вакцинации: «В Беларусь из Китая прибыла вторая партия гуманитарной помощи вакцины против COVID-19» (11.05.2021).

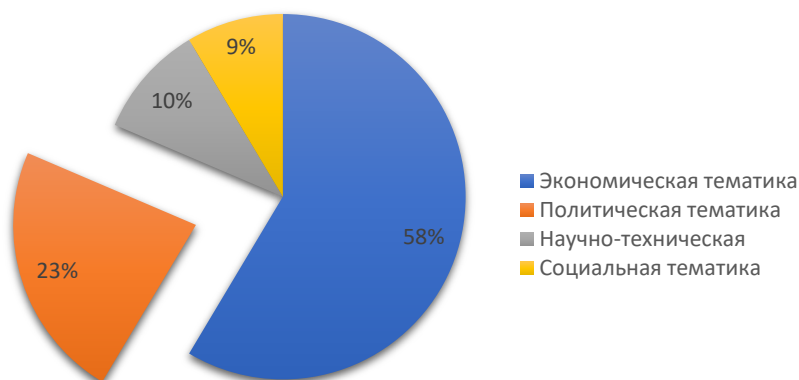

Рисунок 1 – Тематический контент публикаций БелТА

Тематический контент публикаций в 2020-2021 гг. представлен на рисунке 1 (БелТА) и рисунке 2 (Синьхуа).

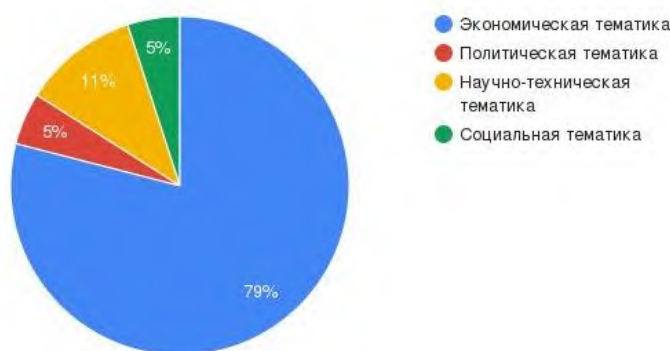

Рисунок 2 – Тематический контент публикаций Синьхуа

Таким образом, основной сферой, которую освещали в 2020–2021 гг. БелТА и Синьхуа является экономика (79 % и 58 % соответственно), далее – научно-техническая тематика (11 % и 10 %). Большинство сообщений связано с развитием индустриального парка «Великий камень». Для агентства Синьхуа также важной была и социальная сфера (9 %), в частности вопросы, касающиеся транспортировки вакцины от ковида.

Контент медиа, выступающий объектом для данного исследования, является не только средством распространения актуальной информации, но и инструментом формирования общественного мнения. Так, Чжу Юншэн отмечает, что социальные оценки могут транслироваться как эксплицитно, так и имплицитно, посредством отбора фактов и создания новости [11]. В свою очередь, Дж. Мартин утверждает, что при анализе текста необходимо учитывать важность идеологического фактора. Вместе с Р. Уайтом они создали глоссарий позитивной и негативной оценки. На основе этого, нами были обозначены языковые маркёры, выражающие негативную и позитивную оценку государствами друг друга [3; 13].

Отметим, что лексика с позитивной коннотацией в проанализированном материале используется весьма с высокой частотой. Так, в ходе исследования нами было выявлено, что в первую очередь употребляются слова, связанные с темой сотрудничества: сотрудничество (1359 раз), развивать (702), новый (556), самый (465), важный (65), партнер (73), активно (96), укреплять (86), современный (56), поддерживать (26), повыситься (22), взаимовыгодный (21), расширять (16), стратегический партнер (15), рост (10), всеобъемлющее стратегическое партнерство (20), привлекать (13), друг (76) и др. Например: «*Сотрудничество наших государств принесет плоды...*» (07.08.2020, БелТА); «*Республика Беларусь уже долгое время является стратегическим партнёром Китайской Народной Республики...*» (03.12.2021, Синьхуа); «*наблюдается рост...*» (07.05.2021, БелТА). Это характерно для контента как агентства БелТА, так и Синьхуа.

В то же время в некоторых журналистских текстах присутствуют маркёры, указывающие на критическое отношение к определенным вопросам: проблема (23 раза), трудность (10), вызов (19), угроза (2), кризис (1). Приведём следующий пример: «*Наши государства столкнулись с вызовами со стороны мирового сообщества...*» (07.04.2021, Синьхуа); «*Трудности преодолимы...*» (12.04.2021, Синьхуа). Отметим, что слова с нейтральной и негативной коннотацией чаще

употребляются агентством Синьхуа. Данные аспекты относятся преимущественно к теме перспектив развития индустриального парка «Великий камень».

Как показывает исследование, информационное агентство БелТА формирует образ КНР как надежного стратегического партнера, страна рассматривается как платформа для развития совместных проектов. В то же время информационное агентство Синьхуа формирует образ Республики Беларусь как друга и важного партнера в международных отношениях.

Таким образом, в 2020–2021 гг. освещение темы партнерских отношений Китайской Народной Республики и Республики Беларусь было недостаточно активным. Это связано с тем, что на повестке были темы, актуальные для мирового сообщества, к примеру, борьба с пандемией Covid-19. Инициатива «Один пояс – один путь» освещалась в аспекте экономического, политического, социального и научно-технического сотрудничества. Для Беларуси Китай представляется важным стратегическим партнером и платформой для развития, в то время как Беларусь для Китая – друг и партнер. В материалах БелТА подчеркивается, что Китай готов разрабатывать новые совместные проекты в различных сферах, акцентируется внимание на активном развитии уже существующего масштабного проекта «Великий камень».

Таким образом, в рамках инициативы «один пояс – один путь» на протяжении ряда лет между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой достигнуты плодотворные результаты в разных сферах, в том числе инфраструктуре, торгово-экономическом развитии, культурных обменах и промышленной связи, что находит свое отражение в материалах информационных агентств БелТА и Синьхуа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь и Китай на фоне общего снижения мировой экономики сохранили свою динамику – эксперт // БелТА [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/belarus-i-kitaj-na-fone-obschego-snizhenija-mirovoj-ekonomiki-sohranili-svoju-dinamiku-ekspert-428427-2021/>. – Дата доступа: 27.11.2022.
2. Ворошилов, В. В. История журналистики зарубежных стран / В. В. Ворошилов. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2000. – 254 с.
3. Го Лицзюнь. Инициатива «Один пояс – один путь» в новостном дискурсе ведущих СМИ Республики Беларусь / Го Лицзюнь, Цзюй Чуанья // Политическая лингвистика. – 2021. – № 4 (88). – С. 116–127 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/initiativa-odin-poyas-odin-put-v-novostnom-diskurse-veduschih-smi-respubliki-belarus>. – Дата доступа: 27.11.2022.
4. Гришкевич, А. Развитие отношений с Китаем является стратегическим направлением внешней политики Беларуси / А. Гришкевич // БелТА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/razvitie-otnoshenij-s-kitaem-javljaetsja-strategicheskim-napravleniem-vneshnej-politiki-belarusi-412843-2020/>. – Дата доступа: 27.11.2022.
5. НАН Беларуси заинтересована в приобретении китайского опыта по продажам научных разработок // БелТА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://atom.belta.by/ru/news_belta/view/nan-belarusi-zainteresovana-v-priobretenii-kitajskogo-opyta-po-prodazham-nauchnyh-razrabotok-5598. – Дата доступа: 03.05.2021.
6. Официальный сайт БелТА // БелТА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by>. – Дата доступа: 27.11.2022.
7. Пименова, А. О. «Один пояс – один путь» как глобальный экономический проект Китая / А. О. Пименова // Концепт: науч.-методич. электр. журнал. – 2020. – № 05 (май). – 0,4 п.л. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2020/203011.htm>. – Дата доступа: 28.12.2022.

8. Сокол, А. В. Об эволюции проекта «Один пояс – один путь» / А. В. Сокол [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:5I0AbsvZiPwJ:https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/270296/1/2733.pdf&cd=1&hl=r&u&ct=clnk&gl=by>. – Дата доступа: 22.01.2023.
9. Чернова, А. Ф. «Один пояс – один путь»: новые возможности развития / А. Ф. Чернова // *Via in tempore. История. Политология*. – 2019. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/odin-poyas-odin-put-novye-vozmozhnosti-razvitiya>. – Дата доступа: 22.01.2023.
10. Чжао Вэй. Имидж государства : риторическое конструирование и распространение / Чжао Вэй. – Шанхай : Сюэлинь чубаньшэ, 2018. – 118 с.
11. Чжу Юншэн. Идеология в дискурсе и социальная ответственность лингвистов / Чжу Юншэн // *Современные исследования иностранных языков*. – 2010. – № 10. – С. 25–28.
12. Чэнь Сяодзяо. Освещение темы «Один пояс – один путь» в национальных СМИ Китая (на примере «Жэньмин Жибао» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/272858>. – Дата доступа: 22.01.2023.
13. Martin, J. R. Grammaticalizing ecology : the politics of baby seals and kangaroos / J. R. Martin. – Text : unmediated // *Semiotics, Ideology, Language*. – Sydney : Sydney Association for Studies in Society and Culture (Sydney Studies in Society and Culture 3), 1986. – P. 225–268.
14. 白俄罗斯表示将在物流方面推动与“一带一路”倡议对接 / Xinhua news [Electronic resource]. – 2021. – Mode of access: http://www.xinhuanet.com/2021-01/01/c_1126937737.htm. – Date of access: 29.11.2022.
15. 魏忠杰 李佳, 专访: 白俄罗斯愿与中国加强“一带一路”合作 — 白俄罗斯驻华大使先科 / 魏忠杰 李佳 // Xinhua news [Electronic resource]. – 2021. – Mode of access: http://www.xinhuanet.com/silkroad/2021-03/13/c_11272066. – Date of access: 29.11.2022.

УДК 792.09

Е. К. ШУЛУНОВА Е. К. SHULUNOVA

ТЕАТР И ЮБИЛЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ

В 2021 году критика и зритель стали свидетелями важных событий в жизни китайского театра – столетие Коммунистической партии Китая. Главной темой театральных мероприятий, которые можно классифицировать в рамках культурных и политических категорий, стало осмысление столетнего пути китайского сценического искусства.

Ключевые слова: Китайский театр, КПК, драма, фестиваль, смотр, онлайн-постановки.

THEATRE AND ANNIVERSARY OF THE CHINESE COMMUNIST PARTY

In the year of 2021, the critics and the audience witnessed important events in the life of the Chinese theater – The Anniversary of the Chinese Communist Party. The year 2021 is an important one in the history of the Chinese Communist Party and the country. As part of the anniversary date, the theater festivals were held in China. The main theme of the theater events, which can be classified within cultural and political categories, was the comprehension of the centenary path of Chinese stage art.

Key words: People`s Republic of China, Communist Party of China, theater, festival, review, online productions.

В 2021 году исполнилось 100 лет Коммунистической партии Китая. Создание в марте 1930 года федерации «Движение драматургов Шанхая» (上海戏剧运动联合会), в августе того же года реорганизованной в «Лигу левых драматургов Китая» (中国左翼戏剧家联盟), стало знаковым событием для сценического искусства страны и руководства театральным движением КПК. В 1932 году известный драматург Тянь Хань вступил в Лигу и внес важный вклад в ее развитие. Деятельность китайского театра неотделима от работы партии, истории

КНР. «Ситуация культуры получает свое отражение в содержании зрелища. Игра как существенная сторона культуры также претерпевает определенные изменения на разных исторических этапах развития общества, которые каждый раз вносят коррективы в ее содержание» [6, с. 114]. Важные исторические периоды, события и исторические личности на протяжении столетней истории КПК нашли свое отражение на сцене китайского театра. Последний всегда стремится идти в ногу с современным историческим процессом, находится в непрерывном развитии. В современных условиях определенного художественного спроса, изменившегося уровня художественного знания, рыночной экономики, технического прогресса глобальные социальные перемены не могут не сказаться на эстетике современного сценического искусства Китая, театр претерпевает значительные перемены. Китайские драматурги и режиссеры, одни сами, другие поневоле своим творчеством стали служить государственной идеологии, КПК. Политическая конъюнктура в XX веке иногда не способствовала созданию хороших сценических произведений. В конце 40–50-х годов в КНР сочинялись популяризовавшие власть пьесы, отличавшиеся плакатностью, утрированной дидактичностью и искажением действительности. Эти работы канули в историю с уходом периода, породившего их. Теперь перед китайскими авторами стоит задача сделать более значимым свое художественное наследие, не изменяя культурный код нации, создавая понятные, актуальные, интересные для разных поколений зрителей постановки, несмотря на некоторую утрату независимости.

В Китае в сфере культуры и искусства в 2021 году прошел ряд праздничных мероприятий, приуроченных к юбилейной дате Коммунистической партии Китая. В марте того же года в Пекине начался VI драматический фестиваль, организаторами которого выступили Китайский государственный драматический театр и администрация района Сичэн города Пекина. В программу фестиваля, впервые состоявшегося в 2015 году, включили 22 работы, из которых 10 спектаклей – постановки малой формы [11]. Все постановки в период с марта по август 2021 года сосредоточились только на театральных сценах Пекина, что обусловлено мерами по профилактике коронавируса.

Несмотря на сокращение масштаба фестиваля, выделили три основные темы: «В честь 100-летия основания Коммунистической партии Китая» (献礼中国共产党成立 100 周年), «В борьбе с эпидемией» (疫), спектакли малой формы («Двое в переулке» (胡同里的他俩), «Сладкое» (点心), «Собака все еще лает» (狗还在叫), «Мужчина-няня» (男保姆), «Мерцание» (微光), «Ода матери» (母亲颂).

Спектакли, вошедшие в первый раздел, представляют своего рода обзор деятельности КПК. Немалым спросом у китайского зрителя пользуются отсылки к прошлому, истории страны, которые драматурги и режиссеры представляют, как поиск жизненных ценностей, высшей идеи, веры в самобытность китайской культуры.

Зрителям показали спектакли на революционную тематику: «Отец Ли Дачжао» (父亲·李大钊), кукольный спектакль «Рядовой Чжан Га. Фантазия» (小兵张嘎·幻想曲) и другие. Постановка «Отец Ли Дачжао» ярко и трогательно рассказывает о жизни одного из основателей КПК Ли Дачжао, о его семье, детях. Ключевые идеи драмы, которая носит дидактический характер – возврат в прошлое, воссо-

здание атмосферы минувших лет. Для режиссера важным является сохранение чувства истории как памяти. Как отмечает Бертольт Брехт, в театре наряду с назидательностью всегда есть место для веселья и радости: «Театр остается театром, даже будучи поучительным, а если он к тому же хороший, тогда он служит и развлечению» [2, с. 72].

Как и в XX веке, для драматического театра Китая и по сей день остается значимой категория реализма, являющаяся важным условием художественного постижения реальной действительности, ее анализа. Теоретик Бернар Дорт, развивая мысль о задаче театра, роли режиссера, актера, говорит о том, что следует концентрироваться на значительном: «Не представлять текст или организовывать перформанс, а быть критикой в действии самого процесса означивания» [8, с. 173]. Драммы, которые относят к реалистическим («Новая молодежь в деревне» (村里新来的年轻人), «Золотой тополь» (金色的胡杨), «Северный двор на улице Баркхор» (八廓街北院), «Весенний прилив» (春潮), «Вторая чаша Чанъани» (长安第二碗), «Эпоха метрополитена» (地铁时代), «Созерцание» (三昧)) показывают происходящие изменения в мире, в частности, и те, что произошли последние три года, обуславливают новые отношения человека и реальности. Эти перемены изменяют сложившиеся системы мировосприятия. Пьеса «Новая молодежь в деревне» (村里新来的年轻人, 2020) рассказывает о решительной борьбе с бедностью, о создании благополучного китайского общества, о китайском чуде. Городская девушка Сунь Цяньцян уезжает из города в деревню Фэнси. Она решает стать первым секретарем деревни, не испугавшись бедности, на грани которой находятся жители села, тщательно проводит маркетинговые исследования и с учетом климатических особенностей местности деревни начинает развивать плодовую отрасль, успех работы питомника «Ароматная груша Юлу» стал очевиден. Зрителям счастливая развязка незамысловатой истории понравилась. Спектакль нельзя назвать элитарным, но его художественный язык, эмоциональный уровень, идея отвечают вкусу определенной части китайского общества.

Постановки о борьбе с эпидемией демонстрируют усилия всего китайского общества по противодействию коронавирусу: «Люди прежде всего» (人民至上), «Голубь» (鸽子), «Северная улица. Южный двор» (北街南院). В связи с эпидемией произошли большие изменения в мире и, конечно, в мире театра. В XX веке в китайской драме доминировало реалистическое изображение действительности, сегодня картина мира отличается от ранее существовавшей – сценическое искусство не может создавать только реалистические произведения. Модернистские, авангардные или постмодернистские пьесы современных китайских авторов, сочетая в себе новые и классические приемы, демонстрируют социокультурный контекст современного периода. Социокультурное значение спектаклей на тему пандемии заключается в попытке сохранения духовных ценностей, напоминании о ценности человеческой жизни, нравственных мотивах.

«Люди прежде всего» (сценаристы Лю Цзиньни 刘金妮, Шу Ици 数易其, режиссер Ли Бонань 李伯男) – это первая драма на тему эпидемии, она поставлена Китайским государственным драматическим театром (中国国家话剧院). Образы персонажей драмы (главврача Уханьской больницы Ли Хунъюя, приехавшего в очаг эпидемии чунцинского врача Сяо Чжицзя и репортера Чэнь

Цзяня, а также волонтеров, пациентов, медсестер) помогают автору воссоздать историю борьбы с эпидемией, рассказать о самоотверженности, настойчивости, силе духа, сплоченности китайской нации.

В VI драматическом фестивале, приуроченном к 100-летию создания КПК, включают в репертуар студенческих сценических работ. В рамках данного фестиваля был добавлен также и онлайн-модуль показа постановок, благодаря чему количество зрителей значительно увеличилось. Сочетание онлайн-студий и компьютерных технологий в настоящий период способствует развитию сценического искусства Китая.

Китайский драматург, режиссер, руководитель Китайского государственного драматического театра Тянь Циньсинь (田沁鑫) обращает важное внимание на методы, приемы, форму, открывающие новые горизонты сценическому, драматическому искусству – глобальной сети интернет. По мнению Тянь Циньсинь, сегодня деятели литературы и искусства непременно должны уметь использовать современные технологии и идти в ногу со временем. «Искусство сегодня не только музейный экспонат, но и актуальная художественная практика, питающая художественные потребности. В этих процессах свою роль сыграют и компьютерные технологии, дающие художникам новые возможности позиционировать себя в информационном поле искусства как художникам» [4, с. 29]. Сценическое искусство, вступая в новое время интеграции разных областей с медиа пространством, создает новые спектакли иной формы, иногда с неожиданным содержанием, прибегает к новым приемам и методам. Деятели искусства, как советует Тянь Циньсинь, следует внимательнее относиться к современным процессам. В своих работах она активно обращается к новаторским сценическим методам, с помощью которых показывает зрителю истории людей, китайскую жизнь, передавая тем самым атмосферу самобытности, демонстрируя образность, символичность китайской эстетики, многогранность метафорических пониманий.

Для сохранения национальной памяти и китайской традиции, включения их в контекст современной культуры недавнее прошлое страны подвергается коммерциализации, популяризации, цифровизации. «В нашу эпоху, эпоху грандиозных переворотов, человеческие взаимоотношения подвергаются серьезным испытаниям ... Новая публика накладывает на него (*на театр – Е.Ш.*) обязательство и дает ему привилегию... распространять свежие идеи и социалистические импульсы. Он должен это делать в прекрасной доставляющей радость манере, должен для решения этой новой задачи проверить и усовершенствовать свои художественные средства» [2, с. 436]. Бертольд Брехт чуть меньше века назад утверждал, что театр должен решать определенные задачи, приносить новые мысли, не только учить, а и развлекать. Для китайского сценического искусства эти аспекты в настоящее время представляются исключительно важными.

Тянь Циньсинь руководила подготовкой к театральному смотру «Красный сезон» (红色演出季), также приуроченному к столетию основания КПК. Спектакли Тянь Циньсинь, показанные на смотре – «Ротная партиячейка» (支部建在连上), «Той ночью в Саньване» (三湾, 那一夜), «Гу Вэньчан» (谷文昌), «Эпоха героев» (英雄时代) – открывают страницы истории коммунистической партии для

всех поколений китайцев и особенно для молодого зрителя. Благодаря разнообразию технических инновационных приемов: использованию звуковых и световых систем, а также иммерсивности, синтезу драматического и пластического, музыкального, документального театра театральное искусство Китая развивается, вступает в цифровую эпоху, старается не допустить ухода от своей традиции.

В последнее время в связи с быстрым развитием Интернет-технологий в китайском театре приобретают широкое распространение «онлайн-студии». События конца 2019 и 2020 годов (введенный карантин, борьба с эпидемией коронавирусной инфекции) определенно ускорили тенденцию интеграции онлайн- и офлайн- видов сценического искусства. Тянь Циньсинь была одной из первых режиссеров, кто стал активно использовать формат онлайн-постановок, однако и другие авторы обращаются к инновационным методам, освещая исторические темы. Например, метод «театр плюс телевидение» (戏剧+电视) используют в проекте «Китай в классических трудах» (典籍里的中国). Недавно запущенный проект транслировался в онлайн-формате и был с интересом принят аудиторией. Согласно последним статистическим данным, количество его онлайн-просмотров превысило 140 млн. Данная попытка продемонстрировала положительный результат обращения к новому методу в театре, но полностью переходить на виртуальные онлайн-перформансы представляется явлением неоднозначным. В этой связи обратимся к высказыванию С. С. Хоружего: «виртуальная коммуникация... принципиально не может достигать насыщенной полноты подлинного общения во всех его измерениях» [5, с. 47]. Полное обращение к этому виду представлений может привести со временем к дефициту человеческого общения.

В некоторых постановках на коммунистическую тематику документальное начало объединяется с драматическим. В них не только воссоздана историческая эпоха, открывающееся на нескольких уровнях пространство не может не вызывать рефлексии у зрителя. Обращение к минувшим страницам истории страны – одна из основных театральных тем событий сценического искусства прошлого года, в которых передаются картины прежних времен, оживают исторические образы. Прошлое, которым посвящены спектакли на коммунистическую тему, показано режиссерами как близкое настоящему, произведения не лишены художественной оригинальности. Очевидно следующее – исторические темы на сцене актуальны в Китае, пользуются спросом не только в этот юбилейный год. Одни авторы обращаются к истории, с предельной точностью выстраивая образы персонажей и воссоздавая костюмы и декорации, другие при изображении героев и событий синтезируют документальные материалы и художественный вымысел режиссера.

В спектакле «Ночью в Сяншане» (香山之夜), поставленному по пьесе Ли Баоцюня (李宝群) режиссер Жэнь Мин (任鸣) помещает в одно временное пространство Мао Цзэдуна и Чан Кайши. Мао находится на вилле в Сяншане, а Чан Кайши в Сикоу (Чжэцзян). Герои ведут диалог вне времени и пространства, но точкой отсчета выступает 23 апреля 1949 года, когда НОАК форсировала реку Янцзы и освободила город Нанкин. Перед зрителем разворачиваются сцены из истории государства: революция, борьба партии, поражение гоминьдановского

правительства, успех народного революционного режима. В спектакле задействованы два актера, но они играют несколько ролей: двух политических деятелей, двух актеров, двух журналистов. В роли самих себя они рассказывают залу о своих переживаниях и чувствах, испытанных во время репетиций; перевоплотившись в журналистов, актеры анализируют, рассказывают историю Китая. Герои пьесы стремятся преподнести исторические факты со своей точки зрения, создавая возможность рефлексии: «актер... в одно и то же время разрушает и создает знаки» [8, с. 173 – 184]. Обращение режиссера к «эффекту отчуждения» по Брехту увеличивает драматизм постановки, обогащает сценическое восприятие и дает зрителю возможность быть не просто вовлеченным в действие, но и логически подумать над содержанием произведения.

Пьесы на коммунистическую тему рассказывают о судьбах людей в годы войны. Например, спектакль «Тихая гавань» (无风地带, драматург Ян Цзиньфэн (杨锦峰), режиссер Ван Сяоин (王晓鹰) охватывает исторический период от русско-японской войны 1905 года до основания КНР в 1949 году. Действие происходит в Даляне. Тема борьбы с японскими захватчиками за национальное освобождение проходит через всю пьесу красной нитью, затрагивая судьбу молодых героев Хуа Юньэр, Ся Цзыцзинь и Чан Хай. Постановки показывают определенную эпоху Китая с разных точек зрения: многолетняя история, достижения КПК, формирование личности и развитие страны. Спектакли на данную тему демонстрируют революционную борьбу, объединяя в себе традицию пьес с идеологической линией, знакомят молодое поколение с историей. Инновации, используемые в современных постановках, способствуют самовыражению китайской драмы в условиях настоящего времени.

Подводя некоторые итоги, можно сделать вывод о том, что в социокультурном пространстве последнего столетия китайское сценическое искусство всегда было и остается социальным заказом государства. Театр в КНР рассматривается как инструмент идеологии и политики. В конце 20 – начале 21 веков этот подход начинал меняться – китайский театр получил развитие, некоторую самостоятельность. Однако после 2014 года, разделившего на 2 периода предыдущее настоящее время, по существу, исчезли независимые театральные смотревые фестивали, где могла выражаться критика китайской действительности. Театр является одной из многочисленных составляющих институтов культуры и может отражать мир в целом, он позволяет, как утверждает И. Биррингер, показать, «как мы видим, что мы, возможно, готовы увидеть или что мы воображаем, будто должны или не должны видеть в соответствии с условностями и границами наших картин реальности» [7, с. 29]. В настоящий период перед китайским театром, на формирование которого оказали большое влияние традиции китайского сценического искусства, западный театр, социально-экономические, политические события страны, стоит задача сохранения системы культурных ценностей. В целях сохранения этой системы в современных экономических условиях китайское сценическое искусство стремится не только адресовать свои произведения современному зрителю, но и сохранить присущий китайскому искусству определенный культурный код.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабаш, Н. А. Телевидение и театр. Игры постмодернизма / Н. А. Барабаш. – Москва: Ленанд, 2021. – 182 с.
2. Брехт, Б. Теория эпического театра / Б. Брехт. – Москва: Академический проект; Гаудеамус, 2019. – 560 с.
3. Гайда, И. В. Театр китайского народа / И. В. Гайда. – Москва: Знание, 1959. – 32 с.
4. Жидков, В. С. О специфике искусства XXI века / В. С. Жидков // Культура и искусство. – Москва: Издательство Нота Бене. – 2012. – № 3(9). – С. 22–37.
5. Хоружий, С. С. О ценности личного общения в мире гуманитарной коммуникации / С. С. Хоружий // Культура и искусство. Москва: Издательство Нота Бене. – 2012. № 3(9). – С. 46–49.
6. Шубина, И. Б. Драматургия и режиссура зрелищных форм. Соучастие в зрелище, или игра в миф / И. Б. Шубина. Санкт-Петербург: Лань: Планета музыки, 2020. – 288 с.
7. Birringer, J. Theatre, theory, postmodernism / J. Birringer. Bloomington: Indiana University Press, 1991. – 235 p.
8. Dort, V. La représentation émancipée / V. Dort. Paris: Actes sud, 1988. – 192 p.
9. 第六届中国原创话剧邀请展开幕 [Церемония открытия 6 фестиваля Китайской драмы] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chinawriter.com.cn>. – Дата доступа: 02.06.2021.
10. 田沁鑫委员：如何才能让“主旋律”文艺更年轻化当代化受大众欢迎 = Тянь Циньсинь. Как можно сделать “главные темы” литературы и искусства более современными, молодыми, чтобы привлечь аудиторию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 搜狐: [http:// www.sohu.com](http://www.sohu.com). – Дата доступа: 02.05.2021.
11. 突破与回归：红色题材戏剧的当代表达_文化_中国西藏网 = Прорыв и возвращение: Современное выражение драмы на коммунистическую тему [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://damaiquan.com>. Дата доступа: 02.07.2021.

СОДЕРЖАНИЕ

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

<i>Астремцкий В. С.</i> Новаторские приёмы, сформировавшие эстетику модернизма в китайской «литературе шрамов» и «литературе реформ»	5
<i>Бережа Е. В.</i> Значения и способы функционирования модальной частицы 啊(a) в современном китайском языке.....	14
<i>Воропаев Н. Н.</i> Когда же у нас появятся китайские «Катюша» и «Подмосковные вечера»?.....	20
<i>Емельченкова Е. Н.</i> Сложные предложения в китайском языке: проблемы выделения и классификации	28
<i>Карасёва К. В.</i> К вопросу об эффективности метода рекурсивной реконструкции при анализе внутренней формы китайских логограмм	32
<i>Кириухина Л. В.</i> О сущности единиц лингвистического описания словарей служебных слов традиционного китайского языкознания.....	37
<i>Крицук-Тарасов Н. И.</i> Виртуальная цепь древнекитайского языка	43
<i>Курдюмов В. А.</i> Особенности фразовых частиц в языке Гоюй и уточнения к общей концепции фразовых частиц	49
<i>Михалькова Н. В.</i> Семантические связи иероглифических номинаций китайского письма	56
<i>Москалёва А. Ю.</i> Ограничения комбинаторики постоянных ёгенов в роли актуализатора инкорпоративного комплекса.....	65
<i>Стабурова Е. Ю.</i> Вопросы философского перевода китайских классических буддийских текстов.....	69
<i>Сулима Е. С.</i> «Книга песен» («Шицзин») сквозь призму «Бесед и суждений» («Лунъюй»)	72
<i>Терехова Н. В.</i> Анализ функциональных характеристик ключевых знаков древнекитайского словаря «Шо вэнь цзе цзы» в интерпретации А.Ф. Кондрашевского	80
<i>Фань Чжун.</i> Эквивалентность перевода китайской электроэнергетической терминологии на русский язык	90
<i>Филимонова М. С.</i> Рекурсивный анализ китайских фоноидеограмм.....	95

КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Аксёничкова-Бирюкова А. А.</i> Специфика использования феномена дяньгу в поэзии Ли Цинчжао	103
<i>Белая И. В.</i> Религии, гендер и дао: традиции Сунь Бу-эр в современном даосизме.....	108
<i>Гутько О. Л.</i> Проксемика в традиционной культуре Китая	118
<i>Исаченкова М. А.</i> Трансформация древнекитайского ритуала вызывания души... ..	123
<i>Ишутина Ю. А.</i> Социокультурные практики в современном Китае	131
<i>Казакова И. В.</i> Галерея позитивных образов в китайской культуре.....	137
<i>Коваль В. И.</i> Магические ритуалы с использованием пепла в китайской и восточнославянской традиционных культурах	141
<i>Лобанова А. Я.</i> Традиционные китайские подушки как культурный артефакт	148
<i>Лю Чэньюй.</i> Жанрово-стилевое своеобразие фортепианной транскрипции Китая во второй половине XX века	157

<i>Полосмак А. О.</i> Труба в музыкальной культуре Беларуси и Китая: компаративный аспект	165
<i>Фэн Синьи.</i> Музыка в традиционном театре кукол Китая: историография вопроса	174
<i>Ху Юнькунь.</i> Оратория в хоровом исполнительском искусстве Китая	182
<i>Чжан Цзин.</i> Семантика и символика изобразительных мотивов в фарфоре сусанцай ("чёрное семейство")	191
<i>Шимелевич А. Г.</i> Трансформация сюжета китайской живописи гуваньту / 古玩圖 («изображение древностей») под влиянием натюрмортов западного типа	196
<i>Шунейко Е. Ф.</i> Из опыта возобновления выставок современных мастеров китайской традиционной живописи в Беларуси в конце 2022 г. – начале 2023 г. ...	201

КИТАЙ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

<i>Жэнь Сюэ.</i> Инициатива «Пояса и пути» и понятие «жэнь» в конфуцианстве	209
<i>Заклязьминская Е. О.</i> Рецессия в экономике Китая: причины и последствия для мировой экономики	211
<i>Кремнёв Е. В.</i> Социальное управление инновациями при подготовке предпри- нимателей в китайских вузах: теоретико-методологическая основа	220
<i>Криштанович Л. Е.</i> Китайский мир	223
<i>Мамахатов Т. М.</i> Проблемы интеграции стран Центральной Азии в проект «Один пояс – один путь»	232
<i>Мокрецкий А. Ч.</i> Безопасность+развитие: о двух глобальных инициативах Си Цзиньпина	236
<i>Новиков Л. И.</i> Развитие идеи рационального управления обществом в Древнем Китае	240
<i>Олейник С. Е.</i> Китайский язык в высшей школе Республики Беларусь: углубленное высшее образование	248
<i>Свилас С. Ф.</i> Эволюция белорусско-китайских отношений в 1992–2022 гг.	252
<i>Сун Синь.</i> Экономическое развитие регионов Китая	260
<i>Федорова Т. В.</i> Военно-стратегическое партнерство КНР в XXI веке	264
<i>Хань Ваньчэнь.</i> О развитии научных исследований инициативы «Один пояс – один путь» в Китае (2013–2022 гг.)	272
<i>Шевцов Ю. В.</i> Новые тенденции геополитики Китая. ШОС	275
<i>Ши Цинъюань.</i> Медийное обеспечение партнерских отношений Республики Беларусь и Китайской Народной Республики в рамках проекта «Один пояс – один путь»	279
<i>Шулунова Е. К.</i> Театр и юбилей коммунистической партии Китая	283

На о б л о ж к е :
пагода в комплексе Тяньнин
города Чанчжоу провинции Цзянсу КНР

Научное издание

ПУТИ ПОДНЕБЕСНОЙ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК X

Часть 1

В авторской редакции

Компьютерная вёрстка *П. В. Гибкий, А. Н. Гордей, Е. А. Запеко*

Обложка *П. В. Гибкий, А. Н. Гордей*

Ответственный за выпуск *А. Н. Гордей*

Подписано в печать 03.10.2024. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография, цифровая печать.

Усл. печ. л. 16,98. Уч.-изд. л. 23,95.

Тираж 80 экз. Заказ 35.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования
«Минский государственный лингвистический университет».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337.

ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

ISBN 978-985-28-0266-6

9 789852 801126